Сергѣй Шараповъ. Три сборника 1900 года.

Мирныя рѣчи

СОДЕРЖАНІЕ. Отъ автора.—„Мирныя рѣчи" (20 главъ).—По канцеляріямъ и департаментамъ.—Недоимки и промышленность. — Что сулитъ намъ сіонистское движеніе?—Вооруженный народъ. — Послѣдствія денежнаго кризиса. — Американизмъ. — О русско-германскомъ договорѣ.—Колонизаторъ или колонія.

По русски

СОДЕРЖАНІЕ. Отъ автора.—Москва прежняя и современная.—Богачи и жертвователи.—Вл. Соловьевъ объ антихристѣ.—Газета и книга.—Какъ оберечь литературу отъ грязи?—Разговоръ о войнѣ.—Фабрика романовъ и самоубійство г. Гейнце.—Еврейскій вопросъ и три его рѣшенія.—„Образованіе и просвѣщеніе".—Китай, Европа и Россія.—Финалъ Мамонтовской Панамы.

Старое и новое

СОДЕРЖАНІЕ. Друзьямъ и читателямъ.—† Памяти Вл. Соловьева.—Борьба кабака съ приходомъ.—Сербія и Обреновичи (I—II).—Что означаетъ повышеніе таможенныхъ пошлинъ? — О Китаѣ, Европѣ и прочемъ (I—IV).—Монополія и трезвость (I—II. Съ діаграммой).—Тюремная реформа.—Скорая помощь.—Обѣленный Мамонтовъ.—Коммерческое шпіонство.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.

Цѣна 1 рубль.

МОСКВА.
Типо-литографія А. В. Васильева и К°, Петровка, домъ Обидиной.
1901.

Предисловіе ко 2-му изданію.

Успѣхъ, выпавшій на долю этимъ тремъ сборникамъ, которые я теперь издаю одной книгой, превзошелъ всѣ мои ожиданія. Если даже принять во вниманіе, что изъ 6.000 напечатанныхъ экземпляровъ около 1.500, разосланныхъ безплатно прежнимъ подписчикамъ „Русскаго Труда", пропало безъ всякаго результата, то все-же 4.500 экземпляровъ разошлись въ теченіе 8 мѣсяцевъ. И это не модный романъ, не справочное изданіе и не книга бьющая на низменные инстинкты публики. Это сухія и серьезныя статьи писателя, стоящаго совсѣмъ особнякомъ въ литературѣ, никѣмъ не рекламируемаго, не имѣющаго никакой партіи, его превозносящей и о немъ кричащей.

Да, это большой и серьезный успѣхъ. И, несмотря на то, что въ сборникахъ бо́льшая часть статей была написана на злобу дня, т.-е. завѣдомо устарѣла, спросъ на нихъ продолжается и вотъ это *второе изданіе* оказывается необходимымъ.

Печатаю его безъ всякихъ перемѣнъ, или дополненій, что было-бы несправедливо по отношенію къ лицамъ, имѣющимъ первое изданіе.

Судя по ходу требованій, вѣроятно, вслѣдъ за „Мирными рѣчами" потребуется дѣлать *второе изданіе* и первымъ двумъ томамъ моихъ сочиненій. Три тетради „Дневника" почти разошлись, на „Сугробы" уже не могу удовлетворить требованій книжныхъ магазиновъ, „Оттепель" таетъ, какъ снѣгъ въ оттепель. Простите за плохой каламбуръ, читатель, и спасибо вамъ за вниманіе и... пониманіе.

Сергѣй Шараповъ.

Москва, мартъ 1901.

Мирныя рѣчи

ОТЪ АВТОРА.

Въ этой тетради собраны мои статьи, напечатанныя въ разныхъ изданіяхъ послѣ пріостановки «Русской Бесѣды», продолжать которую не сочли возможнымъ Е. А. Евдокимовъ и В. А. Тернавцевъ. Оставшись безъ постояннаго, хотя-бы и не своего органа, я долженъ былъ искать литературнаго прибѣжища въ чужихъ изданіяхъ, и прежде всего въ «Недѣлѣ», издатель коей В. П. Гайдебуровъ, пригласивъ меня къ сотрудничеству, открылъ для меня особый отдѣлъ «Мирныя рѣчи» за моимъ старымъ, еще по аксаковской «Руси», псевдонимомъ *Земледѣлецъ*. Затѣмъ въ январѣ 1900 г. мною была помѣщена статья «Вооруженный народъ» въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» и въ февралѣ «Американизмъ» въ «Новомъ Времени». Наконецъ, съ марта этого года, я принялъ предложеніе писать въ «Русскомъ Словѣ», гдѣ мною помѣщено нѣсколько передовыхъ статей и начатъ рядъ писемъ подъ общимъ заглавіемъ «Дневникъ земледѣльца».

Да, пришлось послѣ сотрудничества у Аксакова и самостоятельнаго редакторства попасть въ сотрудники и въ «малую» прессу. Положимъ, «Русское Слово» въ рукахъ И. Д. Сытина и Е. Н. Киселева изданіе достаточно *чистое*, положимъ, работать въ немъ можно, и даже съ пользою, ибо аудиторія большая и свѣжая, но все-же нынѣшняя моя роль не очень-то мнѣ по душѣ. Здѣшнюю мою работу я не могу и сравнивать съ работой въ «Русскомъ Трудѣ».

Если я, однако, за эту работу взялся, не смущаясь нѣкоторыми частностями и неудобствами, то мною руководили слѣдующія соображенія: этой маленькой публикѣ, этому безхитростному читателю тоже вѣдь надо послужить. Не объ однихъ-же Ѳалалеяхъ ему читать! Вѣдь и въ этой средѣ существуетъ чистосердечное и сильное стремленіе къ свѣту, къ знанію. Покойный Н. П. Гиляровъ-Платоновъ, философъ и огромный ученый, не погнушался-же девятнадцать лѣтъ издавать свои «Современныя Извѣстія», имѣвшія почти тотъ-же кругъ читателей, что и «Русское Слово». И кто знаетъ, что дали русской культурѣ эти девятнадцать лѣтъ?

Все дѣло въ томъ, какъ писатель относится къ своему призванію: стремится-ли онъ «забавлять» и «поднимать розничную продажу», или хочетъ просвѣщать, облагораживать, поднимать сознаніе хотя-бы и маленькихъ людей.

Наконецъ, наша печать для меня въ большинствѣ нынѣшнихъ органовъ закрыта. Здѣсь я не гожусь принципіально, какъ «квасной патріотъ», «сѣятель

мракобѣсія и человѣконенавистничества» (это говорятъ преимущественно либеральные Евреи, заполонившіе русскую печать), тамъ я чуть не нигилистъ и во всякомъ случаѣ писатель опасный (это говорятъ консерваторы), въ третьемъ изданіи я по идеямъ бы и подходилъ, да не гожусь по своей прямотѣ и независимости. Ну, какъ будутъ меня печатать напримѣръ въ... въ... ну все равно гдѣ, если данное изданіе и знаетъ, что оно говоритъ неправду, — да обязано такъ говорить? Туда я и самъ не пойду.

«Русское Слово» по крайней мѣрѣ газета независимая. Большой политики оно не ведетъ, но говорить въ немъ можно, соблюдая извѣстную умѣренность. Что-же дѣлать? Будемъ соблюдать умѣренность...

Мои земледѣльческія письма и другія статьи, я надѣюсь выпустить во второмъ, слѣдующемъ за этимъ изданіи, которое и сохранитъ ихъ заглавіе; здѣсь-же я помѣщаю изъ «Русскаго Слова» четыре моихъ передовыхъ статьи.

Кромѣ того, мною включены сюда-же двѣ невошедшихъ въ «Недѣлю» главы «Мирныхъ рѣчей» и статья «По канцеляріямъ и департаментамъ», по поводу которой спѣшу исправить ошибку, сдѣланную въ текстѣ: тамъ подъ заглавіемъ сказано, что статья—*неизданная*. Позднѣе она была напечатана въ «Русскомъ Словѣ».

Смыслъ изданія этого сборника вотъ какой: за мое самостоятельное газетное издательство у меня собрался достаточно многочисленный контингентъ *моихъ* читателей, многіе изъ которыхъ спрашивали меня, гдѣ я буду работать, чтобы подписаться на тотъ органъ. Еслибы я могъ найти журналъ или газету во всемъ, по своему міровоззрѣнію, со мной согласные (и безъ Ѳалалеевъ!), я-бы такъ и сдѣлалъ. Но, къ сожалѣнію, работать приходится въ разныхъ изданіяхъ, а кое-что и вовсе не удается помѣстить. Поэтому форма сборника, я полагаю, наилучшая. За годъ такихъ моихъ работъ можетъ набраться выпуска на три, на четыре узаконеннаго безцензурнаго формата. Здѣсь мой постоянный читатель найдетъ все мною написанное и притомъ возстановленное въ первоначальномъ видѣ безъ пропусковъ и смягченій...

Слѣдующая тетрадь такого-же размѣра, какъ и настоящая, выйдетъ черезъ мѣсяцъ или два. Про дальнѣйшія ничего сказать не могу. Тамъ будетъ видно.

Цѣня установившееся между нами духовное общеніе, я разсылаю настоящее изданіе всѣмъ безъ исключенія моимъ старымъ читателямъ и прошу тѣхъ изъ нихъ, кто пожелаетъ получить слѣдующія двѣ тетради, выслать по моему новому адресу деньги за всѣ три, *всего одинъ рубль* съ пересылкою. Кто живетъ далеко отъ почтоваго учрежденія, можетъ выписать *наложеннымъ платежемъ*, или выслать на рубль почтовыхъ марокъ, лучше *двухкопеечныхъ*, которыя и пойдутъ на разсылку.

Хочется думать, что срокъ моей литературной опалы не будетъ продолжителенъ и мнѣ удастся или вновь основать собственное изданіе, или сойтись *вполнѣ* съ изданіемъ чужимъ, гдѣ я буду чувствовать себя *дома*. Тогда наша духовная связь возстановится, и сборники, подобные настоящему, нужны не будутъ. А пока успѣхъ вотъ этихъ «Мирныхъ рѣчей» опредѣлитъ для меня истинный кругъ *моихъ* читателей, т.-е. людей интересующихся *моими* работами и раздѣляющихъ *мои* вѣрованія.

Москва, апрѣль 1900 г.

Мирныя рѣчи

(*Письма въ «Недѣлю»*).

I.

Маленькое вступленіе.—1900-й годъ, какъ первый годъ новаго вѣка.—Нѣмцы торопятся вступить въ XX вѣкъ.—Молотъ и наковальня.—Германія и Англія.

Чего со мной давно не бывало: написалъ и разорвалъ нѣсколько листковъ Словно новичокъ литераторъ, смущался дебютомъ въ чужомъ изданіи, передъ чужой аудиторіей. Надѣюсь, что мнѣ это смущеніе въ вину не поставится. Я все-таки писатель старыхъ временъ и традицій. Нынѣшнимъ это чувство совсѣмъ незнакомо. Многіе изъ нихъ способны на форумъ совсѣмъ голые выйти...

Мнѣ хотѣлось сдѣлать надлежащее вступленіе, дать приличное объясненіе моему появленію на этихъ заслуженныхъ, почтенныхъ подмосткахъ. Каюсь, не выходитъ этого вступленія. Я хотѣлъ набросать картину крушенія корабля, налетѣвшаго на скалы. Спускаютъ лодки, вяжутъ плотъ. Лодки кувыркаются, плотъ разваливается. Но вотъ подходитъ благодѣтельный пароходъ, бросаетъ канатъ. Публика пересаживается. Послѣднимъ, какъ и полагается, покидаетъ остатки разбитаго судна капитанъ...

Но все это реторика, отъ которой я давно отсталъ. Позвольте поэтому безъ всякаго предисловія, въ двухъ словахъ: «Русскій Трудъ» закрытъ, замѣнившую его «Русскую Бесѣду»—увы!—повести не удалось, а поэтому, пользуясь любезнымъ приглашеніемъ «Недѣли», я раскланиваюсь съ господиномъ издателемъ «Бесѣды», Евдокимовымъ, жму руку господину редактору Тернавцеву, устанавливаю мою скромную каѳедру у васъ и приглашаю моихъ читателей сюда. Буду вести тотъ самый мой любимый отдѣлъ, бесѣду «По душѣ», которую завелъ у себя, съ тою лишь разницею, что это будетъ не борьба, а своего рода «свидѣтельскія показанія». Я усталъ, я больше не могу. Океанъ столовой ложкой не вычерпаешь... Поэтому и заглавіе позвольте дать иное. Пусть это будутъ вполнѣ «Мирныя рѣчи».

* * *

Столѣтіе кончается, или только 99-й годъ? Вопросъ ничего существеннаго въ себѣ не заключаетъ, но у него есть психологическое значеніе. Такъ всѣмъ хочется увидать поскорѣе двадцатый вѣкъ, такъ надоѣлъ девятнадцатый, что даже готовы, вопреки элементарной ариѳметикѣ, принять нулевой годъ за первый и съ него начинать столѣтіе. У насъ, Россіянъ, это желаніе, эта тоска были бы понятны. Слишкомъ уже душно и тяжело намъ было въ послѣднія десятилѣтія XIX вѣка. Но вонъ и Нѣмцы торопятся! У нихъ недавно оффиціально рейхстагомъ было провозглашено, что двадцатый вѣкъ начинается 1-го января 1900 года, и въ этотъ день его германское величество не преминулъ сказать одну изъ своихъ «прочувствованныхъ» рѣчей. Девятьсотъ *первый* годъ окажется для двадцатаго вѣка въ Германіи *вторымъ*. Логика и счетъ здѣсь хромаютъ, но за то, можетъ-быть, скорѣе обнаружится, чѣмъ судьба повелѣла быть въ будущемъ вѣкѣ Нѣмцамъ: молотомъ или наковальней?

Въ девятнадцатомъ столѣтіи они побывали и тѣмъ, и другимъ. Сначала изображали изъ себя наковальню, которую Наполеонъ расколотилъ на мелкіе куски вмѣстѣ со всѣмъ, что на нее попадало: даже самая національность нѣмецкая подвергалась большой опасности, еслибы, напримѣръ, на другой сторонѣ стояло сплоченное организованное Славянство. Но этого не случилось, Славянство опоздало, и вотъ Нѣмцы изъ плохой наковальни обратились сами въ очень сильный молотъ. Какіе удары можетъ наносить этотъ молотъ, Бисмаркъ показалъ въ 1871 году надъ Франціей. Съ тѣхъ поръ молотъ все наваривался, калился и перекаливался, а кругомъ все слабѣло и разлагалось. Почти сошла съ міровой арены Франція, запутавшаяся въ долгой и отвратительной политической оргіи и совершенно растерявшая свою національную и государственную силу. Обнаружилось постыдное безсиліе Англіи, безсиліе и въ смыслѣ внѣшней организаціи, и въ смыслѣ болѣе глубокомъ, въ смыслѣ идейномъ и христіанскомъ. Очень плохая военная сила, неспособная выдержать мало-мальски серьезную борьбу, и очень плохо направленная нравственная сила, совершенно искривленное національное самосознаніе, отождествляющее интересы всей совокупности англо-саксонской расы съ интересами разныхъ акціонерныхъ компаній и ростовщиковъ-мѣнялъ, хотя-бы и всемірныхъ. И вотъ, Англія встрѣчаетъ новый вѣкъ въ глухомъ и мрачномъ отчаяніи, дрожащая за судьбу величайшей въ мірѣ имперіи, которая можетъ развалиться, какъ подгнившій домъ, и потерять свою главную связь—единство британскаго племени, уже и безъ того нарушенное сто лѣтъ назадъ отпаденіемъ Сѣверной Америки.

Если оставить въ сторонѣ рядъ маленькихъ государствъ, стоящихъ какъ-бы въ сторонѣ отъ игры великихъ міровыхъ силъ и относительно благоденствующихъ, какъ Швеція съ Норвегіей, Голландія, Данія, Бельгія, или страдающихъ и вѣчно волнующихся, какъ Италія, Испанія, Греція, то около Германіи, и какъ противовѣсъ ей, остается одна только великая міровая группа—Славян-

ство. Съ нимъ собственно ведется Нѣмцами упорная ежедневная борьба, все разрастающаяся и обостряющаяся. Со Славянствомъ Германіи придется считаться очень серьезно въ наступающемъ XX вѣкѣ, и эти счеты будутъ, безъ сомнѣнія, центромъ всего историческаго движенія будущаго. Есть и еще міровая сила, которая рано или поздно, чего добраго, тоже станетъ Нѣмцамъ поперекъ дороги,—это Соединенные Штаты Сѣверной Америки, но это еще далеко впереди. Братъ Іонаѳанъ въ сущности еще недостаточно привелъ къ порядку и единству свое собственное полушаріе, гдѣ онъ коренной и законный хозяинъ. И если онъ, увлекшись лаврами побѣдъ, перенесъ свои претензіи въ наше полушаріе, то и это въ сущности только недоразумѣніе, за которое Американцы и наказаны, ущемивъ свои пальцы на Филиппинахъ. Вѣрнѣе, именно эта филиппинская завоевательная исторія и показываетъ весьма наглядно, что Старому Свѣту у себя на своемъ полушаріи пока опасаться Новаго нѣтъ основаній. Нечего еще тутъ дѣлать ловкимъ и достаточно жаднымъ Янки. Здѣсь еще долго будетъ арена для борьбы другихъ племенъ и другихъ аппетитовъ, между которыми первое мѣсто принадлежитъ все болѣе и болѣе растущему аппетиту нѣмецкому.

Какъ выпутается Англія изъ своего нынѣшняго печальнаго положенія, Богъ знаетъ, но ея слабость въ борьбѣ съ выросшимъ конкурентомъ—Германіей, бросается въ глаза. Еще задолго до исторіи съ Бурами, которая собственно только вскрыла и ясно обнаружила эту слабость, Германія уже выяснила себѣ, что въ экономической и даже финансовой борьбѣ съ Англіей Нѣмцамъ вполнѣ обезпечена побѣда. Какъ ни хороша англійская техника и промышленная организація, но рядомъ съ германской она оказалась во всѣхъ отношеніяхъ менѣе совершенной, неподвижной, устарѣлой. Новенькая Германская имперія сложилась въ такой удивительный и стройный государственно-экономическій механизмъ, что молодая сравнительно германская промышленность изъ мѣстной обратилась сразу въ міровую и стала одерживать надъ Англіей побѣду за побѣдой. Помните книгу «Made in Germany»? Помните, какъ перепугалась Англія?

А вѣдь теперь міромъ движетъ, къ сожалѣнію, главнымъ образомъ борьба экономическая. Великія идеи, святые идеалы, поднимавшіе когда-то человѣчество и сообщавшіе несокрушимую силу своимъ носителямъ, смѣнились траттою, биржевымъ бюллетенемъ, котировкою той или иной бумаги. На крестовый походъ никого не соберешь, теперь будутъ драться изъ-за золота, угля, хлопка, торговаго договора, того или инаго тарифа. Здѣсь силенъ только тотъ, кто дешево производитъ для міроваго рынка и умѣетъ, если нужно, пушками и штыками поддержать свою торговлю, заставить у себя покупать, заставить заключить съ тобою торговый договоръ.

И вотъ тутъ-то новая Германія выступила во всемъ своемъ блескѣ. Прекрасно организованная и идеально вооруженная военная сила, превосходно оборудованная промышленность, великолѣпно *защищенное* сельское хозяйство, государственный аппаратъ съ прекрасно пригнанными частями и поразительно

легкій на ходу, сѣть собственныхъ колоній на всѣхъ океанахъ, Лернеръ на Медвѣжьемъ островѣ, множество Лернеровъ и Вернеровъ—на Самоа, въ Африкѣ,—только флота серьезнаго нѣтъ. Нѣмецкіе аграріи жмутся и не даютъ Вильгельму II размахнуться, какъ онъ хочетъ, и сдѣлать на океанахъ то, что сдѣлано на сушѣ.

Но германскій монархъ хоть и горячъ, но умѣетъ быть и настойчивымъ, и терпѣливымъ. Онъ свое возьметъ. Онъ и флотъ построитъ, и каналы нужные пророетъ, и колоніи захватитъ, когда придетъ время.

И въ финансовомъ отношеніи Германія видимо перещеголяла Англію. Прочтите обзоры денежнаго движенія послѣднихъ мѣсяцевъ. Англія въ критическомъ положеніи. Франція, богатѣйшая страна Европы, трепещетъ передъ разразившимся кризисомъ и жмется, стягивая средства и борясь за золото. Одна Германія ничего не боится и смѣло смотритъ въ глаза всякимъ кризисамъ. Тамъ какъ-то все вѣрнѣе разсчитано и умнѣе налажено, чѣмъ гдѣ-бы то ни было. Деньги дороги и у нея, и въ Берлинѣ поднятъ очень высоко учетный процентъ, но германская промышленность почему-то менѣе страдаетъ, чѣмъ всякая другая, кредитъ почти не стѣсненъ. А главное—повсюду желѣзная національная дисциплина, не видно противорѣчій между хозяйствомъ и стремленіями государственными и народными—и въ этомъ сейчасъ величайшая сила Германіи. Вся она въ полномъ составѣ идетъ къ одной цѣли и въ одномъ направленіи, и ни одна часть не парализуетъ другую.

Положимъ, что рядомъ съ этимъ, ея идейное убожество—поразительное и почти полное отсутствіе всякаго творчества въ области духа. Вся сила германскаго генія словно ушла въ стремленія къ міровому экономическому, а съ нимъ неразлучно и политическому господству. Значеніе Германіи въ общей духовной экономіи человѣчества понизилось страшно и именно съ момента осуществленія германскаго единства. Ничего великаго, свѣтлаго, безкорыстнаго не вышло изъ Германіи со временъ великаго удачника Бисмарка, который своею фигурою и идеями заслонилъ и науку, и философію, и поэзію прежнихъ дней. Надъ старымъ германскимъ идеализмомъ словно завѣса опустилась, словно упразднился онъ «за ненадобностью». Да оно и дѣйствительно такъ. Либо желѣзное свое міродержавство устраивать, расчищать Нѣмцамъ пути по всему Старому Свѣту и вести безпощадную борьбу за существованіе, либо философствовать и дарить міръ великими подвигами духа. Совмѣстить это, очевидно, невозможно.

II.

Германія и Славянство въ XX вѣкѣ.—Парламентская борьба въ Австріи и культурное завоеваніе Россіи.—Успѣхи у насъ Германіи.—Можно-ли ожидать, чтобы Германію взорвалъ соціализмъ?

Единой въ Старомъ Свѣтѣ силой, которая стоитъ поперекъ дороги Нѣмцамъ и хотя отчасти не слагаетъ передъ ними оружія,—является Славянство въ его различныхъ племенахъ. Сейчасъ между Тевтонствомъ и Славянствомъ идетъ борьба чисто мѣстная, до міровыхъ размѣровъ не доходящая, но можно

думать, что въ XX вѣкѣ эта борьба развернется и займетъ множество самыхъ яркихъ историческихъ страницъ. Да не захватитъ-ли собою и всей исторіи вѣка? По крайней мѣрѣ, въ наслѣдіе ему остается выясненная фатальная необходимость борьбы и чуть не полная безнадежность относительно какого-бы то ни было возможнаго modus vivendi.

Въ самомъ дѣлѣ: Славяне, помимо своей воли, запираютъ побѣдоноснымъ Нѣмцамъ единственную возможную дорогу, ту дорогу, которую они съ такими усиліями и мудростію исторически себѣ прокладывали. На югъ, въ Малую Азію, Персію и Индію, куда Нѣмцамъ такъ естественно стремиться и для рынковъ и колонизаціи, приходится идти черезъ славянско-венгерскую Австрію и чисто-славянскій Балканскій полуостровъ. Востокъ занятъ Поляками и Русскими. Про западъ я и не говорю. Во Франціи Нѣмецъ будетъ всегда пришелецъ и чужой. Да тамъ некуда и податься. Тамъ черезъ 400 верстъ океанъ.

Между тѣмъ потребность расширенія, и именно территоріальнаго, становится все болѣе и болѣе настоятельной. Германія задыхается въ тѣснотѣ. Нѣмцы должны выдѣлять эмиграцію за море или въ чужія отдаленныя страны, и эти выходцы, теряя свою національность, только усиливаютъ собою чужія племена. Если такъ будетъ продолжаться, Славянство, размножающееся съ большой быстротой и владѣющее запасными свободными территоріями, въ самое короткое время можетъ совершенно перерости Нѣмцевъ и оставить ихъ маленькимъ сравнительно народомъ въ сосѣдствѣ своего многомилліоннаго океана. Отсюда упорное проложеніе сплошной линіи нѣмецкихъ поселеній на югъ, отсюда всякія ухищренія, лишь-бы Нѣмцы внѣ Германіи оставались вѣрными дѣтьми своей родины, на чемъ опирается, напримѣръ, вся новѣйшая нѣмецкая колонизація Россіи.

То, что дѣлается въ Австріи, лишь маленькая прелюдія къ тому, что будетъ у насъ, когда нѣмецкій элементъ заберетъ достаточно силы: не будемъ забывать, что повсюду въ славянскихъ земляхъ Нѣмцы только пришельцы и были таковыми до тѣхъ поръ, пока не укрѣпились на насиженныхъ мѣстахъ и не заявили ясной претензіи на господство. Какъ ни категорично государственное право Чехіи, какъ ни безспоренъ національный характеръ Познани и племенныя права ея жителей *), это не останавливаетъ стремленій Нѣмцевъ къ господству путемъ онѣмеченія жителей и отнятія земель, разъ таковое фактически возможно. И за это господство, когда нужно, вся Германія встанетъ, какъ одинъ человѣкъ.

Вопросъ о борьбѣ Славянства и Германства стоитъ въ Австріи совершенно иначе, чѣмъ въ остальномъ мірѣ. Тамъ ведется борьба не только культурная, но и парламентская. Австріи, по составу ея населенія, уже давно слѣдовало-бы обратиться въ настоящую славянскую державу. Теперь и династія Габсбурговъ, прежде сама главный двигатель окатоличенія и онѣмеченія, не станетъ и не можетъ этому оказывать сопротивленія. И, однако, ничтожная горсть Нѣмцевъ, сильная только стоящею за ея спиною Германіею, рѣшительно парализуетъ

---

*) Подтвержденныя Вѣнскимъ конгрессомъ.

славянское большинство, кричитъ совсѣмъ недвусмысленно о «Germania irredenta» и поетъ нѣмецкіе гимны, враждебные и династіи, и «австрійскому отечеству». Борьба до такой степени обостряется, сила нѣмецкаго вліянія такъ велика, что еще большой вопросъ, какъ удастся Славянству направить эту борьбу въ XX вѣкѣ.

Совсѣмъ другое въ Россіи. Здѣсь идетъ борьба чисто культурная. Съ одной стороны государство, хоть и очень слабо, стремится задержать безпрерывно льющійся нѣмецкій потокъ въ лицѣ всякаго рода выходцевъ, безъ всякой церемоніи занимающихъ и земли, и служебныя мѣста, и промышленныя дѣла, задержать путемъ обязательной русской школы, запрета покупать земли и вообще недвижимости въ извѣстныхъ районахъ; съ другой стороны экономическая политика Россіи сама широчайшимъ образомъ открываетъ страну для нѣмецкой эксплуатаціи. Торговый договоръ 1894 года, постоянное привлеченіе иностранныхъ капиталовъ обусловливаютъ значительное преобладаніе прежде всего нѣмецкихъ дѣлъ и людей надъ русскими. При равныхъ прочихъ условіяхъ, Нѣмецъ повсюду выталкиваетъ и высаживаетъ Россіянъ въ силу не только своей большей подготовленности и выдержки, но и въ силу тѣхъ точекъ опоры, которыя онъ всегда и неизмѣнно имѣетъ въ своемъ правительствѣ и его экономической политикѣ. Нѣмцу не страшны русскіе стѣснительные законы, ибо за его спиной стоитъ нѣмецкій консулъ, съ которымъ ни одно мѣстное русское начальство «не захочетъ связываться». У Нѣмца прекрасно организованный кредитъ, которымъ его снабжаетъ Германія, вокругъ него его тѣсно сплоченные и необыкновенно дружно держащіеся соотечественники. Нѣмецкія колоніи имѣются повсюду въ нашихъ крупныхъ городахъ, особенно на Югѣ. Онѣ не шумятъ, не демонстрируютъ и держатъ себя необыкновенно лойяльно и смирно. Но уже это страшная сила, дѣлающая, напримѣръ, совершенно невозможнымъ обрусѣніе, т.-е. національную потерю своихъ молодыхъ поколѣній. Возьмите Москву, Варшаву, Кіевъ, Одессу, Харьковъ. Знаете сколько подписчиковъ у «Moskauer» и «Odessaer Deutsche Zeitung»? Прислушайтесь, на какомъ языкѣ говорятъ въ вагонахъ I и II класса Брестской и Сибирской дорогъ...

Двадцатому вѣку непремѣнно будетъ суждено увидать столкновеніе русскаго и нѣмецкаго элемента въ Россіи, ибо слишкомъ уже рѣшителенъ и побѣдоносенъ ходъ послѣдняго. Слишкомъ торопится Германія. Слишкомъ культурно-слабо обороняется Россія. Собственно народнаго или общественнаго сопротивленія Нѣмцу почти вовсе нѣтъ. Иниціатива въ этой борьбѣ предоставлена сполна начальству; мы только свидѣтели, какъ въ каждую русскую фабрику садятся директора отъ Кнопа и Вогау, какъ растутъ въ городахъ цѣлые нѣмецкіе кварталы, устраиваются Sang и Turn-ферейны, благоустрояются нѣмецкіе помѣщики, какъ въ такихъ коренныхъ русскихъ городахъ, какъ Москва, Кіевъ, Харьковъ, усиливается нѣмецкая рѣчь. Культурная борьба сейчасъ, пожалуй, для насъ даже и немыслима, ибо въ этой борьбѣ первое условіе *союзность*, а этого основного элемента никто такъ основательно не лишенъ, какъ мы, которые союзно можемъ только водку пить или ѣсть пироги на именинахъ. Но когда эта союзность объявится, борьба не можетъ не начаться, и борьба тѣмъ болѣе острая, что

Нѣмецъ, какъ согражданинъ, отличается вездѣ удивительной неуживчивостью. Онъ—избранная раса, окружающіе его — низшая раса. Это они всасываютъ съ молокомъ матери.

Вотъ, что мнѣ представляется на первомъ планѣ въ политической программѣ XX вѣка, поскольку человѣку вольно ее разгадывать. Предстоитъ упорная борьба между Славянствомъ и Германствомъ и, несмотря на всѣ мои лучшія чувства къ нашему славянскому дѣлу, я не рѣшусь предсказывать ея исхода въ нашу пользу, какіе союзы съ Франціей мы ни устраивай. Дѣло не въ одной военной силѣ. Германія очень остро оттачиваетъ свой мечъ, но она не извлечетъ его мало-мальски легкомысленно. Вонъ, смотрите, несмотря на рѣзкую оппозицію, выказанную ею на гаагской конференціи, несмотря на историческое заявленіе Вильгельма II, что лучшая гарантія мира это—gut gepanzerter Faust, однако нѣмецкій дипломатъ поѣхалъ и подписалъ всѣ постановленія конференціи. Въ критическую для Англіи минуту Германія не бросилась на нее, а пошла съ поклономъ, съ утѣшеніемъ и соболѣзнованіемъ, и добромъ, а не насиліемъ отхватила огромные куски. Одна багдадская концессія чего стоитъ! Позвольте, вѣдь это не только хорошо бронированный кулакъ, это рядомъ съ нимъ и хорошо функціонирующая голова. Сочетаніе очень непріятное для всѣхъ сосѣдей, какъ съ плохо забронированными кулаками, такъ и съ разсѣянными или слабыми головами.

А съ чѣмъ мы идемъ въ XX вѣкъ? Но объ этомъ вопросѣ позвольте поговорить когда-нибудь особо, а теперь хочется отвѣтить маленькой справкой на возраженіе, которое я предвижу и которое слышится всегда, когда рѣчь идетъ объ успѣхахъ и будущности Германіи. «Позвольте, говорятъ,—раньше, чѣмъ она чего-нибудь достигнетъ, ее взорветъ внутренній ея врагъ, коему имя соціализмъ».

Я знаю, что соціальное движеніе въ Германіи и сильно, и очень развито. Еще Викторъ Гюго пророчествовалъ: nous (Французы) sommes les flambeaux vous serez l'incendie», но пожара въ Германіи что-то не видать, даже и серьезные безпорядки случаются рѣдко, въ то время, какъ во Франціи, вотъ хотьбы сейчасъ, идутъ огромнѣйшія стачки. Недавно, проглядывая нѣмецкія изданія, я натолкнулся на табличку, которой мнѣ давно не хватало. Въ 51 выпускѣ «Deutsche Agrarzeitung» отъ 17 декабря 1899 года въ статьѣ о соціальномъ составѣ нѣмецкаго земледѣлія я нашелъ любопытныя цифры. По статистикѣ 1895 года оказывается:

	Необезпеченный классъ		Средне-состоятельный классъ.		Богатый классъ.	
	Лицъ.	Въ %	Лицъ.	Въ %	Лицъ.	Въ %
Въ земледѣліи	1.712.872	15,87	8.959.869	83,02	119.344	1,11
Въ промышленности	3.197.313	51,00	2.906.136	46,36	165.772	2,64
Въ торговлѣ и перевозочныхъ предпріятіяхъ	1.245.177	48,24	1.312.423	50,84	24.104	0,93
Всего	6.155.332	31,34	13.178.428	67,09	309.220	1,57

Здѣсь перечислены всѣ *работоспособные.* Ну такъ не угодно-ли сравнить общее количество членовъ средне-состоятельнаго, или достаточно обезпеченнаго класса съ контингентомъ необезпеченныхъ, откуда только и могутъ исходить соціальныя волненія. На одного бѣдняка въ общей сложности приходится два состоятельныхъ человѣка! И если на фабрикахъ число обезпеченныхъ почти равняется числу необезпеченныхъ, то въ земледѣліи цифры такія: 83 на 16.

Съ подобнымъ составомъ средняго класса, ни къ какимъ утопіямъ не склоннаго и всякихъ переворотовъ какъ огня боящагося, Германія можетъ быть долго спокойна за свой внутренній строй, лишь-бы ея правительство попрежнему покровительствовало земледѣлію высокими хлѣбными пошлинами, давало промышленности рынки, а нарождающимся лишнимъ ртамъ выходъ. Но въ недостаткѣ энергіи и пониманія своихъ задачъ Германію еще не упрекалъ никто...

III.

Крестьянинъ-иниціаторъ сельскаго коллективизма. — Приговоръ селенія Малыя Свѣтицы.—Земскій начальникъ и его veto.

Недавно мнѣ попалась перепечатка изъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» слѣдующей исторіи: крестьянинъ деревни Малыя Свѣтицы, Люботынской волости, Боровичскаго уѣзда, Новгородской губерніи, Я М. Михайловъ выступилъ въ роли своеобразнаго реформатора. Самъ домохозяинъ и молодой еще человѣкъ (ему было 23 года), онъ пытался наладить свое деревенское хозяйство, но безъ успѣха, и пришелъ, наконецъ, къ убѣжденію въ необходимости походить по Россіи и поискать надлежащихъ образцовъ.

Три года путешествовалъ онъ по лицу нашего обширнаго отечества и никакихъ достойныхъ подражанія образцовъ, понятно, не нашелъ, ибо наша деревня—и бѣдная и зажиточная—въ своемъ настоящемъ видѣ ничего достойнаго подражанія не представляетъ. А нашелъ онъ образцовую организацію труда и удивительные результаты борьбы съ природой на островѣ Валаамѣ, у монаховъ.

Такъ эти порядки понравились крестьянину Михайлову, что онъ провелъ въ обители цѣлыхъ три года и вернулся на родину съ совершенно законченною программою поднятія народнаго быта и труда,—съ такою программою, которая ни одной петербургской комиссіи навѣрно и во снѣ не приснится.

А такъ какъ программа эта была взята не изъ книжки и не изъ праздныхъ фантазій, а навѣяна трехлѣтнимъ пребываніемъ въ такомъ солидномъ съ народной точки зрѣнія, мѣстѣ, какъ Валаамъ, то немудрено, что она встрѣтила у односельцевъ всеобщее сочувствіе и довѣріе.

И вотъ въ результатѣ мірской приговоръ насчетъ «перемѣны жизни». Приговоръ этотъ настолько характеренъ, что его положенія стоитъ воспроизвести.

1. Перенести деревню на новое мѣсто для устройства поселка въ безопасномъ отъ пожаровъ видѣ.

2. Строить этотъ поселокъ сообща. Соединить всю рабочую силу 200 чел. и 70 лошадей въ артель и раздѣлить ее на 15 группъ, каждая изъ которыхъ можетъ быстро перевезти и поставить домъ. Такимъ порядкомъ перевезти весь поселокъ.

3. Общими-же силами разработать новыя поля. Эта работа, почти непосильная для отдѣльныхъ хозяевъ, можетъ быть сдѣлана подъ руководствомъ агронома отъ земства и безъ денежныхъ затратъ, при чемъ можно будетъ установить и травосѣяніе при многопольномъ сѣвооборотѣ.

4. Установить общую столовую. «Въ деревнѣ, говорится въ приговорѣ, находится людей обоего пола и разнаго возраста 308 человѣкъ. Они живутъ обособленнымъ хозяйствомъ, всѣ работаютъ и не могутъ столько наработать, чтобы довольно было хлѣба, оттого, что чѣмъ семейство меньше, тѣмъ содержаніе дороже. Когда-же будутъ соединены въ одну столовую 300 человѣкъ, то содержаніе будетъ обходиться не дороже 10 коп. въ день на человѣка, что составитъ 30 руб. въ день на всѣхъ. За эти 30 руб. будутъ работать свою деревенскую работу 200 человѣкъ и 70 лошадей».

Этотъ приговоръ былъ представленъ земскому начальнику, который, разумѣется, затруднился его утвердить. Господа Малосвѣтинцы изложили въ этомъ документѣ цѣлую своеобразную конституцію, и мѣстная власть нашла, что санкція этой конституціи выходитъ изъ предѣловъ компетенціи земскаго начальника. Инициаторамъ предложили написать «уставъ» новаго общества и передать его на утвержденіе обычнымъ порядкомъ. На этомъ пока и закончилось дѣло.

Меня не такъ интересуетъ дальнѣйшая судьба этого дѣла, какъ его идейная сторона. О практической сторонѣ можно только замѣтить, что лица, писавшія и подписывавшія приговоры, впали въ ошибку. Имъ вовсе не было нужно вносить въ дѣло такую торжественность, а просто сдѣлать приговоръ о перенесеніи деревни на новое мѣсто. Этотъ приговоръ земскому начальнику ничуть не показался-бы страннымъ, и не утверждать его не было-бы повода. Вторымъ приговоромъ можно-бы было раздѣлиться на артели и группы по перевозкѣ домовъ и по разработкѣ новыхъ земель подъ пашни, а что́ касается общей столовой, то здѣсь, очевидно, никакого приговора не нужно. Если есть общее согласіе обѣдать артельно и варить кушанье въ одной печи, то никакому земскому начальнику не придетъ въ голову этому мѣшать. Если-же, наоборотъ, общаго согласія нѣтъ, то совсѣмъ уже странно принуждать кого-бы то ни было, *хотя и мирскимъ приговоромъ, не* топить у себя печь и *не* готовить отдѣльно. Это уже что-то совсѣмъ не по-русски и не по-деревенски. Можно только удивляться, какъ подобный приговоръ могъ состояться. Очевидно, у Михайлова— огромное нравственное вліяніе. Очень ужъ, должно-быть, заманчиво изобразилъ онъ порядки монастырской трапезной, если деревенскія бабы, эгоистки, какихъ мало и готовыя животъ свой положить за осколокъ лучины или луковицу, согласились варить въ одномъ котлѣ.

Но это все между прочимъ. Важна идея, важенъ моментъ въ народномъ самосознаніи. Вотъ надъ чѣмъ надо остановиться.

Что это: плюсъ или минусъ? Прогрессъ или попятное движеніе? Виноватъ: попятнымъ движеніемъ этого никакъ назвать нельзя. Я хотѣлъ сказать: прогрессъ или *ошибка?* Разумѣется, кто можетъ возразить что-нибудь противъ принципа артельности, кооперацiи? Но на здоровой-ли почвѣ пытаются здѣсь примѣнить этотъ принципъ, есть-ли для него надлежащая основа?

Мнѣ слишкомъ много и долго пришлось быть въ очень тѣсномъ общеніи съ народомъ, чтобы этотъ вопросъ могъ мнѣ казаться празднымъ. Наоборотъ, вопросъ о лучшей организаціи крестьянскаго труда, о болѣе нормальныхъ условіяхъ быта—главный сельскій нашъ вопросъ. Очень ужь быстро идетъ разложеніе общины, очень падаетъ старый строй деревни. Что-нибудь другое начинать нужно, съ какой-нибудь стороны должна явиться инициатива улучшеній. Такъ вотъ, этотъ Михайловъ на вѣрную-ли напалъ дорогу, въ этомъ ли смыслѣ пойдетъ возрожденіе деревни?

Нашихъ интеллигентныхъ на этотъ счетъ мечтаній было до сихъ поръ немало. И странное дѣло: чѣмъ больше падаетъ сельская община, чѣмъ упорнѣе ведется противъ нея агитація и притомъ съ самыхъ противуположныхъ сторонъ, и со стороны вздыхающихъ о крѣпостномъ правѣ ландлордовъ, и со стороны господъ обновителей нашей культуры—марксистовъ,—тѣмъ чаще раздаются голоса за реформированіе общины въ смыслѣ своеобразнаго обобществленія труда и быта.

Елецкій земскій начальникъ Я. Ростовцевъ (эхъ, не въ его участкѣ Люботынская волость,—то-то порадовался-бы онъ Михайлову!) въ прекрасной статьѣ доказывалъ недавно, что крестьяне должны перейти къ совмѣстной обработкѣ полей и горячо описывалъ выгоды такого распорядка.

Совершенно неизвѣстный ранѣе въ литературѣ г. Череповъ печатаетъ брошюру «Гдѣ выходъ?» и этотъ выходъ видитъ въ совмѣстной обработкѣ крестьянскихъ полей, обобществленіи орудій производства, сѣмянъ и земли и раздѣлѣ продуктовъ урожая. Нѣсколько туманная организація «земельной общины новаго типа» не мѣшаетъ полной ясности основной мысли автора,

Г. Левицкій, устроитель артелей на Югѣ, кладетъ въ основу новой своей организаціи крестьянскаго труда общую обработку полей.

Графъ Л. Н. Толстой вырабатываетъ форму общественныхъ столовыхъ въ голодное время, и его система многими рекомендуется, какъ очень разумная и выгодная въ техническомъ отношеніи и въ обыкновенныхъ условіяхъ.

Но пока все это шло сверху, изъ области интеллигентной, и мы всѣ полагали, что внизу, въ народной жизни, эти идеи, несмотря на всю ихъ заманчивость и техническую правоту, сочувствія не встрѣтятъ. Слишкомъ сильно въ народѣ индивидуально-семейное чувство, слишкомъ прочно сидитъ пословица: «хоть щей горшокъ, да самъ большой». Да и семейные раздѣлы, начавшіеся съ уничтоженія крѣпостного права и особенно обострившіеся за послѣднее время, показывали ясно, что не къ общей печи идетъ народное движеніе, а самую эту общую печь норовитъ по кирпичу разнести, чтобы не «работать на людей», «не покоряться», жить «хоть въ тѣснотѣ, да на волѣ».

IV.

Плюсъ или минусъ?—Дисциплина монастырская и военная.— Идеалы „равненія.— Раздѣлы.—Психологическая ошибка.

И вотъ, вдругъ является крестьянинъ Михайловъ и, подхватывая чисто-интеллигентную мысль, даетъ ей блестящую побѣду въ трезвой и практичной средѣ своихъ однодеревенцевъ. Двѣсти душъ взрослыхъ крестьянъ рѣшаютъ сообща перестроить деревню, начать совмѣстную обработку полей, даже устроить общую столовую.

Положимъ, что прельстила здѣсь не интеллигентная мысль обобществленія, а монастырская дисциплина и дивная организація труда, управляемаго отцами экономами и производимаго, какъ «послушаніе». Но результатъ вышелъ, повидимому, одинъ и тотъ-же. Не фаланстеръ соціалистовъ, такъ монастырское «общежитіе». Не удались интеллигентныя колоніи, основанныя на согласованіи «разумныхъ эгоизмовъ», такъ, можетъ-быть, удастся «мірское послушаніе» во имя высшаго христіанскаго принципа?

Я сомнѣваюсь. Откровенно говоря, я не могу еще разобраться въ этомъ удивительномъ и, во всякомъ случаѣ, незаурядномъ и *свѣтломъ* явленіи, а чувство, неопредѣленное пока и смутное, кладетъ шаръ налѣво, въ сторону недовѣрія, почти отрицанія. Я боюсь, что во всемъ этомъ образѣ есть что-то, не скажу фальшивое, или двусмысленное, но какъ-бы недозрѣлое.

Чѣмъ достигается идеальная дисциплина монастыря? Добровольнымъ, разъ на всегда, отреченіемъ отъ своего имущества, вообще отъ всего эгоистическаго. Капитальною замѣною этой воли не только простымъ механическимъ «послушаніемъ», но *радостью* послушанія. Какъ тутъ не быть желѣзной дисциплинѣ и огромнымъ побѣдамъ надъ природой? У получившаго извѣстную работу на основаніи послушанія даже сомнѣнія не можетъ возникнуть, хорошо-ли распорядился приставленный къ дѣлу старшій. Съ другой стороны этотъ старшій, самъ по себѣ, не можетъ быть плохъ, ибо не честолюбіе и властолюбіе выдвинуло его на постъ распорядителя, а то-же «послушаніе»; подъ давленіемъ этого-же послушанія, но на этотъ разъ общему голосу всей обители, выдвинулась и центральная власть игумена.

Я, конечно, говорю о теоретическомъ, идеальномъ монастырѣ, ибо такъ только и можно уяснить психическую сторону, принципы этой дисциплины и условія успѣха. Мы видимъ, что эти успѣхи покупаются *самоотреченіемъ*.

Немножко иное, но въ томъ-же родѣ наблюдается въ арміи. И тамъ дисциплина, и тамъ самоотреченіе, хотя не добровольное, а принудительное. Человѣкомъ распоряжаются, какъ машиной, какъ рабочей силой. Его индивидуальность страшно ограничена. Солдатъ никогда не свободенъ, даже во время отдыха. Онъ весь окруженъ дисциплиной, пропитанъ ею. Отсюда, при умѣлой организаціи труда, любая военная часть можетъ сдѣлать огромную и дружную работу— по командѣ, а согрѣтая ласковымъ словомъ, идеей *хорошей*, *плодотворной*

веселой работы, можетъ сдѣлать ее, даже любя, не хуже монаховъ. Посмотрите ротные огороды.

Казарма въ одномъ похожа на монастырь. Нѣтъ женщинъ, нѣтъ дѣтей, нѣтъ семьи. Какъ только явилась семья, картина совершенно мѣняется. Перемѣщается самый центръ существованія человѣка. Единицею дисциплины становится семья, и эта единица получаетъ повелительный самодовлѣющій характеръ. Равенство силъ упраздняется. Женщина бездѣтная, женщина беременная, женщина-мать троихъ четверыхъ дѣтей—величины несоизмѣримыя. Сколько семей—столько отдѣльныхъ масштабовъ. Русскій мужикъ-общинникъ помѣшанъ на *равненіи* всего: земли, денегъ, посѣвнаго хлѣба, водки, пособій, рабочей силы, отвѣтственности. А какое-же возможно равненіе здѣсь, если все смѣшать въ общую массу? Да въ ней-же невозможно будетъ разобраться!

Мнѣ приходилось наблюдать много раздѣловъ, да какихъ раздѣловъ! Дѣлятся сынъ съ отцомъ, дѣлится почти минимальная семья, и обѣ раздѣлившіяся половины осуждаютъ сами себя на завѣдомую нищету. Изъ-за чего люди дѣлятся? Да только изъ-за того, что не умѣли найти достаточнаго внутренняго *равненія.* Пара молодыхъ не можетъ соразмѣрить силъ съ парою стариковъ, и вотъ, общая печь оказывается тѣсною. Молодые остаются безъ лошади, но съ коровой; нѣтъ избы,—уходятъ жить до зимы въ амбаръ. И между людьми нѣтъ никакой ненависти, а есть только ревность къ равненію и зависть, какъ-бы другой не заглоталъ его куска.

При раздѣлѣ, обставленномъ теперь почти запретительными мѣрами, обыкновенно судятъ дѣлящихся деревенскіе старики и долго уговариваютъ, качая головами: «Эй пропадете!» Но и уговаривающіе, и уговариваемые отлично понимаютъ, что подѣлать ничего нельзя. Зависть, эгоизмъ одолѣли семейную дисциплину.

И такъ идетъ повсюду, на всемъ пространствѣ нашего отечества по мѣрѣ того, какъ исчезаютъ патріархальные нравы и патріархальная дисциплина старой семьи, гдѣ дѣти не смѣли и подумать о самостоятельности, гдѣ переносились всякія притѣсненія большаковъ безропотно, до снохачества включительно, и гдѣ большой артельный составъ семьи берегло крѣпостное право.

Разлагается неудержимо и южно-славянская задруга, типъ семьи-рода, уцѣлѣвшая, какъ рѣдкій пережитокъ, кое-гдѣ на Балканахъ и сейчасъ, но уже, очевидно, обреченная на гибель. Эта задруга держалась огромною зажиточностью населенія и величайшей чистотою его нравовъ.

Коллективистская попытка Михайлова — явленіе, очевидно, не этой категоріи. Удивительный по своей энергіи инціаторъ задумалъ примѣнить монашескіе принципы единенія къ семейной средѣ. Не старшій въ родѣ и не по своеобразному, «божественному» праву старшаго будетъ командовать въ новой коопераціи. Михайловъ, вѣроятно, ждетъ успѣха отъ какого-нибудь выборнаго совѣта или чего-нибудь въ чисто республиканскомъ типѣ. Я думаю, что каковабы ни была очевидная, практическая польза этой комбинаціи, каково-бы ни было воодушевленіе господъ Малосвѣтинцевъ и довѣріе ихъ къ идеалисту Ми-

хайлову, этого воодушевленія не хватитъ даже на то, чтобы перенести деревню. Очень уже все это противорѣчитъ тому, что мы ежедневно видимъ, слышимъ, осязаемъ.

Изъ этого пусть читатель не заключаетъ о моемъ сочувствіи или несочувствіи идеѣ Михайлова. Очень былъ-бы я радъ увѣровать въ нее и въ фактѣ, сообщенномъ «Спб. Вѣдомостями», усмотрѣть нѣкоторую «зарю лучшаго будущаго» и т. п. Но увы! Этой вѣры во мнѣ нѣтъ, и взять ея не откуда. Я на такія вещи неисправимый скептикъ, и хотя это дѣло чисто крестьянское самобытно возникшее, могу и долженъ надъ нимъ внимательно остановиться, но въ иллюзіи вдаваться не стану. Не пожертвуетъ мужикъ эгоизмомъ семьи, не перестанетъ варить свои щи, хотя-бы тамъ въ общественной столовой кормили вдвое жирнѣе и дешевле.

V.

Чѣмъ намъ отвѣтить инипіаторамъ-Михайловымъ?—Помощь народу сверху.—Воображаемая рѣчь земскаго начальника. — Кредитное товарищество, или общественная столовая?

Для меня эта идея-попытка имѣетъ совсѣмъ другой смыслъ. Народъ подъ вліяніемъ школы понемножку пробуждается и начинаетъ сознательнѣе относиться къ своему положенію. Изъ его среды выдвигаются вотъ такіе иниціаторы мечтатели, какъ Михайловъ. Это ничего, что ощупью и еще въ потьмахъ, они не сразу попадаютъ на вѣрную дорогу и впадаютъ въ иллюзіи. Да и самая иллюзія необыкновенно цѣнна и знаменательна. Въ нее увѣровала и къ ней «руку приложила» вся деревня. Это значитъ, что въ народѣ уже есть иниціаторы, радѣющіе объ общемъ благѣ, и у нихъ есть и сила и довѣріе. Вотъ, что дорого. Завтра тотъ-же или другой Михайловъ натолкнутся на идею болѣе жизнеспособную, болѣе осуществимую, и масса за ними еще охотнѣе пойдетъ. Вотъ, гдѣ большой плюсъ! Надъ Михайловыми уже смѣяться не будутъ, какъ раньше дѣлали—вотъ, гдѣ побѣда!

Но торжествовать эту побѣду рано. Къ несчастію, какія-бы хорошія мысли насчетъ выхода изъ нынѣшней тьмы и нищеты народу ни приходили въ голову, какіе-бы иниціаторы въ его средѣ ни зарождались, успѣхъ зависитъ не отъ нихъ, а отъ обстоятельствъ чисто внѣшнихъ, отъ готовности наверху, въ сверхнародныхъ слояхъ *придти народу на помощь*. А народъ за этой помощью уже тянется. Въ этомъ-же приговорѣ, составленномъ по иниціативѣ Михайлова, есть указаніе, что нѣкоторыя работы крестьяне желаютъ произвести подъ руководствомъ земскихъ техниковъ: распланировку селенія, разметъ полей. Это уже не прежнее отношеніе ко всякому знанію, ко всякой наукѣ, подаваемой сверху. Эхъ, кабы эта наука и эти знанія съумѣли и захотѣли выйти въ отвѣтъ народной нуждѣ!..

Вотъ тутъ, дѣйствительно, великій пробѣлъ, великіе недочеты. Нѣтъ ни одной страны, кажется, гдѣ-бы такъ мало дѣлалось для народнаго благосостоянія

и просвѣщенія, какъ у насъ. Благопожеланіями всѣ полны, но дѣла, серьезнаго дѣла что-то мало видно. Простой вещи, народнаго кредита не умѣемъ создать.

Въ приговорѣ Малосвѣтинцевъ есть характерное выраженіе, что они всю предположенную работу сдѣлаютъ, не затрачивая средствъ. Очевидно, инициаторъ полагалъ замѣнить недостающія средства кооперативною работою. Что-же, теоретически онъ правъ. Ну, а еслибы при этакомъ-то подъемѣ духа и довѣрія явились-бы еще средства? Еслибы тотъ же самый земскій начальникъ вмѣсто стереотипнаго совѣта ходатайствовать въ высшихъ инстанціяхъ, сказалъ-бы примѣрно слѣдующее:

«То, что вы, братцы, затѣяли переносить вашу деревню—дѣло хорошее. Если удастся вамъ сообща выбрать камни съ полей и раскорчевать новыя поля—и это хорошо. А вотъ, чѣмъ ради экономіи затѣвать общую столовую (вѣдь рано или поздно бабы непремѣнно перегрызутся!), вы лучше пишите приговоръ объ открытіи у васъ кредитнаго товарищества, а я вамъ изъ Государственнаго Банка тысячи три рублей исхлопочу; на этомъ вы скорѣе поправитесь».

Повѣрьте, читатель, съ такимъ вотъ Михайловымъ во главѣ, кредитное товарищество, при капиталѣ въ 3 т. руб., даже при своемъ нынѣшнемъ достаточно безобразномъ (хотя и образцовомъ) уставѣ, могло-бы пойти прекрасно, и черезъ какихъ-нибудь годъ-два безъ всякой общей столовой у каждаго въ печи были-бы отличныя щи... Хорошо-бы, во избѣжаніе соблазна, убрать куда-нибудь подальше и винную лавку изъ этого счастливаго уголка. А то на борьбу съ нею не хватитъ никакого Михайлова...

VI.

Наше высшее спеціальное образованіе.—Юноша-неудачникъ и культъ 20-го числа.—Отчего у насъ нѣтъ ни спеціалистовъ, ни ученыхъ?

Недавно мнѣ пришлось присутствовать и почти что участвовать въ семейномъ оплакиваніи судьбы одного прекраснаго молодого человѣка, которому, несмотря на всѣ хлопоты, не удалось попасть ни въ одно высшее спеціальное заведеніе за недостаткомъ вакансій.

Меня не поразило,—поражаться этимъ совсѣмъ ужь не приходится,—а остановило одно обстоятельство: юноша рвался отнюдь не къ наукѣ, а именно къ диплому. Ему было рѣшительно все равно, подъ какимъ соусомъ подать себя господамъ соотечественникамъ по выходѣ въ жизнь. Онъ шелъ въ лѣсники, въ агрономы, въ путейцы, въ гражданскіе инженеры, въ технологи и филологи, не отказался-бы даже отъ духовной академіи и ветеринарнаго института, лишь-бы получить право высшаго образованія. Гимназія подготовила его ко всему и не заронила никакой искры, никакого стремленія, кромѣ одного стремленія къ 20-му числу. Отсюда полнѣйшее равнодушіе къ наукѣ, которая для него являлась только лѣстницей въ міръ чиновный, въ міръ власти и правъ. Нужно начальству, онъ будетъ ордена чертить и усовершенствованныя печи проектировать. Потребуется три-четыре года просидѣть надъ патристикой или литурги-

кой, онъ готовъ и на это. Еслибы понадобилось заняться какимъ-нибудь «водствомъ», изъ тѣхъ безчисленныхъ «водствъ», какія стоятъ въ агрономической программѣ, онъ и въ этомъ «водствѣ» постарается усовершенствоваться.

И вдругъ—скандалъ! Желающихъ подниматься въ «сферы» по всѣмъ этимъ «водствамъ», литургикамъ, желѣзнодорожнымъ трассировкамъ и архитектурнымъ орденамъ такъ много, что бѣдный Иксъ Игрековичъ остался за флагомъ. Нужно ждать цѣлый годъ, когда будетъ объявлена новая скачка, а средствъ мало, а къ скачкѣ поспѣваетъ и другой братъ, а вся надежда именно на него, Икса, двадцатое число!..

Высшія учебныя заведенія растутъ у насъ, какъ грибы. Открываются инженерныя училища, политехникумы, академіи, все милліонныя учрежденія съ огромными штатами, съ огромнымъ числомъ мѣстъ. Но наплывъ желающихъ все растетъ, и спросъ на высшее образованіе неуклонно превышаетъ его предложеніе.

Но какъ ни разнообразны спеціальности нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній, какъ ни много народу кончаетъ въ нихъ курсъ, прибавляется только число чиновниковъ и кандидатовъ въ чиновники, но отнюдь не спеціалистовъ. Агрономовъ нѣтъ, вольныхъ техниковъ безъ 20-го числа тоже нѣтъ, кромѣ такихъ генераловъ, которые получаютъ больше, чѣмъ можетъ платить казна, а потому сами бросили службу; про остальныя спеціальности и говорить нечего. Нуженъ скромный техникъ или агрономъ, ищите среди учениковъ среднихъ, а отнюдь не высшихъ нашихъ учебныхъ заведеній, или приглашайте Нѣмца, Бельгійца.

И вотъ, что странно. При этомъ множествѣ высшихъ учебныхъ заведеній и кончающихъ въ нихъ курсъ, русская наука является совершенно заброшенною. Весь русскій талантъ уходитъ въ карьеру, для науки остаются самые лядащіе. Эти идутъ въ профессора, ибо обматывать тягучую псевдо-научную діалектику вокругъ пальца или компилировать европейскія книжки (изъ наиболѣе прославленныхъ и ходкихъ) вещь еще болѣе легкая, чѣмъ даже культъ 20-го числа, гдѣ все же нужна хоть грошовая иниціатива, и есть хоть тѣнь отвѣтственности. Ну, мостъ провалится, или зданіе сядетъ... пойдутъ непріятности. Съ профессоромъ ничего подобнаго на случится. Провалится не онъ, а развѣ студентъ на экзаменѣ. Ну, значитъ, плохо учился...

Но возвращаюсь къ моему юношѣ. Очень ужъ его обидѣла судьба и петербургскій періодъ русской исторіи. Нѣтъ-ли возможности ему чѣмъ-нибудь помочь?

VII.

Идея вольной земледѣльческой академіи въ деревнѣ. — Взаимное обученіе. — Наука зимняя и лѣтняя.—Экзамены.

Не знаю, какъ въ другихъ спеціальностяхъ, но въ агрономіи дѣлу помочь пожалуй-бы и можно, не настаивая на ассигнованіи единовременно милліона-двухъ, да ежегодно нѣсколькихъ сотъ тысячъ рублей на устройство новыхъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Что̀, еслибы сдѣлать такъ: пріискать небольшое имѣньице въ средней полосѣ, десятинъ, скажемъ, въ триста? Должно быть, конечно, хозяйство въ полномъ ходу и вблизи деревня. Собирается компанія молодежи, вотъ изъ такихъ, за флагомъ оставшихся, но имѣющихъ право на поступленіе въ высшее заведеніе, человѣкъ 20. Арендуютъ они все имѣніе полностью и устраиваются такъ: барскій домъ отводятъ подъ квартиру профессору, подъ столовую, лабораторію, библіотеку. Приглашаютъ для руководства занятіями профессора на постоянное жительство и ему поручаютъ надъ собой начальство. Приглашаютъ трехъ-четырехъ профессоровъ, такъ сказать, на гастроли, пріѣхать на недѣльку, разъяснить кое-что непонятное, провѣрить занятія, указать книгу, поруководить. Собираютъ серьезную библіотеку изъ научныхъ и справочныхъ книгъ и распредѣляютъ занятія такимъ образомъ, чтобы зима была посвящена наукѣ книжной, а лѣто—полевой.

Ученье идетъ вполнѣ самостоятельное. Приходится обходиться безъ лекцій, изучая предметъ по источникамъ, т.-е. по книгамъ. Но такъ какъ лекція чрезвычайно облегчаетъ трудъ, давая обработанный матеріалъ, то и здѣсь можно отлично устроиться. Каждый изъ учащихся, выбравъ себѣ наиболѣе любимый предметъ и изучая его подробнѣе, чѣмъ другіе, можетъ прекрасно читать по немъ лекціи остальнымъ товарищамъ, постепенно проходя весь курсъ. Эти лекціи при живой душевной работѣ будутъ почти не хуже профессорскихъ и во всякомъ случаѣ съ успѣхомъ могутъ ихъ замѣнить, тѣмъ болѣе, что наша ученая литература по сельскому хозяйству достаточно богата. Это будетъ истинное взаимное обученіе при отличномъ раздѣленіи труда. Лабораторныя работы могутъ идти тѣмъ же порядкомъ. Химія, особенно аналитическая, очень богата пособіями, и безъ профессора можно обойтись отлично.

Это зима. Лѣтомъ, понятно, хозяйство и притомъ не игрушечное, а настоящее, съ настоящимъ и упорнымъ трудомъ. 18—22-лѣтніе молодые люди могутъ исполнять безусловно всѣ полевыя работы по хозяйству, кромѣ развѣ пастушеской. Здѣсь пойдетъ одновременно и провѣрка усвоенной за зиму теоріи и техническое обученіе всѣмъ *пріемамъ* хозяйства.

А затѣмъ соотвѣтствующее высшее учебное заведеніе допуститъ учениковъ этой вольной академіи къ экзаменамъ наравнѣ со своими собственными учениками. Если эта академія станетъ заранѣе въ связь съ оффиціальнымъ

учебнымъ заведеніемъ, то названные выше профессора-гастролеры могутъ быть командируемы для наблюденія за занятіями періодически, и никакихъ недоразумѣній не будетъ.

VIII.

Въ чемъ можетъ выразиться помощь казны? — Могутъ ли учащіеся прокормиться на 300 десятинахъ?—Побочныя задачи вольной академіи и ея роль въ своей мѣстности.

Мнѣ кажется, что это не только вполнѣ осуществимо, но и обойдется баснословно дешево. Я боюсь даже и пытаться подсчитать, сколько стоитъ казнѣ, т.-е. народу и своимъ родителямъ или роднымъ нынѣшній агрономъ. Казнѣ, вѣроятно, тысячи, себѣ или роднымъ во всякомъ случаѣ 500—600 руб. въ годъ. Здѣсь же казнѣ онъ будетъ стоить пустяки, можно даже и вовсе обойтись безъ казеннаго пособія, себѣ или роднымъ—очень мало. Подумайте только: развѣ 20 молодыхъ людей, работающихъ лѣто на хорошемъ хозяйствѣ и хорошими машинами, не могутъ выработать себѣ годовыхъ харчей? Свой хлѣбъ, свои молочные, мясные и огородные продукты, свои дрова, все свое, покупное-же низведено до минимума. Я думаю, что, за удовлетвореніемъ собственныхъ потребностей, хозяйство это можетъ дать денежный доходъ, какъ разъ достаточный для оплаты всего покупнаго, съ учебными пособіями и платьемъ включительно, и берусь это доказать точнымъ подсчетомъ. Но и безъ этого подсчета я смѣло говорю, что на годовое содержаніе въ деревнѣ студенту самое большее придется добавить 120—150 руб., т.-е. $^1/_3$ или $^1/_4$ того, что расходуется въ городѣ. Если даже и такъ, то и здѣсь выгода огромная. Но главное, это то, что такая вольная академія, достигая неизмѣримо лучше своихъ прямыхъ цѣлей, т.-е. подготовляя образованныхъ спеціалистовъ-практиковъ, не будетъ никому ничего стоить, ни для кого не явится обузою.

Для такой школы не нужно никакого разрѣшенія, ибо кто можетъ запретить взрослымъ полноправнымъ гражданамъ, собравшись вмѣстѣ, изучать ту или другую науку, да еще подъ руководствомъ патентованнаго профессора? Вѣдь собираются-же и существуютъ всякія интеллигентныя колоніи, иногда даже очень многочисленныя? Вѣдь жили-же у А. Н. Энгельгардта въ Батищевѣ изъ года въ годъ цѣлые десятки молодежи, которые—увы!—не для науки являлись къ знаменитому химику и хозяину, а почти ради баловства, сочинять искусственнаго мужика, за что и получили отъ здравомыслящаго русскаго народа характерную кличку «тонконогихъ».

Жить студенты могутъ на квартирахъ у крестьянъ, которые охотно сдадутъ цѣлую избу за 1—2 рубля въ мѣсяцъ, какъ это было въ Едимоновѣ у Верещагина. Кстати, тамъ и артельное питаніе въ столовой обходилось что-то баснословно дешево.

Любителямъ самостоятельности, тяготящимся казенными порядками нашихъ высшихъ школъ—вотъ отличный случай поучиться на свободѣ органи-

зовать дѣльное самоуправленіе, выработать товарищескую дисциплину. Вмѣшиваться никто не будетъ.

Я сказалъ, что безъ помощи казны можно обойтись; но почему-бы и не помочь Министерству Земледѣлія? Цѣлая академія, высшее сельско-хозяйственное учебное заведеніе, выпускающее въ годъ пять-шесть отличныхъ агрономовъ, можетъ обойтись немного дороже нынѣшней перворазрядной низшей школы.

Казна можетъ принять на себя расходы по командировкамъ профессоровъ, давать кое-какія машины и учебныя пособія и, пожалуй, производить содержаніе «директору»-профессору. Единовременно-же нужна будетъ помощь при устройствѣ лабораторіи и библіотеки, да при обзаведеніи сѣменами, машинами и инвентаремъ. Тысячъ 10 единовременно, да тысячъ 5 въ годъ—вотъ и вся академія!

Но вѣдь этотъ расходъ будетъ не на пять человѣкъ, которые поѣдутъ держать экзаменъ и превратятся въ оффиціальныхъ агрономовъ. Кромѣ студентовъ полноправныхъ, могутъ быть принимаемы вольнослушатели, которые будутъ пріѣзжать поработать и поучиться. И пусть себѣ учатся на свой счетъ.

Независимо отъ своего учебнаго характера, такая вольная академія будетъ очень цѣннымъ мѣстнымъ культурнымъ центромъ. Это—естественная и прекрасная опытная станція, готовая агентура Министерства Земледѣлія, отличная метеорологическая станція, справочное бюро для всѣхъ хозяевъ своего района, разсадникъ хорошихъ породъ скота, ремонтная мастерская, ветеринарная клиника, сѣменное хозяйство. Да мало-ли что можно тамъ сдѣлать съ такими чудесными силами, какъ русская молодежь!

Не отзовется-ли кто, господа, обмѣняться по этому предмету мыслями? Не будетъ-ли возраженій? Буду очень радъ при случаѣ вернуться къ этому вопросу еще разъ.

IX.

Г. Крюковъ о сельской статистикѣ. — Наши статистическія требованія и пріемы. — Статистика, какъ мотивъ къ возстановленію прихода.

НА-ДНЯХЪ «Спб. Вѣдомости» помѣстили статью новаго ярославскаго уполномоченнаго Министерства Земледѣлія, Н. А. Крюкова, того г. Крюкова, который далъ отличное описаніе сельскаго хозяйства въ Даніи и Канадѣ (двѣ книги, изданныя Департаментомъ Земледѣлія) и испортилъ это описаніе выводомъ о необходимости уничтоженія въ Россіи общиннаго землевладѣнія. Но, попавъ на живое дѣло, г. Крюковъ спѣшитъ загладить свой грѣхъ передъ общиной горячей, умной, талантливой статьей за приходъ.

Статья эта озаглавлена: «Сельскій староста и россійская статистика». Мастерски рисуетъ авторъ печальную картину собиранія статистическихъ свѣдѣній по бланкамъ, посылаемымъ сверху изъ центральныхъ столичныхъ управленій. Листки эти идутъ по губерніямъ, оттуда по уѣздамъ, оттуда по станамъ и волостямъ, распложая пустыя препроводительныя бумаги, пока наконецъ по-

падаютъ на мѣсто, къ сельскому старостѣ, который и радъ бы отправить «бумагу» еще ниже, да уже некуда. Ниже старосты въ порядкѣ подчиненности идетъ «мать сыра земля», въ канцелярскомъ отношеніи глухая и нѣмая, хотя и «населенная».

И вотъ «статистику» приходится составлять старостѣ, который и пишетъ туда что угодно, кромѣ дѣйствительныхъ цифръ. А кстати, и листки бываютъ удивительные. Такъ какъ Русь святая безмѣрно велика, а статистику запрашиваютъ къ сроку, то получаются, напримѣръ, вопросы о томъ, сколько сжато и намолочено, очень задолго до жнива и молотьбы.

Грѣшный человѣкъ, хозяйничая нѣсколько лѣтъ назадъ въ деревнѣ, я однажды разозлился. Приноситъ мнѣ, какъ мѣстному владѣльцу, сотскій «статистику». Вижу: справляются господа изъ Центральнаго Статистическаго Комитета объ урожаѣ и молотьбѣ, а у насъ еще іюнь на дворѣ, и рожь только что выколосилась. Положилъ я листки. Проходитъ нѣсколько дней. Сотскій все ходитъ и пристаетъ. Приказано «безпремѣнно» доставить черезъ недѣлю. Ну что-же? Мы начальству всегда услужить готовы. Сажусь писать. Читаю: «Сколько нажато (такого-то хлѣба) сноповъ, крестцовъ, суслоновъ, телѣгъ или иныхъ мѣстныхъ названій? Объясните примѣрный объемъ, счетъ или вѣсъ мѣстной единицы. Сколько нажато на десятину? Объясните поверхность мѣстной десятины въ квадратныхъ саженяхъ».

Я съ четверть часа подсчитывалъ отвѣтъ карандашемъ, чтобы хоть примѣрно не дать совсѣмъ уже несообразныхъ цифръ. Потомъ совѣсть зазрила. Взялъ и написалъ, стараясь попасть въ канцелярскій тонъ: «За непроизводствомъ хлѣбной уборки, таковыхъ свѣдѣній не имѣется». Что на такіе вопросы сельскія власти отвѣчаютъ, понятія не имѣю. Все хотѣлъ зайти въ Центральный Статистическій Комитетъ попросить показать мнѣ листки изъ нашего уѣзда. Воображаю, что это такое!

Такъ вотъ, г. Крюковъ весьма справедливо оплакиваетъ эту статистику и изъ статистики, или точнѣе, подъ предлогомъ статистики, восходитъ въ высшія сферы русскаго бытія... «Пышная столица совершенно игнорируетъ коренную Россію»... «Мойка и Фонтанка командуютъ Волгой, Днѣпромъ, Окой, Клязьмой», «люди (изъ Петербурга) кажутся козявками» и т. д. Наша статистика, замѣчаетъ г. Крюковъ, есть прямая противоположность надлежащей. Вездѣ—*мѣстная регистрація*, которая подсчитывается и объединяется въ центрѣ, а у насъ—«препроводительныя бумаги» «сверху внизъ». А такъ какъ внизу никакой регистраціи не имѣется, то получается одинъ «внѣшній эффектъ».

Святая истина. Мѣстная регистрація нужна. Сейчасъ она есть только при приходскихъ церквахъ и только относительно браковъ, рожденій, смертей. Отчего-бы, спрашиваетъ г. Крюковъ, не пріурочить сюда всю сельскую регистрацію? Другими словами, отчего-бы не сдѣлать приходъ мѣстной мелкой административной единицей, вмѣсто нынѣшней мертвой и искусственной волости?

X.

Для чего нуженъ приходъ.—Органическое единство и теорія подчиненности кн. Мещерскаго.—Роль прихода въ древней Руси.

Видите, какая получилась неожиданность. Защита прихода вытекаетъ изъ необходимости хорошей статистики. Вѣрно, вѣрно, г. Крюковъ, и изъ статистики можно выйти къ приходу, но, повѣрьте, статистика это — самый малый изъ показателей необходимости прихода. Вопросъ гораздо шире ставится жизнью, и давно ставится. Да вотъ, недоразумѣній полна наша жизнь, и потому ничего у насъ не выходитъ.

Не для статистики только нуженъ приходъ, а прежде всего для органическаго единства на мѣстахъ русскихъ людей, единства, котораго никакимъ инымъ путемъ создать невозможно. Должна быть территоріальная ячейка мѣстной жизни, такая ячейка, которая стояла-бы непосредственно надъ семьей, и въ которую семьи всѣхъ въ мѣстности живущихъ входили-бы, какъ *члены* полноправные и равноправные. Въ чемъ принципъ этой связи? На какой почвѣ возможна *истинная* равноправность и богача, и послѣдняго поденщика? Только на почвѣ христіанской и церковной, ибо только Церковь дѣйствительно и безапелляціонно уравниваетъ всѣ соціальныя различія. Каждый день поется: «Идеже цари и нищіе вкупѣ...»

Мнѣ всегда казалось страннымъ, почему единственный случай, единственная сфера примѣненія этого безконечно дорогого принципа равенства, сфера, гдѣ не могутъ противъ этого равенства быть предъявлены никакія возраженія,— игнорируется въ нашихъ политическихъ комбинаціяхъ? Хлопочутъ о всесословной волости, о равенствѣ совершенно искусственномъ, готовы сочинять разные регламенты, а тутъ равенство дается совсѣмъ готовое, и его не берутъ.

И вотъ что замѣчательно. Противъ прихода возражаютъ одновременно: часть духовенства, отлично понимающая, что возстановленіемъ прихода духовному сословію, какъ замкнутой кастѣ, конецъ, и свѣтскіе люди, которые слышатъ запахъ лампаднаго масла и боятся попасть духовенству подъ начало. Какъ совмѣщаются подобныя опасенія?

Отрицательное отношеніе части духовенства (въ лицѣ, напримѣръ, академическаго «Церковнаго Вѣстника») къ приходу понятно. Въ правильно организованномъ самоуправляющемся приходѣ ничего не можетъ быть печальнѣе положенія священника-чиновника, священника, пошедшаго на свое служеніе безъ призванія, безъ ревности, иногда даже безъ вѣры, а по недостатку вакансій въ другихъ вѣдомствахъ. Теперь ему нѣтъ дѣла до отношенія къ нему прихожанъ. Ему важно, какъ къ нему относится епархіальный архіерей, консисторія, т.-е. его начальство, его вѣдомство. Оттого-то и раздаются такіе вопли о жалованьи духовенству, объ *обезпеченіи* духовенства. Рѣшите этотъ вопросъ утвердительно, священники перестанутъ вовсе зависѣть отъ прихожанъ, и вся разница между

волостнымъ старшиной, учителемъ и священникомъ будетъ только въ томъ, что первый—начальство въ правленіи, второй—въ школѣ, третій—въ церкви.

И, наоборотъ, священникъ, пошедшій по призванію, можетъ найти свою сферу только въ организованномъ приходѣ. Онъ не станетъ начальствомъ, но явится истиннымъ духовнымъ пастыремъ, нравственнымъ авторитетомъ и, конечно, будетъ «сытъ отъ алтаря», потому что какъ-же позволить нуждаться любимому и уважаемому человѣку, самимъ приходомъ избранному? А вѣдь избранъ онъ, какъ самый чистый и достойный для предстоятельства передъ Богомъ, для свидѣтельства и посредничества въ величайшіе моменты человѣческаго бытія. Да ему со всѣхъ сторонъ нанесутъ всякихъ приношеній, и ужь, навѣрное, онъ не будетъ торговаться за вѣнчаніе и вымогать, а попадья его не будетъ хвалиться «землянымъ доходомъ».

Опасенія со стороны невѣрующихъ менѣе понятны. Неужели самоуправляющійся приходъ будетъ стѣснять чьи-либо вѣрованія? Это при русской-то широчайшей терпимости! (Я говорю, конечно, про терпимость народную и общественную). Другое дѣло, если невѣрующій будетъ себя чувствовать въ приходѣ одинокимъ. Это—ужасное состояніе. Но вѣдь этому одиночеству ничѣмъ помочь нельзя. Разница лишь въ томъ, что теперь *всѣ* разбиты и одиноки, а тогда одинокими останутся лишь люди чужіе для Церкви.

Наше отвращеніе отъ прихода, какъ отъ исторической русской мѣстной ячейки, исходитъ изъ чистаго недоразумѣнія. *Не* недоразумѣніе оно только для тѣхъ, кто *въ принципѣ* отвергаетъ необходимость общественнаго единенія, кто желаетъ видѣть Россію раздѣленною на два класса—правящихъ и управляемыхъ, какъ, напримѣръ, князь Мещерскій и ему подобные. У тѣхъ дѣйствительно выработалась схема, изумительная въ своемъ логическомъ развитіи. Внизу—населеніе, ничѣмъ не объединенное, кромѣ подчиненности. Сверху спускается огромный и развѣтвленный аппаратъ бюрократіи. Послѣдніе щупальцы этого аппарата, концы его чувствительныхъ и двигательныхъ нервовъ въ деревнѣ: вѣдомства внутреннихъ дѣлъ—старшина, старосты; вѣдомства просвѣщенія—учитель; вѣдомства «православнаго исповѣданія», или «иностранныхъ исповѣданій»—священникъ, ксендзъ, пасторъ, мулла, раввинъ, даже лама, потому что онъ—тоже что-то въ родѣ духовнаго лица, а слѣдовательно, членъ «аппарата исповѣданій».

Но вѣдь этотъ взглядъ, эта схема не только не русскіе, но прямо противуположны и завѣтамъ русской исторіи, и всему складу славянской психики. По всей нашей исторіи красною нитью проходитъ *единеніе*. Наша языческая община, сербская и болгарская задруга, возникшіе изъ родоваго быта, съ принятіемъ христіанства отлились въ общину церковную, которая тотчасъ-же стала и общиной административной, и огромной культурной силой. Достаточно прочесть изслѣдованіе А. А. Папкова, чтобы понять, что такое былъ древне-русскій приходъ. Безъ преувеличенія, на немъ строилось все, и всякая общественная, городская и земская организація была лишь союзомъ приходовъ. И сколько разнообразныхъ организацій дала старая Русь!

Раскройте другое изслѣдованіе—П. Д. Голохвастова: «Земское дѣло въ смутное время», и вы убѣдитесь, что въ 1612 году только приходъ да земскіе и городскіе союзы приходовъ, бывшіе тогда нашей единственной организацiей, спасли и возродили погибшее было государство, уже потерявшее и династію, и верхній классъ, и столицу; нельзя читать безъ волненія про дѣла этихъ земскихъ сѣрыхъ людей, ставшихъ неожиданно людьми государственными, да какого закала! А что-бы дѣлали Сербы безъ своего прихода подъ турецкимъ или нынѣшнимъ австрійскимъ игомъ? Развѣ не церковная община, и только она одна, спасетъ ихъ отъ обезличенія?

Но вопросъ о приходѣ такъ обширенъ, что его не исчерпаешь въ бѣгломъ очеркѣ, и я надѣюсь къ нему вернуться когда-нибудь при случаѣ.

XI.

Предѣльность земскаго обложенія. — Мои окладные листы. — Починка непроѣзднаго тракта.—Я не протестую, но докладываю.

Вы, читатель, какъ мудрствуете насчетъ предѣльнаго земскаго обложенія, если, понятно, васъ этотъ вопросъ интересуетъ? Меня очень. Я имѣю несчастіе владѣть цѣлымъ имѣніемъ, когда-то доходнымъ, а теперь не дающимъ ничего, кромѣ четырехъ сортовъ окладныхъ листовъ. Спачала посылаетъ земство, затѣмъ казенная палата, затѣмъ канцелярія предводителя и, наконецъ, опять земство. По второму листу оно налагаетъ на меня изъ года въ годъ натурою: столько-то бревенъ девятиаршинныхъ, столько то шестиаршинныхъ, уйму жердей и несмѣтное количество возовъ фашиннику. А такъ какъ лѣсу у меня нѣтъ, то мнѣ приходится вступать въ полюбовное соглашеніе съ подрядчикомъ и откупаться отъ него деньгами. Дай Богъ ему здоровье, беретъ онъ съ меня очень умѣренно, все равно вѣдь это идетъ въ чистое «хищеніе». Еслибы взять весь распредѣленный по одной нашей волости лѣсъ и фашинникъ, можно было-бы не данный участокъ тракта починить, а цѣлый огромный віадукъ выстроить и два болота затоптать. И такъ изъ году въ годъ, только постепенно набавляя. Замѣтьте при этомъ, что по этому тракту я никогда не ѣздилъ, да и никто, кажется, не ѣздитъ, потому что по немъ исторически нѣтъ проѣзду. Еще во время перваго самозванца сунулся было по этому тракту какой-то польскій воевода съ отрядомъ. На пятой или шестой верстѣ увязъ, и тутъ-же его благополучно и накрыли россійскіе земскіе ополченцы, такъ что, какъ видите, и самая эта непроѣздность послужила на пользу отечеству.

Такъ вотъ, когда я у себя на кухнѣ вижу, бывало, сотскаго съ листами, мнѣ приходитъ на мысль подписаться на «Московскія Вѣдомости» и въ тонъ г. Грингмуту крикнуть: «Quousque tandem?» Развертываешь и видишь: каждый годъ надбавка. Начало меня земство облагать 36 рублями, а теперь уже перевалило за сотню. Ну, я понимаю: казенная палата взыскиваетъ съ меня 10 р. 50 к. Тутъ и армія и флотъ, академіи и университеты, и судъ, и полиція. Но

вотъ за что беретъ съ меня дворянское наше управленіе 16 р. 80 к., за что начисляетъ на меня земство свыше ста рублей, этого я никакъ не могу въ толкъ взять. Дворянское наше хозяйство заключается въ томъ, что на наши деньги содержатся какіе-то стипендіаты—во-первыхъ, канцелярія предводителя,—во-вторыхъ и дворянская опека въ лицѣ двухъ убогихъ, но «благородныхъ» инвалидовъ—въ-третьихъ. И эти инвалиды до того плохи, что когда имѣніе малолѣтнихъ попадетъ въ опеку, то оно обыкновенно основательно расхищается, если опекунъ мало-мальски недобросовѣстенъ. А добросовѣстные опекуны, какъ извѣстно, столь-же рѣдки, какъ и добросовѣстные козлы, приставляемые къ охраненію огородовъ...

Отъ земства я пользуюсь однимъ: случится заболѣть, посылаю за земскимъ врачемъ. У насъ въ деревнѣ прекрасная женщина-врачъ, принципіально не берущая гонораровъ. Лѣкарство тоже получу даромъ.

И только. Но вѣдь не сто-же это рублей стоитъ! Или: не каждый-же годъ наболѣю я на сто рублей. Въ общей сложности очень и очень дорого.

Но я—земскій человѣкъ и ни протестовать противъ земскаго обложенія, ни вмѣстѣ съ Грингмутами, Мещерскими и Бодисками вопіять о «наложеніи узды» или «сокращеніи аппетитовъ» не буду. Я знаю очень хорошо, что земскія деньги расходуются не совсѣмъ такъ, какъ-бы нужно, что много лишнихъ ртовъ заѣдаютъ земскій пирогъ и т. д., но я-же хорошо понимаю, что разъ дано самоуправленіе, то оно и должно быть самоуправленіе, а таковое безъ самообложенія прямо-таки немыслимо. Знаю я и больше того. Въ нынѣшнихъ земскихъ неправильныхъ, а иногда и прямо нехорошихъ расходахъ не столько оно виновато, т.-е. само населеніе, сколько виноватъ неудачный регламентъ земскихъ выборовъ. Благоволите установить въ уѣздѣ надлежащую выборную систему, и я голову прозакладую, что нѣтъ той дикой и безобразной у насъ мѣстности, которая не дала-бы контингента *великолѣпныхъ* земскихъ работниковъ.

Впрочемъ, объ этомъ позвольте когда-нибудь поговорить особо и болѣе обстоятельно, а теперь возвращаюсь къ моей темѣ. Я не могу, по совѣсти, слова сказать ни противъ права безграничнаго самооблаганія, ни противъ того что мнѣ, землевладѣльцу, моими деньгами приходится оплачивать то, чѣмъ я лично не пользуюсь, напримѣръ, крестьянскія школы. Дѣло не въ этомъ.

Мнѣ хотѣлось указать на совершенно неправильную постановку самаго земскаго хозяйства, на стремленіе гг. интеллигентовъ разводить всякую цивилизацію за земскій, т.-е. за мой счетъ, путемъ постепенно растущаго обложенія, вмѣсто того, чтобы создавать *собственные земскіе источники доходовъ* и постепенно сокращать, а затѣмъ и *совсѣмъ уничтожить* земское обложеніе. Пусть это не покажется чѣмъ-нибудь необычайнымъ или парадоксальнымъ. Я рѣшился высказать эту мою старую и, повѣрьте, хорошо выношенную мысль по поводу прочтенной мною въ № 6 «Хозяина» статьи г. *В. Г.* (Ю?) *Земскаго* «Три фактора». Эта статья меня и порадовала и возмутила. Порадовала своимъ талантомъ и благородствомъ мысли, возмутила тѣмъ, что старый земскій

дѣятель и человѣкъ дѣла, а не пустословія, такъ открыто подставляетъ земскіе бока подъ удары разныхъ литературныхъ копытъ.

XII.

Статья В. Г. Земскаго въ „Хозяинѣ“.—Три фактора.— Чѣмъ могло-бы земство замѣнить свои окладные листы?

Три фактора—это, во-первыхъ, населеніе, во-вторыхъ, администрація, въ третьихъ, земская интеллигенція.

По схемѣ г. Земскаго выходитъ такъ: населеніе годится только платить, интеллигенція должна работать и благодѣтельствовать населенію, администрація—ну хоть не мѣшать. Между тѣмъ, интеллигенція работаетъ (я замѣчу: довольно безтолково), населеніе плохо платитъ и ропщетъ, а администрація мѣшаетъ. Авторъ возмущается этимъ вмѣшательствомъ, возмущается протестами администраторовъ въ родѣ самарскаго вице-губернатора Кондоиди, который осмѣлился заявить, что земство, напримѣръ, выписываетъ газеты для «лицъ, подвергнутыхъ задержанію въ арестныхъ домахъ». Въ заключеніе г. Земскій вспоминаетъ заслуги земства и требуетъ для интеллигенціи полнаго простора.

Положимъ, газеты для арестантовъ это немножко, какъ бы это выразиться?—тово... Но вотъ, напр., хлопочутъ люди о всеобщемъ обученіи; въ Саратовѣ, напр., цѣлый рядъ великолѣпныхъ земскихъ учрежденій, плодъ высокаго интеллигентнаго творчества, а содержать ихъ не на что. Завелся-было даже особый печатный органъ по земской ветеринаріи. Пришлось его прикрыть... Нижегородское земство огромныя деньги заплатило проф. Докучаеву за почвенную карту, которую похвалила даже Парижская Академія, а у обывателя на поляхъ лебеда. И на все это земство ассигнуетъ и ассигнуетъ, смѣты и раскладки все растутъ. Какъ тутъ рѣшить, кто правъ: интеллигенція-ли, которая говоритъ: платите и не мѣшайтесь, ибо мы васъ просвѣщаемъ и наставляемъ, или власть, которая, въ виду всеобщаго оскудѣнія и трудности взыскивать казенные и земскіе платежи, хочетъ поперекъ этой цивилизаціи поставить барьеръ въ видѣ предѣла, выше котораго земство облагать населенія не должно?

Я думаю, что оба элемента не правы, а правъ одинъ третій, т.-е. населеніе, которое не хочетъ платить «за цивилизацію» и предпочитаетъ оставаться въ недоимкахъ. Да, милостивые государи, обыватель правъ, его положеніе заслуживаетъ участія и... снисхожденія.

Недоразумѣніе на мой взглядъ въ слѣдующемъ: какъ ни хороши цивилизаторскія мечтанія нашей интеллигенціи, но прежде, чѣмъ ихъ осуществлять, не дурно-бы пріискать на нихъ средства, отнюдь не обременяя населеніе. Отчего не выписать для арестантовъ какую-нибудь правоучительную газету, напр., «Гражданинъ» кн. Мещерскаго, или дешевый Комаровскій «Совѣтъ» что-ли? (кстати, оттуда могли-бы набраться твердыхъ и весьма жаркихъ патріотическихъ

взглядовъ). Но нельзя-ли прежде въ этомъ самомъ заведеніи устроить какую-нибудь арестантскую работу, ну, хоть переплетную, что-ли, или огородъ? Работа сдѣлана, земство получило дохода, скажемъ, 100 руб., 80 употребило на улучшенія арестныхъ домовъ, 16 записало въ общій доходъ, ну а 4 препроводило Комарову или 6 кн. Мещерскому за газету. Это было-бы только справедливо. Но если изъ этихъ 4-хъ рублей только 1 копѣйка попадетъ въ мой окладной листъ, я протестую. Въ первомъ случаѣ это цивилизація, это гуманность, во второмъ—это штрафъ съ меня, мирнаго обывателя, для развлеченія арестанта, чортъ-бы его побралъ!

Я думаю, моя мысль понятна. Сейчасъ намъ, обывателямъ того богоспасаемаго уѣзда, гдѣ я имѣю честь быть земцемъ, нашъ 100-тысячный бюджетъ невыносимо тяжелъ. Я плачу 100 рублей и каждый разъ посылаю ко всѣмъ чертямъ земскіе окладные листы, потому что отъ земства имѣю безплатно одно касторовое масло, да и тѣмъ не пользуюсь, потому что на мое несчастіе желудокъ варитъ отлично. Но я съ удовольствіемъ заплачу 200—300 рублей и поблагодарю. Да, да, только возьмите *умьючи*.

Напримѣръ, я собрался купить молотилку. Надо ѣхать въ Москву. Молотилка 600, поѣздка 25 руб. Если я эту молотилку получу въ земскомъ складѣ за 600 руб. рекомендованную, испытанную, я сберегу 25 р., а земство получитъ 60 въ видѣ 10%-ной скидки съ завода. Далѣе. Мнѣ нужны деньги на оборотъ. Земскій банкъ учтетъ мой вексель и возьметъ 8% годовыхъ, т.-е. подаритъ мнѣ цѣлыхъ 10%, ибо нашъ кредитъ, какъ извѣстно, обходится $1^{1}/_{2}$ даже 2 к. въ мѣсяцъ. Самому земству деньги стоятъ, положимъ, 5%. Съ тысячи рублей оно на мнѣ одномъ будетъ имѣть заработка 30 р. въ годъ. Но позвольте, позвольте! Это еще не главное.

Я приготовилъ къ продажѣ ленъ. Цѣнъ нѣтъ, кулаки портятъ товаръ. Земская льнотрепальня взяла мой ленъ, выдала мнѣ авансъ или ссуду, обработала его и сдала на фабрику, раздѣливъ со мной барышъ пополамъ. На пудъ пришлось $1^{1}/_{2}$ рубля. На мой вагонъ въ 600 пудовъ земство получило 450 р. пользы и мнѣ дало 450. И т. д. и т. д.

А въ результатѣ вотъ что:

Вмѣсто моихъ жалкихъ 100 руб. по окладному листу, земство съ одного меня получило 60+30+450 рублей въ награду за то, что оно подарило мнѣ 25+10+450 рублей. Оно получило въ пять разъ больше, т.-е. свою смѣту со 100 т. рублей возвысило до 540 тысячъ. Пожалуйста, господа, на эти полмилліона вводите какое угодно всеобщее обученіе, возвышайте до нѣмецкаго размѣра ваши нынѣшнія нищенскія жалованья учителямъ, да кстати, дайте ужъ и предсѣдателю управы тысячъ 10—12 въ годъ, чтобы туда шли не съ голоду, да земскому агроному заплатите какъ слѣдуетъ, да заводите земскаго механика, земскаго архитектора, земскаго директора по коммерческой части, хотя бы и съ 20-ю тысячами жалованья, открывайте земскія газеты, назначайте пенсіи земскимъ служащимъ, дѣлайте что хотите, и, повѣрьте, никто, ни мы, обыватели, ни губернаторы, протестовать не будемъ.

Я думаю, моя мысль ясна. Да, это не утопія, а дѣло, самое подлинное и серьезное дѣло. Уѣздъ со 150—200 тысячъ населенія, нуждающагося во всемъ и живущаго на самой низшей степени культуры, доходящей почти до нищеты,— развѣ это не обширное поле для разумной общественной предпріимчивости? Развѣ эта предпріимчивость не вполнѣ доступна земской интеллигенціи, еслибы она, кромѣ своихъ высокихъ порывовъ, умѣла смотрѣть въ землю и щелкать на счетахъ? Низменно это занятіе на ряду съ разными возвышенными мечтаніями, что и говорить! Но вѣдь ничего не подѣлаешь. Голоднаго не просвѣтишь. Съ нищаго ничего не возьмешь. Это—старая истина, которую у насъ упорно отказываются признавать. Писать окладные листы не штука. А вотъ нельзя-ли обойтись совсѣмъ безъ нихъ?

Крестьянское населеніе нашего уѣзда по приблизительному подсчету платитъ ростовщикамъ 180 т. руб. въ годъ. Земскій ломбардъ, подаривъ населенію 150 тысячъ, далъ-бы земству 30 тысячъ, т.-е. $^1/_3$ его смѣты.

Кредитоспособные лишены у насъ всякаго кредита. Земскій банкъ съ учетомъ изъ 8% годовыхъ, платя за вклады даже 5% и имѣя учетъ только въ 1 милліонъ рублей, имѣлъ-бы чистаго дохода 30 тысячъ (предполагая, что другія операціи покрыли-бы расходы по управленію), т.-е. еще $^1/_3$ смѣты.

А земскій хлѣбный элеваторъ? А земскіе склады орудій и сѣмянъ, настоящіе, коммерческіе, а не тѣ жалкіе, что мы видимъ? А земскія подъѣздныя желѣзныя дороги? Одинъ крошечный подъѣздный путь въ 20 съ чѣмъ-то верстъ наработалъ своему владѣльцу 168 т. рублей чистой пользы въ прошломъ году. Вѣдь это почти вдвое болѣе нашей земской смѣты. А такихъ путей по нашему уѣзду можетъ быть нѣсколько.

Вотъ на что должно быть направлено земское дѣло прежде всего. Самостоятельности у земства для этого довольно. Къ сожалѣнію, неудачны выборы, плоха отвѣтственность, а главное, никуда негодны господствующія земскія идеи, которыя всѣ до единой зиждутся на окладныхъ листахъ. Ну, а это въ наши дни фундаментъ—совершенно истрескавшійся и осѣвшій. Отъ этого и наша земская цивилизація вся виситъ на воздухѣ.

XIII.

Баронесса Суттнеръ, тайный совѣтникъ Ферстеръ и Генрихъ Сенкевичъ.—Отвѣтъ послѣдняго на приглашеніе къ воззванію въ пользу Буровъ.—Буры въ Европѣ, или еще хуже?

Баронесса фонъ-Суттнеръ, извѣстная пропагандистка вѣчнаго міра и авторъ не менѣе извѣстной повѣсти «Waffen nieder!», т.-е. «Долой оружіе!» (послѣ которой, къ слову сказать, Нѣмцы тотчасъ-же передѣлали свою артиллерію, а теперь сразу удваиваютъ флотъ), обратилась съ воззваніемъ къ выдающимся мыслителямъ и писателямъ Европы, предлагая подписать коллективное заявленіе по адресу «всѣхъ благородныхъ душъ въ Англіи». Эти благород-

ныя души, со своей стороны должны употребить всѣ усилія, чтобы привести южно-африканскую войну къ окончанію. Сотрудникомъ миролюбивой баронессы по составленію воззванія явился тайный совѣтникъ изъ Берлина Ферстеръ (въ Германіи тайный совѣтникъ—величина очень большая). Между иными знаменитыми мужами воззваніе это или циркуляръ получилъ и польскій писатель Генрихъ Сенкевичъ. Какъ ни мирно настроенъ польскій писатель, онъ, однако, подписать воззваніе отказался и написалъ баронессѣ Суттнеръ отвѣтъ, напечатанный въ краковской газетѣ «Часъ».

Отвѣтъ этотъ замѣчателенъ не только по своему величественно-спокойному тону и художественной обработкѣ, но и по ряду изложенныхъ въ немъ мыслей. Это—документъ очень большого славянскаго значенія, и намъ, Россіянамъ, познакомиться съ нимъ будетъ тѣмъ пріятнѣе, что поворотъ политики, совершившійся въ это царствованіе относительно нашихъ согражданъ-Поляковъ, въ очень значительной степени отводитъ отъ насъ тѣ стрѣлы, которыя Генрихъ Сенкевичъ пускаетъ въ Нѣмцевъ.

Авторъ начинаетъ съ благодарности баронессѣ и ея тайному совѣтнику за сдѣланную честь и признаетъ глубину и величіе одушевляющей ихъ идеи. «И однако, говоритъ онъ, воззваніе я подписать не могу. Мнѣ представляется величайшей ироніей, отвратительнымъ недоразумѣніемъ то состояніе благороднѣйшихъ умовъ и то направленіе гуманитарныхъ идей, при которомъ осуждаютъ столь горячо насиліе, совершающееся въ южномъ полушаріи, всѣмъ сердцемъ сочувствуютъ отдаленнымъ страданіямъ и, въ то же время, не видятъ и не слышатъ страданій, болѣе близкихъ и глубокихъ, и молчатъ о нихъ.

«Ваше дѣло, ваши задачи, милостивая государыня, ближе, онѣ около васъ! Мнѣ, какъ и каждому Поляку, отъ всей души жаль Буровъ, жаль проливающейся на другомъ концѣ свѣта благородной англо-саксонской крови, жаль матерей, вдовъ и сиротъ, но я позволяю себѣ это горе и страданіе сопоставить съ ближайшими къ намъ и предложить вамъ, сударыня, нѣсколько проистекающихъ отсюда вопросовъ.

«И вы, и г. Ферстеръ изъ Берлина принадлежите къ нѣмецкому народу. Пусть-же ваши благородныя души отвѣтятъ сами себѣ, не была-ли бы участь тѣхъ-же оплакиваемыхъ вами Буровъ во сто разъ горше и плачевнѣе, еслибы съ ними воевали и ихъ побѣждали войска того государства, которое, считая себя въ культурномъ отношеніи не ниже Англіи, изобрѣло, однако, *гакатизмъ?* *) Развѣ надъ побѣжденными не прозвучало-бы зловѣщее слово ausrotten, развѣ не были-бы приняты самыя грубыя мѣры къ ихъ національному обезличенію, развѣ не была-бы отнята ихъ свобода, развѣ не стали-бы мучить ихъ дѣтей за каждое слово, произнесенное на родномъ языкѣ, развѣ не отняли-бы у нихъ и самый этотъ языкъ вмѣстѣ съ землею?

*) Движеніе къ уничтоженію польскаго элемента въ Познани. Слово „Hakatyzm“ возникло изъ трехъ буквъ Н. К. Т., представляющихъ начальныя буквы именъ главныхъ представителей этого теченія.

«Отвѣтьте сами себѣ: развѣ подъ англійскимъ владычествомъ возможно такое положеніе вещей, при которомъ мѣстное населеніе было-бы вынуждено платить налоги, изъ которыхъ образуются милліонныя суммы, предназначенныя на выкупъ родныхъ земель у этого самаго населенія и на выселеніе коренныхъ отъ вѣка жителей?

«Можетъ-ли въ цивилизованномъ государствѣ быть что-нибудь болѣе отвратительное, болѣе безнравственное? Можетъ-ли быть бо́льшая неправда, большее страданіе? Неужели вамъ, милостивая государыня, и г. Ферстеру изъ Берлина никогда не приходили по этому поводу на мысль слова Данте: Nessun maggior dolore?*)

«Вашъ взоръ блуждаетъ по отдаленнымъ океанамъ, вы останавливаете *взглядъ на краяхъ свѣта, а между тѣмъ* Познань, Шленскъ (Силезія) и Западная Пруссія рядомъ, около васъ. Тайный совѣтникъ Ферстеръ знаетъ эти области, знаетъ, какими потоками лилась на поляхъ Франціи кровь ихъ жителей. Знаетъ онъ также, какъ имъ за это теперь отплачиваютъ. Онъ знаетъ, что несправедливый рейхстагъ каждый день голосуетъ все новые и новые противъ нихъ законы; онъ слышитъ, что тамъ дѣлается въ школахъ, какой грубый желѣзный кулакъ тяготѣетъ надъ каждымъ проявленіемъ польской жизни,—все это знаетъ онъ и, вѣроятно, осуждаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь здѣсь рѣчь идетъ не о горсти пришедшихъ изъ-за моря поселенцевъ, а о народѣ заслуженномъ предъ человѣчествомъ и такъ давно живущемъ на своей землѣ, что эта земля есть уже пепелъ отъ тѣлъ и костей его минувшихъ поколѣній.

«Поэтому, *милостивая государыня, прежде чѣмъ заниматься Африкой*, займитесь Европой. Огромныя гуманитарныя задачи—здѣсь около васъ. Работайте надъ тѣмъ, чтобы душа нѣмецкаго народа облагородила гакатестически-изуродованную душу государственную, и берегите ее, чтобы она не искривилась сама подъ ея вліяніемъ. Англія дала великаго министра, который всю жизнь трудился надъ возстановленіемъ правъ угнетенной Ирландіи—покажите мнѣ другого подобнаго дѣятеля въ Европѣ! **) Оставьте-же въ покоѣ душу Англіи, она сама придетъ ко всему тому, къ чему вы стремитесь. Работайте дома. Поднимайте политическую нравственность у васъ и облагораживайте общественную совѣсть. Пусть разсѣются тучи безправія и насилія, пусть дуновеніе истинной гуманности освѣжитъ отравленный воздухъ вашихъ гакатистскихъ казармъ. Несите «благовѣстъ» ближнимъ вашимъ, скажите имъ слово любви. Добивайтесь того, чтобы Христосъ воцарился и въ вашемъ домѣ, и въ вашихъ дѣлахъ. Ваше сердце ищетъ этого, имѣйте же и волю».

Письмо это пріобрѣтаетъ тѣмъ большее значеніе, что за послѣднее время германское правительство въ своей антипольской политикѣ дошло до неслыханныхъ крайностей.

*) Nessun maggior dolore que ricordarsi ai tempi felici nella miseria—Нѣтъ большей скорби, какъ вспоминать среди нищеты о счастливомъ прошломъ. *Данте.*

**) Н. А. Милютинъ. *Авт.*

XIV.

Подвиги нѣмецкой политики въ Познани.—Осуществленіе закона посредствомъ домашняго шпіонства.—Поворотъ въ русской политикѣ.—Польскій языкъ въ школѣ средней и низшей.

Что продѣлываютъ съ Поляками Нѣмцы въ Познани, можно оцѣнить по одному образчику, который я приведу изъ здѣшней польской газеты «Край». Въ одномъ изъ осеннихъ ея нумеровъ я натолкнулся на такую замѣтку, переведенную изъ «Berliner Tagblatt»:

«Германское правительство, признавъ вредною дѣятельность Польской читальни для женщинъ» въ Познани, запретило сдавшимъ экзаменъ кандидаткамъ въ учительницы давать частные уроки польскаго языка подъ опасеніемъ штрафа въ сто марокъ или пяти дней заключенія. Такъ какъ до свѣдѣнія властей дошло, что въ частныхъ домахъ старшія дѣти въ возрастѣ отъ 13 до 15 лѣтъ учатъ своихъ младшихъ родственниковъ польскому языку, не имѣя на то оффиціальнаго разрѣшенія, то на будущее время родители поставляются въ извѣстность, что за каждое подобное преступленіе (!!) они несутъ отвѣтственность и будутъ присуждаемы къ 100 маркамъ штрафа, или 10-дневному заключенію».

Это—что-то до такой степени чудовищное, что отказываешься вѣрить глазамъ. И замѣтьте, что практичный Нѣмецъ не пишетъ законовъ и не издаетъ распоряженій на вѣтеръ. Очевидно, соображено, какими мѣрами будетъ исполняться это распоряженіе. Но какія мѣры можно принять, чтобы услѣдить за домашнею жизнью, проникнуть за запертыя двери? Такія мѣры—шпіонство черезъ прислугу. Вотъ куда приводитъ безоглядный націонализмъ, и поистинѣ правъ Сенкевичъ, что положеніе Поляковъ въ Познани нельзя даже сравнивать съ положеніемъ Буровъ.

Но вотъ, что всего любопытнѣе. Нѣмцы—нація цивилизованная, мы—варвары. Какъ разъ одновременно съ приведенными гуманными и цивилизаторскими мѣрами въ Познани, мы, варвары, тоже приняли относительно Поляковъ нѣсколько мѣръ. Привожу изъ того-же «Края» и почти изъ тѣхъ-же нумеровъ.

«Узнаемъ, что вслѣдствіе хлопотъ попечителя варшавскаго учебнаго округа (безвременно почившаго Лигина), горячо поддержанныхъ кн. Имеретинскимъ, преподаваніе польскаго языка въ *гимназіяхъ* Царства Польскаго будетъ поставлено на совершенно новыхъ основаніяхъ. Уроки во всѣхъ классахъ будутъ идти по-польски; польскій языкъ входитъ въ учебный планъ и становится однимъ изъ важныхъ и обязательныхъ предметовъ. Онъ преподается во всѣхъ классахъ. Въ программу низшихъ четырехъ классовъ входитъ грамматика, высшихъ—исторія литературы. Объемъ программы будетъ приблизительно тотъ-же, что и для русскаго языка».

Вслѣдъ за тѣмъ почти непосредственно:

«Учителя *народныхъ школъ* получили циркуляръ учебной дирекціи, вмѣстѣ съ новымъ планомъ преподаванія, согласно которому, число часовъ, назначен-

ныхъ для польскаго языка, увеличивается съ 3 до 6 въ недѣлю, и преподаваніе устанавливается по-польски. Такимъ образомъ, на будущее время изъ четырехъ предметовъ, преподаваемыхъ въ народной школѣ, два—русскій языкъ и ариѳметика—будутъ читаться по-русски, законъ Божій и польскій языкъ по-польски».

Вотъ почему неожиданная смерть Лигина была въ полномъ смыслѣ слова національнымъ горемъ для Поляковъ. Да это и понятно. Языкъ племени, имѣющаго глубокое историческое самосознаніе и культурное прошлое, есть такая святыня, за которую лучшіе люди жертвуютъ всѣмъ. Названныя распоряженія были фактическимъ упраздненіемъ пресловутой апухтинской системы, скопированной съ бисмарковскаго образца. Тамъ, въ Германіи, эту систему довели до крайности, ибо холодная жестокость Нѣмца не знаетъ границъ, въ насъ проснулась русская совѣсть и чувство славянской солидарности, и вотъ сразу-же лучшія польскія сердца повернулись въ нашу сторону. Нынѣшнему царствованію, повидимому, суждено упразднить проклятый польскій вопросъ. Не безъ колебаній и сомнѣній, но съ большой послѣдовательностію принимаются мѣры и выбираются люди, несущіе миръ и единеніе туда, гдѣ только-что царили неугасимые, повидимому, раздоръ и ненависть.

Вотъ почему горькія слова Сенкевича о Полякахъ всецѣло относятся къ Нѣмцамъ и Германіи и только по печальнымъ воспоминаніямъ дней минувшихъ немного касаются и насъ,—по воспоминаніямъ и по наслѣдію, отъ котораго трудно освободиться однимъ почеркомъ пера. Но что это освобожденіе идетъ, что оно подвинулось очень далеко и не остановится, въ этомъ ужъ нѣтъ сомнѣній. Мы—не тѣ, не тѣ и Поляки. Все сильнѣе и сильнѣе проясняются наши общія задачи на славянской нивѣ...

XV.

Продовольственный вопросъ.—Съ чѣмъ онъ связанъ и какъ его рѣшить?—Государственный хлѣбный запасъ, земскіе элеваторы; маневрированіе хлѣбомъ.—Регуляторъ хлѣбной торговли.

Продовольственный вопросъ... вотъ въ самомъ дѣлѣ вопросъ, упорно не дающійся въ руки. Сколько было о немъ говорено и писано, сколько составлено проектовъ, до послѣдняго включительно, и все-таки этотъ одинъ изъ основныхъ въ сельской жизни вопросовъ такъ и остается нерѣшеннымъ.

Я не думаю ни забираться въ исторію этого дѣла, ни касаться газетной о немъ полемики. Не стану разбирать новаго проекта. На это у меня не хватитъ ни времени, ни мѣста, ни... охоты. Я ограничусь только тѣмъ, что подамъ свой голосъ, голосъ человѣка, пятнадцать лѣтъ сидѣвшаго въ деревнѣ за хозяйствомъ, въ тѣснѣйшемъ общеніи съ крестьянской общиной, одной изъ типичнѣйшихъ для Великороссіи. Раздумывая о судьбахъ нашей деревни, я не могъ не думать и о ея продовольствіи, не могъ объ этомъ не разговаривать,

какъ съ тѣми, кто продовольствуетъ, такъ и съ тѣми, кого продовольствуютъ, и изъ этихъ разговоровъ не могъ не сдѣлать нѣкоторыхъ выводовъ.

Мнѣ кажется, что продовольственный вопросъ неразрѣшимъ для насъ потому, что мы хотимъ рѣшить его изолированно, внѣ связи съ другими вопросами деревни. Сдѣлать это также невозможно, какъ, напр., вылѣчить больного, не измѣнивъ тѣхъ самыхъ его гигіеническихъ условій, которыя вызвали и поддерживаютъ болѣзнь.

Продовольственный вопросъ тѣсно связанъ, во-первыхъ, съ состояніемъ нашего сельскаго хозяйства, во-вторыхъ, съ господствующею денежною системою, въ-третьихъ, съ нашимъ строемъ земскаго самоуправленія и отношенія къ нему администраціи и, наконецъ, въ-четвертыхъ, съ вопросомъ о мелкой земской или административной—какъ хотите—единицѣ. Связанъ онъ и со многимъ другимъ, напр.: съ хлѣбной торговлей, съ продовольствіемъ арміи и пр.

Еще разъ прошу прощенія за недоказанность, бѣглость и отрывочность моей рѣчи. Вѣдь вопросъ требуетъ цѣлаго трактата, да какого!

Прежде всего необходимо выдѣлить вопросъ о продовольствіи отъ вопроса объ обсѣмененіи полей. Первый—крупное государственно-земское дѣло, второй—маленькая, чисто мѣстная забота, совершенно независимая отъ первой. Сѣмянъ нужно очень немного, да и то почти исключительно яровыхъ. Съ этимъ вполнѣ справится мѣстная мелкая единица подъ руководствомъ уѣзднаго земства. Выше этотъ вопросъ не пойдетъ.

Продовольственное дѣло, на мой взглядъ, наоборотъ, должно быть централизовано и, конечно, не на бумагѣ, а на дѣлѣ. Т.-е. не «имперскій» или «губернскіе» продовольственные капиталы нужны, а настоящій, огромный государственный хлѣбный запасъ въ натурѣ, задача коего не только обезпечивать продовольствіе народа, но и служить для продовольствія арміи, обезпечивать устойчивость цѣнъ хлѣбной торговли, охранять сельскаго хозяина отъ кулаческой хлѣбной эксплуатаціи.

Говорятъ, государство съ этимъ не справится. Слушать смѣшно. Однакоже, «прекрасный Іосифъ» въ Египтѣ справился? Куда же мы годимся, со всею нашею цивилизаціей и сложнымъ государственнымъ аппаратомъ, вооруженнымъ телеграфами и телефонами, желѣзными дорогами, портами и элеваторами, если не способны умѣло и хозяйственнымъ образомъ маневрировать хлѣбнымъ запасомъ, хотя бы и значительнымъ?

Денежный продовольственный капиталъ никакой задачи не разрѣшаетъ. Это мы видѣли въ 1891—92 году. Продовольствіе есть страхованіе, а при денежныхъ ссудахъ обращается въ благотвореніе. Или берите обратно деньги-же и тогда вы возьмете два пуда ржи за выданный пудъ, или берите, какъ послѣ 1891 года, пудъ за пудъ, а остальное будетъ безвозвратное пособіе. И то и другое одинаково несправедливо и вредно.

Говорятъ, хлѣбъ трудно хранить. Какъ такъ? При элеваторахъ? Во-первыхъ, онъ будетъ ежегодно возобновляться, во-вторыхъ, ссыпанный на элеваторъ, отсортированный, просушенный и отчищенный хлѣбъ не только не про-

играетъ, но наоборотъ выиграетъ. Но для этого, конечно, недостаточно механически ссыпать Богъ знаетъ что, Богъ знаетъ въ какихъ сельскихъ магазинахъ, записать на бумажку и приставить полуграмотнаго сторожа. Для этого нужны уѣздные земскіе элеваторы, на подобіе Елецкаго, цѣлая сѣть ихъ; нужны элеваторы въ портахъ и такое центральное управленіе, которое умѣло и быстро *маневрировало-бы* хлѣбомъ.

Продовольствіе есть видъ страхованія. Сборъ денегъ или хлѣба есть премія за право полученія льготнаго пособія. Отсюда ясно, что собранный запасъ есть собственность всенародная, а не одной какой-нибудь мѣстности. Отсюда-же слѣдуетъ, что управленіе этимъ запасомъ должно быть централизовано въ особомъ продовольственномъ управленіи, которое я-бы назвалъ шире: управленіемъ государственныхъ хлѣбныхъ запасовъ. Въ этомъ управленіи должны быть представители отъ земства, ну хоть—по очереди губерній, и хлѣбные торговцы по выбору или по вызову.

У этого управленія въ рукахъ—сѣть элеваторовъ, по одному или болѣе на уѣздъ, управляемыхъ выборными отъ мѣстнаго земства комитетами подъ контролемъ объѣзжающихъ агентовъ отъ центральнаго управленія. Эти комитеты будутъ вѣдать и всей хлѣбной статистикой уѣзда.

Осенью, по выясненіи урожая, наличный запасъ всей системы элеваторовъ выпускается во внутреннюю или международную продажу, изъ него пополняются провіантскіе склады и пр., а на вырученныя деньги производится новая закупка хлѣба, которой одной будетъ достаточно, чтобы совершенно регулировать цѣны. Такъ какъ эта торговля будетъ давать опредѣленный и вѣрный доходъ, то продовольственная премія, платимая населеніемъ хлѣбомъ или деньгами, по желанію, можетъ быть доведена до ничтожнаго размѣра, а пожалуй и вовсе будетъ ненужна.

Я думаю, что и земство, и центральное управленіе со своей задачей вполнѣ справятся, если въ дѣло будетъ внесена самая полная гласность, устраняющая всякіе «севастопольскіе» принципы.

XVI.

Продовольствіе и страхованіе.—Вторая половина продовольственнаго вопроса.—Мѣстная регистрація по идеѣ кн. Васильчикова.—Во что обойдется сѣть элеваторовъ.

ЭТО—одна половина дѣла. Другая половина—выдача хлѣбныхъ ссудъ. До сихъ поръ, денежныя или хлѣбныя, ссуды эти выдавались по истинѣ безобразно. Мы никакъ не могли отдѣлить голодающихъ отъ сытыхъ, и потому ссуды ложились тяжелымъ бременемъ и на населеніе, и на государственную казну. И этотъ вопросъ будетъ до тѣхъ поръ неразрѣшимъ, пока не будетъ настоящей, живой, мелкой земской единицы и настоящей въ ней регистраціи.

Но опять-же, кто виноватъ, что погруженные въ отвлеченности, никакой иногда связи съ русской жизнью не имѣющія, мы игнорируемъ совершенно выясненный и, можно сказать, даже перезрѣлый вопросъ о приходѣ, гдѣ только и возможна настоящая регистрація? Кто виноватъ, что совѣты такихъ просвѣщенныхъ и глубокихъ знатоковъ народнаго быта и хозяйства, какъ покойный князь А. И. Васильчиковъ, не вызываютъ ни въ комъ вниманія, а ихъ книги тонутъ въ морѣ болтовни и равнодушія? Извѣстно-ли вамъ, читатель, что еще задолго до голода 1891—92 года, еще въ 1881 году, князь Васильчиковъ подробно разработалъ идею приходской регистраціи и именно въ примѣненіи къ продовольственному вопросу?

Идея этой регистраціи, подробно изложенная въ книгѣ «Сельскій бытъ и сельское хозяйство въ Россіи», приблизительно такова: приходское управленіе ведетъ семейные списки всѣхъ жителей, отмѣчая въ нихъ наличный составъ членовъ семьи по возрасту и полу, составъ скота во дворѣ и обрабатываемую поверхность. Эти элементы вполнѣ достаточны, чтобы безошибочно опредѣлить зажиточность двора и его экономическую силу, въ зависимости отъ которой онъ является или самостоятельнымъ и кредитоспособнымъ, или подлежащимъ временной благотворительной поддержкѣ (пока, напр., подрастутъ дѣти), или наконецъ, совершенно безнадежнымъ бѣднякомъ, которому остается только общественная помощь.

По этимъ же спискамъ, и только по нимъ, возможна и безошибочная раздача продовольственныхъ ссудъ. Самостоятельные или обойдутся безъ ссудъ, или получатъ ихъ на условіяхъ здороваго кредита, вторая категорія получитъ на льготныхъ условіяхъ (скидка, долгая разсрочка и т. п.). Наконецъ, третья будетъ прокармливаться вполнѣ безвозмездно.

При такомъ, вполнѣ ясномъ для всѣхъ, порядкѣ продовольственная техника въ смыслѣ раздачи пособій можетъ завершаться въ предѣлахъ уѣзда. Приходское управленіе заблаговременно, на основаніи данныхъ урожая, составляетъ предварительный подсчетъ необходимаго хлѣба; земская управа провѣряетъ эти подсчеты, суммируетъ ихъ и приблизительно же опредѣляетъ нужное количество хлѣба, сносясь по телеграфу непосредственно съ центральнымъ управленіемъ. Послѣднее разрѣшаетъ выдачу изъ элеватора, при пополненіи его, если нужно, хлѣбомъ изъ другихъ земскихъ элеваторовъ, и командируетъ на весь сезонъ неурожая и раздачи пособій своего инспектора, который и будетъ ѣздить по уѣзду, контролируя *исполненіе* продовольственнаго дѣла. Самая техника раздачъ можетъ быть очень проста. По утвержденіи земскаго представленія центральнымъ управленіемъ, приходская власть командируетъ на уѣздный (или ближайшій изъ уѣздныхъ) элеваторъ надлежащее число подводъ, которыя и привозятъ въ приходъ хлѣбъ, ссыпая его впредь до выдачи въ тотъ самый приходскій амбаръ, гдѣ хранятся запасныя посѣвныя сѣмена.

Вотъ и все. Смѣю думать, что такая организація будетъ искомымъ рѣшеніемъ продовольственнаго вопроса. Но, чтобы все это выполнить, нужно, вопервыхъ, взглянуть на дѣло широко и прежде всего возстановить приходъ,

какъ мелкую земскую и административную единицу, а во-вторыхъ, найти средства на возведеніе элеваторовъ.

Эти элеваторы будутъ нужны не для одного продовольственнаго дѣла. Безъ нихъ, т.-е. безъ правильной организаціи ссыпки, транспортировки и продажи хлѣба при помощи государства, наше земледѣліе будетъ вѣчно бѣдствовать и отъ скупщиковъ-кулаковъ, и отъ желѣзнодорожныхъ залежей, называемыхъ технически «пробками», и отъ цѣнъ, хотя цѣны и не будутъ *сполна* регулироваться элеваторами. Цѣны все-же будутъ строить міровой рынокъ и господствующая денежная система. Но, по крайней мѣрѣ, устранятся хоть тѣ препятствія, которыя можно устранить сравнительно легко.

Я совершенно не берусь судить, осуществима-ли моя схема въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, т.-е. захотятъ-ли ее провѣрить, обсудить и осуществить. Да это и не мое дѣло. Я высказываю наболѣвшую, давно выношенную мысль. Я знаю только, что пока мы смотримъ не туда и не этимъ путемъ ищемъ разрѣшенія продовольственнаго вопроса, а потому боюсь, что и изъ новаго устава, какъ и изъ старыхъ, особеннаго толку не будетъ. А между тѣмъ, продовольственнымъ, да и вообще хлѣбнымъ дѣломъ не мѣшало-бы заняться.

Мнѣ очень не хотѣлось-бы услышать возраженіе, будто предлагаемая мною схема—нѣчто «аграрное», хотя я не боюсь слова *аграрій*. Всякій, работающій на землѣ посредствомъ солнечнаго луча, есть аграрій, если это слово нужно. Позвольте русскому аграрію быть въ совокупности и бариномъ, и мужикомъ, т.-е. всей сельской Русью.

Конечно, мы еще не доросли до монопольной государственной хлѣбной торговли по схемѣ, напримѣръ, Каница, а потому о полной націолизаціи услугъ хлѣбныхъ посредниковъ говорить еще рано. Но тѣмъ необходимѣе частичный регуляторъ хлѣбной торговли въ видѣ государственнаго запаса въ размѣрахъ, положимъ, $^{1}/_{10}$ количества потребнаго для народнаго продовольствія хлѣба, т.-е. считая кругомъ въ годъ на душу 2 четверти ржи, или всего 260 милліоновъ четвертей,—25 милліоновъ четвертей. Постройка сѣти элеваторовъ, считая по 3 руб. на четверть, обойдется 75 милліоновъ рублей, т.-е. сумма, въ которую обходится довольно-таки незначительная желѣзная дорога. А я думаю, что элеваторы нужнѣе многихъ изъ нынѣ строящихся, или проектированныхъ дорогъ. Почему-же туда такъ охотно даются деньги, а здѣсь ихъ добыть трудно?

Никакой монополіи въ хлѣбной торговлѣ эти элеваторы не создадутъ, но упорядочатъ ее въ значительной степени. При нынѣшнихъ средствахъ сношеній никакихъ серьезныхъ ошибокъ отъ ежегоднаго маневрированія государственнымъ запасомъ ожидать невозможно. Хлѣбные рынки освѣщены и изучены хорошо, хлѣбная статистика въ странахъ, прикупающихъ хлѣбъ, поставлена прекрасно. Желѣзныя дороги съ ихъ игрою тарифовъ, по-моему,—гораздо болѣе сложное дѣло, и, однако, современное государство съ нимъ справляется.

XVII.

Десятилѣтній юбилей института земскихъ начальниковъ и введеніе ихъ въ Западной Россіи.—Какъ относилось общество десять лѣтъ назадъ.—Правдивое свидѣтельство „Московскихъ Вѣдомостей".

ПРИБЛИЖАЕТСЯ десятилѣтній юбилей введенія въ Россіи земскихъ начальниковъ, и одновременно этотъ институтъ распространяется на губерніи юго-западнаго края. Какъ извѣстно, это уже рѣшено. Мировые судьи, какъ и въ центральной Россіи, будутъ уничтожены, мировые посредники тоже. Земскіе начальники будутъ назначаться преимущественно изъ уроженцевъ коренной Великороссіи и будутъ получать возвышенный окладъ содержанія.

Къ юбилею уже начинаютъ готовиться. Не въ оффиціальныхъ сферахъ, впрочемъ, а на газетныхъ столбцахъ тѣхъ органовъ, которые къ чествуемому институту выражаютъ и выражали особенную нѣжность. Нѣжность-то бы еще ничего, но эти органы примѣшивали къ своей нѣжности столько злобы и ненависти, что ухитрились придать молодому институту самую несимпатичную окраску и притомъ еще до его рожденія.

Да это и понятно. Какъ-бы ни было безразлично или даже почтенно то или иное учрежденіе, та или иная реформа, но разъ изъ лагеря «Гражданина» и «Московскихъ Вѣдомостей» несутся по ихъ адресу неумѣренныя славословія, разъ этотъ лагерь данное учрежденіе или реформу пишетъ на своемъ знамени и на ней основываетъ свои надежды возрожденія Россіи, дѣло становится подозрительнымъ.

И вовсе не изъ-за одной нашей партійности. Ну какая у насъ *принципіальная* партійность внѣ газетныхъ столбцовъ? Какія такія политическія партіи въ уѣздѣ? Объ этомъ смѣшно и говорить. Настораживается и прислушивается публика потому, что всѣ мы очень хорошо знаемъ, чего хотятъ «Гражданинъ» и «Московскія Вѣдомости» и въ чемъ видятъ они возрожденіе Россіи. Знаемъ мы и то, что, какъ это говорится,—у князя Мещерскаго и у гг. Грингмута и К° немножко коротки руки, чтобы это «возрожденіе» провести какъ слѣдуетъ, и потому страха особеннаго не чувствуемъ. А несимпатичное остается несимпатичнымъ, хотя, можетъ-быть, по существу оно этого термина и не заслуживало-бы.

Ну что собственно худого въ мысли покойнаго А. Д. Пазухина: «создать живую, близкую къ народу власть»? Неужели стоило-бы ломать копья, злобствовать и протестовать изъ-за голаго юридическаго догмата о несліянности судебной и административной властей? Да Господь съ нимъ, съ этимъ догматомъ, разъ есть надежда, что будущій администраторъ-судья станетъ дѣйствительно «живою, близкою къ народу властью» и притомъ властью просвѣщенною и благожелательною.

Даже и *назначеніе* земскихъ начальниковъ на мѣсто прежнихъ *выборныхъ* мировыхъ судей никакихъ особенныхъ протестовъ вызвать не могло-бы. Ника-

кого секрета вѣдь нѣтъ, что эти судьи въ большинствѣ были плоховаты, что сажала на мѣста господствующая въ уѣздѣ земская партія своихъ излюбленныхъ людей, далеко не всегда руководствуясь оцѣнкою по нравственнымъ качествамъ и способностямъ. Я могъ-бы припомнить прелестные очерки В. С. Кроткова въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1873—74 года, гдѣ выведена цѣлая коллекція мировыхъ судей, про большинство которыхъ можно было-бы сказать то, что авторъ говоритъ про одного (да еще собственными его словами!):

Я въ цѣпи.
Я судья.
Я безъ цѣпи,
Я . . . . . (риѳма)

Въ нашемъ уѣздѣ былъ мировой судья, который лѣтомъ судилъ въ халатѣ *сверхъ ничего*, да еще распахнутомъ и туфляхъ на босу ногу. Этотъ судья преспокойно уходилъ завтракать, а въ это время письмоводитель снималъ и записывалъ свидѣтельскія показанія. Эхъ, да мало-ли что было!

И вотъ, подите-же! Когда были оглашены главныя основанія реформы гр. Д А. Толстого, вся провинціальная публика, огромное большинство образованнаго общества, все земство, огромный контингентъ правительственныхъ лицъ, большинство членовъ Государственнаго Совѣта, стали всѣми силами отстаивать институтъ выборныхъ мировыхъ судей и старое Земское Положеніе, которому тоже предстояла ломка.

Этотъ моментъ очень удачно очерченъ самими «Московскими Вѣдомостями» въ ихъ вступительной статьѣ отъ 11 марта «Десятилѣтіе учрежденія земскихъ начальниковъ», изъ которой разрѣшите привести небольшую цитату:

«Еслибы въ то время проектъ Пазухина... былъ подвергнутъ обсужденію въ *какихъ-бы то ни было* (курсивъ вездѣ мой) общественныхъ собраніяхъ, то, судя по общему настроенію, можно было-бы сказать безошибочно, что подавляющее большинство отвергло-бы его, какъ очевидно неудовлетворительный и даже вредный.

«Изъ органовъ печати *только* 3—4 изъ нѣсколькихъ сотъ были за проектъ; *вся остальная* повременная печать единодушно относились къ нему съ плохо-сдерживаемымъ негодованіемъ и пророчила самыя ужасныя послѣдствія отъ его принятія. Введеніе института земскихъ начальниковъ, по мнѣнію не только печати, но и *всего общества*, означало возвращеніе къ началамъ крѣпостного права, отдачу крестьянства подъ начало дворянству, водвореніе въ деревнѣ «административнаго произвола», упраздненіе въ ней «суда праваго, скораго и милостиваго», упадокъ экономическаго благосостоянія, обусловливаемый неизбѣжными-де злоупотребленіями дворянства своею властью надъ сельскимъ населеніемъ, уничтоженіе тѣхъ «задатковъ культуры», которые были введены въ деревнѣ земскими учрежденіями и т. д. и т. д.»

Вотъ какая картина набросана, и картина, долженъ признаться, вѣрная. Да, именно такъ было настроено *все* русское общество. Едва-ли можно назвать другую реформу, которая пользовалась-бы меньшими симпатіями. «Московскія

Вѣдомости» въ концѣ статьи обѣщаютъ цѣлый рядъ разоблаченій сокровенныхъ пружинъ, вдохновлявшихъ поднятую противъ земскихъ начальниковъ агитацію, «опасенія и стремленія» нашихъ «либераловъ». Этихъ разоблаченій ждать не стоитъ—тема старая: Россія перекопана и подкопана всякими «интеллигентно-революціонными вожделѣніями»... Пусть себѣ ораторствуютъ на эту тему господа на Страстномъ бульварѣ. За ними, какъ выражается нашъ старый, изящный, «Journal de St.-Petersbourg», уважающая себя газета слѣдовать не можетъ.

XVIII.

Земскіе начальники, какъ органъ торжества партіи. — Что скомпрометтировало этотъ институтъ? Гр. Д. А. Толстой и его личное дѣло.—Положеніе вопроса въ данное время.

А дѣло было въ сущности очень просто. Реформу проводилъ покойный графъ Д. А. Толстой, едва-ли не самый непопулярный изъ нашихъ государственныхъ людей. Волна исторіи выдвинула его на постъ перваго министра, рядъ недоразумѣній и грубѣйшихъ ошибокъ дѣятелей освободительной эпохи Александра II, приведшихъ къ 1 марта, и вызвавшихъ неизбѣжную и—увы!—вполнѣ естественную реакцію, сообщилъ ему силу, заставилъ въ немъ искать того человѣка, который спасетъ Русь отъ крамолы, подобно тому, какъ Муравьевъ спасъ Сѣверно-Западный край отъ мятежа. «Sauvez nous pourtant la Lithuanie»—совершенно такое-же недоразумѣніе вышло и съ Толстымъ. Какъ никакой въ сущности опасности отпаденія Литвѣ не угрожало и довольно было только серьезно *пожелать* закончить мятежъ и умѣло за него взяться, чтобы водворилось спокойствіе, такъ и здѣсь: довольно было, *зная хорошо Россію*, принять нѣсколько дѣльныхъ и серьезныхъ мѣръ для подавленія анархической пропаганды, чтобы все сразу успокоилось и пошла великая созидательная работа. Къ несчастію, анархическихъ элементовъ начали искать совсѣмъ не тамъ гдѣ они были, и вотъ, вся уѣздная Русь попала подъ тяжкое подозрѣніе. Невинная по существу болтовня на двухъ-трехъ губернскихъ собраніяхъ была отождествлена съ широкимъ революціоннымъ движеніемъ, и вотъ молодое, русское самоуправленіе попало въ опалу. А къ этому примѣшалось и личное злобное чувство гр. Д. А. Толстого противъ земства, гдѣ его въ собственномъ родномъ уѣздѣ демонстративно забаллотировали, какъ насадителя классической системы образованія.

Озлобленіе и партійная ненависть насквозь проникли, какъ-бы прокрасили собой мѣстную судебно-административную реформу. Подъ прекрасными словами о «живой и близкой къ народу власти» увидали плохо скрытое стремленіе разломать все освободительное дѣло Александра II. Выстави тогдашнее Министерство Внутреннихъ Дѣлъ иной девизъ: «Мѣстное управленіе, мѣстный судъ плохи. Надо ихъ улучшить. Пусть идутъ дружно на работу всѣ просвѣщенные

мѣстные элементы», — никакого озлобленія, никакой борьбы и протестовъ навѣрное-бы не было, ибо 99/100 нашихъ земцевъ, нашихъ добродушныхъ помѣщиковъ, уѣздныхъ дѣятелей, совершенно чужды всякимъ «безсмысленнымъ мечтаніямъ» и, искренно преданные порядку, охотно выдвинули-бы свои лучшія силы, какъ выдвинули мировыхъ посредниковъ перваго призыва. Но дѣло было не въ дружной работѣ, не въ желаніи упорядочить уѣздную жизнь и строй. Дѣло было въ торжествѣ такъ называемаго консервативнаго принципа, въ побѣдѣ и одолѣніи надъ своими врагами партіи, долгое время отстраненной отъ жизни; никому не могло придти въ голову, чтобы послѣ тридцати лѣтъ новой жизни Россіи воскресли и громко провозглашались идеалы «Вѣсти», чтобы *создавалась мѣстная власть съ главною задачей «подтянуть распущенный народъ»* въ смыслѣ удовлетворенія маленькой горсти землевладѣльцевъ, не умѣвшихъ приладиться къ свободной обстановкѣ народнаго труда. Конечно, не правительство выдвигало такія задачи. Эти задачи подсказывались и разъяснялись изъ лагеря публицистовъ, которыхъ всѣ привыкли считать покойниками. Горе было въ томъ, что власть не отрекалась отъ нихъ, не гнала отъ себя элементы, готовые ее скомпрометтировать, она мирволила имъ, и эта гнусная проповѣдь раздавалась безвозбранно въ странѣ, поселяя смуту въ умахъ и заранѣе обезпложивая реформу общественнымъ несочувствіемъ.

Но русская жизнь и добродушная русская провинція понемногу изгладили тѣ шипы, которыми наши реакціонеры постарались окружить институтъ земскихъ начальниковъ. Новая должность и новые люди оказались не лучше и не хуже старыхъ. Обнаружилась великая пестрота. Въ современномъ персоналѣ земскихъ начальниковъ стали появляться прекрасныя личности, всю свою жизнь отдающія благу народа. Обнаружились и элементы очень плохіе. Ожидавшіе для себя всякихъ благъ реакціонеры оказались разочарованными. Земскіе начальники въ огромномъ большинствѣ не дѣлали даже попытокъ «подтягивать», ибо какой смыслъ подтягивать, да и какъ можно подтянуть мужика, у котораго лошадь еле передвигаетъ ноги и который плохо исполняетъ договоры на работу потому, что иногда физически не въ силахъ ея выполнить? Разочарованными оказались и противоположные элементы, сулившіе всякія бѣды. Никакихъ особенныхъ бѣдъ не вышло по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ порядочный составъ предводителей находится въ согласіи съ порядочнымъ губернаторомъ, а потому оба вмѣстѣ могли добросовѣстно подобрать и порядочный персоналъ земскихъ начальниковъ.

Опредѣлились понемногу и тѣ условія, при которыхъ земскій начальникъ можетъ дѣйствовать съ нѣкоторымъ успѣхомъ: тѣсная дружественная связь съ мѣстнымъ земствомъ, *безусловная законность*, отсутствіе бумажной формалистики, живое, любовное отношеніе къ населенію. Живое, гуманное, но вмѣстѣ съ тѣмъ строгое и требовательное отношеніе сверху, которое способно уравновѣсить недостатки закона, дѣлающаго службу земскаго начальника очень щекотливою. Опредѣлились и тѣ недостатки законодательства, которые желательно устранить.

Но объ этомъ позвольте поговорить въ другой разъ. Настоящее письмо мнѣ хочется закончить надеждою, что реакціонная полоса въ нашей общественной жизни, полоса грустная и безплодная, уже совершенно обезцвѣтилась и, видимо, подходитъ къ концу за полнымъ внутреннимъ опустѣніемъ, что тѣ крики и угрозы, которые еще несутся съ извѣстныхъ изувѣрскихъ столбцовъ, должны перестать уже пугать кого-бы то ни было. Довѣрія, побольше довѣрія къ скромному уѣздному дѣлу и его скромнымъ дѣятелямъ! Никакихъ, абсолютно никакихъ, вредоносныхъ идей тамъ и съ огнемъ не отыщешь, а если остается застарѣлое раздраженіе, то оно представляетъ лишь совершенно законный отголосокъ на ту злобу и ненависть, которыя сѣяли такъ долго и такъ неустанно мнимые друзья и «спасатели» русскаго народа.

Немножко довѣрія, немножко любви—и всѣ недоразумѣнія какъ рукой сниметъ. А главное, не сѣйте розни, не возбуждайте сословной вражды и зависти, мѣста для которой въ русской жизни совсѣмъ нѣтъ. Неужели же не характерно то, что, напримѣръ, неумолкающая псевдо-дворянская проповѣдь хоть-бы того-же князя Мещерскаго вызываетъ отвращеніе въ огромномъ большинствѣ русскаго дворянства, которое, однако, вовсе не думаетъ отрекаться само отъ себя. Эта проповѣдь является чистѣйшимъ самозванствомъ, которое и казнится полнымъ отсутствіемъ читателей у «Гражданина», несмотря на очень талантливое его веденіе.

Со времени учрежденія земскихъ начальниковъ прошло десять лѣтъ. Иниціаторы и главные творцы этого института давно въ могилахъ. Ненависть и партійная борьба вокругъ него почти угасли. Слово «земскій начальникъ» звучитъ уже совершенно спокойно, не раздражая нетерпѣливаго уха. Если просто, дѣловымъ образомъ подойти къ этому институту и исправить прежніе въ немъ промахи, русское общество (а оно есть, что ни говорите), уже съ нимъ примирившееся, только поблагодаритъ. Но для этого нужно, чтобы рука, которая тронетъ это дѣло, была движима хоть небольшою любовью къ намъ, людямъ Земли, хоть небольшою добротою и довѣріемъ. Разгадаемъ мы это сразу безъ ошибки.

XIX.

Книга Эдмонда Тэри о французскихъ цѣнностяхъ.—Какъ идетъ французское сбереженіе и накопленіе капиталовъ.—Источники доходовъ Франціи.

На этихъ дняхъ мнѣ пришлось познакомиться съ одной французской статистической работой по финансамъ. Книжка написана Эдмондомъ Тэри, извѣстнымъ издателемъ журнала «L'Economiste européen» и называется: «Les valeurs mobilières en France». Предметъ довольно спеціальный и я не сталъ-бы о немъ говорить въ моихъ «Мирныхъ рѣчахъ», еслибы не своеобразное заключеніе книжки. Подумайте только: цѣлая глава посвящена доказательству того положенія, что во Франціи *соціальнаго вопроса болѣе не существуетъ*, что онъ *рѣшенъ*, точнѣе *предрѣшенъ*, и что господа соціалисты, кол-

лектививсты и прочіе «исты» совершенно напрасно безпокоятся и бунтуютъ Францію. Ихъ дѣло проиграно безповоротно, т.-е. ихъ *личное*, партійное дѣло. Никакой соціальной революціи во Франціи не будетъ, ибо все то, чего желаютъ и къ чему стремятся соціалисты, осуществляется помимо нихъ мирнымъ путемъ, путемъ прогресса. *Капиталъ-деньги* теряетъ свое значеніе и власть, *капиталъ-трудъ* растетъ и забираетъ силу, и между этими обоими элементами устанавливается гармонія, которая, по мѣрѣ дальнѣйшаго прогресса, *неизбѣжно приведетъ къ полному освобожденію труда* отъ какого-бы то ни было давленія со стороны денежнаго капитала.

Это—такой крупный выводъ, такое важное политическое пріобрѣтеніе, что я считаю необходимымъ на немъ остановиться и въ самыхъ краткихъ чертахъ повторить аргументацію автора, при помощи коей онъ къ этому выводу пришелъ. Но аргументація эта—увы!—вся сплошь цифровая, и мнѣ будетъ необходимо поэтому привести также и главнѣйшія изъ этихъ цифръ.

Въ названномъ сочиненіи Эдмондъ Тэри даетъ полную монографію всѣхъ бумажныхъ цѣнностей внутреннихъ французскихъ и международныхъ, обращающихся во Франціи, за довольно продолжительный періодъ 17 лѣтъ съ 1880 по 1897 годъ. Имѣя всегда активный разсчетный балансъ, Франція, упорно трудящаяся и исторически экономная, изъ году въ годъ богатѣетъ и накопляетъ огромныя сбереженія. Сбереженія эти составляютъ свободные капиталы, ищущіе себѣ помѣщенія. Какъ ни растетъ французская предпріимчивость, какъ ни ширятся расходы государства, капиталы растутъ еще быстрѣе. Не находя себѣ работы дома, они эмигрируютъ за границу, раздаваемые въ долгъ болѣе бѣднымъ націямъ. Совершается это въ формѣ покупки Французами иностранныхъ процентныхъ бумагъ, государственныхъ и частно-промышленныхъ. На 1-е іюля 1897 года Французы владѣли слѣдующимъ количествомъ бумагъ разнообразныхъ странъ (считая по биржевому курсу) *), т.-е. имъ были должны:

Россія съ Финляндіей	7	милліард.	фр.
Испанія и Куба	3.6	»	»
Австро-Венгрія	2.5	»	»
Италія	1.6	»	»
Бельгія, Швейцарія, Данія, Голландія, Швеція и Норвегія	1.5	»	»
Англія и колоніи (безъ Канады)	1.0	»	»
Германія, Эльзасъ-Лотарингія, Румынія, Балканскія государства и Греція	1.4	»	»
Турція и Египетъ	3.3	»	»
Соед. Штаты Сѣв. Америки и Канада	1,0	»	»
Мексика, Бразилія, Аргентина, Чили, Перу Экуадоръ и пр.	1.8	»	»
Конго, Гаити, тресты и синдикаты, золотопромышленность	1.2	»	»
Всего:	26.2	милліард.	фр.

*) Не смѣшивать съ *торговымъ*. Торговый — сличеніе ввоза и вывоза собственно товаровъ, *разсчетный*—сличеніе всѣхъ платежей данной страны внѣшнему міру. *Авт.*

Съ этою цифрою любопытно сличить внутреннія бумаги. На 1-е іюля 1897 года ихъ состояло по биржевому курсу на сумму:

Государственныхъ фондовъ	27.4	милліард.	фр.
Займовъ земскихъ и городскихъ	2.2	»	»
Закладныхъ листовъ город. и земскихъ .	4.7	»	»
Облигацій жел. дорогъ	16.8	»	»
» пром. предпріятій	1.5	»	»
Акцій ж. д. обществъ	5.0	»	»
» промышлен. предпріятій	3.4	»	»
» кредитныхъ учрежденій	2.0	»	»
» страховыхъ обществъ	0.8	»	»
Бумагъ на биржѣ не котирующихся . . .	4.0	»	»
Всего .	67.7	милліард.	фр.

Такимъ образомъ на 67.7 милліардовъ фр. внутреннихъ бумагъ всѣхъ категорій приходилось бумагъ иностранныхъ 26.1 милліарда, т.-е. болѣе 1/3.

Въ 1871 году эти цифры были почти на половину меньше, но все-таки и по нимъ можно заключить, что Франція могла шутя выплатить, и притомъ раньше срока, громадную, по нашимъ понятіямъ, контрибуцію Германіи. Для этого ей пришлось только продать принадлежавшія ей иностранныя цѣнныя бумаги, обмѣнявъ ихъ на вновь выпущенную внутреннюю ренту, заложить желѣзныя дороги и немного доплатить металломъ изъ банка и народнаго обращенія. Недаромъ-же покойный Бисмаркъ жалѣлъ, что ошибся и назначилъ контрибуцію слишкомъ умѣренную. Франція выдержала-бы и 10 милліардовъ.

Но это только къ слову. Ростъ французскихъ сбереженій, постепенно обращаемыхъ во внутреннія и внѣшнія цѣнныя бумаги, по истинѣ огроменъ. Съ 1 іюля 1880 по 1 іюля 1897 года, т.-е. за 17 лѣтъ, прибавилось:

бумагъ внутреннихъ на	22.3	милліарда.
иностранныхъ	11.0	»
Итого на .	33.3	

Это составляетъ приростъ почти въ 2 милліарда франковъ въ годъ. Замѣтимъ при этомъ, что собственно торговый балансъ Франціи изъ году въ годъ заключается дефицитомъ, т.-е. Франція приплачиваетъ за ввозимые къ ней товары деньгами. Эти приплаты за указанныя 17 лѣтъ въ сложности даютъ колоссальную сумму въ 14.2 миллаирда франковъ. Кромѣ того, за то-же время количество металлическихъ денегъ въ странѣ увеличилось примѣрно на 2 милліарда, т.-е. на эту сумму было пріобрѣтено и начеканено золота и серебра.

Чѣмъ-же это все было покрыто? Откуда явились у Франціи на это средства? Тэри отвѣчаетъ подсчетомъ платимыхъ Франціи ея иностранными должниками процентовъ и расходами иностранцевъ во Франціи. Одинъ послѣдній источникъ даетъ Франціи чистой прибыли отъ 1.500 до 1.600 милліоновъ фр. въ годъ. Деньги эти уплачиваются ежедневно находящимся на французской территоріи 150.000 путешественниковъ и 65 тысячами постоянно живущихъ иностранцевъ.

XX.

Заключительный выводъ Тэри.—Мирная революція, упраздняющая соціальный вопросъ.— Капиталъ-деньги и капиталъ-трудъ, идущіе другъ другу навстрѣчу.

Вотъ цифровыя данныя; а теперь я перехожу къ заключительному выводу Тэри.

Капиталы Франціи растутъ. Каждый годъ являются новыя сбереженія предъявляющія свои права на помѣщеніе и на полученіе дохода. Это помѣщеніе становится все труднѣе. Казна Франціи не только не заключаетъ новыхъ займовъ, но стремится гасить прежніе. Желѣзнодорожныя общества новыхъ облигаціонныхъ займовъ не выпускаютъ, а старые изъ 3%-ныхъ конвертируютъ въ $2^1/_2\%$-ные. Не увеличиваютъ почти своихъ капиталовъ и частныя акціонерныя предпріятія. Такъ, напримѣръ, всѣ взятыя въ сложности французскія акціонерныя общества убавили свои капиталы съ $5._5$ милліардовъ въ 1890 году до $4._8$ милліардовъ въ 1897, т.-е. на 633 милліона франковъ. Остается помѣщать въ иностранные фонды и предпріятія. Но какъ мелкому капиталисту опредѣлить цѣнность каждой бумаги? Какъ услѣдить за дѣятельностью общества на другомъ концѣ земнаго шара? И вотъ, по мѣрѣ возникновенія новыхъ капиталовъ, оспаривающихъ поле приложенія у капиталовъ старыхъ, доходность капитала падаетъ, процентъ неудержимо понижается, деньги дешевѣютъ.

Теперь позвольте передать слово самому Тэри:

«Надо смотрѣть на вещи прямо, говоритъ онъ. Объединеніе *капитала-денегъ* въ ассоціацію и духъ спекуляціи—два творческихъ принципа, столь рѣзко измѣнившихъ нашъ экономическій обликъ—увеличиваютъ въ огромныхъ размѣрахъ *объемъ* денежнаго капитала; но въ то-же время постоянно нарождающіеся новые капиталы, предлагающіе со всѣхъ сторонъ свои услуги, стремятся уменьшить и уменьшаютъ могущество капитала стараго, вступая съ нимъ въ конкурренцію.

«Ассоціація капиталовъ и спекуляція создаютъ предпріятія немыслимыя раньше для капиталовъ единоличныхъ и изолированныхъ. Только этимъ путемъ могли возникнуть огромныя желѣзнодорожныя общества, крупныя морскія предпріятія, а также множество дѣлъ, обслуживающихъ человѣческій комфортъ и благосостояніе: освѣщеніе, телеграфы сухопутные и подводные, телефоны, конки и пр., чѣмъ мы въ такихъ широкихъ размѣрахъ пользуемся.

«И если подумать объ этомъ прогрессѣ, совершенномъ за какія-нибудь три четверти вѣка, если принять во вниманіе способы, какими современная собственность образуется и распредѣляется въ массѣ гражданъ, можно быть совершенно спокойнымъ передъ угрозами теоретиковъ коллективизма и соціализма, ибо то, о чемъ эти люди мечтаютъ, уже осуществляется само собою по всей линіи.

«Положимъ, что въ настоящую минуту *капиталъ-деньги* и *капиталъ-трудъ*, который собственно и придаетъ первому производительную силу, еще

не распредѣляются въ справедливой пропорціи между обѣими группами ихъ владѣльцевъ. Это—фактъ, оспаривать который было-бы странно.

«Но уже и теперь можно сказать, что знаменитый афоризмъ Прудона: «собственность есть кража», повторяемый съ нѣкоторыми варіантами новѣйшими коллективистами, теряетъ большую часть своего значенія въ обществѣ, гдѣ число имущихъ безпрерывно увеличивается и гдѣ вновь образующійся капиталъ ведетъ ожесточенную войну съ капиталомъ старымъ, уменьшая все больше и больше его силу и значеніе.

«Въ теченіе послѣднихъ 50 лѣтъ постепенное повышеніе заработной платы, вызываемое все растущимъ спросомъ на трудъ, увеличило вдвое вознагражденіе *капитала-труда*.

«Въ то-же самое время вознагражденіе *капитала-денегъ*, подъ вліяніемъ все растущаго ихъ предложенія, уменьшилось на 50%. 100 тысячъ фр., которыя давали прежде 5—6 т. ф. годового дохода, даютъ теперь ихъ владѣльцу не болѣе 3 тысячъ.

«И вмѣстѣ съ тѣмъ каждая изъ этихъ *единицъ* капитала денегъ потеряла по отношенію къ капиталу-труду половину своей прежней цѣнности, ибо, напримѣръ, если въ 1850 году рабочій день сельскаго поденщика на своихъ харчахъ оцѣнивался въ среднемъ въ 1 фр. 42 сант., то въ настоящую минуту онъ стоитъ 2 фр. 80 сант.

«Если прибавить сюда, что постоянный ростъ заработной платы, служа великимъ стимуломъ къ развитію общихъ потребностей благосостоянія, усиливаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ наклонность къ накопленію сбереженій и безъ того въ сильной степени присущую галльскому племени; если принять во вниманіе, что количество народныхъ сбереженій неудержимо растетъ, какъ показываютъ отчеты сберегательныхъ кассъ, кредитныхъ учрежденій, списки подписчиковъ на ренту, списки наслѣдниковъ и пр., и что собственность, какъ движимая, такъ и недвижимая, постепенно и неудержимо дробится, мы поймемъ, что нѣтъ никакого смысла взывать къ соціальной революціи, чтобы освободить трудъ отъ господства надъ нимъ капитала, уравновѣсить права капитала-труда и капитала-денегъ. *Эта революція уже совершается*». Тэри вовсе не хочетъ сказать этимъ, что все идетъ къ лучшему въ лучшемъ изъ обществъ, и что не зачѣмъ принимать мѣры для улучшенія участи рабочихъ классовъ. Но онъ утверждаетъ, что, развиваясь въ томъ направленіи, какъ сейчасъ, Франція скоро не будетъ имѣть ни одного рантьера въ строгомъ смыслѣ этого слова. Всякій, согласно коллективистскому идеалу, долженъ будетъ работать, чтобы жить. И при этомъ никакого коллективизма нужно не будетъ.

Но эта великая эволюція, совершенно отвѣчающая здраво понимаемому общечеловѣческому идеалу прогресса и справедливости, протекаетъ и должна закончиться мирно, незамѣтно и вполнѣ естественно.

Всякое насиліе, какъ война внѣшняя или гражданская, можетъ лишь исказить и прервать ходъ этого мирнаго прогресса. Тэри надѣется, что этого не

будетъ и что наступающій XX вѣкъ принесетъ намъ миръ и политическій и экономическій.

Я не вдаюсь въ обсужденіе этихъ положеній и этихъ надеждъ; я только излагаю ихъ со словъ автора. Этюдъ Тэри поучителенъ и для насъ, раскрывая намъ многое въ нашей экономической жизни. Увы! мы въ иномъ положеніи. Въ то время, какъ Франція накопляетъ и богатѣетъ, мы экономически падаемъ, почему и нашъ соціальный прогрессъ, какъ кажется, сопровождается отрицательнымъ знакомъ.

Изъ анализа Тэри одно представляется мнѣ совершенно доказаннымъ. Это то, что однимъ изъ важныхъ устоевъ національнаго преуспѣянія —и не экономическаго только—является образованіе и распространеніе въ массахъ постоянно растущихъ сбереженій, т.-е. увеличеніе національнаго капитала. Безъ этого роста страна, какъ-бы естественно ни была богата, какъ-бы ни былъ свѣжъ и талантливъ ея народъ, никогда не выбьется изъ экономическаго рабства, крайняго соціальнаго неравенства и нищеты.

А основнымъ условіемъ для роста сбереженій и національнаго богатства является денежная система, создающая наилучшую обстановку для народнаго труда.

По канцеляріямъ и департаментамъ.

Мнѣ нужно было получить отъ Спб. Почтамта 294 р. 44 к. въ возвратъ, т.-е. нѣкоторымъ образомъ въ *сдачу* съ большой суммы, уплаченной Почтамту. Какая сумма, за что, не все-ли вамъ, читатель, равно? Любопытно не это, а то, какимъ образомъ я эти совершенно безспорныя и законныя деньги получалъ. Картинка довольно поучительная.

Являюсь въ соотвѣтственное отдѣленіе Почтамта. Соотвѣтствующій Иванъ Ивановичъ, милый и любезный джентльменъ, усадилъ меня, продиктовалъ прошеніе и тотчасъ-же, доставъ мое «дѣло», произвелъ подсчетъ, не задержавъ ни минуты.

— Вамъ придется получить 294 р. 44 к.

— А какъ это скоро можетъ быть?

— Мм. Не знаю. Мы не задержимъ. Ваши бумаги завтра-же пойдутъ въ «хожденіе».

— Черезъ недѣльку можно?

— Нѣтъ, я боюсь, что такъ скоро не сдѣлаютъ; недѣльки двѣ...

Это было 24 ноября 1899 года. Вмѣсто двухъ недѣлекъ я выждалъ мѣсяцъ и снова отправляюсь въ Почтамтъ. Тотъ-же милый и любезный Иванъ Ивановичъ встрѣчаетъ, какъ стараго знакомаго:

— Не получили еще? Мм. Знаете что: вы поторопите *ихъ* сами. Я вамъ дамъ справочку. Сходите въ Главное Управленіе Почтъ и Телеграфовъ.

«Дѣло» вынимается изъ шкапа, и Иванъ Ивановичъ быстро выписываетъ на бумажку:

«Въ Г. У. Почтъ и Тел. 26 ноября № 49.922».

— Видите, мы не задержали васъ? Ну, а затѣмъ уже дѣло не отъ насъ зависитъ.

Съ бумажкой въ карманѣ направляюсь въ Главное Управленіе. «Справочка» есть своего рода ключъ ко всѣмъ дверямъ и сердцамъ. Справочку отбираетъ дежурный чиновникъ въ пріемной, исчезаетъ въ глубинѣ канцеляріи и минутъ черезъ пять съ любезнѣйшей улыбкой подаетъ мнѣ мою «справочку» пополненною:

«Въ Д-тъ Госуд. Казначейства 30 ноября 99 № 52.444».

Это было передъ самыми праздниками. Соображаю, что въ это время въ департаментѣ казначейства составляется роспись, т.-е. идетъ адская работа, пропускаю праздники, набавляю еще двѣ недѣли, иду.

Мрачная, грязная лѣстница со двора на Мойкѣ въ 4-й этажъ. Темная, грязная пріемная. Ветхозавѣтные сторожа. Совершенно ветхозавѣтные чиновники въ родѣ «благородныхъ свидѣтелей» у провинціальныхъ нотаріусовъ. Обстановка 20—30-хъ годовъ, описанная Гоголемъ. Уходитъ моя «справочка» пополняться. Долго ходитъ. Является мрачный господинъ, небритый, съ косынкой, вмѣсто галстука, повидимому, въ дѣтствѣ слегка ушибленный мамкою:

— Какое ваше дѣло?

— Такое-то.

— А какія деньги?

— Такія-то.

— Поищемъ подождите.

Проходитъ добрыхъ полчаса. Наконецъ, «справочка» приходитъ.

«Въ Спб. Казенную Палату 25 декабря № 25.728».

— Какъ-же это, заявляю я довольно меланхолично, 30 ноября получили 25 декабря препроводили... вѣдь это мѣсяцъ почти.

Сзади мрачнаго господина съ косынкой появляется очень потертый вицъ-мундиръ?

— Что такое-съ?

— Да вотъ: получили 30 ноября...

— Вы, кажется, намъ изволите замѣчаніе дѣлать?

— Не замѣчаніе а мнѣ хотѣлось...

Выростаютъ еще два вицъ-мундира и нѣсколько «благородныхъ свидѣтелей»

— Потрудитесь справиться въ Казенной Палатѣ.

Въ глазахъ у моего собесѣдника было столько рѣшимости немедленно «удалить» меня «посредствомъ сторожей», еслибы я еще сказалъ слово, что я тутъ-же началъ одѣваться самъ. Да и какъ въ самомъ дѣлѣ разговаривать съ людьми, которые такъ заняты, что даже на Рождество работаютъ? Серьезно: моя «бумага» помѣчена 25 декабря.

Выжидаю еще недѣли двѣ, ѣду въ Казенную Палату. Господи, какъ далеко! Екатерининскій каналъ у Вознесенскаго проспекта. Застарѣлый двухъэтажный, облѣзлый казенный домъ среди шикарныхъ и огромныхъ частныхъ. Инвалиды—сторожа. $3^1/_2$ часа. Въ передней одѣваются уходящіе чиновники.

— Здѣсь Казенная Палата?

— Здѣсь, но уже никого нѣтъ...

— А развѣ присутственные часы кончились?

Въ разговоръ вступаетъ весьма любезный чиновникъ, уже облекшійся въ шубу.

— Просителей мы принимаемъ до двухъ. А у васъ какое дѣло?

— Да вотъ «справочка».

— Ага! Почтовыя деньги? Это у Ивана Ивановича. Вотъ и онъ кстати. Иванъ Ивановичъ, это не у васъ?

— Не помню-съ. Пожалуйте въ другой разъ.

Уѣзжаю изъ Петербурга, возвращаюсь, пропускаю недѣльку и снова на Екатерининскій каналъ № 73. Время—1 ч. 30 м. дня.

Въ пріемной повтореніе процедуры опроса, но дежурный чиновникъ самъ не пошелъ.

— Ивановъ, проведите ихъ къ Семену Семеновичу.

— Пожалуйте внизъ, одѣться.

— Развѣ кругомъ надо?

— Ивановъ, проведите ихъ теплымъ ходомъ.

Мы погрузились въ пучину низенькихъ комнатъ, множество столовъ, старыхъ и молодыхъ чиновниковъ, строчащихъ «бумаги», щелкающихъ на счетахъ или смѣющихся толпами вокругъ департаментскихъ разсказчиковъ. Проникли сквозь проломанную капитальную стѣну въ другой домъ и очутились въ Губернскомъ Казначействѣ. Похоже на банкъ: рѣшетки, кассы, но какъ все плохо, бѣдно, какая грязь!

За Казначействомъ пріютилось нужное мнѣ отдѣленіе Казенной Палаты и очень привѣтливый Семенъ Семеновичъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, сію минуту. Иванъ Ивановичъ, бумажка-то, должно быть у васъ?

— Ей-Богу, Семенъ Семеновичъ, не помню.

Начали перебрасывать груды дѣлъ, смотрѣть журналы входящіе и исходящіе, подняли пыль и, наконецъ, слѣдъ «бумаги» былъ найденъ. Семенъ Семеновичъ написалъ новую «справочку», такъ какъ на старой уже не было мѣста.

«Вход. 2813/99 г. ст. I отд. 1. 8 января 1900, въ Спб. Контрольную Палату № 72».

— Вотъ и отлично! Вы, батюшка, сейчасъ туда ступайте, тамъ еще всѣхъ застанете. И близехонько: Максимиліановскій переулокъ, казенный домъ.

— Очень вамъ благодаренъ. Скажите, а послѣ Контрольной Палаты куда?

Я входилъ во вкусъ изслѣдованія нашихъ казенныхъ учрежденій и ихъ

порядковъ, и начиналъ уже бояться, что скоро будетъ конецъ моимъ страданіямъ. Кстати и время уже прошло большое—ровно три мѣсяца.

— А изъ Контрольной Палаты, батюшка, къ намъ. Куда-же еще? Мы напишемъ въ Департаментъ Казначейства, оттуда придетъ разрѣшеніе, мы вамъ талончикъ сейчасъ-же и изготовимъ.

Раскланиваюсь и, не теряя времени, направляюсь въ вѣдомство покойнаго Тертія Ивановича.

Подъѣздъ. Лихой швейцаръ. Широкая лѣстница. На площадкахъ и въ углубленіяхъ между множествомъ, должно-быть, провѣтриваемыхъ дѣлъ столики и стулья. Кто-то штатскій пьетъ чай съ калачемъ. На другой площадкѣ, подъ окномъ, чиновникъ съ бумагой дѣлаетъ отмѣтки карандашомъ, слѣдя за курьеромъ, раскладывающимъ дѣла на полу.

— На самый верхъ, къ Петру Петровичу.

Поднимаюсь.

— Кто здѣсь Петръ Петровичъ?

— Вотъ они.

— Чѣмъ могу служить?

— Да вотъ «справочка».

— Хорошо-съ. Вы мнѣ разскажите дѣло.

Разсказываю. Вникаетъ въ подробности, думаетъ:

— Да вѣдь это не ко мнѣ-съ. Это внизъ, во второй этажъ. Или у Матвѣя Матвѣевича въ кассовомъ отдѣлѣ, или, еще вѣрнѣе, у Прокофія Прокофьевича въ почтовомъ.

Иду во второй этажъ. Въ Спб. Контрольной Палатѣ очень душевно и просто. Такъ какъ въ пріемныхъ, т.-е на лѣстничныхъ площадкахъ, тѣсно, то публика идетъ, куда ей нужно, въ самое святилище и наводитъ всѣ справки тутъ-же.

Матвѣй Матвѣевичъ энергически отрицаетъ свое соучастіе. Надо идти въ почтовый отдѣлъ.

Небольшая комнатка, сообщающаяся съ другой такой-же. Живаго мѣста нѣтъ отъ безчисленнаго количества бумагъ, картонныхъ карточекъ, цвѣтныхъ листковъ. «Документы» стоятъ стѣнами кругомъ. Работаетъ человѣкъ пятнадцать. Идетъ нѣчто въ родѣ всенощной съ канонархомъ. Молодой красивый брюнетъ быстро перебрасываетъ карточки, сличаетъ ихъ съ какимъ-то спискомъ и скороговоркой, чуднымъ пѣвучимъ голосомъ, возглашаетъ, словно ектенію:

— Новая Чигла, Воронежской, три! Міасскій Заводъ, Оренбургской, восемь, Баклань, Черниговской, одинъ, Лубны, Полтавской, два...

Изъ глубины отзывается голосъ:

— Казахъ, Елизаветпольской, шесть...

Слѣва тоненькимъ голоскомъ:

— Казахъ, Елизаветпольской, шесть...

Минутная остановка, какія-то отмѣтки и возгласъ канонарха:

— Казахъ, Елизаветпольской, шесть!—Затѣмъ опять списокъ до новаго перерыва. Я любуюсь чудеснымъ голосомъ контролера. Навѣрно, былъ въ хорѣ Т. И. Филиппова.

— Ей-Богу, о вашей бумажкѣ понятія не имѣю! Степанъ Степановичъ, вы не помните? Такого дѣла у насъ не было? А? Да вы по суммѣ припомните. Такъ нѣтъ? Ну вотъ видите? Экій этотъ Матвѣй Матвѣевичъ...

— Но какъ-же мнѣ быть?

— Да вы не безпокойтесь, ваша бумажка въ дѣйствіи...

— Позвольте, однако, уважаемый Прокофій Прокофьевичъ! Казенная Палата переслала дѣло въ Контрольную 8 января, а мы сегодня имѣемъ 27 февраля...

— Вѣрно, вѣрно! Ужасно у насъ медленно.

— А мнѣ нужно изъ Петербурга уѣзжать.

Прокофій Прокофьевичъ необыкновенно добръ и ласковъ. Сбрасываетъ со стула «дѣла», сажаетъ меня, разспрашиваетъ, искренно соболѣзнуетъ.

— Тихонъ Тихоновичъ, сходите-ка вы съ ними къ Матвѣю Матвѣевичу. Поищите по входящему журналу. Кто получалъ? Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, безобразіе! Держать бумагу полтора мѣсяца.

Кроткій и ласковый Тихонъ Тихоновичъ ведетъ меня назадъ въ кассовый отдѣлъ. Тамъ принимаютъ во мнѣ самое горячее участіе и начинаютъ рыться въ журналѣ.

— Какая-нибудь ошибка. 8 января, а № 72! Вонъ смотрите, бумага изъ Казенной Палаты отъ 7 января № 202. Что-нибудь не то.

— Да не было у насъ этой бумаги! Я отлично помню. Перепутаетъ вѣчно Казенная Палата, а мы тутъ ройся!

Я начинаю впадать въ пессимизмъ. Но вдругъ, о счастіе! Въ журналѣ бумага нашлась.

— Ну, вотъ видите? Кто расписался? Антоновъ? А гдѣ онъ? Попросите Антонова...

— Ихъ сегодня нѣтъ, ваше ско-родіе...

— Ну вотъ, такъ и есть. Охъ, ужь эти причисленные. Посмотрите у него въ столѣ!..

Столъ, къ счастію, не запертъ. Но бумаги нѣтъ и слѣда. Начинаемъ рыться въ какомъ-то передаточномъ реестрѣ. Проходитъ полчаса и наконецъ находимъ. Бумага передана 24 января въ почтовый отдѣлъ. Противъ нея въ реестрѣ стоитъ ясная и четкая подпись Прокофія Прокофьевича.

Матвѣй Матвѣевичъ сіяетъ.

— Ну, вотъ видите! Вѣчно въ почтовомъ отдѣлѣ перепутаютъ, а намъ безпокойство.

Присутственные часы истекаютъ ужасно быстро. Не идемъ, а бѣжимъ къ Прокофію Прокофьевичу. Тотъ смущенъ, но старается прежде всего успокоить бѣднаго просителя:

— Въ почтовомъ отдѣлѣ? Ну, значитъ, у меня. Это хорошо.

Я рѣшительно не понимаю, почему это хорошо и нахожу, по совѣсти, что это скорѣе дурно, но мнѣнія своего вслухъ не высказываю.

— Знаете что: вы себѣ отправляйтесь. Я вашего дѣла не задержу.

— Нѣтъ, ужь, Бога ради, Прокофій Прокофьевичъ, поищите бумагу. Я не уйду до тѣхъ поръ. Мнѣ уѣзжать надо. Ну, что вамъ стоитъ поискать?

— Конечно, конечно, надо поискать. Но гдѣ? вотъ вопросъ. Андрей Андреевичъ, гдѣ она можетъ быть? Голубчикъ, вѣдь нельзя-же держать просителя.

— Поищите у себя въ шкафу, Прокофій Прокофьевичъ.

Но прежде чѣмъ идти въ шкапъ, глава почтоваго отдѣла идетъ въ столъ. Вынимаетъ папку за папкой неоконченныхъ дѣлъ и нераспредѣленныхъ бумагъ и перебираетъ ихъ всѣ до единой, останавливаясь надъ нѣкоторыми съ видимымъ сокрушеніемъ. Очевидно, что все это запоздало и лежало безъ движенія. Сколько бумагъ, столько грѣховъ почтеннѣйшаго Прокофія Прокофьевича. Мнѣ показалось, что среди этихъ пожелтѣвшихъ канцелярскихъ манускриптовъ были бумаги шестидесятыхъ годовъ.

Объискавъ весь столъ, мы направились въ шкафъ. Папка за папкой откладывались, осмотрѣнныя до послѣдней бумажки. Время кончалось, возгласы канонарха прекратились. Часть чиновниковъ ушла, часть обступила насъ. Проснувшаяся совѣсть Прокофія Прокофьевича и его изысканная любезность не позволяли ему отложить поисковъ, да и я выражалъ твердую рѣшимость не уходить безъ пополненія «справочки».

И наконецъ, о радость! Вотъ мое «дѣло» о возвратѣ 294 р. 44 к.! Моя просьба въ толстой шубѣ изъ множества препроводительныхъ бумагъ, разсчетовъ и справокъ. Порядочно надъ нею поработали...

— Ну, слава Богу, вотъ и ваше дѣло...

— Такъ какъ-же, Прокофій Прокофьевичъ?

— Я его мигомъ обдѣлаю. Теперь вы можете спокойно уѣзжать.

— А когда, примѣрно?

— Срока не могу вамъ сказать...

— Черезъ недѣльку?

— Вы вотъ что: вамъ все равно деньги получить *тамъ*? Мы вамъ переведемъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, ради Бога!

— Ну такъ я ужь не знаю...

— Да вы напишите заключеніе завтра. А я зайду. Долго-ли бумажку написать?

— Что вы! Богъ съ вами! Какое заключеніе? Дѣло о возвратѣ казенныхъ суммъ, а вы—заключеніе! Это должно пройти такимъ порядкомъ. Я составлю проектъ журнальнаго постановленія. Его утвердитъ общее присутствіе и на основаніи этого уже будетъ послана разрѣшительная бумага.

— Когда-же ваше общее присутствіе собирается?

— А оно... оно совсѣмъ не собирается; журналы идутъ для подписи каждому порознь.

— Хорошо. А сколько-же членовъ? Кто они?

— Девять. Старшіе ревизоры...

— Когда-же это все будетъ?

— Да не задержимъ, теперь ужь не задержимъ!

— А нельзя-ли какъ-нибудь безъ этого, Прокофій Прокофьевичъ?

— Что вы, что вы! Законъ! Ну, по вашему дѣлу можно, чтобы не всѣ, ну четверо, трое чтобъ подписали. Я это вамъ устрою.

— Такъ дня черезъ три?

— Что вы, что вы! недѣли черезъ двѣ, самое крайнее. Только для васъ...

— Ну, что-жъ дѣлать! А что, Прокофій Прокофьевичъ, еслибы я не пошелъ хлопотать самъ, вѣдь бумага-бы долго пролежала?

— Очень возможно-съ. Да, что-же подѣлаешь? У меня въ отдѣлѣ сорокъ человѣкъ, а надо восемьдесятъ, мы надрываемся надъ работой.

Эта работа—провѣрка почтовыхъ переводовъ по документамъ отправленія и по документамъ полученія. Можете себѣ представить, что это такое! Пѣніе, которое мы слышали, введено ради того, чтобы провѣрка совершалась *дѣйствительно*, все равно, какъ во времена крѣпостного права, когда дворовыя дѣвки брали барскія ягоды, имъ предписывалось пѣть пѣсни.

Я не знаю, нужна-ли провѣрка почтовыхъ переводовъ, предполагая, что провѣрять было-бы можно въ случаѣ заявленія о неполученіи. Вѣдь все равно, если почтовый чиновникъ захочетъ украсть деньги, онъ въ книгѣ получателей расписаться съумѣетъ. Ну, а ужь въ моемъ-то дѣлѣ вся эта процедура есть чистѣйшее идолослуженіе. Почтовое вѣдомство, напримѣръ, правительственное учрежденіе, получившее деньги и имѣющее часть ихъ возвратить. И пусть возвращаетъ своей властью, а контроль можетъ провѣрить по документамъ послѣ... Такъ дѣлается вездѣ.

Въ заключеніе сихъ строкъ я поднимаю два пальца кверху и клянусь, что все разсказанное мнѣ — точнѣйшій фотографическій снимокъ, безъ тѣни преувеличенія. Нумера и даты всѣ подлинныя, только имена поставлены вымышленныя, ибо nomina sunt odiosa. Клянусь также, что по моему глубокому убѣжденію, именно при этомъ порядкѣ самый нехитрый мошенникъ можетъ провести съ небольшимъ подлогомъ любое полученіе казенной суммы. Всѣ эти инстанціи, всѣ *эти милые и обязательные* Петры Петровичи и Иваны Ивановичи ничего не увидятъ, разъ исходная бумага будетъ въ порядкѣ. Весь подлогъ будетъ въ томъ, что нужно достать или сдѣлать бланкъ учрежденія (напр. Почтамта), написать на немъ фантастическую бумагу и разсчетъ, и посредствомъ маленькаго журналиста пустить конвертъ въ чернильное море. На другомъ берегу своевременно можно выловить талонъ ассигновки и получить деньги, ибо ей-Богу-же, разъ бумаги всѣ будутъ въ порядкѣ, никто ничего не найдетъ ни предосудительнаго, ни даже подозрительнаго.

Можно только удивляться, какъ это не практикуется ежедневно.

P. S. А денегъ я все-таки еще не получилъ. Вѣроятно, въ виду указаннаго обратнаго пути, мѣсяца два еще похожу *).

*) Получилъ черезъ мѣсяцъ.

Недоимки и промышленность.

Одинъ изъ самыхъ больныхъ вопросовъ нашего государственнаго хозяйства есть вопросъ о крестьянскихъ недоимкахъ. При тѣхъ способахъ взысканія, какіе у насъ практикуются, недоимка, образующаяся, очевидно, только тогда, когда уже никакія мѣры понужденія не дѣйствуютъ, является прямымъ показателемъ разстройства народнаго благосостоянія, а движеніе недоимочности за извѣстный болѣе или менѣе долгій промежутокъ времени отражаетъ всю исторію крестьянскаго хозяйства. Значеніе цифръ недоимочности тѣмъ глубже, что обыкновенно за недостаткомъ средствъ для «отбыванія повинностей» съ собственнаго надѣла, крестьянинъ старается изыскать источники на сторонѣ, какъ въ мѣстныхъ земледѣльческихъ и неземледѣльческихъ, такъ и въ отхожихъ промыслахъ. Недоимка поэтому отражаетъ съ полной рельефностью не только состояніе крестьянскаго хозяйства на собственныхъ надѣлахъ, но и положеніе, народныхъ, заработковъ въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Пусть-бы поднялось, напримѣръ, частное хозяйство—оно усилило-бы народный заработокъ и это тотчасъ-же уменьшило-бы недоимку. Равнымъ образомъ, если-бы усиленное покровительство промышленности создавало народу заработки въ *дополненіе* къ его земельному труду, или хотя-бы, такъ сказать, въ *разрѣженіе* этого труда (путемъ удаленія лишнихъ ртовъ и рукъ на работу, лучше вознаграждаемую), то и это отразилось-бы на недоимкахъ, такъ какъ живущіе на сторонѣ обыкновенно прежде всего пополняютъ своими посылками казенные платежи (раньше даже подъ угрозой не получить паспорта). Но ничего подобнаго не видать. Да это и понятно, такъ какъ при нашихъ условіяхъ, если извѣстная группа рабочихъ получитъ, напримѣръ, фабричнаго заработка 1000 руб. и 200 изъ нихъ пошлетъ въ подати, то продуктъ этой работы въ суммѣ примѣрно 3000 руб. будетъ проданъ другой гораздо большей группѣ тѣхъ-же русскихъ крестьянъ, которые въ добавокъ, не только должны будутъ оплатить этотъ товаръ продуктами своего земледѣлія, но еще и лишаться нѣкотораго домашняго заработка. Такъ обстоитъ, напримѣръ, въ хлопчатобумажной промышленности, которая обслуживаетъ въ $^9/_{10}$ своего производства все ту-же сельскую сѣрую Русь, заставляя ее *покупать* ситцы, вату и тяжелые бумажные товары и *переставать* дома работать холстъ и сукно. А такъ какъ безъ одежды обойтись нельзя, то изъ средствъ того-же земледѣлія шьется ситцевая рубаха, нанковые штаны, демикотоновая (бумажная) чуйка, кубовый сарафанъ, прялки и ткацкіе станки забрасываются, а рубль, который ушелъ-бы въ подати, остается въ недоимкѣ и выбрать его, несмотря ни на какія ухищренія, невозможно, ибо ни голымъ ходить нельзя, ни конкуррировать съ фабрикою невозможно.

При промышленности, работающей только на внутреннее потребленіе (а при высокомъ таможенномъ обложеніи и недостаткѣ капиталовъ иначе и быть не можетъ), и при одновременномъ паденіи земледѣлія возможно даже такое

явленіе, которое съ перваго взгляда можетъ показаться совершенно невѣроятнымъ, а именно: *чѣмъ больше будетъ искусственно развиваться промышленность, тѣмъ быстрѣе пойдетъ народное раззореніе.* Другими словами, никакое развитіе промышленности въ ущербъ земледѣлію народнаго благосостоянія не поднимаетъ и прочнаго государственнаго хозяйства не создаетъ.

Цифры съ необыкновенной яркостью подтверждаютъ это положеніе. Вотъ движеніе недоимокъ выкупныхъ платежей для всѣхъ трехъ разрядовъ крестьянъ, т.-е. удѣльныхъ, бывшихъ помѣщичьихъ и государственныхъ, съ 1888 года по 1-е января 1889, согласно отчетамъ Государственнаго Контроля:

(Въ тысячахъ рублей).

На 1 янв.	Удѣл. кр.	Б. помѣщ.	Госуд.	Итого.	Въ % къ окладу.
1888	1.214	15.478	12.135	28.827	28.6
1889	1.187	12 600	12.600	26.387	26.5
1890	1.398	12.947	16.688	31.033	31.3
1891	1.941	14.471	22.973	39.385	39.9
1892	3.234	22.154	42.394	67.782	68.6
1893	4.183	28.955	56.578	89.718	91.0
1894	4.173	28.675	57.069	89.916	91.0
1895	4.111	30.367	60.987	95.412	96.4
1896	3.766	29.695	58.843	92.305	94.7
1897	3.616	30.728	59.518	93.862	95.9
1898	3.650	34.837	65.429	103.916	106.6
1899	4.726	38.503	72.969	116.198	118.7

Замѣчательна непрерывность этого роста.

Въ виду подобныхъ результатовъ наше финансовое вѣдомство сначала произвело цѣлый рядъ пониженій выкупнаго оклада, но когда не помогло и это, вынуждено было прибѣгнуть къ пересрочкѣ выкупнаго долга, растягивая операцію, вмѣсто условленныхъ 49 лѣтъ, на сроки въ общей сложности иногда болѣе столѣтія. Вотъ табличка, указывающая ходъ этихъ пересрочекъ для всѣхъ трехъ разрядовъ крестьянъ (въ тысячахъ рублей):

Годы.		Недоимки.	Разсрочено.
На янв.	1893	88.893.9	823.7
"	1894	88.629.2	1.287.1
"	1895	94.138.4	1.273.6
"	1896	90.903.3	1.401.3
"	1897	76.334.1	17.528.0
"	1898	66.036.5	38.879.9
"	1899	54.491.8	61.706.3

Такимъ образомъ рядомъ съ уменьшеніемъ недоимокъ текущихъ нарастаетъ новый выкупной долгъ, который останется крупною тяжестью надъ нѣсколькими поколѣніями. И замѣчательно, что особенно большой ростъ разсрочекъ и недоимокъ, какъ-бы обгоняющихъ другъ друга, начинается съ 1897 года, когда завершилось наше денежное преобразованіе и вполнѣ опредѣлилась политика поднятія земледѣлія путемъ развитія промышленности.

Совершенно такую-же картину, какъ и выкупные платежи, представляютъ цифры недоимокъ по *всѣмъ* казеннымъ окладочнымъ платежамъ, падающимъ на русское крестьянство. Эта статистика приведена М. Кошкаровымъ въ оффиціальномъ изданіи Министерства Финансовъ: «Денежное обращеніе въ Россіи». Къ сожалѣнію, авторъ сдѣлалъ свое исчисленіе только для 47 губерній Европейской Россіи и довелъ цифры до 1895 года. Вотъ табличка, которую мы у него заимствуемъ:

(По пятилѣтіямъ въ тысячахъ руб.).

Годы.	Окладъ.	Поступленіе.	Недоимка.	Въ % средней недоимки къ средн. окладу.
1871—75	134.669	134.466	30.061	22.3
1876—80	143.453	140.701	31.744	22.1
1881—85	136.129	126.583	40.423	29.7
1886—90	103.835	102.633	43 478	41.9
1891—95	103.011	93.016	**98.144**	**95.2**

Окладъ идетъ все уменьшаясь, недоимки все возрастая. Въ то время, какъ со второго пятилѣтія на послѣднее окладъ съ $143^1/_2$ м. руб. пониженъ на 103 м., т.-е. почти на $^1/_3$, недоимка возросла съ 22.1 до 95.2%, т.-е. увеличилась относительно въ $3^1/_2$ раза. Судя по приведенной выше таблицѣ, легко себѣ представить недостающія цифры послѣдняго пятилѣтія, въ теченіе коего мы столь усердно лѣчили падающее земледѣліе развитіемъ фабрично-заводской промышленности, да еще на иностранные капиталы!

Очевидно, эти взгляды, столь развитые въ наше время и столь властно проводимые въ жизнь, приходится признать несостоятельными. Англія могла пожертвовать своимъ земледѣліемъ и стать исключительно фабричной страной только потому, что для своихъ продуктовъ имѣла огромные міровые рынки. Но и Англіи приходится теперь жалѣть объ этомъ, ибо ея экономическое могущество, какъ оказывается очень непрочно, а ея оторванные отъ земли фабричные рабочіе даютъ очень плохихъ воиновъ. У насъ паденіе земледѣлія не можетъ быть вознаграждено ничѣмъ, ибо наша промышленность, не имѣя вовсе міровыхъ рынковъ и оплачивая, точнѣе взыскивая огромные косвенные налоги, является совершенно искусственною, почти паразитною.

Нормальный ходъ развитія экономической жизни не таковъ. Нормальная промышленность возникаетъ сама собою, когда очень высоко развившееся земледѣліе предъявляетъ и усиленный спросъ на фабричные продукты и лишнія руки для работы на фабрикахъ. У насъ ни одного изъ этихъ условій нѣтъ. Мануфактуру потребляетъ у насъ не богатство, а нищета. Спросъ этотъ вынужденный. Нѣтъ у насъ и *лишнихъ* рукъ, а есть руки *праздныя*, что далеко не одно и то-же.

При такомъ состояніи платежной способности нашего главнаго земельнаго класса, крестьянъ собственниковъ, какъ характеризуемая приведенными выше таблицами, не можетъ быть и рѣчи о правильно идущей промышленности. Это—

растенie въ теплицѣ, стекла которой грозитъ разбить первый экономическій кризисъ. Но это растенiе отличается отъ другихъ тѣмъ, что его корни идутъ особенно далеко и вѣтвисто и мало-по-малу изсушаютъ экономическую силу страны.

Пора оставить эту искусственную поддержку промышленности. Пора, наконецъ, приняться за земледѣлie. Нельзя успокаивать себя какими то внѣшними причинами, мiровою force majeure, которая будто-бы не позволяетъ ничего сдѣлать для сельскаго хозяйства. Эти рѣчи указываютъ лишь на полное незнанie Россiи и на извращенное пониманie экономической теорiи.

Что сулитъ намъ сiонистское движенie?

Въ Кіевѣ на этихъ дняхъ происходилъ конгрессъ не конгрессъ, а нѣкоторый съѣздъ еврейской интеллигенцiи, вожаковъ сiонизма, гдѣ гг. «русскie» делегаты на прошлогоднемъ Базельскомъ конгрессѣ давали свой отчетъ нашимъ юго-западнымъ еврейскимъ нотаблямъ насчетъ своей дѣятельности, успѣховъ и надеждъ сiонизма.

Движенie это заслуживаетъ съ нашей стороны самаго полнаго вниманiя, ибо исторiя наградила насъ довольно щедро «избраннымъ народомъ» и этотъ избранный народъ, размножившись въ чертѣ своей осѣдлости, переливается черезъ нее, какъ черезъ плотину, и постепенно заливаетъ Россiю, облюбовавъ особенно ея центръ—Москву.

Что такое сiонизмъ? Нѣсколько лѣтъ назадъ у Евреевъ нашлись мыслители и вожаки, которые надумали совершенно открытымъ и легальнымъ путемъ возстановить въ Палестинѣ еврейское царство, т.-е. переселить туда «изнемогающiй подъ ненавистью христiанскихъ народовъ» Израиль и дать ему, если не полную независимость, то широкую автономiю подъ верховной властью султана. Движенie это нашло себѣ сочувствie въ средѣ международной еврейской интеллигенцiи, особенно въ Америкѣ, и вотъ, спустя немного времени, мы видимъ многолюдные конгрессы изъ представителей Евреевъ всего земного шара, сборъ денегъ, идущiй очень успѣшно и, наконецъ, даже основанный въ Лондонѣ спецiально для переселенiя Евреевъ въ Палестину особый колонизацiонный банкъ.

Согласно отчету русскихъ делегатовъ, базельскiй конгрессъ показалъ всю силу и великую будущность этого движенiя. Дѣло за практическимъ осуществленiемъ, дѣло за сокрушенiемъ сопротивленiя упорствующихъ, къ которымъ у насъ на Юго-Западѣ принадлежатъ многie ветхозавѣтные раввины. И вотъ гг. делегаты взываютъ къ мудрости избраннаго народа и рисуютъ ему самыя радужныя перспективы...

Намъ это движеніе всегда казалось нѣсколько подозрительнымъ, не говоря уже за то, что для насъ, Русскихъ, мы въ немъ особаго проку не видали. Вѣдь дѣло идетъ совсѣмъ не о выселеніи въ Палестину *всѣхъ* Евреевъ. *Такое* движеніе мы-бы, разумѣется, привѣтствовали отъ всей души. А здѣсь идетъ рѣчь о томъ, чтобы помочь разрѣдить накопившуюся въ Европѣ и Америкѣ еврейскую бѣдноту, которой нечего ѣсть, ибо для услугъ мѣстному христіанскому населенію ея слишкомъ много, а производительнаго труда Евреи, какъ извѣстно, избѣгаютъ.

Это не исходъ Евреевъ изъ Египта, какъ сравниваютъ кіевскіе ораторы. Крупные Евреи: Ротшильды, Эфруси, Мендельсоны, наши Ротштейны и Поляковы, разумѣется, ни въ какую Палестину не пойдутъ. Имъ и здѣсь слишкомъ хорошо. Да и для еврейской голи нѣтъ никакого смысла переселяться поголовно. Двинутся только завѣдомо излишніе изъ убогихъ мѣстечекъ нашего Царства Польскаго, изъ Галиціи, Западнаго Края и пр., т.-е. тѣ, кого мѣстные христіане уже не могутъ, да и не желаютъ прокармливать. Значительный-же персоналъ Евреевъ, могущій такъ или иначе кормиться, разумѣется останется и даже будетъ очень доволенъ, избавившись отъ тяжелой конкурренціи своихъ-же собратій.

Въ концѣ концовъ мы, христіане, ничего не выиграемъ. Образуется какъ-бы двѣ еврейскихъ арміи. Одна здѣсь, между нами, другая въ Палестинѣ. Поскольку тамъ будетъ хватать мѣста, а у колонизаціоннаго банка средствъ, туда будетъ идти потокъ переселенія, а на старыхъ мѣстахъ тѣмъ сильнѣе усилится рождаемость, у избраннаго народа, какъ извѣстно, громадная. Въ результатѣ, вмѣсто нынѣшнихъ девяти милліоновъ Евреевъ, будетъ, скажемъ, двѣнадцать: девять въ Европѣ и Америкѣ, три въ Палестинѣ.

Но вотъ вопросъ: что будутъ дѣлать Евреи, вернувшіеся въ Палестину? Здѣсь самое слабое мѣсто сіонизма. Еврей въ земледѣльца не обратится, а безъ этого на что-же ему его старая родина? Наши еврейскія земледѣльческія колоніи живое тому доказательство. Еврей—человѣкъ умственной комбинаціи, человѣкъ гешефта и спекуляціи. Земледѣліе брошено имъ чуть не двѣ тысячи лѣтъ назадъ, и съ тѣхъ поръ уже пересталъ онъ быть гдѣ-бы то ни было кореннымъ жителемъ. Онъ можетъ жить лишь тамъ, гдѣ вокругъ него христіане-земледѣльцы, которые и будутъ его кормить въ обмѣнъ за торговыя и умственныя услуги, которыя Еврей оказываетъ. Предоставленные себѣ, скученные въ одномъ мѣстѣ Евреи погибнутъ, или разбѣгутся.

Вообразимъ вещь совершенно невозможную. Отдѣлимъ мысленно уголъ русской территоріи, достаточный для водворенія и полнаго обезпеченія всѣхъ нынѣ живущихъ въ Россіи Евреевъ. Очистимъ, напримѣръ, три западныхъ губерніи: Виленскую, Ковенскую и Гродненскую отъ христіанъ и отведемъ послѣднимъ мѣста, гдѣ угодно. На мѣсто нхъ передвинемъ все русское Еврейство, между которымъ раздѣлимъ землю и которому отдадимъ города подъ единственнымъ условіемъ, чтобы ни одинъ Еврей ноги не накладывалъ въ Россію. Да-

димъ имъ полную автономію и возможность торговыхъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ.

Если въ такомъ положеніи очутилось-бы любое изъ остальныхъ племенъ человѣчества, оно-бы прекрасно устроилось, свило бы себѣ независимое и болѣе или менѣе теплое гнѣздо. Но можно себѣ вообразить тотъ ужасъ бѣдствія, въ которомъ очутятся Евреи! Это будетъ рядъ страданій и въ концѣ голодъ, ибо только ничтожная часть Евреевъ найдетъ охоту и способность обрабатывать землю. Вѣдь мы всѣ знаемъ, что Еврей лучше согласенъ съузить свои потребности, лишить себя самаго необходимаго, чѣмъ стать за плугъ. Если въ эту новую Палестину мы не пустимъ нашихъ христіанскихъ рабочихъ, она не просуществуетъ и года, ибо ея обитателей ничѣмъ на мѣстѣ не удержишь.

Вотъ почему мы не придаемъ большого значенія сіонистскому движенію. Не на землю Евреи стремятся, не туда они смотрятъ. Имъ, во что́-бы то ни стало, нужно *разрѣдиться* между другими племенами, которыя должны ихъ кормить. Въ этомъ ужасная трагедія еврейскаго народа. Западная Европа и Америка, давъ широкій просторъ и власть израильскимъ царямъ, крупнымъ биржевикамъ и капиталистамъ, рѣшительно не даетъ у себя мѣста еврейской мелкотѣ, ибо высокая культура и развитая общественность при множествѣ коопераціи дѣлаетъ мелкія, спеціально еврейскія, услуги тамошнему населенію ненужными. Даже въ нашей Польшѣ растетъ своеобразное движеніе къ освобожденію населенія отъ еврейской эксплуатаціи. Открываются христіанскія лавки, христіанскіе постоялые дворы, возникаетъ христіанскій классъ ремесленниковъ и спеціалистовъ, дружно поддерживаемый населеніемъ. Перестаютъ лѣчиться у врачей-Евреевъ, бриться у Евреевъ-парикмахеровъ, покупать въ еврейскихъ лавкахъ. Это движеніе страшнѣе всякихъ погромовъ. Вотъ почему такъ настойчиво домогаются Евреи уничтоженія русской черты осѣдлости.

Но къ этому вопросу мы еще надѣемся вернуться, а пока закончимъ тѣмъ, съ чего начали. Ничего отъ сіонистскаго движенія мы не ждемъ, какіебы размѣры оно ни принимало. Чтобы найти себѣ прочное будущее, Евреямъ нужно избавиться не только отъ своихъ взглядовъ и предразсудковъ, но и отъ множества своихъ чисто расовыхъ свойствъ, почти переродиться. Безъ этого у христіанъ, между которыми и на счетъ которыхъ Евреи живутъ, никогда не погаснетъ недоброе къ нимъ чувство, выражающееся иногда въ столь безобразныхъ и дикихъ формахъ, какъ еврейскіе погромы. Безъ этого и намъ остается лишь ограничивать Евреевъ, хотя-бы и внѣшними мѣрами, защищая великаго хозяина Россіи—русскій народъ.

Вооруженный народъ.

КАКЪ-БЫ ни развивалась дальше, какъ-бы ни кончилась англо-трансваальская война, ея послѣдствія будутъ по истинѣ неизмѣримы. И не только политическія послѣдствія для цѣлаго ряда великихъ и малыхъ державъ, но и внутреннія, бытовыя для каждаго народа, прикосновеннаго къ мiровой жизни. Весь внутренній строй приходится переламывать и передѣлывать, ибо важнѣйшая часть народной организаціи, ея военная сила подлежитъ полному переустройству.

Чтобы уяснить себѣ этотъ вопросъ,—можетъ-быть, самый большой въ началѣ будущаго столѣтія,—сдѣлаемъ такое предположеніе. Ну, положимъ, англійская армія плоха, англійскіе генералы неспособны, англійскіе офицеры только спортсмены, чуждые по духу своимъ частямъ, да и самыя эти «части», составленныя изъ наемниковъ, дерутся безъ одушевленія и т. д. и т. д. А что, еслибы вмѣсто англійской, относительно плохой, въ Африкѣ противъ крестьянскихъ республикъ дѣйствовала-бы хорошая европейская армія, наша, напримѣръ, или нѣмецкая? Справилась-ли бы она легко съ Бурами? Или, можетъ-быть, не оказалась-ли бы *всякая* регулярная армія болѣе или менѣе въ такомъ-же положеніи, какъ Англичане?

Вопросъ этотъ вовсе не праздный. Онъ ставится такъ: на одной сторонѣ армія въ современномъ смыслѣ, т.-е. дисциплинированная вооруженная сила, состоящая изъ людей, въ лучшемъ возрастѣ жизни, спеціально обученныхъ всей техникѣ военнаго дѣла и идущихъ массой. На другой множество людей всякаго возраста, ни съ какими техническими военными тонкостями незнакомыхъ, но вооруженныхъ послѣдняго образца оружіемъ, умѣющихъ отлично стрѣлять и обладающихъ высокими индивидуальными качествами: одушевленіемъ въ борьбѣ за родину, неутомимостью, хладнокровіемъ и той высшей нравственной дисциплиной, которая заставляетъ повиноваться власти и довѣрять ей не одного страха ради.

И раньше, какъ удостовѣряетъ военная исторія, народныя, партизанскія войны были чрезвычайно тяжелы для регулярныхъ армій, несмотря на то, что въ этихъ войнахъ всѣ преимущества вооруженія, снаряженія и продовольствія были на сторонѣ регулярныхъ армій. Что-же будетъ тогда, когда этихъ преимуществъ не будетъ, какъ, напр., случилось въ трансваальской войнѣ, гдѣ правительство Буровъ заранѣе позаботилось и объ отличномъ вооруженіи, и о всякихъ запасахъ? У регулярной арміи остается ея военная техника, да и та оказывается ни къ чему не пригодной, а иногда и прямо стѣснительной. Пока эти «маневрирують», т.-е. перестраиваются и пр. по всѣмъ правиламъ искусства, Буры, изображающіе конную пѣхоту, т.-е. въ нѣкоторомъ родѣ сухопутный флотъ, вскакиваютъ на своихъ лошадокъ и появляются совершенно неожиданно въ другомъ мѣстѣ, съ фланга или тыла.

Съ бездымнымъ порохомъ, съ узкими длинными и необычайно далеко бьющими пулями, съ механическими пушками и пр. и притомъ въ войнѣ оборонительной, т.-е. на своей территоріи, гдѣ каждый холмикъ, каждая лощинка насквозь извѣстны, такое, какъ у Буровъ, народное ополченіе при столкновеніи съ регулярною арміею пріобрѣтаетъ всѣ преимущества. Что прикажете дѣлать воюющей съ ними регулярной арміи? Артиллеріей врага не проймешь, потому что, собственно говоря, стрѣлять не во что. Никакихъ «массъ» нѣтъ. Кавалерійскія атаки безцѣльны и безполезны. Движеніе пѣхоты затруднено до послѣдней возможности. Обороняющіеся разсыпались на огромномъ пространствѣ, заранѣе отмѣтили (и даже мѣломъ посыпали!) разстоянія и стрѣляютъ хладнокровно, безъ промаха, при чемъ пуля пронизываетъ чуть не десять человѣкъ. При безумной храбрости и настойчивомъ движеніи впередъ обороняющійся бросаетъ свои ровики и исчезаетъ, но горе зарвавшемуся отряду! Непріятель уже собрался въ другомъ мѣстѣ, на другомъ холмѣ, и осыпаетъ его пулями съ фланга и сзади.

Какъ-бы ни были хороши регулярныя войска, солдата не передѣлаешь, усвоенной тактики не измѣнишь. Кавалерійская развѣдка, подготовка атаки артиллеріей и затѣмъ пѣхотная атака, вотъ обычная обстановка регулярнаго боя. Здѣсь все это падаетъ, ибо врагъ не видимъ, ибо онъ только осязаемъ, не будучи самъ доступнымъ. Вся тактика и стратегія переворачиваются вверхъ дномъ.

Вообразимъ себѣ, ну хоть русско-германскую войну при нынѣшнихъ условіяхъ, и пусть Германія будетъ нападающею. Мы противупоставляемъ ея инвазіонной арміи нашу, опирающуюся на крѣпости, ея кавалеріи и артиллеріи— свои. Обѣ арміи стремятся соблюсти старые стратегическіе принципы. Война идетъ по всѣмъ правиламъ. Рядъ сраженій. Побѣда склонилась на нашу сторону. Нѣмцы отступаютъ. Мы входимъ на непріятельскую территорію. Наталкиваемся на крѣпости и т. д. Крѣпости обложены, можно идти впередъ. Пока идетъ счастье, можемъ еще разъ въ генеральномъ сраженіи разбить главныя силы Нѣмцевъ, и война сама собою кончается, ибо у Германіи не хватитъ силы сопротивленія. Обратный случай. Разбиты мы. Нѣмцы обложили наши крѣпости. захватили желѣзныя дороги и двигаются по нашимъ слѣдамъ. Наша сила сопротивленія неизмѣримо больше, а потому война не заканчивается, а затягивается а пока цѣлый край захваченъ непріятелемъ, который благоразумно не торопится углубляться. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ война идетъ между двумя регулярными арміями, а такъ называемое мирное населеніе не при чемъ. Оно только пассивный зритель. Войдемъ въ Германію мы, нѣмецкое населеніе, т.-е. горожане и крестьяне, будутъ сидѣть смирно, поставляя намъ провіантъ и фуражъ. Войдутъ къ намъ Нѣмцы, мы будемъ дѣлать то-же самое въ занятомъ ими краю, такъ какъ теперь даже сжечь селеній будетъ нельзя, ибо нѣтъ лѣсовъ, куда-бы можно было спрятаться, какъ отъ французовъ, нѣтъ запасовъ которыми можно-бы было пропитаться. Увезти же населеніе съ наиболѣе цѣннымъ скарбомъ назадъ, въ глубь страны, едва-ли поспѣютъ желѣзныя дороги.

Въ такомъ положеніи является невольное искушеніе, и даже не искушеніе, а политическая необходимость увеличивать все больше и больше армію, улучшать артиллерію и пѣхотное вооруженіе, строить стратегическія дороги, держать подъ ружьемъ массу молодежи и долго ее обучать и т. д. Противники все время будутъ ревностно слѣдить другъ за другомъ, чтобы, помилуй Богъ, не оказаться слабѣе. И конца этому не видно, тѣмъ болѣе, что разрушительныя изобрѣтенія безконечны, политическія задачи все обостряются, а мирныя теченія какія-бы сочувствія ни возбуждали, фактически ничего остановить не могутъ.

Совсѣмъ другая картина получилась-бы, еслибы вмѣсто регулярныхъ армій съ казармами и крѣпостями непріятель встрѣтилъ на пути своего нашествія вооруженный народъ, ну тѣхъ-же самыхъ нашихъ великорусскихъ, бѣлорусскихъ и польскихъ крестьянъ, вооруженныхъ малокалиберными магазинками, предводительствуемыхъ образованными спеціалистами-офицерами и снабженныхъ въ изобиліи всякими запасами. Каждый отличный стрѣлокъ, каждый на своей лошадкѣ, каждый защищаетъ свой домъ, свою семью, знаетъ каждый холмикъ и кустикъ. И все это связано единствомъ команды, какъ и единствомъ цѣли.

Развѣ при этихъ условіяхъ вступая на территорію народа, въ преобладающемъ большинствѣ земледѣльческаго, любая инвазіонная армія не рисковала-бы оказаться въ положеніи Англичанъ въ этой несчастной для нихъ войнѣ съ Бурами? Развѣ этотъ вооруженный народъ-земледѣлецъ не оказался-бы тѣми-же Бурами?

При самыхъ тяжкихъ, самыхъ несчастныхъ условіяхъ войны, чѣмъ далѣе углублялся-бы непріятель въ страну, тѣмъ сильнѣе сгущалась-бы передъ нимъ сила сопротивленія. У Буровъ нѣтъ и быть не можетъ разбитыхъ армій, потому что нѣтъ и самыхъ армій. Оттѣсненные въ одномъ пунктѣ, они собираются въ другомъ. Армія ихъ вѣчно слагается и разлагается и никогда не выходитъ изъ строя.

Могли-ли бы наши почтенные сосѣди осуществить подобную вооруженную силу—сказать трудно. Но что для насъ это не только возможно, но послѣ уроковъ трансваальской войны даже прямо обязательно, въ этомъ врядъ-ли можно усомниться. Недаромъ же однородная идея мелькнула не у одного пишущаго эти строки, но одновременно у многихъ и успѣла уже выразиться въ печати. Такъ независимо одинъ отъ другого возникли проекты огромной стрѣлковой дружины съ одной стороны, «стомилліонной крестьянской арміи» съ другой.

Первый проектъ сталъ сразу на пути къ осуществленію. Группа именъ, подписавшихся въ качествѣ основателей дружины, говоритъ о совершенной серіозности идеи: раздѣлить всю Россію на стрѣлковые округа и начать пріучать населеніе владѣть оружіемъ. Второй проектъ менѣе серьезенъ. Его авторъ прямо началъ съ совершенно непродуманной цифры. Маленькій ариѳметическій подсчетъ могъ-бы подсказать ему, что 130-милліонное населеніе Россіи физически не можетъ дать армію не только въ 100, но даже въ 50 милліоновъ человѣкъ ибо цѣлыхъ 65 милліоновъ нужно отдѣлить на женщинъ, а изъ остальныхъ

65 надо исключить хотя-бы только дѣтей и преклонныхъ стариковъ, не могущихъ не только стрѣлять, но даже и поднять ружья. Авторъ сказалъ-бы проще: «вооруженный народъ»—и всѣ-бы его отлично поняли.

Какъ-бы тамъ ни было, мысль объ этомъ вооруженномъ народѣ-земледѣльцѣ вошла во всеобщее сознаніе и сама просится на бумагу. Еще не останавливаясь на ея подробностяхъ, еще не облекая ее въ форму, сколько-нибудь похожую на проектъ, не трудно уловить главныя основанія той науки, которую даютъ намъ южно-африканскіе крестьяне-колонисты.

Эти основанія сводятся вотъ къ чему. Во-первыхъ, должна совершенно измѣниться нынѣшняя воинская повинность. Не часть молодежи, *а все мужское населеніе*, исключая физически неспособныхъ, *должно пройти черезъ военную школу*. Нѣкоторая часть молодежи, которая будетъ чувствовать къ дѣлу особенное призваніе и займется имъ болѣе спеціально, дастъ офицерскій корпусъ.

Во-вторыхъ, долженъ совершенно измѣниться самый строй военнаго обученія. Множество тонкостей, нужныхъ для регулярной арміи, для солдата совершенно отпадаютъ. Буры не учились ни сложнымъ построеніямъ, ни маневрированію, ни множеству военныхъ тонкостей ремесла. Жалѣть объ этомъ имъ во всю компанію вѣроятно не приходилось. Зато необходимо блистательное обученіе стрѣльбѣ, глазомѣру, приспособленію къ мѣстности и пр. Но времени для этого потребуется немного, такъ какъ при дѣйствіи этой системы «вооруженнаго народа», стрѣльбу усвоитъ себѣ каждый юноша задолго до поступленія въ военную часть.

Въ-третьихъ, въ связи со сказаннымъ, должно сократиться, и очень сильно, время пребыванія подъ знаменами. Одного года будетъ болѣе, чѣмъ достаточно для теоретическаго усвоенія стрѣльбы и практики военныхъ упражненій въ полѣ. Въ этотъ годъ человѣкъ посвятитъ себя военному дѣлу особенно прилежно, не забывая его затѣмъ всю жизнь, и вмѣстѣ съ тѣмъ это военное дѣло почти не будетъ его отрывать отъ его мирныхъ занятій и семьи.

Въ-четвертыхъ, военная часть утративъ значеніе части регулярной арміи, пріобрѣтетъ значеніе настоящей *народной школы*. При крайней интенсивности занятій въ теченіе этого года, кромѣ нехитрой военной науки, крестьянская молодежь будетъ имѣть возможность пополнить и общее свое образованіе, и изучить кое-что полезное для мирнаго времени.

Въ-пятыхъ, долженъ измѣниться способъ размѣщенія войскъ и ихъ управленія. Единицею военно-народной организаціи будетъ *не искусственная* тактическая единица, какъ, напр., полкъ, а *естественная*, территоріальная, напр. приходъ. Если принять средній приходъ въ 3000 душъ, то $^1/_4$ этого состава будетъ состоять въ военныхъ спискахъ. Военный начальникъ прихода—офицеръ-спеціалистъ и будетъ командиромъ этого состава, т.-е. на его обязанности будутъ лежать постоянное совершенствованіе людей въ стрѣльбѣ и полевыя упражненія, завѣдываніе складомъ оружія и аммуниціи, завѣдываніе запасомъ продовольствія и снаряженія и т. д. Регламентировать его роль, обязанности и

объемъ власти, безъ малѣйшаго стѣсненія для жителей никакого затрудненія не представитъ.

Группы приходовъ дадутъ болѣе крупныя территоріальныя-же единицы, гдѣ кромѣ «конной пѣхоты» будутъ уже и артиллерія, и интендантскіе (земскіе) склады, и ремонтныя мастерскія, и все то, что нынѣ составляетъ дивизіонное хозяйство

Всякія возраженія противъ такой системы національной обороны умолкаютъ сами собой подъ впечатлѣніемъ ежедневно доходящихъ вѣстей съ театра войны. Буры показали всему міру, что можно выдерживать простую крестьянскую войну и вести ее славно и побѣдоносно, обладая только тремя элементами: національнымъ единствомъ и патріотизмомъ, хорошимъ оружіемъ при умѣньи имъ пользоваться и порядочными начальниками. При этихъ условіяхъ двѣ крестьянскія республики съ населеніемъ трехсотъ тысячъ человѣкъ, т.-е. четыре-пять нашихъ среднихъ уѣздовъ, отважились вызвать на бой великую міровую державу и вотъ уже полгода, какъ ведутъ этотъ бой съ величайшею славою. Чтó-же можетъ сдѣлать стотридцатимилліонный народъ, обладающій всѣми необходимыми свойствами тѣла и духа, организованный подобнымъ образомъ? И какая другая военная организація ему по плечу?

Послѣдствія денежнаго кризиса.

Съ Юга идутъ неутѣшительныя вѣсти о развивающемся все дальше и дальше промышленномъ кризисѣ. Наше финансовое вѣдомство вполнѣ основательно не сочло возможнымъ удовлетворить домогательство о поддержкѣ, заявленное депутаціей сахарозаводчиковъ, и депутація вернулась въ Кіевъ въ самомъ мрачномъ настроеніи. Спекулятивнымъ заводамъ, спѣшно выстроеннымъ въ разсчетѣ на огромные барыши, но не обезпеченнымъ оборотными капиталами, придется пережить очень крутое время. Къ несчастію, ихъ затрудненія отразятся и на заводахъ солидныхъ, чтó неизбѣжно, такъ какъ кризисъ заключается въ общемъ безденежьи на Югѣ, уже вызвавшемъ рядъ банкротствъ разныхъ банкирскихъ конторъ и серьезныя затрудненія для банковъ.

Еще сильнѣе отразился кризисъ на нашихъ полуиностранныхъ металлургической и угольной промышленностяхъ Юга. Очень серьезный знатокъ и изслѣдователь южнаго нашего района, кн. Мих. Шаховской, сообщилъ недавно въ «Одесскомъ Листкѣ», что съ сентября по настоящее время прекратили дѣйствіе 18 большихъ, преимущественно бельгійскихъ металлургическихъ предпріятій, главнымъ образомъ передѣлочныхъ, и что, съ другой стороны, въ районѣ ст. Алмазной и на Макѣевскихъ рудникахъ лежатъ запасы до 10 милл. пудовъ угля, законтрактованнаго и невзятаго по неимѣнію денегъ. Пассивъ этихъ обществъ доходитъ до $4^1/_2$ милліоновъ рублей, и ликвидація является неизбѣжною,

тѣмъ болѣе, что ихъ правленіямъ не удалось заручиться дальнѣйшимъ притокомъ въ дѣло иностраннаго капитала. Трансваальская война, несмотря на неожиданные успѣхи Англіи, затягивается и конца ей не видно, золото дорожаетъ, а тутъ является еще угроза, что Буры въ отмщеніе своимъ угнетателямъ взорвутъ или вообще уничтожатъ золотопромышленныя устройства и машины, вмѣстѣ съ центромъ золотопромышленности Витватерсранда — Іоганнесбургомъ.

Если эта угроза будетъ исполнена, то весь европейскій, преимущественно англійскій капиталъ, вложенный въ дѣло и достигающій огромной суммы 110 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, или 1 милліарда 100 милл. рублей, будетъ уничтоженъ и компаніямъ все придется заводить заново, т.-е. не только собирать новые капиталы, но терять годъ-полтора времени, въ теченіе котораго свыше, чѣмъ $^1/_4$ часть всей міровой добычи золота пролежитъ въ землѣ.

Это должно самымъ тяжелымъ образомъ отозваться на снабженіи золотомъ міровой промышленности и нанести огромный ущербъ всѣмъ странамъ съ золотою валютою (а таковая, кромѣ Китая, Мексики, Абиссиніи и Персіи, введена уже во всемъ мірѣ).

Не можетъ это не отразиться и на нашемъ денежномъ обращеніи, какъ впрочемъ это уже и было признано съ компетентной стороны. Въ рескриптѣ Государя Императора на имя министра Финансовъ, данномъ 8 декабря прошлаго года, было указано прямо, что, согласно мнѣнію Финансоваго Комитета, причиною неблагопріятнаго положенія, переживаемаго нашимъ денежнымъ рынкомъ, слѣдуетъ считать ухудшеніе нашего разсчетнаго баланса, усложненн. денежнымъ кризисомъ міровымъ, стоящимъ въ тѣсной связи съ южно-африканскою войною.

Но въ то время, т.-е. въ декабрѣ 1899 г., о положеніи нашего торговаго и разсчетнаго баланса за 1899 годъ можно было судить лишь приблизительно, такъ какъ таможенная статистика еще не могла быть закончена и опубликована. Теперь это сдѣлано, и на этихъ дняхъ «Новое Время» въ статьѣ «Торговый балансъ» подвело итоги. Оказывается, что разница между ввозомъ къ намъ и вывозомъ нашихъ произведеній, по таможеннымъ даннымъ, составляетъ дефицитъ въ 37 милл. рублей новаго чекана ($^1/_{15}$ имперіала).

А такъ какъ постоянно въ теченіе долгаго ряда лѣтъ и на значительныя суммы активный результатъ нашего торговаго баланса давалъ значительную часть средствъ на покрытіе нашего собственно-разсчетнаго баланса, т.-е. товарнымъ избыткомъ Россія пополняла и свои внѣшніе платежи, и расходы казны и своихъ путешественниковъ, то очевидно, что ухудшеніе товарнаго баланса и обращеніе его въ 1899 году въ пассивный не могло не отозваться на балансѣ разсчетномъ, отъ котораго при металлическомъ обращеніи прямо зависитъ денежное снабженіе страны.

Дефицитъ въ разсчетномъ балансѣ можетъ быть покрытъ тремя способами: государственными займами, привлеченіемъ иностранныхъ капиталовъ, или уходомъ металлическихъ денегъ за границу. Такъ какъ за послѣднее время прямыхъ государственныхъ займовъ (если не считать займы желѣзнодорожные, дворянскіе

и перепродажу ренты за границу) у насъ дѣлаемо не было, то дефицитъ разсчетнаго баланса изъ года въ годъ покрывался избыткомъ товарнаго отпуска и привлеченіемъ иностранныхъ капиталовъ. Металлическій паритетъ держался прочно, у государства былъ собранъ огромный золотой запасъ и, съ осуществленіемъ денежной реформы, значительная часть золота (около 650 милл. рублей) могла даже быть выпущена въ народное обращеніе въ видѣ золотой монеты, безъ особаго опасенія за ея уходъ за границу. Этимъ создавались «каналы золотаго денежнаго обращенія», какъ того требовала финансовая наука.

Съ ухудшеніемъ торговаго баланса и съ заминкою въ дальнѣйшемъ притокѣ иностранныхъ капиталовъ не могло не обнаружиться то явленіе, что нашъ вексельный курсъ, равно какъ и курсъ нашихъ фондовъ, сталъ падать. Промышленность во всемъ мірѣ почувствовала обостренную нужду въ деньгахъ и избытокъ бумаги-товара въ видѣ всевозможныхъ процентныхъ бумагъ, которыя поэтому и стали терять цѣну. Нужда въ деньгахъ затруднила банковскій кредитъ, сдѣлала невѣрною уплату денегъ по векселямъ и поставила промышленниковъ въ невозможность учесть иногда векселя самые благонадежные. Отсюда начали страдать самыя выгодныя дѣла, какъ, напр., металлургическія, огражденныя высокой пошлиной и снабженныя казенными заказами. Стало жаловаться на безденежье угольное дѣло, потерявшее свою доходность даже при сильно возросшихъ цѣнахъ на топливо. Накопецъ, недавно въ недѣльномъ отчетѣ французскаго національнаго банка появилась цифра 15 милл. франковъ золота, полученнаго изъ Россіи.

Согласно публикуемымъ балансамъ нашего Государственнаго Банка, его золотой запасъ за послѣдніе мѣсяцы колебался довольно незначительно и существенному уменьшенію не подвергался. Отсюда слѣдуетъ заключить, что потеря Россіею своего золота совершается за счетъ народнаго обращенія. Это подтверждается какъ прошлогоднимъ циркулярнымъ распоряженіемъ банка о выдачѣ золота въ платежи только *по желанію* получателей, такъ и увеличеннымъ, милліоновъ на 40, выпускомъ кредитныхъ билетовъ. Печальнѣе всего то, что Государственному Банку, главному регулятору денежнаго обращенія въ Имперіи, приходится всячески сжимать свои кредиты, предоставляя промышленность услугамъ однихъ частныхъ банковъ, частные-же банки, какъ и всегда во время кризиса, находятся сами въ весьма плачевномъ положеніи, вынужденные держать чрезмѣрно большую наличность, чтобы удовлетворять своимъ обязательствамъ и тоже сокращаютъ свои кредитныя операціи.

Какое дальнѣйшее развитіе приметъ денежный кризисъ и какимъ путемъ будетъ достигнуто поправленіе пошатнувшагося въ прошломъ году нашего товарнаго баланса,—предъугадать трудно. Во всякомъ случаѣ Государственному Банку предлежатъ двѣ совершенно различныя по существу, но одинаково важныя задачи: ему необходимо съ одной стороны употреблять всѣ зависящія мѣры, чтобы не пошатнулась наша молодая денежная система и для этого волей-неволей стѣснять денежное обращеніе, добровольно отказываясь отъ предоставленной ему закономъ нормы выпуска кредитныхъ знаковъ; съ другой стороны ему

приходится расширять денежное обращенiе, дабы не дать погибнуть нашей молодой промышленности, большинство новыхъ дѣлъ коей было основано въ разсчетѣ на совершенно иное денежное состоянiе рынковъ, чѣмъ теперь.

Промышленность сильныхъ экономически и денежно странъ, какъ Англiя, Францiя, Германiя, особенно послѣдняя, хотя и страдаютъ отъ денежнаго кризиса, обостреннаго южно-африканскою войной, но тамъ эта промышленность стоитъ прочно на своихъ ногахъ и имѣетъ для себя богатые мiровые рынки и денежное обращенiе, опирающееся на превосходные разсчетные балансы. Наша промышленность обслуживаетъ почти исключительно наше захудалое земледѣлiе и страдаетъ вмѣстѣ съ нимъ. Съ другой стороны она опирается на денежную систему никакъ не могущую укрѣпиться и, къ несчастiю, лишенную хорошаго разсчетнаго баланса. Отсюда тяжелое положенiе, которое мы переживаемъ и которое столь печально отражается на нашемъ экономическомъ ростѣ.

Американизмъ.

Далеко-ли кажется то время, когда Сѣверная Америка являлась мiромъ совершенно изолированнымъ отъ Стараго Свѣта, живущимъ исключительно собою и для себя? И вотъ, въ послѣднiе годы Соединенные Штаты начинаютъ изъ этой изолированности выходить по всей линiи. Настоящаго вмѣшательства въ европейскiя дѣла еще нѣтъ, но это вмѣшательство зрѣетъ, готовится. Американецъ чувствуется въ Европѣ не только какъ богатый чудакъ-туристъ, или до дерзости смѣлый инцiаторъ, предприниматель и торговецъ. Онъ уже человѣкъ идеи. Онъ недоволенъ установившимися въ Старомъ Свѣтѣ распорядками и во имя общности бѣлой цивилизацiи выступаетъ пока съ совѣтами и поправками. А такъ какъ Янки при всемъ его чудачествѣ великiй здравомыслъ и практикъ, а Европа и устала, и начинаетъ явно отставать, то, чего добраго, Новый Свѣтъ и добьется того, о чемъ уже мечтаютъ тамошнiе передовые люди, у которыхъ самая кулаческая практичность не мѣшаетъ порою удивительному полету фантазiи и грандiознѣйшимъ построенiямъ. Роль эта— духовное и культурное первенство, даже прямое руководительство общечеловѣческою цивилизацiей. Чуткiе славянофилы давно уже это явленiе предугадали и предсказали. И. С. Аксаковъ въ одномъ очень раннемъ стихотворенiи говоритъ, напр., обращаясь къ Россiи, которая, по вѣрованiямъ славянофиловъ, является носительницею будущей цивилизацiи:

Безсильны въ немъ (т.-е. въ русскомъ народѣ)
и мысль, и слово,
Его сынамъ отрадна ночь,
Въ нихъ вѣра мертвенна Христова
И дѣлать дѣло имъ не въ мочь...
. . . .

Здѣсь все всегда всему покорно
И равнодушно ко всему,
Здѣсь и добро неплодотворно:
Смѣется зло въ глаза ему...

И тутъ-же въ параллель приводится Сѣверная Америка:

А тамъ, за дальнимъ океаномъ,
Смотри, свободный міръ растетъ:
Склонись предъ юнымъ великаномъ,
О малодушный мой народъ!
Тамъ не страшитъ людей работа,
Трудиться—тамъ для всѣхъ законъ.
Мірское благо—всѣхъ забота
И всякій волей одаренъ.
Тамъ свѣтитъ всѣмъ познанья пламя,
Наука тамъ не мертвый плодъ,
У всѣхъ людей одно тамъ знамя:
„Свобода!“ и впередъ, впередъ!
И вотъ, Господь неумолимо
Мою Россію отстранитъ
И тотъ народъ неутомимый
На подвигъ свой благословитъ.

Положимъ, что во второй половинѣ стихотворенія, сравнивая Россію съ Волгой, закованной льдомъ и занесенной снѣгомъ, поэтъ-публицистъ опровергаетъ свой будто-бы малодушный пессимизмъ и пророчитъ весну, которая разломаетъ ледъ и т. д., но поэтическое видѣніе воплощено и назадъ его не возьмешь. Не потому-ли и не возвращался уже почти никогда И. С. Аксаковъ къ Америкѣ впослѣдствіи?

Но это между прочимъ. Я хотѣлъ обратить вниманіе читателей на одну новѣйшую американскую идею, съ нашей точки зрѣнія нѣсколько забавную, до безумія смѣлую и вмѣстѣ съ тѣмъ по-американски практическую, о которой у насъ здѣсь, кажется, до сихъ поръ даже намекомъ не было слышно. Эту идею я случайно могъ прослѣдить по интереснѣйшимъ документамъ и постараюсь изложить ее, какъ съумѣю.

Рѣчь идетъ не меньше и не больше, какъ о возрожденіи католичества, да не какого-нибудь мѣстнаго американскаго, а всемірнаго, папскаго, съ Римомъ въ качествѣ вселенскаго церковнаго центра, но на совершенно новыхъ, «американскихъ» началахъ.

Какъ это ни покажется сразу невѣроятнымъ, но это не шутка и не праздная мистификація, а серьезнѣйшее дѣло, коимъ одушевлена и занята, какъ одинъ человѣкъ, огромная и развѣтвленная сѣверо-американская католическая Церковь. И чѣмъ это все кончится, предсказать невозможно, ибо въ разгорѣвшейся борьбѣ старое католичество въ старомъ Римѣ уже успѣло попасть въ ловушку. Оно корчится и изворачивается передъ грозной дилеммой: отсѣчь отъ себя и навѣки потерять очень сильную и свѣжую свою вѣтвь, или начать пи-

таться соками этой вѣтви, засушивъ и обрубивъ все старое, къ жизни уже неспособное. Прежнее итальянское папство, пожалуй, и не затруднилось-бы эту вѣтвь отсѣчь, но по всей старой Европѣ идетъ грозный кличъ „Los von Rom", силы католичества слабѣютъ, установившіяся рамки трещатъ. Вонъ уже въ Южной Америкѣ, при молчаливомъ попустительствѣ св. престола, ксендзы вѣнчаютъ другъ друга «въ сущемъ санѣ» и везутъ своихъ женъ на приходы посреди привѣтственныхъ кликовъ населенія, которому надоѣли невыносимые ксендзовскіе развратъ и лицемѣріе...

Движеніе, о которомъ идетъ рѣчь, началось съ избраніемъ папою Льва XIII. Въ Ватиканѣ опредѣлилась новая струя. Католическая Церковь заговорила давно неслыханнымъ терпимымъ и либеральнымъ языкомъ. Она начала выдвигать христіанскую демократію, мириться съ республиканскимъ духомъ, мечтать о соединеніи Церквей. Американскіе католическіе епископы, группировавшіеся до сихъ поръ довольно враждебно старой папской политикѣ нетерпимости, горячо схватились за новое теченіе и чувствовали большой конфузъ, что тамъ, на старомъ материкѣ, этому движенію серьезнаго значенія не придаютъ. Папскій либерализмъ, надъ которымъ улыбались въ католическихъ кругахъ Европы, какъ надъ ловкимъ маневромъ, они принимали, наоборотъ, за чистую монету или дѣлали видъ, что принимаютъ, и рѣшили извлечь изъ него возможную пользу.

Прежде всего было необходимо добиться большей церковной автономіи для Америки. Постоянныя обращенія къ Риму, очень дорогія и достаточно безполезныя, надоѣли порядкомъ американскому клиру, который «промежду себя» называлъ Ватиканъ своего рода malum necessarium. Была составлена въ этомъ родѣ петиція, которая, сверхъ всякаго ожиданія, была принята папою съ необыкновенною предупредительностью. Папа давалъ больше, чѣмъ даже Американцы требовали, но подъ однимъ условіемъ, чтобы «представитель демократическаго начала въ Церкви», американскій апостольскій делегатъ, былъ Итальянецъ, назначаемый непосредственно изъ Рима. Это было нужно, видите-ли, ради церковнаго міра въ старомъ католическомъ свѣтѣ и для бóльшаго авторитета апостольскаго престола въ Новомъ. Монсиньору Айрлэнду, архіепископу Сэнъ-Поля, выпадало на долю въ лицѣ монсиньора Сатолли провести папскаго деревяннаго коня въ американскую Трою, т.-е. «руководить первыми шагами» апостольскаго делегата.

Въ числѣ условій назначенія этого представителя было между прочимъ поставлено обязательство дѣйствовать въ національномъ американскомъ духѣ и считаться съ свободными воззрѣніями и нравами Янки. Затѣмъ папа обѣщалъ словесно, что слѣдующій апостольскій викарій будетъ уже Американецъ. Три года продолжалась молчаливая борьба, пока наконецъ дѣло дошло чуть не до открытаго разрыва. Болѣе всего оскорбило и задѣло Американцевъ за живое смѣщеніе монсиньора Кина (Kean), знаменитаго основателя и ректора католическаго университета въ Вашингтонѣ.

Это былъ либеральнѣйшій и ученѣйшій католическій епископъ, обладавшій настолько широкими взглядами, что его очень любили и цѣнили даже въ про-

тестантскихъ кругахъ. Сознавая научную отсталость, почти невѣжество католическаго духовенства, онъ стремился создать для него истинный просвѣтительный центръ. Но національныя стремленія почтеннаго прелата были настолько сильны, что въ Римѣ заподозрили, будто именно онъ выразитель стремленія не допускать Итальянца на постъ преемника монсиньора Сатолли, что, хотя и было обѣщано папою Американцамъ, но тотчасъ же забыто. Борьба зашла такъ далеко, что папѣ пришлось выбирать: или отказаться отъ всякаго вліянія на американскую Церковь и уступить, или устранить Кина хотя-бы даже съ рискомъ вызвать взрывъ негодованія, а можетъ-быть, и послѣдствія гораздо болѣе серьезныя.

Папа пошелъ на рискъ и монсиньоръ Кинъ былъ смѣщенъ. Раздался всеобщій крикъ протеста и притомъ не только изъ лона одной американской католической общины, а изъ всего мѣстнаго духовнаго міра. Однако, никакихъ иныхъ послѣдствій не вышло. Американцы выдержали ударъ и покорились, но съ этого момента возникло движеніе совершенно новое и гораздо болѣе глубокое, которое, повторяю, еще неизвѣстно, чѣмъ кончится.

Съ выдержкой и хладнокровіемъ невозмутимыхъ Янки американскіе епископы принялись за дѣло. «Мы—не легко воспламеняющіеся Французы,—говорилось въ церковныхъ кругахъ,—мы не пойдемъ ни на революцію, ни на расколъ. Но мы и не Азіаты или Африканцы, чтобы спокойно выносить произволъ, хотя бы и непогрѣшимаго папы». И съ чисто американскимъ юморомъ и реализмомъ руководители мѣстнаго клира дали такую формулу: «чѣмъ сваливать съ рельсовъ этотъ огромный локомотивъ, который тащитъ за собою двѣсти пятьдесятъ милліоновъ душъ, мы попытаемся имъ овладѣть, почистить его, привести въ порядокъ и пустить въ ходъ, согласно его высшему предназначенію».

Эта грандіозная идея, вышедшая на свѣтъ Божій года два назадъ, получила названіе «американизма» и привела въ соблазнъ весь огромный католическій міръ.

«Американизмъ», по опредѣленію его сторонниковъ, являлся стремленіемъ американскаго клира укрѣпить и «омолодить» католичество, приведя его въ надлежащую гармонію съ духомъ времени. По опредѣленію іезуитовъ и ихъ друзей, это было теченіе, состоявшее въ отрицаніи всего сверхъестественнаго и въ ниспроверженіи всякой религіи, опирающейся на Откровеніе. Янки хладнокровно отвѣчали, что никакого подобнаго теченія нигдѣ не существовало, кромѣ больной фантазіи фанатиковъ.

Въ Римѣ «американизмъ» вызвалъ великое смущеніе, тѣмъ болѣе сильное, что здѣсь курія, старая изобрѣтательница всякихъ тонкостей и уловокъ, ничего не могла подѣлать съ вонзившимися въ нее стальными ногтями хитраго механизма, придумать который могла только ловкость изобрѣтательнаго Янки.

Въ первый разъ за всю свою долгую исторію папство попало въ смѣшное положеніе и было вынуждено бороться съ системою «но» и «если». Противъ американизма, прятавшагося за эти «если», не было возможности ни въ одномъ

случаѣ употребить тѣхъ громовъ и проклятій, которые папство пускало обыкновенно въ системы, становившіяся поперекъ его дороги.

Здѣсь это средство не годилось. Положеніе было непріятнѣйшее, тѣмъ болѣе, что въ самомъ дѣлѣ ни одно изъ положеній американизма не выходитъ изъ строгаго круга католической доктрины. Наоборотъ, онъ, по убѣжденію его иниціаторовъ, одушевленъ самыми возвышенными стремленіями древней Церкви. Отречься отъ американской программы и осудить ее—значило-бы для папы отречься отъ всего церковнаго преданія.

Въ противоположность Европейцамъ, Американцы-католики, живя посреди протестантовъ, чрезвычайно энергичныхъ и полныхъ личной жизни, заразились также этою личною жизнью и иниціативой. Они сообразили очень хорошо, что европейскій католикъ не можетъ обойтись безъ св. Антонія Падуанскаго и Сердца Іисусова. Американцы по самой натурѣ своей не могли не протестовать противъ этого грубаго «фетишизма», совершенно искоренявшаго изъ вѣрующихъ сердецъ идею Тріединаго Бога.

Прикидываясь совершенно незамѣчающими того, что все, что возвращается Духу, въ сущности отнимается у папы, Американцы съ превеликой ловкостью стараются логически развивать послѣдствія воздѣйствія Духа Святаго на Церковь. На первомъ планѣ здѣсь—свобода изслѣдованія, т.-е. прямо протестантское свободомысліе. Но такъ какъ это безусловно запрещается Римомъ, а Американецъ, человѣкъ дѣла и фактовъ, вовсе не заботится о теоріи, пока она не касается практики, то онъ эту свободу изслѣдованія жертвуетъ папѣ, оставляя себѣ нѣчто иное, гораздо болѣе тонкое и, пожалуй, еще болѣе существенное: «свободное чувство подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ Святаго Духа, а слѣдовательно и свободное дѣланіе». По мнѣнію хитроумнаго американскаго клира эти положенія Церковью никогда ни осуждены, ни запрещены не были. Да и почему должна запрещать ихъ Церковь? Свободное чувство и свободное дѣланіе, внушенное Духомъ Святымъ лично вѣрующему, можетъ вызвать лишь свободное развитіе личности и свободную ея иниціативу. Развѣ Церковь не станетъ въ десять разъ сильнѣе, состоя изъ членовъ полныхъ рвенія и ревности? Математикъ и бухгалтеръ, Американецъ въ заключеніи не усомнится.

Второе послѣдствіе будетъ появленіе «активныхъ добродѣтелей». Католикъ современный, съ американской точки зрѣнія, есть только плакса, умѣющій повиноваться, сокрушаться и молиться. Отнынѣ онъ станетъ сосудомъ дѣятельности, силы, творческой мысли и иниціативы. Онъ будетъ носителемъ добродѣтелей, которыя даже для протестантовъ могутъ послужить образцомъ жизненной правды и гражданскаго долга. А эти качества такъ упорно забывались Римомъ.

Вотъ въ какого рода «капитальный ремонтъ» предположили отдать Американцы старую католическую машину.

Но, возражаютъ имъ, эти новыя идеи вызовутъ необходимость крупныхъ перемѣнъ въ личномъ составѣ церковнаго управленія? Американецъ ничуть этого не желаетъ скрывать и прямо приступаетъ къ рѣшенію вопроса. Монашескіе ордена современной Церкви, воплощающіе въ себѣ «пассивныя и сверхчеловѣ-

ческія добродѣтели» и почти отрицающіе добродѣтель естественную и активную, отойдутъ въ Церкви будущей, построенной по ихъ шаблону, на второй планъ, уступая первое мѣсто бѣлому духовенству, духовенству народному, или точнѣе «свободнымъ союзамъ духовныхъ, соединенныхъ не обѣтами, но свободнымъ признаніемъ красоты и высоты христіанскаго подвига дѣятельной любви къ ближнему».

Съ монастырей американская метла переходитъ на римскую курію, на центральную организацію всемірной Церкви.

Американцы признаютъ въ ней огромный и величественный институтъ, необъятную силу, располагающую 250 милліонами вѣрующихъ. Это—великій плодъ организаторскаго генія Рима. Къ несчастію, тонко замѣчаютъ они, Церковь не умѣетъ направлять эту силу въ духѣ требованій вѣка и въ интересахъ человѣчества. Но пусть верховное ея управленіе перейдетъ въ руки Американцевъ, и они совершатъ чудеса, благодаря присущей имъ личной иниціативѣ, активнымъ и естественнымъ добродѣтелямъ и благодати Святаго Духа, просвѣщающаго ихъ чувства.

Другими словами, не только локомотивъ въ ремонтъ, но и стараго машиниста въ отставку.

Но какъ же все это согласовать съ папскимъ абсолютизмомъ и непогрѣшимостью? Для Американцевъ нѣтъ ничего проще. Ужъ не они, конечно, пожертвуютъ такимъ острымъ и цѣннымъ орудіемъ. Но опять таки на первомъ планѣ практика. Папская непогрѣшимость, говорятъ они, есть величайшая побѣда въ области вѣры, которую когда-либо одерживало человѣчество. Избави Богъ касаться этого догмата! Но... имъ не нужно злоупотреблять. Его не слѣдуетъ выдвигать постоянно впередъ, соблазняя малодушныхъ. На него нужно смотрѣть, какъ на резервную великую силу. Поскольку члены Церкви будутъ сильны, просвѣщены, полны иниціативы и доступны прямому воздѣйствію Духа Святаго, папѣ нужно оставлять ихъ въ покоѣ. Онъ долженъ царствовать, но не управлять, какъ добросовѣстный и умѣренный конституціонный монархъ. И только когда будетъ нарушено политико-церковное равновѣсіе и начнется обостренная борьба партій и мнѣній, тогда папское вмѣшательство и власть будутъ и необходимы, и спасительны. Американцы-католики, какъ видите, отлично понимаютъ значеніе и силу центральнаго авторитета въ Церкви; въ своей откровенности они не стѣсняются говорить, что они любятъ и цѣнятъ Церковь и папство болѣе, чѣмъ сами Латиняне. Они не скрываютъ отъ себя почти неодолимой трудности дать торжество этимъ идеямъ среди итальянскихъ клерикаловъ. Но если бы даже эти идеи и были поняты и приняты, цѣлая стѣна предразсудковъ, дурныхъ страстей, установившихся традицій и національной нетерпимости помѣшала-бы ихъ осуществленію. Отсюда логическая необходимость имѣть папу и коллегію кардиналовъ не Итальянцевъ, но представителей всѣхъ католическихъ народностей въ пропорціи къ ихъ численности и ихъ національнымъ интересамъ.

Къ несчастію, говорятъ Американцы, интересы Италіи и Савойскаго дома не допустятъ пожалуй разъитальяненія Церкви. Отсюда послѣдній шагъ: возвратъ къ необходимости свободной церковной области и возстановленія свѣтской власти папы.

Вотъ какой кругъ пришлось совершить, чтобы придти къ исходной точкѣ. Но зато какая рисуется картина въ величественной фантазіи Янки!

Папа-иностранецъ, однажды водворившійся въ Римѣ, распуститъ армію паразитовъ всѣхъ мастей, безчестящихъ Церковь, и уничтожитъ разныя позорныя учрежденія, возникшія еще при Сикстѣ V, освободитъ Церковь отъ недостойныхъ политическихъ союзовъ, вознесетъ ее выше земной человѣческой политики, очиститъ ея догматическую и обрядовую стороны отъ фетишизма и предразсудковъ, провозгласитъ царство Горняго Іерусалима, обновленнаго современнымъ духомъ и идеями и украшеннаго всѣми трофеями цивилизаціи. Онъ закончитъ споры протестантовъ и свободомыслящихъ, онъ засыплетъ пропасть, отдѣляющую отъ прочихъ религій католичество. Человѣчество, какъ по волшебству, окажется объединеннымъ въ одну духовную семью, какъ дѣти одного Небеснаго Отца и братья о Христѣ.

Таковы идеи и мечтанія «американизма». И передъ этими идеями стоитъ старый католическій міръ, раздумывая, благославлять-ли своихъ заантлантическихъ благодѣтелей или отречься отъ этихъ новшествъ и брести старой дорогой къ неизбѣжному концу?

Выходъ былъ подсказанъ іезуитами: американизмъ былъ осужденъ, но не какъ цѣлое ученіе, а какъ неправильное примѣненіе католическаго ученія. Вожди движенія были тщательно выгорожены.

Американцы и на этотъ разъ въ лицѣ монсиньора Айрленда оказали полную покорность. Теперь обѣ стороны стараются лишь перехитрить другъ друга и между прочимъ Американцы стараются поставить дѣло такъ, что это вовсе не національное американское движеніе, осужденное папою, а сумма желаній всего католическаго міра. Борьба переносится въ Старый Свѣтъ, гдѣ нашлись уже ревностные сторонники возрожденія Церкви по американскому рецепту.

Дальнѣйшія перипитіи борьбы обѣщаютъ большой интересъ. Во всякомъ случаѣ Американцы класть оружія не намѣрены,—папа и іезуиты тоже.

О русско-германскомъ договорѣ.

1904 годъ, годъ возобновленія русско-германскаго торговаго договора когда-то еще наступитъ, а уже въ Германіи начинаютъ къ пересмотру договора готовиться. Разговоры уже начались и въ рейхстагѣ. Евг. Рихтеръ съ точки зрѣнія своей партіи свободомыслящихъ уже заявилъ (по поводу преній о флотѣ), что Германія должна быть готова, ради

заключенія торговаго договора съ Россіей, понизить кое-какія свои пошлины, сдѣлать-же это она можетъ лишь тогда, если не будетъ нуждаться въ средствахъ, извлекаемыхъ изъ этихъ пошлинъ.

Съ легкой руки Рихтера заговорили и другіе, и теперь не проходитъ дня, чтобы о русско-германскомъ договорѣ не дѣлалось докладовъ, не говорилось рѣчей, не появлялось статей и замѣтокъ и притомъ въ самыхъ разнообразныхъ смыслахъ.

Главныхъ теченій два. За возобновленіе договора вся безъ исключенія нѣмецкая промышленность. Противъ договора, и тоже довольно единодушно, все сельское хозяйство, пресловутая аграрная партія, изображающая собой крупную общественную и парламентскую силу.

Промышленники говорятъ: продуктамъ русскаго земледѣлія, ввозимымъ въ Германію, нужно предоставить всякія льготы, если Россія предоставитъ съ своей стороны новыя льготы нѣмецкой промышленности. Выигрышъ для Германіи будетъ двойной: подешевѣютъ продовольственныя средства дома и расширится рынокъ для вывоза товаровъ.

Аграріи говорятъ: не только понижать пошлины для предметовъ русскаго ввоза невозможно, но нельзя и оставлять нынѣшнихъ. И при этихъ пошлинахъ германское земледѣліе бездоходно. Русскій хлѣбъ намъ не нуженъ. Если мы его устранимъ вовсе, но поднимемъ наше земледѣліе еще выше, оно будетъ прокармливать вдвое большее населеніе, чѣмъ сейчасъ. Какъ ни важны интересы промышленности, *но развивать ее за счетъ земледѣлія значитъ вести плохую политику,* ибо не промышленность, а земледѣліе представляетъ главную основу могущества и благосостоянія имперіи.

Словомъ, говорится точь въ точь то-же, что и въ 1892—93 годахъ, т.-е. передъ заключеніемъ русско-германскаго договора, съ тою лишь разницею, что у промышленной партіи имѣются сейчасъ обширныя и вѣскія цифровыя данныя, доказывающія огромную выгодность договора для германской промышленности.

Дѣйствительно, договоръ этотъ не принесъ ровно никакой пользы русскому сельскому хозяйству, для котораго съ нашей стороны его собственно и заключали, создалъ въ Россіи прекрасный рынокъ для германскаго экспорта.

Въ цифрахъ это выражается такъ:

До заключенія договора наши обороты съ Германіей по даннымъ нашей таможенной статистики были:

(въ милліонахъ рублей кред. = $^{1}/_{15}$ имп.)

	Вывозъ въ Германію.	Ввозъ изъ Германіи.	Сальдо.
1887	152,5	112,7	+ 39,8
1888	182,8	122,6	+ 60,2
1889	192,3	124,3	+ 68,0
1890	177,9	114,6	+ 63,3
1891	192,9	103,3	+ 89,6
1892	138,2	101,7	+ 36,5
1893	132,6	101,2	+ 31,4

Въ этой торговлѣ, несмотря на всякія боевыя пошлины, мы имѣли постоянный и внушительный перевѣсъ. Съ заключеніемъ въ мартѣ 1894 года русско-германскаго договора картина круто мѣняется.

1894	147,9	143,0	+ 4,9
1895	179,3	175,6	+ 3,7
1896	184,0	190,2	— 6,2
1897	175,3	179,9	— 4,6
1898	179,3	202,1	—22,8

Германскій ввозъ началъ быстро обгонять ввозъ русскій и достигъ огромной суммы въ 202,1 милл. рублей. Русскій вывозъ почти не измѣнился, и въ результатѣ, вмѣсто постоянныхъ ранѣе приплатъ отъ Германіи намъ, получился рядъ убытковъ въ возрастающей прогрессіи. По пятилѣтіямъ это всего виднѣе.

Нормальнымъ пятилѣтіемъ передъ заключеніемъ договора можно считать 1887—1891 года.

Вывозилось нами въ Германію въ среднемъ

за годъ на	179.7	мил. руб.
Привозилось изъ Германіи	115.5	» »
Приплачивала Германія . .	+ 64.2	

Если включить голодный 1891—92 годъ, когда нашъ вывозъ былъ временно остановленъ, и взять пятилѣтіе 1889—1893 года, мы получимъ:

Вывозъ въ Германію въ среднемъ за годъ .	166.8	мил. руб.
Ввозъ изъ Германіи	109.0	» »
Приплачивала Германія . .	+ 57.8	

За пятилѣтіе-же съ 1894 по 1898 годъ имѣемъ такія данныя:

Средній вывозъ въ Германію	173.2	мил. руб.
Ввозъ изъ Германіи	178.2	» »
Средняя приплата Россіи . .	— 5.0	

Отсюда, полагаемъ, ясно, на чьей сторонѣ выгода отъ договора. Она всецѣло на сторонѣ Германіи. Ожидать подъема хлѣбныхъ цѣнъ для Россіи съ устраненіемъ нѣмецкихъ дифференціальныхъ ставокъ было, какъ оказывается, чистѣйшимъ заблужденіемъ. Мы понизили цѣны на хлѣбъ въ Германіи, причинивъ потери ея земледѣлію и ничуть не увеличили своихъ выгодъ. Съ другой стороны установивъ неподвижныя таможенныя ставки для германскихъ товаровъ и введя у себя металлическое обращеніе, мы прямо открыли Германіи русскіе рынки, ибо для нея важенъ не *размѣръ* пошлины, а ея *постоянство* при отсутствіи курсовыхъ колебаній.

Не даромъ-же вся Германія единогласно совѣтовала намъ металлическое обращеніе и привѣтствовала нашу золотую валюту. Одна изъ крупныхъ провинціальныхъ торговыхъ палатъ въ своей петиціи правительству по поводу переговоровъ о русско-германскомъ договорѣ рекомендовала употребить все вліяніе германскаго правительства, чтобы помочь ввести въ Россіи металлическое обращеніе. «Безъ этого, говорилось въ документѣ, который въ свое время широко у насъ цитировался, наши коммерческія сношенія съ Россіей не будутъ имѣть подъ собою твердыхъ основаній, такъ какъ бумажныя деньги при колеблющемся курсѣ, составляя премію русскому вывозу въ Германію, препятствуютъ нашему ввозу въ Россію». Вслѣдъ за подписаніемъ договора это препятствіе было устранено, и Германія могла въ самое короткое время свой ввозъ почти удвоить. Вотъ почему ея промышленный классъ такъ горячо ратуетъ за возобновленіе русско-германскаго договора и готовъ даже поступиться нѣсколько хлѣбными пошлинами.

Недавно, говоря о нѣмецкой агитаціи по поводу возобновленія договора, газета «Промышленный Міръ» рекомендовала нашимъ промышленникамъ съ своей стороны заблаговременно заняться этимъ договоромъ. Совѣтъ этотъ какъ нельзя болѣе кстати. Теперь можно не гадательно, а уже съ точными документами въ рукахъ говорить о безусловной невыгодности для насъ русско-германскаго договора. Теперь и наши «аграріи» не будутъ возлагать несбыточныхъ надеждъ на пониженіе германскихъ хлѣбныхъ пошлинъ, оказавшихся для цѣнъ на наши земледѣльческіе продукты совершенно несущественными.

Колонизаторъ или колонія?

НЕДАВНО въ петербургской «Недѣлѣ» была помѣщена весьма замѣчательная статья: «Колонизаторъ или колонія?» Статья эта невольно заставляетъ надъ собой призадуматься.

Колоніальное движеніе охватываетъ собою земной шаръ съ неудержимою силой. Всѣ крупныя міровыя державы стремятся наперерывъ установить свое господство на дальнихъ материкахъ, самой судьбою предназначаемыхъ для раздѣла между народами арійскаго, бѣлаго племени. Дѣлится черная Африка, дѣлится желтый Китай, Американцами захватываются бронзовые Филиппины, Нѣмцы устраиваются на шоколадныхъ Самоа. Очень скоро весь міръ очутится въ рукахъ четырехъ главныхъ вѣтвей Кавказскаго племени: англо-саксонской, германской, славянской и романо-латинской.

Но этотъ раздѣлъ идетъ крайне нервно и неравномѣрно. Больше всѣхъ преуспѣваютъ расы нѣмецкая и англосаксонская, хуже всего обстоитъ дѣло у Славянъ и Романо-Латинъ. Изъ послѣднихъ Испанія даже сильно подалась назадъ и можно сказать выброшена изъ колоніальной борьбы, успѣхи Франціи

весьма незначительны, а Италія очевидно зарвалась въ своей колоніальной политикѣ и, кромѣ тягостей и неудобства отъ своей Эритреи, ничего не испытываетъ.

Авторъ статьи въ «Недѣлѣ» останавливается надъ разборомъ причинъ успѣха или неуспѣха въ колоніальной политикѣ европейскихъ народовъ и, сравнивая блистательные культурные успѣхи Германіи съ полною неудачей Италіи, совершенно основательно объясняетъ ихъ внутреннимъ состояніемъ каждой страны. Въ то время, какъ Германія расширяется естественно подъ вліяніемъ внутренняго непрерывнаго роста и избытка силъ, Италія, внутри раззоренная и истощенная, бросается въ политику приключеній, не только ничего не выигрывая отъ колоніальнаго расширенія, но, наоборотъ, все болѣе ослабляя свои внутреннія силы.

Отсюда со всею строгостью логики слѣдуетъ, что расширяться во внѣшнемъ мірѣ, нести свою культуру чужимъ народамъ и колонизовать новыя далекія владѣнія можетъ лишь страна, внутренній ростъ коей, по крайней мѣрѣ, не отстаетъ отъ внѣшняго. Разъ этотъ ростъ отсталъ, разъ дома не все благополучно, получается расширеніе чисто искусственное, сопровождающееся лишь ослабленіемъ метрополіи.

Съ этой стороны любопытно оцѣнить наше участіе въ великомъ міровомъ колоніальномъ движеніи и ту картину, какую представляетъ наше неудержимое территоріальное расширеніе.

Съ одной стороны, мы расширяемъ свои владѣнія на Дальнемъ Востокѣ, устраиваемъ новые порты, основываемъ новые города, прорубаемъ выходъ въ Сѣверный океанъ, мечтаемъ о выходѣ въ Индійскій океанъ... Съ другой оставляемъ позади себя какъ-бы недостроенное зданіе: огромныя пространства съ падающимъ изъ года въ годъ земледѣліемъ и видимо бѣднѣющимъ населеніемъ, множество естественныхъ богатствъ, разрабатывать которыя не хватаетъ экономической силы и которыя достаются поэтому чужеземцамъ. Обширныя старыя наши колоніи, каковы Сибирь и Кавказъ, гдѣ также не хватаетъ рукъ, знаній и капиталовъ и также идетъ захватъ чужеядными элементами.

Наконецъ, въ довершеніе всего Россія-колонизаторъ обращается сама въ колонію для болѣе сильныхъ и экономически и культурно народовъ. Въ то время, какъ наше населеніе идетъ почти съ голыми руками въ сибирскую тайгу, ища свѣжихъ земель, которыя можно эксплуатировать безъ капитала, съ запада двигаются Нѣмцы, снабженные капиталомъ, знаніями и иниціативой, и занимаютъ покидаемыя Русскими цѣлыя волости, почти уѣзды. Еще недавно было говорено въ печати о той крайней опасности, которою грозитъ въ военномъ и политическомъ отношеніи мирное завоеваніе нашего Юга и Юго-Запада Нѣмцами.

Но самое крайнее и характерное явленіе въ этомъ родѣ,—это образованіе, по послѣднимъ извѣстіямъ, въ Германіи акціонернаго общества, получившаго, если вѣрить газетамъ, концессію на сооруженіе въ предѣлахъ нашей Сибири линіи желѣзной дороги въ 2000 верстъ слишкомъ вдоль рѣки Оби къ океану. Въ то время, какъ мы съ величайшими усиліями и колоссальными за-

тратами строимъ на чужой территоріи Манчжурскую желѣзную дорогу, имѣющую для нашего внутренняго хозяйственнаго быта лишь очень отдаленное значеніе, по нашей собственной территоріи, какъ по какому-нибудь Китаю, будетъ строить огромную и важную линію общество иностранное. Заграничная печать сообщала, что работы на этой линіи начнутся съ марта или апрѣля 1900 г.

Это сообщеніе можетъ, конечно, оказаться и невѣрнымъ, слишкомъ ужъ оно печально, и мы возлагаемъ за него отвѣтственность всецѣло на автора статьи въ «Недѣлѣ», но оно характерно, какъ знаменіе времени. У Россіи словно не хватаетъ силы справиться одновременно съ своими внутренними и внѣшними культурными задачами, и вотъ, отдавшись всецѣло послѣднимъ, она первая сдаетъ «Варягамъ», захватившимъ уже и нашъ уголь, и нашу нефть, и наши руды и золотые пріиски, захватывающимъ по-немногу все, гдѣ нуженъ капиталъ, инициатива и единеніе.

Будемъ надѣяться, что опасности, какими грозитъ нашей молодой культурѣ это нашествіе, будутъ, наконецъ, сознаны и парализованы. Иначе пришлось-бы подвергнуть сомнѣнію и самую нашу будущность, какъ великой міровой культурной державы.

II.

По русски

ОТЪ АВТОРА.

Вотъ вамъ, читатель, и второй изъ обѣщанныхъ мною трехъ сборниковъ. Сюда вошли, къ сожалѣнію, только нѣкоторые фельетоны изъ «Русскаго Слова», касающіеся, правда, глубокихъ и важныхъ вопросовъ, но все-же фельетоны. Приходилось писать далеко не съ тою свободою, съ которой я привыкъ работать у себя, а главное постоянно имѣть въ виду ту маленькую публику, для которой многое, намъ съ вами (говорю къ испытанному, старому *моему* читателю) совершенно ясное, приходится растолковывать, какъ новость.

Но это-бы еще не бѣда, а бѣда вотъ въ чемъ: очень ужъ бѣденъ мой репертуаръ. Очень ужъ многое, вполнѣ цензурное въ книгѣ или въ большомъ органѣ, приходится обходить въ газетѣ пятирублевой, недоговаривать, проводить мысль намеками, ходить вокругъ самыхъ важныхъ и насущныхъ вопросовъ, какъ ходитъ котъ около горячей каши. Лизнетъ обожжется и назадъ. Такъ, напримѣръ, въ моемъ репертуарѣ почти нѣтъ финансовыхъ вопросовъ, а вѣдь я надъ ними таки поработалъ! Да и значеніе ихъ отнюдь не умалилось. Изо дня въ день получаешь письма: «разъясните вотъ это явленіе», или: «чего ждать вотъ при этакихъ условіяхъ?» Машина новаго курса идетъ на всѣхъ парахъ, результаты ея слишкомъ налицо,

...а ты молчишь, бездѣйственъ и печаленъ.

Досаднѣе всего то, что вѣдь говорить о финансахъ даже мнѣ совершенно возможно. Цензура, дай Богъ ей здоровья, къ солиднымъ и спокойнымъ финансовымъ статьямъ относится очень терпимо и недавно пропустила мнѣ весьма

важную для русскаго читателя вещь: брошюру «Денежная сила Франціи», гдѣ разъяснено чернымъ по бѣлому, почему Франція богатѣетъ, а мы раззоряемся.

Наша редакторская и издательская цензура оказывается гораздо строже. Да это даже не цензура, а простой безотчетный страхъ. Никто въ финансахъ ничего не смыслитъ, а потому разъ финансовая статья подписана Шараповымъ—печатать ее опасно. Такимъ образомъ писать о финансахъ мнѣ оказывается рѣшительно негдѣ.

Вы скажете: да вотъ въ этихъ самыхъ сборникахъ, которые печатаются безъ предварительной цензуры.

Совершенно вѣрно. Въ «Мирныхъ Рѣчахъ» я такъ и сдѣлалъ. Статью «Недоимки и промышленность», касающуюся финансовъ, Гайдебуровъ напечатать побоялся, между тѣмъ цензура нашла ее вполнѣ приличной. Да вѣдь и въ самомъ дѣлѣ, господа. Неужели уже мы до того дошли, что можемъ говорить только пріятное финансовому вѣдомству? Позвольте, вѣдь это-же не «потрясеніе основъ»! Вѣдь я—вѣрноподданный моего Царя, искренній защитникъ самодержавія желаю указать лишь на техническія ошибки. Многимъ сильнымъ людямъ это непріятно. Такъ развѣ-же я обязывался писать только для ихъ удовольствія? Я говорю правду, какъ я ее понимаю и руковожусь только чувствомъ любви къ Родинѣ. Молчать, когда совершаются ошибки, когда независимое слово стало рѣдкостью и потому пріобрѣло огромную нравственную силу—да вѣдь это-же преступленіе, это измѣна! Послѣдствія иной ошибки бываютъ такъ тяжелы, что, не указавъ ее во-время считаешь себя въ большой долѣ виноватымъ. И потомъ законъ предоставляетъ каждому гражданину говорить невозбранно не только о нашихъ бѣдахъ и нуждахъ, но и о несовершенствахъ законодательства, разъяснять ошибочность и даже опасность тѣхъ или иныхъ мѣропріятій. Всѣ нумера газетъ: и такъ называемыхъ либеральныхъ, и всуе именующихъ себя консервативными, наполнены критикою, обличеніями, горькими жалобами. Россійскіе либералы чуть не въ каждой строкѣ проливаютъ слезы надъ отсутствіемъ „правового порядка", газетные «столпы отечества» въ промежуткахъ между хищеніями, требуютъ всеобщаго упраздненія и обузданія. А я только всего и прошу, чтобы перевели невѣрно поставленный съ 1895 года финансовый руль и измѣнили денежную систему, которая для Россіи, на мой взглядъ, непригодна. Я стою за бумажныя деньги, т.-е. говорю то, что когда-то съ такимъ талантомъ говорилъ Катковъ.

Разумѣется, писать объ этомъ въ безцензурныхъ сборникахъ вполнѣ возможно, и я долженъ-бы давно уже приняться за эти вопросы, тѣмъ болѣе, что обстоятельства оправдываютъ съ поразительной точностью нашу, т.-е. Бутми, Оля и мою, прежнюю проповѣдь и наши предсказанія. Но дѣло-то въ томъ, что «служеніе музъ не терпитъ суеты».

Я не могу одновременно участвовать въ газетѣ и давать еженедѣльно большой фельетонъ, кромѣ того писать статьи по разнымъ вопросамъ, за исключеніемъ финансовыхъ, и въ то-же время работать надъ финансами. Я даже не имѣю времени прочесть того, что о нихъ пишется, хотя-бы самаго важнаго,

безъ чего не только не услѣдишь за міровымъ финансовымъ движеніемъ, но даже рискуешь впасть въ невѣжество. Сейчасъ я совершенно напрасно трачу силы и время, заставляя себя быть журналистомъ, т.-е. говорить о такъ называемыхъ «злобахъ дня», принуждая мысль обращаться къ предметамъ, къ которымъ не лежитъ сердце, ибо лежитъ сердце только къ тому, говорить хочется только о томъ, что непосредственно касается ближайшихъ нуждъ и бѣдъ Родины.

Но какъ этого избѣжать, разъ я осужденъ судьбою кормить себя и семью моимъ перомъ? Счастливы были старые славянофилы: Хомяковы, Аксаковы, Самарины, имѣвшіе капиталы и тысячи крѣпостныхъ душъ, избавлявшихъ ихъ отъ всякихъ заботъ о кускѣ хлѣба и гарантировавшихъ имъ и досугъ, и независимость. Они говорили и писали только о томъ, что считали необходимымъ. Каждая строка ихъ писаній была нужна для дѣла, для торжества ихъ идей, а не для успѣха того или другого изданія, которое ихъ нанимало.

Мнѣ приходится продавать свой трудъ и я еще долженъ считать себя счастливымъ, что при моихъ грустныхъ условіяхъ я все-таки могу продавать мои статьи, но не мое перо, не мою совѣсть.

«Мирныя Рѣчи» имѣли характеръ пробы. Дѣло выяснилось, и въ результатѣ получилось слѣдующее: по настоящее число (15 іюля) выслали деньги 650 человѣкъ, что составитъ 650 рублей. Продано приблизительно 500 экземпляровъ на сумму около 120 руб. (со скидкой книгопродавцамъ и газетчикамъ и безъ скидки). Одно лицо внесло на первые расходы 300 рублей. Эта субсидія совершенно другого рода, чѣмъ тѣ, что даются инымъ изданіямъ, и мнѣ не совѣстно было эти деньги взять. Это *помогъ дѣлу* человѣкъ, который раздѣляетъ вполнѣ мои воззрѣнія, уважаетъ и любитъ мои писанія и считаетъ ихъ полезными для Родины. Деньги были даны при одной лишь просьбѣ, именно, чтобъ я былъ *осторожнѣе* и не раздражалъ очень моихъ противниковъ.

Итого приходу 1070 рублей. Расходъ былъ слѣдующій: бумага и печать для 6000 экз. «Мирныхъ Рѣчей» около 300 руб. Разсылка 3500-мъ моихъ старыхъ читателей по 4 к.—140 руб. Объявленія около 120 руб. Итого 560 руб. Въ кассѣ изданія остается 510 руб. Слѣдующіе два сборника обойдутся тоже по 300 руб.—600 руб. и разсылка ихъ по 140 — 280 рублей. Придется также сдѣлать объявленія. Кладу 240 руб. Итого 1120 руб. Не хватаетъ 610 руб. Положимъ, будетъ еще приходъ. Наберется человѣкъ 300 по рублю, розница можетъ дать по 120 руб. на сборникъ, или 240 руб. Итого набѣжитъ 540 руб. Покроется, можетъ-быть, и маленькій дефицитъ въ 70 руб., т.-е. я сведу концы съ концами.

Но и только. Заработка, какъ видите, никакого не остается, а потому въ этихъ сборникахъ только и можетъ быть или уже ранѣе напечатанное, или почему-либо не нашедшее себѣ помѣщенія. *Вновь для моихъ* читателей мнѣ писать нельзя, потому что человѣкъ не машина, и моя рабочая способность не безгранична. Я сейчасъ и безъ того работаю больше, чѣмъ въ «Русскомъ Трудѣ». И сейчасъ я лишаю себя отдыха, я рискую здоровьемъ, работая болѣе, чѣмъ

это благоразумно. Что-же будетъ, если я еще навалю на себя работу? Вѣдь я-же не Потапенко, не Ясинскій, чтобы писать руками и ногами и сверхъ того еще диктовать? Мнѣ тяжело дается каждая строка, потому что я пишу «нервами и кровью», я *переживаю* то, что пишу, я своимъ перомъ служу Россіи, какъ умѣю, а не строчу ради жалованья и построчныхъ. Оттого-то мнѣ и тяжело въ чужомъ изданіи, оттого и не гожусь я въ сотрудники.

Теперь другая сторона дѣла. Я вырабатываю обыкновенно отъ 500 до 600 руб. въ мѣсяцъ. Съ уплатою долговъ, нажитыхъ за время моего издательства (а ихъ набралось довольно!) мнѣ этой суммы едва хватаетъ. Я получаю въ «Русскомъ Словѣ» 400 и получалъ въ „Недѣлѣ" 200, пока меня оттуда не выкурили сыны Израиля, которымъ В. П. Гайдебуровъ недавно имѣлъ (существительное подберите сами) продать газету, основанную его отцомъ, отлично установившуюся въ матеріальномъ отношеніи и занимавшую очень почетное мѣсто въ нашей публицистикѣ. Меня, изволите видѣть, можно было печатать только подъ псевдонимомъ! Разъ я свой псевдонимъ раскрылъ, разъ «Земледѣлецъ» оказался Сергѣемъ Шараповымъ, его уже печатать *зазорно*. М. О. Меньшиковъ вернулъ мнѣ мои очередныя статьи, заявивъ, что до пріѣзда В. П. Гайдебурова онъ мои «Мирныя Рѣчи» печатать *стѣсняется въ виду моего участія въ изданіяхъ „Недѣлѣ" несимпатичныхъ*. Больше никакихъ извѣстій изъ «Недѣли» я не имѣю.

Видите, какіе пуристы? Только я думаю, что это отговорка и притомъ вовсе не остроумная, а въ дѣйствительности высадили меня гг. новые «соиздатели» Гайдебурова, какъ высаживаютъ Евреи всѣхъ, кто осмѣливается быть въ еврейскомъ вопросѣ не ихъ прямымъ сторонникомъ.

Мнѣ не жаль этихъ 200 руб., я ихъ въ моемъ бюджетѣ пополню, жаль того, что я имѣлъ неосторожность передать «Недѣлѣ» лучшихъ изъ моихъ старыхъ подписчиковъ, выславшихъ деньги на «Русскую Бесѣду», которая пріостановилась на пятомъ нумерѣ. Многіе изъ нихъ согласились потому получать «Недѣлю», что я обѣщался въ ней работать. Такимъ образомъ, я ихъ невольно обманулъ, при чемъ, передавъ «Недѣлѣ» непосредственно почтовыя повѣстки, я лишенъ даже возможности имѣть списокъ подписчиковъ «Русской Бесѣды».

Но я отвлекся въ сторону. Вы видите, что въ данномъ положеніи для меня нѣтъ никакой возможности бросить сотрудничество въ чужихъ изданіяхъ и писать исключительно для моихъ единомышленниковъ и читателей, т.-е. разрабатывать вопросы, которые *мы съ ними* считаемъ важными и насущными. Чтобы уйти изъ газетнаго міра и работать, не отвлекаясь никуда въ сторону, я долженъ сохранить по меньшей мѣрѣ мои нынѣшніе 400 руб.

Какъ это сдѣлать?

Мнѣ говорятъ: вы дешево назначили цѣну за ваши сборники. Кто васъ знаетъ и цѣнитъ, тотъ охотно заплатитъ дороже. Увы, это разсужденіе не годится. Между моими постоянными читателями есть люди, для которыхъ и 8 р., годовая плата за мою газету, была непомѣрно тяжелой. Рубль за три сборника—въ общей сложности въ 120 страницъ — это *безобразно дорого*. Пред-

ставьте, что у меня будетъ не 650, а 6000 читателей (съ розничной продажей). 3 сборника займутъ примѣрно три мѣсяца. Очень не трудно разсчитать, что мнѣ останется въ видѣ платы за мой трудъ.

3 сборника будутъ стоить по 300 р.	900 р.
Разсылка 18,000 экз. по 4 коп.	720 „
Объявленія по 120 р.	360 „
	1980 р.

или круглымъ счетомъ 2000 руб.

Помилуйте, да вѣдь 4000 руб., которые мнѣ за 3 мѣсяца останутся, это составитъ 12 тыс. руб. въ годъ, окладъ директора департамента со всѣми наградными! Вѣдь это чуть не *потапенскій* заработокъ. Ясно, что цѣна сборниковъ можетъ быть дешевле, примѣрно, рубля 2—$2^1/_2$ за двѣнадцать выпусковъ.

При такой цѣнѣ, съ одной стороны, меня будетъ читать и человѣкъ съ самымъ скромнымъ бюджетомъ, не жалуясь, что я его граблю, съ другой стороны и я буду вознагражденъ вполнѣ достаточно.

Все дѣло въ этихъ 6000 читателей. Газету я довелъ до 3500 платныхъ подписчиковъ и надѣялся въ 1900 году имѣть около 5000, да и имѣлъ-бы ихъ. Газета того стоила. Я могъ-бы уже начать выплачивать долги и т. д., но судьбѣ было угодно иначе. Я самъ виноватъ въ запрещеніи «Русскаго Труда» и потому не жалуюсь. Мнѣ и безъ того три года давали говорить съ такой свободой, съ какой до сихъ поръ никто у насъ не говорилъ, не исключая Аксакова и Каткова. И эта свобода за мною-бы и осталась, если-бы... Но теперь вопросъ не въ этомъ.

Вопросъ въ томъ, могу-ли я имѣть 5—6000 подписчиковъ на «Сочиненія Сергѣя Шарапова» 10—12 выпусковъ въ годъ объема и вида «Мирныхъ Рѣчей» при цѣнѣ не болѣе 2—3 рублей съ пересылкой?

Отвѣчаю: черезъ три года—да. Сейчасъ нѣтъ. Сейчасъ я могу получить едва тысячу, ну, скажемъ, полторы подписчиковъ, не больше, т.-е. не только ничего не получу на свое прокормленіе, но еще буду нуждаться въ дружескихъ субсидіяхъ, чтобы заплатить въ типографію, купить марокъ и пр. Можетъ-быть, я и рискнулъ бы на это, т.-е. выдержать три года, уйти изъ литературы, влѣзть еще въ долгъ и т. д. Но это не десять лѣтъ назадъ, когда я былъ моложе, смѣлѣе, подвижнѣе и когда за плечами не было семьи. Теперь, говорю откровенно, боюсь.

Эти вотъ три сборника я дѣлаю безъ риска. Ну, ничего не получу, что за важность? Я *на мѣстѣ*, и, слѣдовательно, матеріально обезпеченъ. Но на три года ожиданія и безъ этого матеріальнаго обезпеченія у меня не хватаетъ рѣшимости. А если заболѣю? А если во-время не достану денегъ? Вы знаете, какъ у насъ обстоитъ съ кредитомъ?

Съ другой стороны, оставаться въ настоящемъ положеніи тоже не хочется. Писать не на свою, а почти что на заданную тему, искать «злобъ дня»... даромъ тратить силы...

И вотъ, одинъ добрый другъ подсказываетъ мнѣ такой выходъ. Приведу нѣсколько выдержекъ изъ его письма:

«Да бросьте вы, говоритъ, эти нелѣпыя церемоніи и обратитесь громко и открыто къ богатымъ людямъ среди вашихъ читателей. Вѣдь понимаетъ-же всякій отлично, что вы не личныя цѣли преслѣдуете, не деньги наживать думаете вашими изданіями. Цѣну вашихъ выпусковъ назначайте самую дешевую, чтобы была доступна и небогатому читателю, а богатымъ предложите посылать *не объявленную плату, а больше, кто сколько пожелаетъ*. Скажите, что вы цѣну назначаете не для нихъ, что смѣшно кн. Ф. Ф. Юсупову, или Саввѣ Морозову посылать вамъ рубль, какъ посылаетъ маленькій сельскій учитель. Чтобы сравняться, имъ по сту рублей мало послать...

Дальше: «Неужели вы думаете, что Россія такъ оскудѣла людьми, что среди вашихъ трехъ съ половиною тысячъ прежнихъ читателей, которые имѣли время васъ узнать, не найдется *десяти*, которые дадутъ по 300—500 руб. и двухъ-трехъ сотенъ, которые вообще пришлютъ больше объявленной цѣны»?

«Разумѣется, вы должны будете вести дѣло вполнѣ открыто, т.-е. *публиковать о каждомъ полученномъ вами рублѣ*, чтобы избѣжать малѣйшаго нареканія или недоразумѣнія и чтобы держать вашихъ читателей постоянно въ извѣстности, въ какомъ положеніи ваша касса, хватаетъ-ли у васъ денегъ, не нужно-ли прислать еще? И повѣрьте, пришлютъ.

«А главное, оцѣните нравственную сторону моего совѣта. Этотъ вашъ починъ будетъ имѣть неизмѣримо-огромное значеніе, какъ доказательство, что у насъ въ Россіи возможно не только поѣданіе и подсиживаніе другъ друга, но и дружная помощь хорошему дѣлу, возможна общественная иниціатива; сколько хорошаго пробудите вы въ нашихъ одеревянѣлыхъ сердцахъ, когда увидятъ, какъ къ вамъ посыплются честные, дружескіе, сочувственные рубли, десятки, а можетъ быть и сотни. У васъ на глазахъ Розонову удалось подвинуть одного богатаго человѣка дать средства на изданіе Барсукова «Жизнь и труды Погодина»...

«Почему вы думаете, что не найдется кто-нибудь изъ нашихъ милліонеровъ, который напишетъ вамъ: *печатайте, я типографскій расходъ беру на себя?* Вѣдь жертвуютъ-же сотни тысячъ и даже цѣлые милліоны, и иногда глупо жертвуютъ, потому что не знаютъ, что для Родины въ данную минуту всего нужнѣе. А можетъ-быть, кто-нибудь и догадается вмѣстѣ съ нами, что для нашей Родины сейчасъ нужнѣе всего трезвое, неподкупное и правдивое слово?

«Вы даже и не подозрѣваете, до чего упала въ общественномъ мнѣніи наша «пресса». Да, число газетныхъ читателей растетъ. Но пусть гг. издатели большихъ и малыхъ газетъ не увлекаются своими успѣхами въ смыслѣ количества подписчиковъ. Съ омерзѣніемъ берешь въ руки многія наши изданія— ничего не подѣлаешь. За весьма небольшими исключеніями, приходится выбирать между глупостью и подлостью. И радъ-бы взять что-нибудь другое, да нѣтъ ничего, или неприступно дорого. А слѣдить за событіями нужно».

* * *

Я привелъ почти цѣликомъ письмо моего друга, отбросивъ лишь конецъ, гдѣ онъ перебираетъ нѣкоторыхъ нашихъ корифеевъ газетнаго ремесла, и воздаетъ каждому по заслугамъ. Что раздражать понапрасну и безъ того озлобленныхъ противъ меня людей?

Перехожу къ дѣлу. Разсылаю этотъ второй сборникъ, и раньше, чѣмъ выпущу третій, ставлю вопросъ моимъ читателямъ: одобряете вы этотъ планъ? Хотите стать коллективнымъ издателемъ моихъ работъ? Хотите дать мнѣ возможность всецѣло посвятить себя тѣмъ вопросамъ, которые я по совѣсти считаю главными и насущными?

Если «да», то благоволите имѣть въ виду слѣдующее:

1. Закончивъ третій объявленный сборникъ, который надѣюсь выпустить въ концѣ августа, я съ 1 октября по 1-е января будущаго года напечатаю *въ видѣ опыта* первыхъ три тетради моихъ «Сочиненій». Это будетъ нѣчто въ родѣ «Дневника Писателя» покойнаго Достоевскаго. Каждая тетрадь будетъ въ 10 печ. листовъ, безцензурная. Цѣну за всѣ три изъ осторожности назначаю старую—рубль.

2. Кромѣ этого рубля, гг. состоятельныхъ и сочувствующихъ моимъ идеямъ и работамъ людей *прошу прислать, кто сколько можетъ*, на подкрѣпленіе моей кассы. Прислать *не безвозвратно*, такъ какъ, если дѣло станетъ на ноги, я прежде всего изъ будущихъ доходовъ *возвращу до послѣдней копѣйки* (хотя и безъ процентовъ) *все полученное* мною свыше объявленной цѣны. Суммою не стѣсняйтесь, ибо изъ полтинниковъ и рублей составляются тысячи.

3. Кто пришлетъ сразу болѣе серьезную сумму, очень поможетъ дѣлу и дастъ мнѣ возможность повести его лучше и шире. Все, что останется отъ первыхъ трехъ тетрадей, пойдетъ на слѣдующія.

4. Я буду публиковать о каждой полученной копѣйкѣ. Кому угодно, чтобы я его имя проставилъ полностью (о чемъ очень прошу), тотъ благоволитъ мнѣ это разрѣшить. Кто не желаетъ, у того будетъ указанъ подписной №. Провѣрить мой отчетъ, слѣдовательно, всякій можетъ легко.

5. Если къ 1 октября, т.-е. къ моменту выхода первой тетради, я буду располагать суммою около 3000 руб., я прекращаю всякое сотрудничество въ газетахъ и журналахъ и всецѣло отдаюсь данному дѣлу.

6. Отчетъ о всѣхъ поступленіяхъ будетъ напечатанъ какъ въ первой тетради моихъ сочиненій, которая выйдетъ въ октябрѣ, такъ и въ двухъ остальныхъ. По ходу дѣла будетъ видно, что мнѣ дѣлать въ 1901 году.

А затѣмъ, господа, мысленно каждому изъ васъ жму руку и говорю: попробуемте сдѣлать дѣло *по-русски* и... до свиданія въ третьемъ сборникѣ.

Сергѣй Шараповъ.

Іюль, 1900 г. Москва.

По русски

I.

Москва прежняя и современная.—Русская тріада: Катковъ, Аксаковъ, Гиляровъ.—Восьмидесятые годы.—Лебединая пѣснь.—Мысли М. Г. Черняева и сонъ Д. И. Иловайскаго.—Мои задачи и предположенія.

Давно не бывалъ я въ Москвѣ. Не бывалъ духовно, конечно, потому что механически въ ней не бывать нельзя; куда ни надумаешь ѣхать «въ Россію», Москвы не миновать. Но отъ этихъ переѣздовъ съ вокзала на вокзалъ да кормежекъ въ знаменитыхъ московскихъ трактирахъ ничего не остается, кромѣ самыхъ внѣшнихъ впечатлѣній. Извозчикъ, если это зимой, попрежнему сидитъ у васъ на колѣняхъ, а жиденькую полость зацѣпляетъ веревочкой. Растегаи у Тѣстова совершенно такъ-же начинены и защипаны, какъ и десять, двадцать лѣтъ назадъ. Лѣтомъ грязь и пыль, зимой ухабы такіе-же, какъ и въ старину. Разница въ постройкахъ. Каждый разъ отмѣчаешь по пути множество новыхъ прекрасныхъ домовъ, поглотившихъ «большіе милліоны». Разрастаются кругомъ Москвы фабричныя трубы. Размножаются Евреи и иностранцы. Это прежде всего бросается въ глаза. Москва-матушка становится въ своихъ верхахъ явно еврейски-международнымъ городомъ. Десять, пятнадцать лѣтъ назадъ Евреи ютились въ Зарядьи и только начали завоевывать Москву, а Нѣмцевъ хоть было и много, но нѣмецкой рѣчи не раздавалось такъ много и такъ назойливо, какъ теперь. Громко, побѣдно говорили по-нѣмецки развѣ въ Alpenrose, да на спектакляхъ нѣмецкихъ пріѣзжихъ труппъ у Парадиза. Теперь Нѣмцы повсюду и совершенно не стѣсняются. Евреи тоже на всѣхъ людныхъ торговыхъ улицахъ чуть не въ большинствѣ, и Евреи не наши прежніе, а на манеръ парижскихъ. Одѣты по послѣдней модѣ, даже черезчуръ по модѣ, держатся развязно, жаргонъ свой бросили вмѣстѣ съ лапсердаками и захватываютъ сферы все высшія и высшія. Ими полна адвокатура, сцена, врачебный персоналъ, публицистика. О торговлѣ и промышленности нечего и говорить. Какъ ихъ ни жмутъ порою, но сила этой расы такъ велика, что все выдерживаетъ. На зимнихъ дачахъ живутъ, въ пла-

тяныхъ шкапахъ отсиживаются, а Москву въ руки забираютъ, и прежде всего ея умственныя профессіи.

Иностранцы тоже не отстаютъ. Попробуйте проѣхать по желѣзнымъ дорогамъ: Николаевской, Курской, Рязанской, а особенно Брестской, въ курьерскомъ поѣздѣ. Повсюду сплошной нѣмецкій разговоръ, изрѣдка англійскій и немного чаще его французскій. Это Бельгійцы, мастера насчетъ разныхъ «ископаемыхъ богатствъ».

Человѣку изо дня въ день живущему въ Москвѣ это все не такъ замѣтно. Но проѣзжающаго съ промежутками можетъ прямо испугать, если, конечно, человѣкъ способенъ пугаться за судьбу своей родины.

Одновременно съ этимъ ростомъ иноземнаго и иноплеменнаго въ Москвѣ могущества удивительно слабѣетъ Москва національная, Москва, какъ историческая единица, какъ принципъ. Помните характеристику Каткова: «Москва это не городъ—это принципъ?» Такъ вотъ этотъ принципъ идетъ на убыль не по днямъ, а по часамъ.

Да, на убыль. А вспомните 15—20 лѣтъ назадъ. На Страстномъ бульварѣ возсѣдалъ Катковъ, и его слово, особенно въ послѣдніе два года жизни, держало въ трепетѣ всю Европу. Статьи «Московскихъ Вѣдомостей» передавались во всѣ концы стараго свѣта, вызывали восторгъ, или панику, поднимали или роняли курсъ на биржахъ. Противъ храма Спасителя «сидѣлъ» И. С. Аксаковъ, олицетворяя чувство и совѣсть Москвы. На Знаменкѣ въ убогихъ нумерахъ «спасался» Никита Гиляровъ, искрами геніальнаго ума сыпавшій въ «Современныхъ Извѣстіяхъ». На Мѣщанской жилъ С. А. Юрьевъ, отъ котораго вѣяло философской мыслью и жаромъ любящаго сердца на всю русскую интеллигенцію. Помню, какъ въ 1884 году закрылись двери знаменитаго Кошелевскаго дома на Поварской, гдѣ собирался по вторникамъ цвѣтъ московской умственной силы.

Можно было не бывать въ Москвѣ и чувствовать ее. Она была не только признаннымъ сердцемъ Россіи, политическимъ и экономическимъ, она была вмѣстѣ съ тѣмъ и ея умомъ. Въ Петербургѣ былъ правящій аппаратъ, сѣдалище оффиціальной Россіи, но Россія живая, народная, сосредоточивалась всецѣло въ Москвѣ, и московское мнѣніе было мнѣніемъ Россіи. Не даромъ-же знаменитая тріада публицистовъ такъ и характеризовалась: Катковъ представлялъ элементъ русской *воли*, Аксаковъ русскаго *чувства*, Гиляровъ русскаго *ума*. Я не говорю про Льва Толстого, всегда стоявшаго и внѣ Москвы, и внѣ Россіи, хотя и Русскаго съ головы до ногъ. Толстой въ жизни Москвы не участвовалъ, онъ иногда въ нее лишь спускался. Не участвуя въ жизни Москвы, онъ и не могъ подогрѣть этой жизни, когда стали угасать великіе подвижники русской мысли. Онъ и сейчасъ стоитъ внѣ времени и пространства, хотя матеріально по зимамъ живетъ въ Москвѣ. Но Толстой—явленіе больше, чѣмъ русское, и еще не разгаданное и не оцѣненное... Какими пигмеями представлялись тогда намъ, Москвичамъ, петербургскіе журналисты! Даже Щедринъ, великій Щедринъ, казался намъ недостаточно серьезнымъ и во всякомъ случаѣ неглу-

бокимъ. На Стасюлевича мы и смотрѣть не хотѣли, а Суворинъ со всѣмъ своимъ громаднымъ успѣхомъ ни въ комъ зависти не возбуждалъ. Да и Суворинъ тогда ежеминутно оглядывался на Москву, прямо сознаваясь, что онъ только отраженіе свѣта, шедшаго оттуда.

Кромѣ того, въ концѣ семидесятыхъ годовъ Петербургъ былъ сильно скомпрометтированъ передъ Россіею берлинскимъ трактатомъ, а въ 1881 году позорной памяти первымъ марта. Либеральничали и популярничали до тѣхъ поръ, пока погубили Царя-Освободителя. Негодованіе всей Россіи на тогдашній режимъ, вполнѣ заслуженное, нашло свое выраженіе въ Москвѣ. Петербургъ замеръ, Петербургъ на время отступилъ и какъ-бы стушевался. Да, это былъ единственный моментъ въ новѣйшей исторіи Москвы, но едва-ли и не ея лебединая пѣснь.

И характерно—для тѣхъ, кто немножко мистикъ—такое совпаденіе. Въ январѣ 1886 года умираетъ Аксаковъ, въ іюлѣ 1887—Катковъ, а черезъ три мѣсяца послѣ него—Гиляровъ. Москва какъ-то сразу опустѣла. Голосъ ея замолкъ, общественная жизнь, въ высшемъ національномъ смыслѣ, стала годъ отъ году глохнуть. На мѣсто пророковъ вышли газетные кулаки, пройдохи, началъ водворяться въ литературѣ Еврей, до того ютившійся лишь по заднимъ дворамъ печати. Нравственный уровень общества сталъ понижаться съ неслыханной быстротой. Печатное слово сдѣлалось ходкимъ, выгоднымъ товаромъ, унизилось до толпы и овладѣло улицей. Первое мѣсто заняли тѣ самыя изданія, которыя еще наканунѣ рѣзко выдѣлялись, какъ неприличныя, и выписывались развѣ на имя швейцара, чтобы прочесть втихомолку, кого пробрали, кого прохватили. Выше толпы остались лишь умѣренные россійскіе либералы, не испускавшіе никакихъ иныхъ звуковъ, кромѣ голубинаго воркованья или змѣинаго шипѣнья на всѣмъ надоѣвшія, избитыя темы. Остался соборъ университетскихъ столповъ съ своей космополитической, будто-бы либеральной, а въ дѣйствительности невыносимо узкой кружковщиной, безъ всякаго вліянія на русскую жизнь и безъ всякаго въ ней значенія.

Москва на глазахъ у всѣхъ и на протяженіи какихъ-нибудь пяти лѣтъ перестала быть и умомъ, и сердцемъ Россіи, обратившись въ огромный ея желудокъ. Довольно взглянуть на карту Россіи, чтобы сразу по сходящимся въ одинъ огромный узелъ линіямъ желѣзныхъ дорогъ и центральному географическому положенію найти Москву. Это положеніе она удерживаетъ и не можетъ не удерживать. Центръ русской внутренней торговли, центръ дѣлъ и кредита, центръ промышленности—таково ея безспорное значеніе. Но развѣ этимъ измѣряется духовная мощь, развѣ это составляетъ историческій обликъ столицы, да какой столицы? Собирательницы Земли русской, колыбели царей, свидѣтельницы земскихъ соборовъ?

Обезличиться вовсе Москва, конечно, не могла. Ослабѣло національное въ ней, свободное и великое, тѣмъ выше поднимаетъ голову все чужое, мелкое и хищное. Угасъ здоровый, гордый и свободный консерватизмъ, исторически составлявшій достояніе Москвы, какъ народнаго центра, на его мѣсто вылѣзъ

консерватизмъ мнимый, полуиностранный, полухолопскій, готовый кричать въ угоду любому господствующему теченію и тутъ-же просить на чай. Угасла широкая и свѣтлая либеральная мысль и на ея мѣсто выползъ самый гнусный фальсификатъ либерализма—либерализмъ еврейскій, нагло издѣвающійся надо всѣмъ, что отзывается традиціей, вѣрностью прошлому, національнымъ чувствомъ. И подъ флагомъ этого псевдо-консерватизма, и этого псевдо-либерализма цинически обдѣлываются самые наглые гешефты.

Съ паденіемъ Москвы, какъ принципа, Москва реальная, Москва—торговый центръ стала совершенно неузнаваемой. Вся ощбественность теперь сосредоточивается на разныхъ оффиціальныхъ торжествахъ, сплошь шаблонныхъ и безжизненныхъ. Подъ старыми словами, почти потерявшими значенія, объявилось совсѣмъ другое содержаніе. Внѣ Москвы и въ сторонѣ отъ торговыхъ ея дѣлъ Москва уже не чувствуется, она о себѣ ничѣмъ не напоминаетъ Россіи. Молодыя русскія поколѣнія подходятъ къ ея заново ремонтированнымъ священнымъ стѣнамъ уже безъ всякаго трепета. Историческая мысль Москвы вѣетъ развѣ изъ старыхъ книгъ, но не отъ стѣнъ, какъ бывало. Настоящую, властную, современную Москву ищите не тамъ. Она между 12 и часомъ на биржѣ, днемъ въ «амбарахъ» и трактирахъ, а вечеромъ и ночью въ Стрѣльнѣ, въ Яру и у Омона. Только тамъ и кипитъ жизнь.

Въ самомъ дѣлѣ, вотъ я, старый Москвичъ, свидѣтель ея послѣдняго разцвѣта въ памятную эпоху 1876—1887 годовъ, копаюсь у себя въ памяти. Что отпечатлѣлось тамъ изъ московскихъ идей, или событій, относящихся къ 90-мъ годамъ? А я слѣдилъ за Москвой!

Идей—никакихъ. Событія чисто внѣшнія, никакой общею нитью не связанныя. Ходынка. Безконечно длинная и гнусная исторія Кредитнаго общества. Книга А. И. Чупрова о цѣнахъ на хлѣбъ, возмутившая всю Россію. Колоссальныя пожертвованія разныхъ тузовъ на благотворительныя цѣли. Сквозь туманъ выдвигается фигура князя А. Г. Щербатова съ его полукоммерческой, полукультурной дѣятельностью въ Московскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства. Свѣтлый историческій лучъ въ видѣ открытія памятника Александру II. И тотчасъ же трещина въ этомъ памятникѣ. Смерть знаменитаго москвича С. М. Третьякова и его знаменитое духовное завѣщаніе. Избраніе докторомъ политической экономіи комическаго пророка россійскаго марксизма М. И. Тугана-Барановскаго. Актерскій съѣздъ, врачебный съѣздъ, фармацевтическій съѣздъ, гдѣ Москва ничего отъ себя не прибавила, никакой печати ни на что не наложила. Наконецъ Мамонтовская панама, являющаяся собственно дѣломъ транс-московскимъ. Да она уже и кончена почти. Дорогу берутъ въ казну, Савву Ивановича переводятъ изъ тюрьмы подъ домашній арестъ, оттуда на волю... Убытокъ и изъянъ, какъ это поется въ пѣснѣ,

. . . мы разложимъ на крестьянъ...

И все тутъ. Остальное мелочь.

Развѣ вотъ вздорожаніе нефтяного топлива, или денежный кризисъ? Чуть не въ первый и единственный разъ раздался голосъ дѣловой Москвы въ видѣ

усиленныхъ представленій финансовому вѣдомству по поводу опасности, грозящей московской промышленности отъ вздорожанія мазута. Что и говорить: конечно, нефть государственный вопросъ, но не характерно-ли, что только такіе вопросы и создаютъ въ современной Москвѣ нѣкоторое подобіе общественнаго мнѣнія? Да и здѣсь слишкомъ ужъ понятно всѣмъ и ясно было дѣло. Пришли Англичане, скупили нефть въ Баку и наложили дань на русскаго потребителя. За-то въ другомъ вопросѣ о денежномъ кризисѣ Москва все время молчала, ибо совершенно не знала, что сказать. Вопросъ коренной для всей русской промышленности и всего земледѣлія не вызвалъ въ Москвѣ ни одного доклада, ни одного ходатайства, ни одного даже мнѣнія. Не отозвалась Москва ничѣмъ и на другіе государственные вопросы. Только въ самое послѣднее время затѣялся было любопытный споръ о губернскомъ и уѣздномъ земствахъ, да и этотъ споръ велся больше на страницахъ петербургской печати и даже главнымъ образомъ не Москвичами.

Да, да, восьмидесятые годы Москвы нельзя и сравнить съ девятидесятыми. Неужели-же Москва вышла въ отставку? Неужели духовная Москва, Москва—принципъ, Москва—сердце Россіи—упразднена и остается лишь оффиціальная «первопрестольная столица» въ торжественныхъ документахъ и огромный полуиностранный торговый городъ на дѣлѣ? Не можетъ этого быть, не хочется мнѣ, старому Москвичу, этому вѣрить. Это какая-то летаргія, духовное оцѣпенѣніе, но не паденіе. Чуетъ сердце, что подъ этой апатіей, подъ этимъ показнымъ равнодушіемъ и общественнымъ развратомъ зрѣютъ новыя и свѣжія силы. Москва должна воскреснуть, и я думаю, что это случится, когда наступитъ конецъ той недоумѣнной, тяжелой и скучной умственной полосы, которую теперь переживаетъ все русское общество.

Помню, незадолго до своей кончины, заходилъ ко мнѣ одинъ изъ крупныхъ покинувшихъ Москву Москвичей—Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ. Больной, разбитый жизнью, разочарованный до безнадежнаго пессимизма, начинавшій уже сомнѣваться въ Россіи, покоритель Ташкента все-таки хранилъ въ своемъ сердцѣ огонекъ вѣры въ Москву.

— Ея дѣло еще не сдѣлано. Ея очередь придетъ; въ Москвѣ должно начаться наше національное возрожденіе, *если суждено ему наступить*.

Я горячо ему возражалъ.

— Какъ такъ, если суждено ему наступить? Неужели же вы хороните русскій народъ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Черняевъ,—я его не хороню. Но, смотря вокругъ себя, я вижу, какъ убываютъ русскія духовныя силы, какъ разлагается верхній русскій классъ, какъ слабѣютъ воля и нервы Россіи. Недобрый знакъ—эти захваты иностранцами нашихъ экономическихъ верховъ. Недобрый знакъ—это торжество Евреевъ, которые вездѣ являлись для народовъ могильщиками, или точнѣе трупными червями. Взгляните на Францію...

А дѣло Дрейфуса еще и не думало возобновляться тогда.

Повторяю, я не раздѣляю этого пессимизма, съ которымъ такъ и умеръ

ташкентскій герой. Но и я начинаю бояться за это нашествіе. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, иностранцы и Евреи захватываютъ все кругомъ! Какъ высаживаютъ и выбрасываютъ изъ лучшихъ старыхъ дѣлъ коренныхъ русскихъ людей! Въ новыхъ дѣлахъ русская одна оболочка, а иногда и той нѣтъ, а правленіе прямо помѣщается въ Берлинѣ, Лондонѣ или Брюсселѣ...

И, что хуже всего, Москва потеряла, повидимому, способность переваривать иностранца и обращать его въ Русскаго,—способность, которая раньше была очень сильна. Онъ въ Москвѣ найдетъ все *свое*. Его сынъ получитъ образованіе въ германской школѣ тутъ-же въ Москвѣ, дома у него будутъ читать нѣмецкую газету, воинскую повинность онъ поѣдетъ отбывать за границу. Есть даже много нѣмецкой прислуги. Тѣ русскія фирмы, съ которыми иностранцу приходится имѣть дѣло, имѣютъ уже образованныхъ служащихъ, прекрасно говорящихъ по-нѣмецки. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ этому иностранцу русскій языкъ?

Я думаю, однако, что какъ ни великъ приливъ нѣмецкихъ и иныхъ «фряжскихъ» элементовъ, Москвою имъ все-таки не овладѣть. Русско-германскій договоръ кончится-же когда-нибудь, а къ тому времени, можетъ-быть, и поймутъ, что политика «открытыхъ дверей» есть одновременно политика «выстуживанія дома». Не могу-же я повѣрить другому крупному старцу-Москвичу, Д. И. Иловайскому, который въ № 5 своего «Кремля» разсказалъ года два назадъ поистинѣ страшный сонъ о завоеваніи Москвы Нѣмцами. Страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ!

Но и милостиваго Бога искушать не слѣдуетъ. Русскимъ людямъ пора браться за умъ и начать отвоевывать свою самостоятельность. Старуха-Москва заспалась. Легкій толчекъ въ бокъ рукой ея преданнаго и любящаго сына да не вмѣнится мнѣ въ преступленіе. Но впрочемъ я вовсе не думаю ограничиться однимъ толчкомъ. Я на этихъ страницахъ собираюсь, фигурально говоря, не только толчки давать, но если старуха станетъ артачиться, то и холодной водой буду брызгать, а то и за ноги съ печи потяну.

Пусть читатель не сердится на меня и за то, что въ «легкомъ произведеніи пера», какимъ по всѣмъ правиламъ долженъ быть фельетонъ газеты, я говорю совсѣмъ не легкимъ языкомъ. Я думаю, что «легкій языкъ» современныхъ господъ фельетонистовъ, обратившійся въ простое чесаніе пятокъ, вамъ уже порядочно надоѣлъ. Давайте поговоримъ серьезно. Давайте вмѣстѣ подумаемъ надъ нашей великой и несчастной родиной, надъ нашимъ прекраснымъ, умнымъ и такъ опустившимся, такъ ослабѣвшимъ народомъ. Неужели вамъ это не больно? Неужели вамъ не скучно въ вашемъ духовномъ одиночествѣ, или въ компаніи съ кувыркающимися газетными паяцами?

А вѣдь болѣе одинокаго душевнаго человѣка, чѣмъ мои почтенные соотечественники, невозможно себѣ и представить. Общественно у насъ дѣлаютъ только два дѣла (т.-е. искренно дѣлаютъ, не притворяясь): водку пьютъ и въ винтъ играютъ. Такъ вѣдь этого же мало.

Я думаю, что мнѣ, старому Москвичу, удастся, анализуя факты и событія и освѣщая ихъ съ моей точки зрѣнія (а эта точка есть *страстная жажда*

русскаго возрожденія), хоть немного смягчить и пополнить ваше духовное одиночество. Можетъ-быть, въ моихъ простыхъ строкахъ вы найдете тѣ-же мысли, которыя въ грустную минуту вамъ самимъ приходили въ голову. Я ничего больше не хочу. Но и это уже будетъ недурнымъ началомъ нашего съ вами общенія. А тамъ будетъ видно.

II.

Наши жертвователи. Общій типъ. Третьяковъ и его галлерея. Коллекція изданій Солдатенкова. Неизданный Гиляровъ. Солдатенковъ и Марксъ. Роль богача и право на „вѣчную память“.

Нигдѣ такъ не жертвуютъ, какъ въ Москвѣ. Это понятно. Москва—городъ промышленный и торговый, гдѣ больше всего скопляется капиталовъ и наживается милліонныхъ состояній. Ну, и русская народная коренная столица, хотя и развѣнчанная, какъ хотите!

Исторія большинства нашихъ крупныхъ жертвователей очень однообразна Всю жизнь человѣкъ работаетъ мамонѣ, не покладая рукъ. Всѣ мысли, вся жизнь устремлена на «дѣло», т.-е. на голую наживу, на накопленіе милліоновъ. Если не считать варварскихъ развлеченій въ формѣ нашихъ спеціально московскихъ кутежей, отъ которыхъ дымъ стоитъ столбомъ и голова потомъ долго не приходитъ въ порядокъ, можно сказать, что человѣкъ, вовсе и не жилъ, какъ человѣкъ, всею полнотою жизни семьянина и гражданина. Жилъ и толстѣлъ его карманъ, коему онъ былъ вѣрнымъ рабомъ. Ни о чемъ другомъ не думалось, потому что некогда было думать. Скучную и обыкновенно вполнѣ отчужденную жену замѣняла случайная подруга кутежей, дѣти росли, какъ трава въ полѣ, или подъ руководствомъ котораго лучше если-бы и не было...

Но вотъ наступаетъ старость, умъ устаетъ на коммерческіе подвиги, тѣло на кутежи. Просыпается забитая и истоптанная душа и начинаетъ смутно желать чего-то хорошаго, высшаго и вѣчнаго. Милліонеру видится необходимость такъ или иначе распорядиться со своими милліонами. Кому ихъ оставить? Молодящейся раскрашенной супругѣ, ведущей «свободную жизнь» и мѣняющей своихъ обожателей, какъ перчатки? Сынку, кутилѣ и моту съ англійскимъ пробором, уже разлагающемуся, не доживъ до тридцати лѣтъ и неоднократно стоявшему на колѣняхъ и выпрашивавшему прощеніе за раздачу векселей? Объ этихъ «близкихъ» людяхъ милліонеръ часто не хочетъ и думать. Они ему чужіе. Имъ и такъ много достанется. На церкви, на обыкновенную благотворительность? Но современный коммерсантъ насчетъ поповъ не охотникъ, а благотворительность обыкновенная всегда была въ его глазахъ не потребностью и утѣшеніемъ души, а однимъ изъ способовъ получить мануфактуръ-совѣтника, или равноапостольнаго Станислава. Все это хорошо было въ свое время. Теперь душа проситъ болѣе глубокаго и грандіознаго; не мануфактуръ-совѣтника и не Станислава нужно, а чего-нибудь похожаго на «вѣчную память» у гг. со-

отечественниковъ, даже на маленькое безсмертіе. Является позывъ устроить какой-нибудь пріютъ «имени потомственнаго почетнаго гражданина Силы Парфеновича Маслопузова», соорудить клинику, студенческое общежитіе, какіе-нибудь тамъ курсы или классы.

Жилъ въ Америкѣ, сѣверной, конечно, милліонеръ Ликъ, скопившій огромное состояніе. Человѣкъ онъ былъ необразованный, ибо вышелъ изъ простыхъ слесарей. Передъ смертью захотѣлось ему воздвигнуть себѣ «вѣчную память». Обращается къ компетентнымъ людямъ, профессорамъ разныхъ наукъ, устраиваетъ цѣлыя засѣданія. Рѣшите мнѣ, господа, вопросъ, какъ сдѣлать, чтобы моя память не пропала, какъ вернуть мои милліоны американскому народу? Человѣкъ, кстати, былъ всю жизнь одинокій—наслѣдниковъ никого.

Приходитъ ему въ голову купить высокую гору и устроить самому себѣ храмъ, ассигнововавъ, конечно, средства на его поддержаніе. Храмъ со статуей «безсмертнаго» посрединѣ и пр. и пр. Потомъ рѣшилъ, что это вздоръ. Никакого безсмертія не будетъ, а будетъ курьезъ, а пожалуй обругаютъ еще въ газетахъ, пойдутъ насмѣшки. Надо, значитъ, что-нибудь общеполезное, не иначе.

Ученые совѣтуютъ: постройте самую лучшую въ мірѣ астрономическую обсерваторію, затратьте на нее милліоны, обставьте такъ, чтобы нигдѣ подобной не было, и назовите ее своимъ именемъ. Тогда оно сохранится.

Ликъ, ничего, конечно, въ астрономіи не понимавшій и никогда ею не интересовавшійся, понялъ грандіозность идеи, согласился и задавалъ ученымъ своимъ совѣтникамъ только одну задачу—не жалѣть денегъ, чтобы никто не могъ его превзойти. Выбрали мѣсто на неприступныхъ Скалистыхъ горахъ, заказали необыкновенный рефракторъ, самъ Ликъ наблюдалъ за постройкой, обезпечилъ на вѣчныя времена цѣлый корпусъ ученыхъ и, умирая, завѣщалъ себя похоронить у подножія огромнѣйшей гранитной глыбы, изображавшей пьедесталъ наибольшаго инструмента.

И вотъ, до сихъ поръ Ликовская обсерваторія, кажется, первая въ мірѣ, или по крайней мѣрѣ была *), и по инструментамъ, и по мѣстности, потому что идеально прозрачный горный воздухъ позволяетъ особенно хорошія наблюденія.

Совершенно также основался около Санъ-Франциско одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ въ мірѣ университетовъ, университетъ Леланда Станфорда младшаго на Пало-Альто, выстроенный милліонеромъ Леландомъ Станфордомъ старшимъ въ память единственнаго сына, умершаго юношей. И здѣсь собирались комиссіи, обсуждали, какъ увѣковѣчить память даннаго лица и притомъ такъ, чтобы никто не предупредилъ, чтобы было вполнѣ оригинально.

У насъ въ этомъ родѣ тоже единственное по своему учрежденіе—Третьяковская галлерея. Кромѣ огромныхъ денегъ, покойный Павелъ Михайловичъ поработалъ на этомъ дѣлѣ и своимъ личнымъ вкусомъ, и личною любовью къ искусству. Даръ городу Москвѣ въ видѣ этой галлереи, да и вообще все завѣщаніе П. М. Третьякова такъ ослѣпительно хороши, что вскорѣ послѣ опубли-

---

*) Говорятъ, что ее превзошли новыя обсерваторіи въ Чикаго и Перу. *Авт.*

кованія этого завѣщанія многіе Москвичи загорѣлись желаніемъ сдѣлать что-нибудь въ такомъ-же родѣ и, какъ разсказывалъ Ѳ. Н. Плевако, ему пришлось выдержать цѣлый рядъ консультацій на эту тему.

Но, увы! Оригинальность мысли — даръ наиболѣе рѣдкій, а повторять, жертвовать и создавать по готовому шаблону вещь и скучная, и безсмертія отнюдь не гарантирующая. Особенно, если личнаго ничего человѣкъ внести не можетъ, а только свои процентныя бумаги...

Да, и жертвовать нужно съ большимъ толкомъ и смысломъ. Задача эта особенно серьезна, ибо оцѣнка жертвы потомствомъ, т.-е. именно искомый патентъ на безсмертіе выдается только за двѣ вещи: за оригинальность мысли и за полезность памятника въ самомъ высокомъ значеніи—полезность культурную и національную.

Въ этомъ смыслѣ непосредственно рядомъ съ Третьяковскою галлереей слѣдуетъ поставить въ Москвѣ—не клиники Дѣвичьяго поля, уважаемый читатель, нѣтъ, нѣчто другое, вполнѣ оригинальное, это огромную коллекцію изданій К. Т. Солдатенкова. Почтенный московскій меценатъ давнымъ-давно уже ведетъ это замѣчательное дѣло просвѣщенія. Изъ года въ годъ ассигнуются имъ огромныя для частнаго человѣка деньги и на нихъ подъ редакціею образованныхъ спеціалистовъ-ученыхъ издаются книги по всѣмъ отраслямъ знанія и преимущественно такія, которыя не могли-бы выдержать за ограниченностью спроса изданія коммерческаго, т.-е. не могли-бы оплатить ни гонорара автору или переводчику, ни, можетъ-быть, даже типографскихъ расходовъ. Каждая подобная книга есть даръ Козьмы Терентьевича русскому просвѣщенію.

Сколько за эти полвѣка издано имъ капитальнѣйшихъ научныхъ произведеній иностранной литературы въ отличныхъ переводахъ и подъ отличною редакціей—трудно себѣ и представить.

Если коллекція изданій Солдатенкова уступаетъ первенство Третьяковской галлереѣ, то развѣ въ одномъ смыслѣ. Консультанты и редакторы Козьмы Терентьевича главное вниманіе обращали на европейскую литературу и отводили совсѣмъ послѣднее мѣсто русской. А между тѣмъ, если издать, напр., Гиббона въ русскомъ переводѣ—значитъ сдѣлать серьезный вкладъ въ нашу литературу, то *не* издать Гилярова—значитъ прямо задержать русское просвѣщеніе. Сохрани меня Богъ обращать этотъ упрекъ къ К. Т. Солдатенкову. Онъ ввѣрился совѣтамъ патентованныхъ русскихъ ученыхъ, профессоровъ. Кому-же, какъ не имъ, судить о нуждахъ русскаго просвѣщенія? Точно такъ же не хочу я обвинять и ихъ въ ихъ особомъ усердіи по части насажденія у насъ западной науки. Что дѣлать! Такова эпоха, таковъ господствующій у насъ строй мысли. А въ результатѣ, однако, получается такое странное сопоставленіе: К. Т. Солдатенковъ, крестьянинъ и старообрядецъ, жертвуетъ огромныя суммы на насажденіе западнаго просвѣщенія въ то время, какъ иностранецъ, А. Ф. Марксъ, оказываетъ безсмертную услугу русской національной культурѣ удешевленными, въ сотняхъ тысячъ расходящимися, изданіями нашихъ классиковъ, и на этомъ наживаетъ громадныя деньги.

Отличный примѣръ этого печальнаго положенія русской литературы въ смыслѣ торжества національной мысли представляетъ изданіе Барсукова: «Жизнь и труды Погодина». Это замѣчательное литературное предпріятіе остановилось, было, за недостаткомъ средствъ. *Случайно* сказалъ объ этомъ въ одной изъ своихъ статей В. В. Розановъ. *Случайно* прочелъ эту статью богачъ въ надлежащемъ настроеніи духа. Является *случайное* рѣшеніе: дать средства въ распоряженіе издателя, и вотъ изъ суммы этихъ случайностей выростаетъ литературный памятникъ большой важности.

Между тѣмъ, подобно этому, множество очень нужныхъ для національной культуры дѣлъ являются неисполненными, а богачи мечутся мыслью, ищутъ совѣта у адвокатовъ, строятъ клиники и благотворительныя учрежденія, и все это безъ системы, безъ оригинальности въ творчествѣ, часто безъ участія личной любви, личнаго «я», ибо это бѣдное «я» истрепалось и испоганилось во время процесса наживанія милліоновъ. Въ моментъ жертвы такъ сказать «на алтарь отечества» это «я» только и можетъ, что выписать чекъ или подписаться подъ духовнымъ завѣщаніемъ.

— Позвольте,—скажетъ читатель,—вы какъ будто отзываетесь пренебрежительно о клиникахъ и благотворительныхъ учрежденіяхъ?

Нѣтъ, не пренебрежительно; эти жертвы наукѣ или страждущему человѣчеству очень нужное и, если хотите, въ своемъ родѣ великое дѣло. Я хочу только сказать, что ими нельзя создать себѣ такого памятника, какъ Третьяковская галлерея, ни даже такого, какъ коллекція изданій К. Т. Солдатенкова.

И это потому, что здѣсь милліонеръ входитъ, собственно говоря, въ чужую область. Зачѣмъ дѣлать ему то, что можетъ и должно сдѣлать государство, земство, городъ, сословіе? Представьте, что правительство захотѣло создать, напримѣръ, психіатрическую клинику, достойную такого государства, какъ Россія. Представьте, что оно ассигновало тѣ-же средства, что и данный милліонеръ. Если постройка попадетъ въ честныя руки и часть этихъ средствъ не будетъ расхищена (ну, а надѣюсь, что Россія не клиномъ-же сошлась и найти честнаго строителя возможно), спрашиваю, какая разница для науки будетъ между обоими учрежденіями? Думаю, что никакой, ибо и государственное казначейство, и милліонеръ-жертвователь одинаково некомпетентны въ медицинской наукѣ, а планировать и строить будетъ все равно та-же ученая медицинская корпорація.

Представьте, что милліонеръ-жертвователь захочетъ подарить родному городу, ну, положимъ, бойню, или электрическое освѣщеніе. Чѣмъ эта бойня или освѣщеніе будетъ лучше, чѣмъ выстроенныя самимъ городомъ? Ничѣмъ. Мало того, теоретически говоря, произволъ жертвователя здѣсь даже нѣсколько вреденъ. Онъ остановился на бойнѣ и выстроилъ отличную бойню. А будь эти средства въ рукахъ городскаго управленія, оно, можетъ-быть, ихъ-бы на что-нибудь другое, болѣе нужное употребило?

Разъ богачъ-жертвователь направляетъ свою жертву на такіе предметы, которые составляютъ прямую культурную обязанность общественной или госу-

дарственной власти, онъ проявляетъ здѣсь только произволъ и власть своего капитала, ничего въ сущности «своего» не дѣлая. «Свое» будетъ для него только то, чего ни правительство, ни городъ выполнить не могутъ. Попробуйте устроить казенную Третьяковскую галлерею. Можно будетъ собрать очень много и очень хорошихъ картинъ даже національной школы, но казенный характеръ учрежденія останется вѣчно ему присущимъ.

Именно въ томъ-то и вопросъ, чтобы, если ужъ создавать себѣ памятники, то дѣлать это внѣ конкурренціи съ кѣмъ-бы то ни было. А у богача для этого всѣ преимущества, если, понятно, его денежная власть соединяется съ личнымъ просвѣщеніемъ и любовью. И даже собственно въ этой любви, въ этой нравственной силѣ тутъ все и дѣло. Только будь желаніе честно и смиренно послужить своему народу и *этимъ* оставить по себѣ вѣчную память, а поводъ всегда найдется. Оглядываясь кругомъ себя, вдумываясь въ тѣ народныя нужды, которымъ общественная власть почему-либо въ данную минуту медлитъ или не можетъ удовлетворить, милліонеръ-жертвователь, если не можетъ ничего придумать самъ, имѣетъ всегда возможность найти идеалиста-праведника, одушевленнаго, можетъ-быть, великими идеями, посвятившаго на нихъ всю свою жизнь, но не имѣвшаго средствъ ихъ провести и осуществить. Такими праведниками Россія никогда не оскудѣвала и найти ихъ вовсе не такъ трудно. Любящій взоръ всегда ихъ увидитъ и безошибочно отличитъ праведника отъ шарлатана и проходимца.

Любящій взоръ... любовь... патріотизмъ! Да въ томъ-то все и дѣло, что въ нашей сутолокѣ, въ увлеченіи коммерческимъ спортомъ, въ побиваніи рекордовъ на милліоны «любящій взоръ» иногда даже и не раскрывается, «любви» некогда и зародиться, о «патріотизмѣ», о судьбахъ и задачахъ своей родины некогда и подумать. Въ томъ-то и дѣло, что начавшій богатѣть промышленникъ или купецъ первую половину своей карьеры бьется съ нуждой и препятствіями и уродуетъ въ себѣ человѣка невольно, во вторую, счастливую половину уродуетъ себя добровольно, хотя и безсознательно, обращаясь въ такого-же профессіонала наживы, какъ бываютъ профессіоналы велосипеднаго спорта, атлетической борьбы, шахматной игры и прочаго и прочаго. Попробуйте заинтересовать какого-нибудь чемпіона вопросомъ высшаго порядка. Что ему до этихъ вопросовъ? Поговорите, ну хоть о политикѣ, съ міровымъ шахматнымъ игрокомъ. Какое ему до этого дѣло, коль скоро вся душа его такъ сказать наклеена на шахматную доску?

Почти то-же и съ нашими поклонниками бога Меркурія, дѣльцами всѣхъ видовъ въ ихъ огромномъ большинствѣ. Въ вѣчномъ разгарѣ долголѣтняго и непрерывнаго денежнаго спорта ихъ равнодушіе ко всему недѣловому поистинѣ поразительно. Все забыто, даже самое интимное въ жизни человѣка—его семья. Про общественную жизнь нечего и говорить. И совершенно напрасно пытаются нѣкоторые эту апатію и равнодушіе въ общественной жизни, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, свалить на внѣшнія условія, на недостатокъ простора и т. д. Для человѣка иниціативы и сейчасъ этого простора въ сущности очень доста-

точно. Отчего, напримѣръ, такъ плохи и безжизненны наши ученыя и иныя общества? Отчего общественныя и сословныя дѣла вершатся иногда Богъ знаетъ кѣмъ? Да именно оттого, что лучшія силы погружены въ спортъ, какой-бы онъ ни былъ, все равно, спортъ, не оставляющій мѣста въ душѣ уже ничему иному.

А затѣмъ, когда наступаетъ реакція, когда заглушенныя требованія души вдругъ прорываются и домогаются удовлетворенія, профессіоналъ-дѣлецъ и милліонеръ бѣжитъ къ Плевакѣ совѣтоваться: что мнѣ сдѣлать, чтобы затмить Третьякова и заполучить безсмертіе? Но—увы!—Третьякова не затмишь именно потому, что Третьяковъ не одни свои милліоны клалъ въ даръ Москвѣ и русскому искусству, но и свою душу, а у почтеннаго толстосума душа давно израсходована и остаются одни милліоны, да завистливое тщеславіе...

Богатство есть власть надъ людьми. Это высказано давно. Но истинно научнымъ образомъ политическая экономія роли богача въ современномъ обществѣ еще не опредѣлила. Пока мы переживаемъ капиталистическую полосу общественнаго строя (а въ соціальную «національзацію имуществъ», равенство, регламентацію труда и пр. я не вѣрю. Никто не видалъ, да это, по-моему, и психологически противорѣчитъ природѣ человѣка. Никогда не согласится онъ подчиниться условному порядку и индивидуально обезличиться. Отъ этого и вздоръ всѣ пылкія фантазія въ родѣ романа Беллами),—богачи всегда будутъ, въ ихъ рукахъ всегда будетъ скопляться огромная власть и единственнымъ для нихъ исходомъ, единственнымъ человѣческимъ проявленіемъ этой власти (нравственныхъ уродовъ я не считаю) будетъ благотвореніе, возвратъ народу, возвратъ своей странѣ всего, безъ остатка, отъ нихъ полученнаго. И чѣмъ лучше, чѣмъ честнѣе, чѣмъ съ большими процентами сдѣланъ этотъ возвратъ, тѣмъ дольше хранится и искреннѣе благословляется память человѣка, стоявшаго у власти. Большинство нашихъ милліонеровъ это сознаютъ въ душѣ, хотя и смутно, но оторванные отъ національной духовной жизни, одинокіе, несчастные и подозрительные, они не умѣютъ создать себѣ никакого памятника. Отсюда общая потеря: и личная въ видѣ горькаго сознанія своей безполезности передъ смертью, сразу раскрывающей длинныя перспективы хищной и безсмысленной жизни, и національная въ видѣ безтолковаго употребленія богатства въ удовлетвореніе одному лишь тщеславію...

Единственный выходъ отсюда, и прежде всего для самихъ богачей,—широкая и бодрая общественная жизнь, духовное общеніе и единеніе людей. Только оно одно въ силахъ сблизить «праведника» и «богача», только оно можетъ освѣтить высшимъ свѣтомъ интересъ жизни и спасти человѣка отъ болѣзни спорта, каковъ бы онъ ни былъ.

И если у насъ такъ много еще жертвъ умныхъ, дѣльныхъ, хорошихъ, то при нашемъ общественномъ одичаніи и полномъ почти отсутствіи общественной жизни этому можно только удивляться. Что-же было-бы тогда, еслибы общественная жизнь цвѣла?

А она должна цвѣсти.

III.

В. С. Соловьевъ и его публичная лекція объ антихристѣ.—Свалившійся со стула слушатель.—Отчего онъ свалился? Къ какому разряду произведеній относится эта лекція? Намеки на Л. Н. Толстого.

Большого шуму надѣлалъ въ Петербургѣ нашъ извѣстный богословъ, философъ, поэтъ, публицистъ и новый «почтенный академикъ», Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ, своею публичною лекціей: «Конецъ всемірной исторіи». Это собственно ея оффиціальное заглавіе. Въ публикѣ она называется лекціей объ антихристѣ. И это совершенно правильно. Вл. С. Соловьевъ дѣйствительно читалъ объ антихристѣ, да еще въ какой формѣ! Почти въ беллетристической. Это не было учено-богословское разсужденіе, это былъ цѣлый романъ во вкусѣ Беллами, Жюля Верна, Фламмаріона и т. п., гдѣ разнообразныя событія, имѣющія, по гаданіямъ авторовъ, совершиться, разсказываются въ настоящемъ времени, а публика, всегда падкая до неизвѣстнаго и таинственнаго, млѣетъ и замираетъ. Чтобы Владиміру Сергѣевичу побаловать своимъ чтеніемъ Москву, или по крайней мѣрѣ хоть повторить его въ Москвѣ? Здѣсь антихристъ особенно популяренъ и сборъ былъ-бы огромный. Все Замоскворѣчье явилось-бы слушать.

Но по части интереса къ антихристу не ударилъ лицомъ въ грязь и Петербургъ. Публики набралось видимо-невидимо. Не обошлось даже безъ нѣкотораго весьма забавнаго инцидента. На другой день въ отчетѣ «Новаго Времени» репортеръ, расхваливая талантливое изложеніе и мастерское чтеніе, отмѣтилъ даже, что въ одномъ мѣстѣ впечатлѣніе, произведенное на публику, было прямо потрясающимъ, такъ что кто-то даже свалился со стула. Да и какъ не свалиться!

На третій день, однако, все дѣло разъяснилось иначе: въ томъ-же «Новомъ Времени» появилось письмо за подписью: «Мнимо упавшій со стула», гдѣ авторъ, не стѣсняясь, заявляетъ, что лекція была нестерпимо скучна, а потому онъ подложилъ подъ себя ногу и заснулъ. А такъ какъ думская (лекція шла въ городской думѣ) мебель—чистый хламъ, то стулъ подъ нимъ подломился и т. д.

Видите, какое колоссальное разногласіе. То лекція до того потрясающа, внушительна и страшна, что люди со стульевъ падаютъ, то она-же до того скучна и снотворна, что тѣ-же слушатели засыпаютъ. Какъ тутъ рѣшить, кто правъ? Къ счастію, на другой день послѣ лекціи, ея текстъ появился полностью въ февральской книжкѣ «Недѣли», которую заинтересованная публика тотчасъ порывисто расхватала.

Достался экземпляръ и на мою долю. Сажусь читать. Прочелъ, и стало мнѣ не то что грустно, а какъ-то стыдно.

Господи Боже! Чего только не вмѣщаетъ въ себѣ эта прекрасная, классическая, геніальная голова, сверкающая пророческими глазами и окруженная

когда-то чернымъ, а теперь сѣдымъ волнующимся сіяніемъ! Только что вышла изъ-подъ пера человѣка отвратительная книга «La Russie et l'Eglise universelle» (Россія и вселенская церковь), завтра уже зрѣетъ чудное, глубокое и захватывающее душу изслѣдованіе «Смыслъ любви». За нимъ, словно ужаленный ядовитою змѣею, бросаетъ Соловьевъ въ лицо Россіи свою насквозь отравленную и злобою дышащую книгу «Національный вопросъ». Черезъ самый короткій промежутокъ идетъ новая огромная книга въ совершенно противоположномъ родѣ, книга поистинѣ безсмертная и геніальная: «Оправданіе добра». Все въ ней полно красоты, гармоніи и любви. Что за бури и ураганы проходятъ черезъ эту великую душу! Не успѣли вы насладиться этою вещью, гдѣ, можно сказать, созданъ цѣлый апоѳеозъ *русской* философіи, *русскаго* міропониманія, какъ вдругъ за подписью все того-же Владиміра Соловьева встрѣчаете нѣчто дикое, странное, прямо невѣроятное: «Слово увѣщательное къ морскимъ чертямъ».

Вы думаете, это шутка, иронія, капризъ геніальнаго пера? Какъ-бы не такъ! Это вполнѣ серіозное обращеніе къ чертямъ (именно морскимъ, которые повсюду преслѣдуютъ Владиміра Сергѣевича!) и приглашеніе ихъ «божьей скотинкою сдѣлаться снова», совершенно также серіозно, какъ въ какой-то сектантской молитвѣ просятъ съ земными поклонами: «Отче Сатано, обратися ко Господу!»

Отсюда, вы понимаете, до антихриста одинъ шагъ, меньше шага... Вл. С. Соловьевъ уже оглядывается и находитъ ясныя черты антихриста какъ-бы вы думали въ комъ? Въ графѣ Львѣ Николаевичѣ Толстомъ, въ своемъ коллегѣ по почетному членству академіи...

Положимъ, что подлинный антихристъ у нашего философа является только черезъ 200 лѣтъ и совсѣмъ въ другомъ образѣ, но что Левъ Николаевичъ выведенъ въ видѣ маленькаго антихриста, какъ-бы предтечи настоящему, это съ январской книжки «Недѣли» было отлично понято всею читающею публикой и вызвало даже печатное опроверженіе Вл. С. Соловьева. Но какъ ни опровергай, а князь въ сценахъ «Подъ пальмами», куда цѣликомъ вошла лекція объ антихристѣ, списанъ живымъ съ нашего великаго художника и въ его уста вложены даже подлинныя, въ кавычкахъ, цитаты изъ писаній Льва Толстого.

Но, однако, вернусь къ лекціи. Разсказъ объ антихристѣ и концѣ міра ведется отъ лица нѣкоего старца, отца Пансофія, и представляетъ якобы недоконченную послѣднимъ рукопись.

Дѣло начинается съ монгольскаго нашествія на Европу. Японія захватила Китай, стала во главѣ объединеннаго монгольскаго міра и въ XX вѣкѣ обрушилась на Россію съ богдыханомъ Японцемъ и арміею, великолѣпно снаряженною и обученною. Россія побита и захвачена, нашествіе переходитъ на Германію. Нѣмцы и отразили-бы Монголовъ, но во Франціи просыпается идея реванша, Французы братаются съ желтолицыми, бьютъ Нѣмцевъ и богдыханъ предписываетъ разоруженіе, послѣ чего монголы рѣжутъ своихъ, ненужныхъ болѣе союзниковъ. Готовится нашествіе на Англію, но та откупается «милліардомъ фунтовъ». Весь старый свѣтъ попадаетъ подъ верховную власть Монго-

ловъ на цѣлые полвѣка. Богдыханъ съ войскомъ уходитъ изъ Европы и двигается завоевывать Америку и Австралію.

Но вотъ, огромная, втайнѣ подготовленная революція освобождаетъ Старый Свѣтъ. Подъ Кіевомъ соединенныя силы Монголовъ разбиты соединенною Европой. Начинается новый прогрессъ западнаго человѣчества, которое сливается въ систему европейскихъ Соединенныхъ Штатовъ.

Что-же эта Европа изображаетъ собою въ умственномъ отношеніи? Соловьевъ отвѣчаетъ такъ: «Предметы внутренняго сознанія—вопросы о жизни и смерти, объ окончательной судьбѣ міра и человѣка, осложненные и запутанные множествомъ новыхъ физіологическихъ и психологическихъ изслѣдованій и открытій, оставались попрежнему безъ разрѣшенія. Выяснился только одинъ важный отрицательный результатъ: рѣшительное паденіе теоретическаго матеріализма. Представленіе о вселенной, какъ о системѣ пляшущихъ атомовъ и о жизни, какъ результатѣ механическаго накопленія мельчайшихъ измѣненій вещества—такимъ представленіемъ не удовлетворялся болѣе ни одинъ мыслящій умъ. Человѣчество навсегда переросло эту ступень философскаго младенчества Но ясно было съ другой стороны, что оно также переросло и младенческую способность наивной безотчетной вѣры. Такимъ понятіямъ, какъ Богъ, сдѣлавшій міръ изъ ничего и т. д., нельзя уже было учить и въ начальныхъ школахъ. И если огромное большинство мыслящихъ людей оставались вовсе не вѣрующими, то немногіе вѣрующіе всѣ по необходимости стали и мыслящими, исполняя предписаніе апостола: «будьте младенцами по сердцу но не по уму».

И вотъ, когда умственная и сердечная почва въ человѣчествѣ была достаточно подготовлена, явился антихристъ. Соловьевъ рисуетъ его, какъ сверхчеловѣка, обладавшаго величайшимъ умомъ и добродѣтелями и прославившагося, какъ великій мыслитель, писатель и аскетъ. Ясный умъ указывалъ ему истину, и онъ вѣрилъ въ добро, въ Бога, въ Мессію, но любилъ лишь самого себя. Сознавая свое неизмѣримое превосходство надъ людьми, сверхчеловѣкъ призналъ себя тѣмъ, чѣмъ въ дѣйствительности былъ Христосъ. Сначала онъ считалъ себя *вторымъ, младшимъ* Христомъ, затѣмъ сталъ понемногу считать себя Христомъ окончательнымъ, а истиннаго Христа лишь своимъ предтечею. Христосъ былъ исправителемъ человѣчества, онъ намѣревался быть его благодѣтелемъ.

Мало-по-малу дошло дѣло до разрыва съ Христомъ истиннымъ. Сверхчеловѣкъ ждалъ знаменія и мучился. Онъ объявилъ уже, что Христосъ не воскресалъ. Въ отчаяніи спрашивалъ онъ у Христа, гдѣ правда, но Христосъ явился только, чтобы пожалѣть его. Сверхчеловѣкъ рѣшился на самоубійство и бросился съ обрыва, но его подхватила и спасла темная сила и вмѣсто Христа онъ увидалъ сатану.

Произошло очень плохо мотивированное посвященіе сверхчеловѣка въ сыны діавола, и на другой день антихристъ явился во всей своей красотѣ, геніальности и величіи. Всѣ были поражены внезапнымъ его вдохновеніемъ. Онъ заперся и въ нѣсколько дней написалъ геніальное сочиненіе: «Открытый путь къ вселенскому миру и благоденствію».

Книга переводится на всѣ языки и увлекаетъ все человѣчество. Союзный совѣтъ, или «Всемірная управа» (sic!) засѣдающая въ Берлинѣ (гдѣ-же больше?) и утомленная политическими раздорами и безтолковщиной, избираетъ его единогласно пожизненнымъ президентомъ Соединенныхъ Штатовъ Европы, но первое-же его появленіе передъ конгрессомъ такъ увлекло собраніе, что антихриста тутъ-же провозгласили римскимъ императоромъ.

Оставались непокорные въ другихъ частяхъ свѣта. Новый императоръ одолѣлъ ихъ оружіемъ, и вотъ наступила эра всеобщаго мира. Заботы антихриста направились теперь на всеобщее благоденствіе, которое и было блистательно достигнуто. Соціальный вопросъ разрѣшенъ навсегда.

За соціальнымъ выступилъ вопросъ религіозный. Въ помощь антихристу Вл. Соловьевъ выводитъ довольно оригинальнаго волхва, католическаго епископа Аполлонія, человѣка не то божественнаго происхожденія, не то потомка отъ прегрѣшенія покойной Елены Петровны Блаватской съ какимъ-то индійскимъ аскетомъ—*йоги* (!!).

Такъ вотъ, этотъ Аполлоній, умѣло соединяющій въ себѣ европейскую науку и оккультистичесвіе фокусы Востока, является къ императору-антихристу на подмогу. Образуется тѣснѣйшій союзъ, новые друзья уже не разлучаются и вмѣстѣ благодѣтельствуютъ человѣчеству, устанавливая новую, общую, единую вѣру.

Къ этому времени христіанство, очень опустѣвшее численно, находилось въ слѣдующемъ положеніи: папство переселилось изъ Рима въ Петербургъ (sic!) и имѣло во главѣ папу Петра II. Православіе слилось со старообрядцами и возрасло въ силѣ духа, имѣя во главѣ старца Іоанна, воскресшаго, или не умиравшаго Ѳедора Кузьмича, т.-е. императора Александра Благословеннаго (!!!); наконецъ германское протестантство, сохранившее горсть искренно вѣрующихъ, группировалось вокругъ профессора Эрнста Паули, обладавшаго «огромнымъ лбомъ, острымъ носомъ и какимъ-то особымъ, свирѣпо-добродушнымъ (sic!) взглядомъ. Онъ ежеминутно потиралъ руки, качалъ головой, страшно сдвигалъ брови и оттопыривалъ губы; при этомъ сверкая глазами, онъ угрюмо произносилъ отрывистые звуки: So! nun! ja! So also!»

Это все кавычки, читатель. Вы видите, съ какою обстоятельностью ведется разсказъ. Мнѣ, положимъ, немножко за Владиміра Сергѣевича стыдно было это выписывать, но вѣдь ничего не подѣлаешь... «Изъ пѣсни слова не выкинешь».

Чтобы слить всѣ исповѣданія христіанъ, и безъ того уже почти не враждовавшія, императоръ-антихристъ рѣшаетъ созвать вселенскій соборъ. Соборъ собирается въ Іерусалимѣ. Императоръ выступаетъ съ примирительною рѣчью. Онъ обѣщаетъ объединить духовный авторитетъ (латинство) съ священнымъ преданіемъ (православіе) и со свободою изслѣдованія (протестантство). Множество вѣрующихъ бросились къ императору, но ихъ вожди—папа Петръ II, старецъ Іоаннъ и Эрнстъ Паули остались на своихъ мѣстахъ съ небольшими группами вѣрныхъ.

Въ отвѣтъ на рѣчь императора первымъ поднялся старецъ Іоаннъ. Онъ кротко попросилъ, чтобы императоръ призналъ Христа. Но когда у того искривилось и потемнѣло лицо и онъ молчалъ, Іоаннъ воскликнулъ: «Дѣтушки—это антихристъ». Въ ту-же минуту, однако, волхвъ императора—Аполлоній вызвалъ «огромную круглую молнію», *которая на смерть поразила Іоанна.*

За нимъ, однако, всталъ папа Петръ. Онъ проклялъ императора въ довольно энергичныхъ выраженіяхъ: «Вонъ, сосудъ діавольскій! Вонъ отъ насъ, Каинъ-братоубійца. Извергаю тебя, гнуснаго пса, изъ ограды Божіей и предаю твоему отцу—сатанѣ». Аполлоній скомандовалъ вторую молнію, и папа легъ мертвымъ рядомъ со старцемъ. Оставался одинъ Паули, который подтвердилъ отлученіе и вывелъ христіанъ въ пустыню ожидать пришествія Христова. Они захватили съ собою и тѣла Іоанна и Петра. Но «статсъ-секретарь» императора со взводомъ гвардіи остановилъ ихъ и заарестовалъ тѣла, чтобы выставить ихъ публично, какъ обманщиковъ, пораженныхъ небеснымъ гнѣвомъ.

Между тѣмъ пошедшіе по зову императора-антихриста православные и католическіе епископы и протестантскіе богословы написали актъ о соединеніи церквей и верховнымъ главою, папою, избрали волхва Аполлонія. Уже *нечистая сила собиралась* праздновать полную побѣду и изъ-подъ земли «послышались не то дѣтскіе, не то дьявольскіе голоса» но Аполлонію удалось ихъ успокоить. Онъ сталъ бросать народу «римскія свѣчи, ракеты и огненные фонтаны», которые догорая обращались въ «разноцвѣтные листы индульгенцій»...

На четвертый день вѣрные пришли и взяли тѣла Іоанна и Петра. Когда ихъ принесли къ масличному саду и передали христіанамъ, оба убитые воскресли. Здѣсь тоже совершился актъ церковнаго единенія. Іоаннъ и Паули признали папу Петра, какъ старшаго пастыря овецъ Христовыхъ. На небѣ появилась апокалипсическая жена и папа Петръ повелъ за нею вѣрующихъ.

— Это и конецъ? спроситъ читатель. Нѣтъ еще. Вл. С. Соловьевъ совершенно позабылъ о Евреяхъ, словно въ XX и XXI вѣкѣ они вовсе пропали. Онъ ихъ выводитъ неожиданно въ самомъ концѣ для развязки.

Оказывается слѣдующее: Евреи размножились до 30 милліоновъ и шли послушно за антихристомъ, воображая, что онъ Еврей. Но вотъ обнаружилось, что онъ даже не обрѣзанъ. Поэтому вспыхиваетъ ожесточенное возстаніе. Императоръ предписываетъ избіеніе, но тутъ получается нѣчто странное. У антихриста, повелителя вселенной, да еще имѣющаго въ распоряженіи волхва Аполлонія, оказалась лишь небольшая часть гвардіи противъ милліонной арміи Евреевъ, которая его окружила. При помощи волшебства онъ, однако, ускользнулъ, собралъ огромное войско и пошелъ на Евреевъ. Уже обѣ арміи сошлись, какъ вдругъ открылся вулканъ, потекла лава, началось землетрясеніе, и армія антихриста съ нимъ самимъ и Аполлоніемъ провалились въ преисподнюю. Евреи въ ужасѣ бѣжали къ Іерусалиму и надъ нимъ увидали Христа сходящаго съ неба въ царскомъ одѣяніи. Ему навстрѣчу двигалась толпа христіанъ, предводимыхъ Іоанномъ, Петромъ и Паули, сдѣлавшимся Павломъ, а дальше двигались воскресшіе побіенные христіане и Евреи. «Они ожили и воцарились со Христомъ на тысячу лѣтъ».

Вотъ и вся лекція. Я передалъ ее вполнѣ добросовѣстно и подробно, чтобы читатель могъ самъ рѣшить вопросъ: отчего свалился со стула одинъ изъ почтеннѣйшихъ слушателей Владиміра Сергѣевича? Отъ волненія-ли, или отъ дремоты? Самъ я этотъ вопросъ, по совѣсти говоря, боюсь рѣшать.

Лично, излагая здѣсь всю эту странную исторію, я испытывалъ мѣстами чувство жгучаго стыда за геніальнаго автора совсѣмъ не геніальной картины. Стыдно мнѣ было потому, что я чувствовалъ, какъ на такой великолѣпный сюжетъ *можно-бы было* написать даже самому заурядному таланту, еслибы пришла охота попытаться возсоздать въ лицахъ пришествіе антихриста. У Владиміра-же Сергѣевича вышелъ шаблонъ невѣроятный. Ничего не мотивировано, причины и слѣдствія ни въ какой логической связи не состоятъ, антихристъ, по своей блѣдной фигурѣ, напоминаетъ скорѣе какого-то мистера Чемберлена, Франція въ XXI вѣкѣ и ввиду *нашествія Монголовъ* вспоминаетъ о реваншѣ за 1871 годъ и бросается на Германію! Могло-ли больше измѣнить человѣку художественное и историческое воображеніе? Можетъ-ли быть что-нибудь болѣе странное и плоское (чтобъ не сказать хуже), чѣмъ олицетвореніе великаго «апостола языковъ» Павла въ лицѣ нѣмецкаго гелертера Эрнста Паули, котораго фигура была изображена выше? Прибавьте сюда еще такой перлъ все о немъ же: «Онъ (Паули) низко опустилъ голову, согнулся и съежился. Издали виднѣлась только его лысина и бантъ галстуха, точно *бѣлая бабочка, сѣвшая подъ тыквой*». Что за картинность!

А вотъ, полюбуйтесь, какъ разговариваетъ воскресшій Іоаннъ, представитель православія, въ самый торжественный моментъ:

«Ну вотъ, дѣтушки, мы и не разстались. И вотъ что я вамъ скажу теперь: пора исполнить послѣднюю молитву Христову (о единствѣ). Такъ для этого единства почтимъ, дѣтушки, возлюбленнаго брата нашего Петра. Пускай на послѣдяхъ пасетъ овецъ Христовыхъ. «Такъ-то братъ!»

Этотъ безобразный монологъ достойно заключается нѣмецкимъ возгласомъ Паули по адресу того-же папы Петра: «Tu es Petrus! jetzt ist es ja gründlich erwiesen und ausser jedem Zweifel gesetzt. So, also, Väterchen (это уже къ Іоанну), nun sind wir ja Eins in Christo» *).

Шедевръ реализма—возгласъ императора-антихриста на вселенскомъ соборѣ послѣ удара молніи: «...Дѣло рѣшено. Кто будетъ спорить со Всевышнимъ? *Секретари запишите!..*»

Стоитъ-ли продолжать выписки? Скажу коротко.

Да, мнѣ, искреннему и горячему поклоннику геніальной философской половины писаній Вл. С. Соловьева было страшно совѣстно за эту плоскую декадентщину...

Неужели самъ «почетный академикъ» не понимаетъ, что вѣдь на всемъ этомъ, кромѣ шаблонности и пошлости, лежитъ еще страшная печать безвкусія? Но вѣдь подите-же! Пишетъ человѣкъ серьезнѣйшимъ тономъ «Слово увѣ-

---

*) Ты еси Петръ. Теперь это основательно доказано и внѣ всякихъ сомнѣній. Такъ-то, *батенька* (или *батюшка*), теперь мы едины о Христѣ! *Авт.*

щательное къ морскимъ чертямъ, и подмахиваетъ полностью свое имя». Объявляетъ публичную лекцію, собираетъ тысячу человѣкъ и читаетъ вещь, которую даже и не охарактеризуешь какъ слѣдуетъ, что это такое? Я по крайней мѣрѣ отказываюсь.

Но что хуже всего. У геніевъ бываютъ разные капризы. Написать и прочесть безвкусную и плоскую вещь, отрѣзать себѣ полбороды, окрасить бѣлаго пуделя фуксиномъ, мало-ли что можно придумать? Чернь захохочетъ, а люди уважающіе и любящіе писателя пожмутъ плечами и съ горестью отойдутъ. Ну, а вотъ такая штука совсѣмъ ужъ не позволительна. Печатно отрекшись отъ подозрѣнія въ малѣйшемъ намекѣ на гр. Л. Н. Толстого, Вл. С. Соловьевъ такъ не утерпѣлъ. По окончаніи повѣсти объ антихристѣ (по печатному тексту), слушалъ которую и князь, срисованный съ Толстого, этого князя хватились, но онъ исчезъ. Одинъ изъ собесѣдниковъ отвѣчаетъ:

— А развѣ вы не видѣли? Онъ потихоньку ушелъ въ томъ патетическомъ мѣстѣ, когда старецъ Іоаннъ антихриста къ стѣнѣ прижалъ...

Другой подхватываетъ:

— Сбѣжалъ, ей-Богу, второй разъ сбѣжалъ. А вѣдь какъ себя пересиливалъ! Ну, а этой марки все-таки не выдержалъ! Ахъ ты, Господи!..

Что въ самомъ дѣлѣ Вл. С. Соловьевъ своихъ читателей за маленькихъ ребятъ считаетъ, что-ли, что они не поймутъ смысла его словъ и намековъ? «Левъ Толстой—предтеча и носитель ученія антихриста. Когда его прижали къ стѣнѣ: «признай Христа», онъ «этой марки не выдержалъ» и исчезъ.

Это что-ли вы желали сказать, Владиміръ Сергѣевичъ? А ужь очень похоже и потому нехорошо!

IV.

Газета и книга. Просвѣтительная роль газеты. Всенародный университетъ и его профессора. Нравственный гадъ въ печати. Односторонность современной точки зрѣнія.

«Въ домѣ повѣшеннаго не говорятъ о веревкѣ». А въ Москвѣ можно говорить о газетахъ?

А говорить нужно, потому что наша московская печать давно уже стала притчею во языцѣхъ. Изготовленіе духовной пищи въ первопрестольной столицѣ за послѣдніе годы совершается въ большинствѣ литературныхъ заведеній точь въ точь по рецепту «кондитерскаго заведенія крестьянки Анны Панкратовой, что въ домѣ Муратова, по Переяславской улицѣ». Въ этомъ кондитерскомъ заведеніи, какъ удостовѣрено санитарнымъ надзоромъ, были придуманы совершенно оригинальные способы изготовленія сахарныхъ и шоколадныхъ пасхальныхъ яицъ съ сюрпризами. Когда читаешь полицейскій протоколъ объ этомъ «производствѣ», въ голову сейчасъ-же приходитъ столичная редакція бойкой уличной газеты.

Ну развѣ нашъ газетный шоколадъ «съ сюрпризами» дѣлается не по этому-же самому рецепту? Прочтите:

«...мука съ примѣсью патоки, но къ тѣсту прибавляется еще и голландская сажа, которая и дѣлаетъ яйцо похожимъ на шоколадъ. Для склеиванія половинокъ идетъ обыкновенный столярный клей. Окрашиваютъ «шоколадныя» яйца простыми красками, употребляемыми малярами, а именно: «терръ-де-сьенъ» и «умброй», а затѣмъ покрываютъ экипажнымъ лакомъ. Сахарныя-же яйца окрашиваются «охрою» и синькою и покрываются столярнымъ лакомъ. Въ составъ этихъ яицъ входятъ также квасцы и грязный воскъ...»

Такимъ образомъ можно составить любой бульварный романъ, который будетъ печататься въ фельетонахъ газеты и по внѣшнему виду вполнѣ походить на литературное произведеніе. Для передовыхъ статей «съ начинкой» у той-же Анны Панкратовой былъ принятъ слѣдующій рецептъ:

«Начинка дѣлается изъ старыхъ мягкихъ конфетъ и имѣетъ сѣрый, а мѣстами даже черный цвѣтъ, который получается отъ сора и пыли. Попадается масса стружекъ, мочалъ, кусочки веревокъ и разный соръ». А «сахарная» начинка, т.-е. высшій сортъ, «приготовляется изъ патоки и сырого картофеля».

И дѣйствительно, читая иную передовую статью, такъ и чувствуешь патоку и сырой картофель. А ужь грязи-то, грязи!

Началъ я этотъ разговоръ къ тому, что о газетной печати опять поднимается вопросъ. Въ Петербургѣ работаютъ, и довольно сильно, надъ какими-то измѣненіями въ очень устарѣвшемъ и со всѣхъ сторонъ заштопанномъ нашемъ законѣ о печати. На первомъ соединенномъ собраніи отдѣленія словесности Россійской Академіи Наукъ съ новыми почетными академиками, одинъ изъ послѣднихъ, нашъ извѣстный юристъ и публицистъ А. Ѳ. Кони, коснулся между прочимъ и повременной печати, выразивъ сожалѣніе, что газета постепенно замѣняетъ книгу и публика имѣетъ не «результатъ продуманной мысли автора сочиненія», а «вѣсти, удовлетворяющія злободневному любопытству».

Какъ ни осторожно и неполно было это обвиненіе, но «Новое Время» выступило съ отвѣтомъ. Въ статьѣ озаглавленной «Такъ-ли?» очень извѣстный авторъ, подписавшійся буквами *В. С. К.*, старается защитить печать, указывая, какъ на ея главную заслугу, на то, что она «извлекла человѣческую мысль изъ запыленной книжной полки и пустила ее въ міровой оборотъ». Тутъ-же авторъ указываетъ и характеръ газетной работы, дающій ей всѣ преимущества передъ книгой: «необходимо, чтобы мысль была сказана *сильно, ясно и картинно*, а слѣдовательно, *литературно*. Многоглаголивыя діалектическія упражненія, составляющія добрую дозу иныхъ многотомныхъ разсужденій, не у мѣста въ газетѣ. Живое дѣло не терпитъ мертвечины».

Совершенно справедливо. Но куда-же дѣвать литературныя веревки и мочалы, сырой картофель и патоку и всякія иныя «начинки» современной печати? Объ этомъ, къ сожалѣнію, ни А. Ѳ. Кони, ни В. С. К. не говорятъ ни слова.

А дѣло именно въ этомъ, а сейчасъ, пожалуй, *и только* въ этомъ. Споръ между книгой и газетой давно рѣшенъ и рѣшенъ безапелляціонно. Газета не *убила*, а *отстранила* книгу, отняла у нея монополію просвѣщенія и огромную долю просвѣтительной работы взяла на себя. Книга просвѣщаетъ ищу-

щихъ глубокаго, основательнаго и систематическаго знанія, газета просвѣщаетъ всѣхъ, даже и не желающихъ просвѣщаться, а только ищущихъ удовлетворенія «злободневному любопытству». Книгу нужно искать, газета ищетъ васъ сама и, невольно овладѣвая вашимъ вниманіемъ, беретъ васъ подъ свою духовную и просвѣтительную власть. Достигается это тѣмъ легче, что чтеніе газеты идетъ безъ труда, безъ напряженія мысли. Извѣстіе за извѣстіемъ, сужденіе за сужденіемъ, идея за идеей дѣйствуютъ на сознаніе, которое уже само таинственнымъ путемъ сортируетъ и упорядочиваетъ весь накопленный матеріалъ. Человѣкъ, ранѣе изолированный въ своемъ личномъ узкомъ дѣловомъ и семейномъ кругу, машинально втягивается въ широкую міровую жизнь. Крестьянинъ, мастеровой, поденщикъ въ трактирѣ или въ вагонѣ узнаетъ о борьбѣ Буровъ съ Англіей, заинтересовывается новинкой и невольно усвоиваетъ коечто про Англію. Заинтересовывается дальше, узнаетъ про другія міровыя событія. Газета завлекаетъ его все больше и больше, и онъ начинаетъ думать и разсуждать о томъ, о чемъ прежде ему не приходило и въ голову. Возникаютъ новыя представленія, сравненія. «Обыватель» обращается постепенно въ «гражданина» своей земли...

Ничего подобнаго книга сдѣлать не можетъ уже по тому одному, что книга есть достояніе образованнаго класса, а газетный листъ, стоящій 5 или 3 копѣйки, попадающійся повсюду и доступный всякому, есть орудіе всенародное. Съ распространеніемъ газетъ только спеціальныя техническія или научныя знанія, да и то далеко не всѣ, могутъ оставаться принадлежностью верхняго образованнаго класса. Общій уровень просвѣщенія такъ поднимается, что можно встрѣтить людей, не бывавшихъ ни въ какой школѣ и совершенно не отличающихся по образованію отъ людей, прошедшихъ даже высшую школу, особенно, если принять во вниманіе, какъ легко и скоро забываются у насъ сухія и мертвыя оффиціальныя науки. И все это дѣлаетъ газета. По-моему, говорить теперь о какой нибудь борьбѣ съ газетою, или плакаться на ея «побѣду и одолѣніе» дѣло совершенно пустое. Могучаго потока все равно не остановить. Отнять у газеты характеръ всенароднаго просвѣтителя, всеобщаго вольнаго университета все равно невозможно. Для этого надо было бы запретить всѣ газеты съ «Сельскимъ Вѣстникомъ» включительно. Вѣдь и эта газета, издающаяся исключительно для крестьянъ, печатаетъ уже связныя политическія обозрѣнія и широко трактуетъ о внутреннихъ вопросахъ!

Развѣ-же мыслимо все это упразднить? Да и кто на это пойдетъ?

Бѣда совсѣмъ не въ томъ, въ чемъ ее у насъ видятъ. Бѣда, и бѣда огромная, ужасная, въ томъ, что этотъ всенародный университетъ сплошь захваченъ такими профессорами, которымъ не только не должно-бы быть мѣста на какой нибудь каѳедрѣ, а которымъ даже и пыль стирать съ этой каѳедры было-бы слишкомъ почетно. Бѣда именно въ томъ, что большинство редакцій нашихъ печатныхъ органовъ представляютъ ни дать, ни взять «кондитерскія заведенія» почтеннѣйшей Анны Панкратовой и готовятъ свой «товаръ» по рецептамъ, передъ которыми поблѣднѣютъ и веревки, и мочала, и патока съ тертымъ сырымъ картофелемъ.

Что сказали-бы вы, еслибы какая-нибудь кухмистерская систематически, хотя и въ небольшихъ дозахъ, сыпала въ свои кушанья мышьякъ, или другой ядъ для улучшенія вкуса и привлеченія потребителей? Вы-бы сказали, что это отравленіе и судили-бы кухмистера по соотвѣтствующей статьѣ закона. Какъ-же никому не приходитъ въ голову, что ядъ можетъ быть не только физическій, но и духовный, и что дѣйствіе какого-нибудь газетнаго мышьяка въ тысячу разъ вреднѣе и опаснѣе мышьяка обыкновеннаго?

Обращали вы когда-нибудь вниманіе на такую непослѣдовательность. Я хочу давать уроки въ предѣлахъ гимназическаго курса. У меня можетъ быть, самое бо́льшее, десять, пятнадцать учениковъ; какъ строго обставлено мое дѣло: представь удостовѣреніе о своемъ образованіи, получи разрѣшеніе и тогда печатай свои объявленія и давай уроки. А въ газетномъ дѣлѣ: любой прохвостъ, негодяй и шантажистъ напишетъ мало-мальски грамотную статью, узнаетъ какой-нибудь пикантный фактъ, или подслушаетъ разговоръ и прямо взбирается на газетную каѳедру просвѣщать иногда десятки тысячъ читателей.

Вы восклицаете, прочитавъ статейку: «Фу, какая мерзость!» Цензоръ, слѣдящій за безцензурной газетой, или разрѣшающій статью въ газету подцензурную, тоже воскликнетъ: «фу, какая мерзость», но ни преслѣдовать изданіе въ первомъ случаѣ, ни запрещать статью во второмъ не станетъ. Мерзость-то мерзость, но совершенно цензурная. И это именно мерзость самая распространенная, потому что она неуловима.

Когда-то я бывалъ у покойнаго К. Н. Леонтьева во время его службы въ Московскомъ Цензурномъ Комитетѣ. Это былъ цензоръ очень терпимый къ серіозной мысли и безпощадный ко всякой пошлости и грязи, которая его, какъ эстетика и художника, выводила изъ себя. Читалъ онъ одну уличную газету и маралъ ее безпощадно, сплошь, ибо это была дѣйствительно своего рода помойная яма. Издатель изо дня въ день представлялъ зачеркнутыя гранки въ комитетъ, который возстановлялъ большую часть и въ Главное Управленіе по Дѣламъ Печати, которое возстановляло остальное. По закону нельзя было вычеркивать того, что черкалъ покойный Константинъ Николаевичъ, и кончилось тѣмъ, что газету передали другому цензору. Этотъ строго держался цензурнаго устава, и газета процвѣтала, развращая своихъ читателей.

Ужь, конечно, не отъ меня, стараго литератора и горячаго сторонника и защитника свободы мысли, свободы слова и печати, вы услышите призывъ къ цензурѣ насчетъ огражденія читающей публики отъ печатнаго яда. Я отлично знаю, что цензура здѣсь безсильна, что нѣтъ такихъ нормъ и формулъ, которыя позволили бы цензору разобраться въ томъ, что полезно и что вредно для читателя. И однако, ужасъ беретъ, когда подумаешь, до чего загажена наша печать и какой результатъ ея «просвѣтительнаго» воздѣйствія на читающую массу. Результатъ этотъ очевиденъ: душевное опошленіе, нравственное паденіе,—вотъ самое малое, во что можно оцѣнить «службу» очень многихъ изданій, особенно московскихъ. А цѣлый рядъ преступленій, вызванныхъ по сознанію самихъ обвиняемыхъ чтеніемъ знаменитаго въ свое время «Разбойника Чуркина»? Невольно задаешь себѣ вопросъ: что дѣлать?

Я думаю, что въ господствующихъ нынѣ взглядахъ на отношенія власти къ печатному, т.-е. собственно газетному слову, лежитъ недоразумѣніе. Повидимому, недостаточно ясно установлено различіе между вредомъ отъ пошлости и нравственной грязи и вредомъ отъ такъ называемыхъ «превратныхъ мнѣній» и «вредныхъ направленій». Второй вредъ у насъ очень сознается и съ нимъ ведется сильная и неослабная борьба. Извѣстный кругъ религіозныхъ, политическихъ и иныхъ идей, которыя въ данный моментъ признаются вредными съ точки зрѣнія господствующаго вѣроисповѣданія и политическаго строя, подлежитъ насколько возможно изъятію изъ печатнаго обращенія. Запрещается систематическая проповѣдь невѣрія, запрещается пропаганда ученій, клонящихся къ ниспроверженію существующаго политическаго строя, семьи, собственности и т. д.

Разумѣется, открыто позволить разрушительную или атеистическую печатную проповѣдь—значило-бы разрѣшить вносить соблазнъ въ нетвердые умы, значило-бы выдать головою умственно беззащитныхъ людей первому попавшемуся блажному человѣку. Но борьба съ этими элементами для власти облегчается тѣмъ, что среди мыслящихъ и пишущихъ имѣются не одни-же разрушители. На борьбу съ антицерковными и антигосударственными идеями сами безъ зова выступаютъ писатели и изданія противнаго лагеря, для которыхъ не меньше, чѣмъ для власти, дороги русскіе бытовые и историческіе устои и русское культурное міровоззрѣніе. Здѣсь, если даже власть и оплошаетъ, если въ печать попадетъ что-нибудь дикое и политически вредное, ложь и соблазнъ вызовутъ могучій отпоръ, неизмѣримо болѣе сильный, чѣмъ какіе угодно цензурные запреты и кары. Живое тому доказательство — нашъ пресловутый марксимъ.

Но относительно грязи, разврата и пошлости власть безсильна, да не только безсильна, но и вполнѣ одинока. Кому охота идти чистить литературныя клоаки? Кому охота связываться съ подонками писательскаго сословія, людьми безъ совѣсти и принциповъ? Какая печатная борьба возможна въ области безплатно пожираемыхъ въ садахъ и трактирахъ бутербродовъ, шантажныхъ обличеній, грязныхъ сплетенъ и т. п.? Настоящая, серіозная литература только брезгливо сторонится отъ этой распивочной прессы.

Разверните порядочную газету, какія-нибудь «Русскія Вѣдомости» и т. п., и перелистывайте нумера за цѣлые годы. Можно поручиться, что даже заглавія иного изданія тамъ не встрѣтишь ни по какому поводу. Дѣло простой литературной брезгливости. А вѣдь иное такое изданіе расходится въ десяткахъ тысячъ...

Мнѣ думается, что въ принятой у насъ концессіонной системѣ основанія печатныхъ органовъ есть большой пробѣлъ. Главное Управленіе по Дѣламъ Печати утверждаетъ редактора, а теперь даже издателя газеты. Отъ человѣка, желающаго говорить съ публичной каѳедры, да еще не въ одиночку, а съ цѣлымъ синклитомъ сотрудниковъ, по его выбору и разрѣшенію, равно какъ отъ человѣка, вкладывающаго деньги въ газетное предпріятіе, требуются кое-какія гарантіи, собираются полицейскія справки, требуется не только извѣстная граж-

данская солидность, но и опредѣленный образъ мыслей. Человѣку завѣдомо антиправительственнаго направленія газету не разрѣшать.

Такъ неужели-же достаточно заявить себя благонадежнымъ со стороны политической, признать основные русскіе принципы: «православіе, самодержавіе и народность», чтобы получить право въ предѣлахъ извѣстнаго міровоззрѣнія безвозбранно торговать грязью и общественнымъ развратомъ? Здѣсь очевидное недоразумѣніе, какая-то неудачная перестановка точекъ зрѣнія.

Разрѣшая такимъ-то редактору и издателю газету, власть какъ будто интересуется только тѣмъ, чего въ этой газетѣ *не будетъ*, и съ этой точки зрѣнія оцѣпиваетъ личности просителей. Ивановъ, редакторъ, и Сидоровъ, издатель, *не будутъ* проповѣдывать невѣрія, не станутъ потрясать основы, не поведутъ вредной политической агитаціи. Что они *будутъ* дѣлать, объ этомъ нѣтъ и вопроса.

Въ программѣ газеты стоитъ все, что угодно: и серіозныя статьи, и беллетристика и мѣстная хроника, и торговыя извѣстія. Вотъ г. Ивановъ набралъ себѣ репортеровъ изъ извѣстнаго класса «садовыхъ» литераторовъ: «Пожалуйте столько-то, а то пропишу!» Кто же не помнитъ, какъ давно, еще въ московскую выставку 1882 года, одна бойкая газета раздавала медали? «Вамъ угодно получить золотую? Такъ не пожертвуете ли столько-то?»

А если «жертвователь» не соглашался, ему посылали гранки заготовленной статьи съ самыми «достовѣрными» разоблаченіями. Появись статья, медали и не понюхать. Нечего дѣлать, беретъ человѣкъ двѣ, три, пять сотенныхъ и затыкаетъ горло газетѣ. На эти бумажки въ свое время гг. патріоты каменныхъ домовъ понастроили, рысаковъ завели. И цензура ничего подѣлать не могла. Только ужь когда шантажъ принималъ формы слишкомъ возмутительныя, вмѣшивалась полиція и разсылала «литераторовъ» въ другіе города. Въ Москвѣ утверждались лица, высланныя изъ Петербурга безъ права туда въѣзда, въ Петербургъ направлялись москвичи. Нѣкоторые лишались обѣихъ столицъ и направлялись въ Одессу. Посчитайте-ка, сколько господъ литераторовъ съ буквами Л. О. П. *) «просвѣщаютъ» россійскую публику, и вы ужаснетесь. И вѣдь между ними есть настоящіе таланты! Представьте-же себѣ талантъ, начитанность, бойкость пера и все это на службѣ у шантажа. Каковъ этотъ шантажъ будетъ?

А Евреи? Развѣ тайна, что гг. Семиты совершенно заполонили русскую печать? Кто даетъ тонъ большинству газетъ? Евреи. Кто вертитъ дѣла въ пресловутомъ Союзѣ Писателей въ Петербургѣ? Евреи. Благодаря кому, любой русскій писатель связанъ въ своихъ писаніяхъ похуже всякой цензуры? Благодаря кому, въ цѣломъ рядѣ органовъ о Евреяхъ нельзя сказать ни слова, что бы они ни выдѣлывали?

Посмотрите, какъ Еврей захватываетъ печать: существуетъ старая, почтенная, чисто-русская газета. Издатель расширяетъ дѣло, забираетъ въ кредитъ (у Евреевъ) бумагу, машины. Небольшая заминка. Ему любезнѣйшимъ об-

*) Лишенный особыхъ правъ.

разомъ предлагаютъ «обратить дѣло въ акціонерное» и остаться полнымъ хозяиномъ. Онъ соглашается. Еще немного и онъ уже ловко устраненъ отъ дѣла, а изданіе фактически перешло въ руки Евреевъ. Возьмите исторію Добродѣева. Это уже фруктъ, созрѣвшій и упавшій. А сколько этихъ фруктовъ еще только зрѣетъ?

Почему В. В. Комаровъ, знающій, что такое Евреи въ Россіи, не писнетъ о нихъ слова въ своемъ «Свѣтѣ»? Почему кн. Э. Э. Ухтомскій, безупречно чистый и порядочный писатель, подвергся цѣлому «хериму» нашей такъ называемой «лучшей части печати» (т.-е. находящейся въ союзѣ съ Евреями)? А потому, что имѣлъ мужество напечатать двѣ-три правдивыхъ статьи о Евреяхъ. Этотъ херимъ указываетъ ясно, что русская печать уже захвачена Евреями въ лицѣ большинства ея крупнѣйшихъ органовъ.

Я не антисемитъ и никакой племенной вражды и ненависти не проповѣдую. Но позвольте-же мнѣ сохранить твердое убѣжденіе, что духовная пища русскаго народа не можетъ и не должна приготовляться въ еврейскихъ кухмистерскихъ. Пусть гг. Евреи открыто издаютъ еврейскія газеты въ родѣ «Восхода», «Будущности», чего хотите, а ужъ мы будемъ издавать газеты русскія, Поляки—польскія, Финны—финскія и т. д. Пусть прямо и честно «Сынъ Отечества» переименуется въ «Сына Сіона», «Свѣтъ» въ «Еврейское Блистаніе», «Гражданинъ» въ «Князя Галилейскаго», «Курьеръ» въ «Еврейскій Вѣстникъ», «Сѣверный Курьеръ» въ «Сѣверный Іерусалимъ», «Новости» простыя, «Новости Дня», «Биржевыя Вѣдомости» и иную «прессу» не зачѣмъ и переименовывать. Ихъ уже всѣ знаютъ, какъ чисто-еврейскіе органы.

Очевидно, что точка зрѣнія, на которой до сихъ поръ стоялъ нашъ «Уставъ о Цензурѣ и Печати» достаточно односторонняя. Она не могла оберечь русскую литературу ни отъ торжества въ ней всякаго россійскаго нравственнаго гада, ни отъ захвата печати Евреями. Надо что-нибудь другое, надо взглянуть на печать съ иной, духовной, а не только политической ея стороны. Надо, чтобы государство, разрѣшая изданіе новаго органа, не только знало *чего въ немъ не будетъ*, но отчетливо знало также, *что въ немъ будетъ*. Надо, чтобы у власти была въ рукахъ полная возможность бороться не только съ превратными и вредными для общественнаго порядка и строя *идеями*, но и со всякою *грязью*, со всякою печатною *фальсификаціей* и *ядомъ*, какъ-бы тонко это все ни проводилось.

Но это такой обширный и важный предметъ, что въ одной статьѣ его не разсмотришь. Подумайте-ка надъ нимъ, читатель, хорошенько.

V.

Какъ оберечь нашъ „народный университетъ“ отъ грязи?—Чего и какъ слѣдуетъ требовать отъ редактора политической ежедневной газеты?—Маленькія ежедневныя изданія.—Права издателей.

Какъ-же оберечь въ самомъ дѣлѣ «всенародный университетъ»—газету отъ вторженія въ нее всякой грязи, фальсификаціи и спекуляціи? Согласитесь, что пока этотъ вопросъ не рѣшенъ, мы такъ и не будемъ въ состояніи отвѣтить, пользу или вредъ приноситъ газетное слово?

Передъ самымъ писаніемъ этихъ строкъ мнѣ подали письмо отъ одного изъ моихъ друзей, прочитавшаго предыдущій фельетонъ. Тема его была настолько животрепещущая, что мой другъ откликнулся раньше окончанія моей работы и этимъ очень меня облегчилъ. Я приведу нѣсколько строкъ изъ его письма, гнѣвнаго и страстнаго, ибо ничто не можетъ больше задѣть за живое нашего интеллигента, какъ всякое слово, гдѣ онъ увидитъ попытку стѣснить право человѣка на публичное выраженіе своихъ мнѣній. А мой пріятель—чистой воды интеллигентъ.

«Объ отсутствіи всякихъ ограниченій, пишетъ онъ, никто, конечно, не говоритъ. Постройка дома—и та подчиняется извѣстнымъ правиламъ. Вы не можете украсить его *снаружи* порнографіей и порноскульптурой. Но не вторгайтесь-же по произволу внутрь его и тѣмъ паче не вмѣшивайтесь въ личную жизнь его жильцовъ и хозяевъ. Страдаютъ-ли они ревматизмомъ, маніей юдофобства, или юдофильства, человѣко-ненавистничествомъ, или елейнѣйшимъ благодушіемъ, какое вамъ дѣло? Ихъ дома не загораживаютъ вамъ дороги, на васъ не льются оттуда ушаты помой, не падаютъ камни, или полѣнья, какое-же вамъ дѣло до должниковъ, или кредиторовъ-жильцовъ и владѣльцевъ, разъ вы не конкурренты? Вмѣшательства въ нашу жизнь и безъ того достаточно, а вы требуете голосомъ таланта и патріотизма расширенія притязаній на опеку. Да и какъ вы съумѣете нормировать ее?»

Итакъ, по этой теоріи (а эта теорія въ приложеніи къ печати господствующая у насъ) вмѣшательство власти допустимо только внѣшнее. Нельзя дома украшать порнографіей снаружи... А внутри можно? Вообще, если изъ дому не льются ушаты помой и не летятъ кирпичи и полѣнья, все остальное до власти не касается и будетъ опекой и нарушеніемъ свободы? Ну, а если, напр., въ квартирѣ № такой-то начнутъ дѣлать фальшивую монету, или откроютъ тайный притонъ разврата, какъ тогда?

Но и независимо отъ этого, если постройку дома можно сравнивать съ газетой, то это сравненіе скорѣе опровергнетъ, чѣмъ поддержитъ моего друга. Да въ томъ-то и дѣло, что газета вся есть одинъ сплошной фасадъ, обращенный къ публикѣ. Частное письмо для власти закрыто и вредная пакость въ немъ можетъ быть обнаружена только по ея результатамъ. Газетный листъ открытъ всѣмъ, судъ надъ нимъ совершается до обнаруженія результатовъ,

даже до его поступленія въ пользованіе, ибо возможные результаты очевидны сразу. Я не теоретикъ — юристъ и этихъ тонкостей боюсь. Дѣлайте со мною, что хотите, но не могу я стать на ту точку зрѣнія, что право публичнаго слова въ самой могущественной его формѣ—дешевой ежедневной газеты есть какое-то естественное право каждаго. Есть двѣ гербовыя марки по 80 к., пиши прошеніе, получай газету. Пустяки это, вздоръ это! Ну, еще книга, куда ни шло! Хотя, имѣйте въ виду, что едва-ли не половина всѣхъ печатныхъ экземпляровъ (я не говорю названій) книгъ есть дѣло *торговли словомъ*, а не *выраженія мысли*. Есть цѣлыя торговыя предпріятія въ области литературы, которыя съ литературой въ истинномъ смыслѣ не имѣютъ ничего общагѳ. Истинно великая, иногда геніальная книга издается (если найдетъ издателя!) въ 600 экземплярахъ, и это изданіе едва расходится годами, а въ это время десятками тысячъ и притомъ одно изданіе за другимъ идутъ глупѣйшіе пѣсенники, «толкователи сновъ», невѣжественныя справочныя земледѣльческія, юридическія, медицинскія и иныя книги, пакостные романы, безграмотные письмовники. И все это разсчитано на простоту и невѣжество покупателя, на красивую рекламу. Все это уродуетъ вкусъ, нравы, языкъ, развращаетъ и вводитъ въ заблужденіе... и все это движется, печатается и продается свободно, безъ помѣхи, ибо не нарушаетъ цензурныхъ правилъ.

И это уже едва терпимое несчастіе, терпимое только потому, что здѣсь дѣйствительно почти нельзя положить нормъ и дать точныхъ признаковъ литературнаго фальсификата и спекуляціи. Но относительно газеты нормы несомнѣнно возможны, и признаки, по которымъ можно литератора и публициста отличить отъ кулака и спекулянта, установить вовсе не такъ трудно.

Разъ дѣло поставлено такъ, что для изданія газеты нужна концессія и редактору, и издателю, то почему-же не поставить серіозныя и достаточно полныя условія для полученія этой концессіи, а не нѣкоторые только отрицательные признаки?

Все дѣло, конечно, въ отвѣтственномъ редакторѣ. Онъ —душа газеты. Требованіе разрѣшенія для издателя по-моему вполнѣ излишне, разъ власть будетъ имѣть доказательства, что редакторъ, получившій концессію на газету, есть серіозный и почтенный литераторъ. При немъ всякій издатель хорошъ, ибо такой литераторъ имени своего не продастъ и денежному мѣшку служить не станетъ.

Надѣюсь, что большого стѣсненія для печати не будетъ, если власть будетъ давать разрѣшеніе на газеты ежедневныя и съ полною политическою программою только истиннымъ, серіознымъ и почтеннымъ литераторамъ?

Значитъ, весь вопросъ въ томъ, какъ такого литератора выдѣлить изъ толпы претендентовъ на редакторскій жезлъ? Да неужели-же это въ самомъ дѣлѣ такъ трудно?

Попробуйте установить такое правило: «Въ званіи редактора газеты (ежедневной съ политической программою) можетъ быть утвержденъ всякій русскій подданный (того племени, на языкѣ коего будетъ издаваться газета), пользующійся всѣми гражданскими правами и могущій представить ясныя законныя

доказательства: 1) что его прошлое въ нравственномъ и политическомъ отношеніи вполнѣ безупречно, 2) что за нимъ есть достаточныя заслуги въ области литературы своего языка, и 3) что его міровоззрѣніе и политическая программа ясны и устойчивы.

«Соотвѣтственно этому должны быть имъ представлены: 1) одобрительное о его личности свидѣтельство мѣстнаго земскаго, городскаго или сословнаго представительства, 2) списокъ его литературныхъ произведеній и 3) обстоятельная программа испрашиваемаго изданія съ полною ея мотивировкою, которая должна быть публично защищена предъ специальною коллегіей по назначенію отдѣленія словесности Императорской Академіи Наукъ».

Надѣюсь, что эти правила для истиннаго литератора и публициста по призванію стѣснительны не будутъ тѣмъ болѣе, что въ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго давленія на направленіе газеты? Но попробуйте взять мысленно предлагаемое мною сито и просѣять черезъ него наше почтенное редакторское сословіе и вы ужаснетесь, какъ много остается на ситѣ.

Во-первыхъ, очень многіе споткнутся о первое препятствіе. Про политическую сторону я не говорю: здѣсь можно дать всякое снисхожденіе. Кто Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ! Кто не отдалъ дань молодымъ увлеченіямъ! Но дѣло не въ этомъ, а вотъ въ нравственной состоятельности: тутъ чего добраго выйдетъ скандалъ. Большинству современныхъ редакторовъ не только откажутъ въ нравственномъ одобреніи ихъ сословныя, земскія или городскія представительства, а пожалуй даже изъ ближайшаго полицейскаго участка такого одобренія не получить. Слишкомъ ужъ незавидно это прошлое, и не политическое, а прямо таки обывательское уголовное! Этого подъ билліардомъ протаскивали и горчицей мазали, этого били по ланитамъ, этотъ вульгарнѣйшимъ образомъ проворовался, про этого даже гимназисты кричатъ: «шантажистъ», «шантажистъ». Такъ мало пройдетъ сквозь сито, что вы, читатель, въ ужасъ придете. Затѣмъ на немъ останутся, можетъ-быть, и высоконравственные люди, и прекрасные публицисты, но не русскіе люди. Нѣсколько превосходныхъ и талантливыхъ Евреевъ, которыхъ придется «уволить», можетъ-быть, даже съ сожалѣніемъ, но изъ-за которыхъ не будетъ резона нарушать общаго принципа. Нѣсколько иностранцевъ и инородцевъ, которымъ тоже непослѣдовательно было-бы давать право готовить русскому народу духовную пищу — вѣдь они чужіе ему по духу...

По второму пункту за флагомъ останется тоже немалое количество нынѣшнихъ руководителей общественнаго мнѣнія. Есть редакторы, за которыми не числится не одной книги, ни одной статьи за подписью. Это жестяные пѣтушки на крышѣ зданія, вполнѣ невинные въ томъ, что въ этомъ зданіи дѣлается. Ну какіе-же это публицисты? И какая потеря для отечества, если ихъ вернутъ на ихъ надлежащее мѣсто? Получили эти господа редакторское право по недоразумѣнію, и съ устраненіемъ этого недоразумѣнія ихъ роль сама собою кончается.

Наконецъ, остаются литераторы и публицисты настоящіе, какъ А. С. Суворинъ, А. К. Шеллеръ, кн. Э. Э. Ухтомскій, проф. Д. И. Пихно, проф. Соболевскій, М. М. Стасюлевичъ, В. А. Лавровъ, М. М. Катковъ, А. П. Пятковскій и нѣсколько человѣкъ еще. Разумѣется, ихъ уже грѣшно было-бы подвергать публичной *докимасіи* при Академіи Наукъ, эти уже себя достаточно заявили со стороны программной; но вотъ относительно *будущихъ* редакторовъ отчего-бы и не прибѣгнуть къ этой прекрасной мѣрѣ? Пожалуйте съ вашей политической, общественной и литературной программой въ де-Сіянсъ академію. Та назначитъ оффиціальныхъ оппонентовъ, опредѣлитъ день публичнаго состязанія и, если вамъ угодно получить великое право невозбранно и свободно просвѣщать ваше отечество, говорить съ трибуны передъ 130-милліонной аудиторіей, становиться судьей и надъ обществомъ, и надъ правящими органами, благоволите выдержать нѣкоторыя даже придирки и дать надлежащія объясненія...

А тутъ, вообразите, скандалъ: предсѣдатель коллоквіума, выслушавъ всѣхъ оффиціальныхъ оппонентовъ, даетъ голосъ постороннимъ, и вдругъ раздается «голосъ изъ оврага»:

— Очень хорошо говорилъ Иксъ Игрековичъ. А вотъ только за нимъ легкій плагіатецъ есть: воспользовался моей статьей, да подъ своимъ именемъ ее напечаталъ. Вотъ и доказательство.

На столъ складываются corpora delicti: и отечество лишается юнаго редактора, можетъ-быть, будущаго Каткова. Впрочемъ, я думаю, что такого скандала быть не можетъ. Кто за собой только чувствуетъ легкую возможность чего-нибудь подобнаго, тотъ, повѣрьте, даже и близко къ академіи не подойдетъ.

Теперь я поставлю вопросъ: этотъ предлагаемый мною порядокъ спасителенъ или пагубенъ для періодической печати? Выиграетъ она или проиграетъ? Я думаю, что только выиграетъ. Тогда любому редактору газеты можно будетъ смѣло руку подать, редакторскимъ званіемъ можно будетъ гордиться. А то теперь я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ провожали одного «редактора».

— Мавра,—говоритъ хозяинъ,—проводи господина редактора, да смотри, въ передней мое новое пальто виситъ.

Ну что тутъ хорошаго?

Затѣмъ, я имѣю смѣлость полагать, что при такомъ порядкѣ давнымъ-давно назрѣвающій вопросъ о свободѣ слова въ Россіи очень быстро подвинется къ надлежащему разрѣшенію.

Теперь противники этой свободы говорятъ, и совершенно основательно:

— Помилуйте, да какую *имъ* свободу можно дать? Посмотрите, какое пойдетъ безобразіе. Вѣдь Богъ знаетъ что писать станутъ!

И вотъ, волей-неволей власть смущается и отступаетъ, несмотря на то, что давнымъ-давно уже каждое новое законоположеніе о печати начинается неизмѣнно фразою: «впредь до пересмотра въ законодательномъ порядкѣ устава о цензурѣ и печати».

А попробуйте первымъ шагомъ этого пересмотра сдѣлать строжайшее очищеніе повременной печати отъ всякаго гада и тли, и посмотрите, какъ легко

будетъ рѣшить самые трудные вопросы о воздѣйствіи на печатное слово въ смыслѣ удержанія его и въ надлежащемъ духѣ, и въ надлежащихъ границахъ!

Прежде всего измѣнится самая точка зрѣнія на печать. Группа нравственно стойкихъ и чистыхъ людей, чистокровныхъ литераторовъ, служителей идеи, людей независимыхъ и порядочныхъ, согласитесь, вызоветъ къ себѣ со стороны власти совсѣмъ не тѣ отношенія, чѣмъ толпа сброду, способнаго на все. Къ литературѣ газетной явится то уваженіе и довѣріе, котораго она сейчасъ и въ сотой долѣ не заслуживаетъ. Да и какого-же уваженія заслуживаетъ публицистъ, въ родѣ господина Пастухова, публично способный поцѣловать руку генералъ-губернатору («кормимся, ваше сіятельство, кормимся»), готовый писать что угодно и въ какомъ угодно духѣ и направленіи, лишь-бы ему не мѣшали собирать пятачки? Трезвое, вѣское, независимое и честное возраженіе, патріотическая, неподкупная критика есть неизмѣримо большая услуга власти, чѣмъ хамское славословіе. Но въ хорѣ хамскихъ словословій такое возраженіе, изолированное, единичное, волей-неволей представляется дерзостью, вредной агитаціей.

Какого можно еще придумать политическаго агитатора послѣ Каткова? И однако, этотъ публицистъ, громившій правительство, низвергавшій министровъ и цѣлый историческій потокъ направлявшій по иному руслу, справедливо считался величайшимъ слугою своего Царя и Родины. Весь вопросъ былъ въ его личности, и *отсюда*, въ отношеніи къ нему власти. Намъ говорятъ: то былъ Катковъ, теперь Катковыхъ нѣтъ. Но вѣдь ихъ нѣтъ именно потому, что Каткова, Аксакова, Самарина, Градовскаго, Салтыкова нельзя ставить въ условія одинаковыя со многими современными редакторами. А чтобы Катковъ явился, лучшее средство вотъ такой публичный диспутъ. Посмотрите, какія силы выдвинетъ русская литература!

Я совершенно убѣжденъ, что эта мѣра, съ перваго взгляда могущая показаться величайшимъ стѣсненіемъ, есть въ сущности либеральная мѣра, ибо, только проведя такую систему утвержденія редакторовъ, можно будетъ установить *затѣмъ* исключительно судебную отвѣтственность за печатные преступленія и проступки. Тѣ люди будутъ бояться суда и будутъ *достойны суда*, тогда какъ современнымъ публицистамъ довольно и простаго арапника. Вѣдь выходить судиться съ господиномъ Шантажистовымъ, или Лейбою Подзаборнеромъ значитъ ронять достоинство цензуры. Помилосердствуйте! Этого господина въ порядкѣ вещей—позвать келейно, да сказать: «если ты, такой-этакій, будешь еще писать пакости, газету закроютъ!» Каждому свое.

Все, что я здѣсь говорю, относится, конечно, только къ большимъ безцензурнымъ газетамъ столичныхъ и крупныхъ областныхъ центровъ. Толстые журналы по своимъ техническимъ условіямъ—плохое поле для предпринимательства разной печатной тли. Это дѣло по существу литературное и принципіальное, почему оно и осталось на гораздо болѣе чистомъ положеніи. Спеціальныя техническія изданія тоже. Здѣсь злымъ силамъ литературы развернуться негдѣ. Поэтому мнѣ остается еще сказать нѣсколько словъ о маленькихъ народныхъ изданіяхъ 4-рублеваго типа.

Имъ принадлежитъ очень большая будущность. Дешевая газета идетъ въ среду простецовъ, которымъ каждое печатное слово звучитъ иначе, чѣмъ такъ называемой большой публикѣ, уже болѣе или менѣе политической. Здѣсь безпристрастіе, трезвость мысли и направленіе имѣютъ первостепенную важность. Всякая политическая агитація, хотя-бы и самая патріотическая, и самая благонамѣренная, въ средѣ этой простой, преимущественно деревенской публики рѣшительно неумѣстна. Подумайте только: человѣкъ не знаетъ ни географіи, ни исторіи, человѣкъ вѣритъ слѣпо печатному листу, а ему изо дня въ день и иногда самымъ фанатическимъ тономъ проповѣдуютъ совершенно одностороннія политическія симпатіи и антипатіи. Ну что хорошаго эта игра въ политику, это вызываніе ненависти хоть къ тѣмъ-же Финнамъ, или Полякамъ, эти бряцанія картоннымъ мечемъ на Англію вмѣстѣ съ угрозами и ругательствами? Я не спорю: и финскій, и польскій вопросъ требуютъ высокаго подъема русскаго, здороваго и просвѣщеннаго патріотизма. Но пусть-же это будетъ въ серіозной средѣ, а не въ трактирахъ и полпивныхъ. Русская политика ровно ничего не выиграетъ отъ этой грубой поддѣлки общественнаго мнѣнія. Да и можно-ли смѣшивать «общественное мнѣніе» съ внушеніемъ толпѣ?

Мнѣ кажется, что привлекать эту толпу къ самодѣльной политической агитаціи не слѣдуетъ. Ее еще нужно просвѣщать, и это достигается гораздо лучше спокойнымъ и безусловно объективнымъ разсказомъ о событіяхъ, чѣмъ криками, хотя-бы и самыми патріотическими. Рискуя заслужить обвиненіе въ ретроградствѣ, я рѣшительно думаю, что ежедневная политическая газета народная, т.-е. имѣющая подписную плату дешевле 6 р. въ годъ и розничную цѣну дешевле 5 к., должна не только быть подцензурною, но и цензуроваться по особой тщательно выработанной инструкціи, на основаніи которой цензоръ, допуская полное и широкое изложеніе фактовъ и ихъ историческое и политическое освѣщеніе, долженъ безпощадно исключать всякій оттѣнокъ страстности или агитаціи, въ какомъ-бы направленіи она ни велась.

Короче говоря: во главѣ дешевой народной газеты публицисту съ яркимъ направленіемъ, публицисту-борцу мѣста нѣтъ. Его роль—редакторство въ большой политической газетѣ. Въ маленькомъ изданіи мѣсто скромному труженику и просвѣтителю, а еще лучше коллективной общественной единицѣ, въ родѣ учено-просвѣтительнаго общества.

Въ заключеніе два слова объ издателяхъ. Недавно введенное постановленіе объ утвержденіи издателя, согласно высказанному выше, является излишнимъ. Законъ долженъ ограничивать лишь права иновѣрцевъ и инородцевъ по изданію русскихъ газетъ и безусловно не допускать въ качествѣ издателей фирмы анонимныя. Увы! Анонимныя издательскія фирмы это именно и есть почти всегда вторженіе Еврея въ газетное дѣло.

Между тѣмъ, очень важно привлечь къ газетной предпріимчивости крупные христіанскіе капиталы. При нынѣшнемъ положеніи дѣла эти капиталы естественно притекать не могутъ, ибо нѣтъ надлежащихъ гарантій отъ ихъ полнаго и безслѣднаго разрушенія простымъ административнымъ постановленіемъ.

Гарантія должна быть въ томъ, что газета можетъ быть прекращаема не иначе, какъ судомъ. При нынѣшнемъ составѣ редакторовъ объ этомъ едва-ли можно мечтать. При предлагаемомъ мною порядкѣ разрѣшенія изданій это является само собою, ибо въ дѣлѣ дарованія концессіи не было никакого усмотрѣнія, никакой неожиданности.

На этомъ позвольте мою сегодняшнюю бесѣду закончить и пожелать этимъ или инымъ путемъ скорѣйшаго очищенія нашей публицистики отъ заполонившаго ее грязнаго сброда служителей пятачка. Чистая печать нужна Россіи, какъ свѣтъ, какъ воздухъ. И не только чистая, но и нравственно независимая, и національная. Вознагражденіе талантливаго публициста въ Россіи и нравственное, и матеріальное такъ велико, что съ избыткомъ уравновѣситъ тѣ неумолимо строгія требованія, которыя къ этому лицу должны быть предъявляемы. А при теперешнемъ положеніи мы очень скоро придемъ къ тому, что послѣ каждаго чтенія газеты должны будемъ отплевываться и мыть руки.

VI.

Разговоръ о войнѣ. Письмо стараго инвалида Іоганна Клейноппена къ Л. Толстому. Война и вооруженія. Во что превращается война. Войны будущаго.

Насъ собралась за чаемъ небольшая компанія. Интеллигентная молоденькая барыня, хозяйка, съ тайной наклонностью къ марксизму. Отставной полковникъ, продѣлавшій всю русско-турецкую войну 1877—78 года и раненый на Шипкѣ. Студентъ—сынъ «просвѣщеннаго» коммерсанта, готовящійся по окончаніи университета ѣхать за границу, чтобы поступить на фабрику къ пріятелю своего отца. Заѣзжій петербургскій чиновникъ, недовольный Москвою, но еще болѣе Петербургомъ и своимъ начальствомъ. Было и еще человѣка два, почти ничего не говорившихъ.

Разговоры у насъ вообще какъ-то не-клеятся. Вмѣсто обмѣна мыслей стараются, по московскому обычаю, набить въ человѣка всякаго корма и питья, чѣмъ само собою онъ приводится въ умственную негодность и становится способнымъ самое большее на винтъ. На этотъ разъ кормили умѣренно, но зато хозяйкѣ удалось вызвать общій разговоръ, который затѣмъ перешелъ въ споръ и довольно горячій.

— Читали вы письмо къ Толстому стараго Нѣмца-инвалида, какъ его зовутъ не помню? Что за прелесть! Оно было напечатано въ «Курьерѣ».

Полковникъ отозвался:

— Нѣтъ, не читалъ. Да я полагаю, что неинтересно. Вѣроятно, что-нибудь противъ войны? Старая исторія.

— Не читали? Ну, такъ вы должны прочесть. Мнѣ любопытно услыхать ваше мнѣніе. Именно ваше: вы сами были ранены и чуть не попались башибузукамъ...

Дама перебросила нѣсколько нумеровъ газеты и наконецъ нашла, что требовалось.

— Вотъ это письмо. Подпись Іоганнъ Клейноппенъ, старый инвалидъ. Письмо это перевелъ, вѣроятно, самъ Толстой и отдалъ напечатать въ «Курьеръ». Я вамъ прочту.

Мы стали слушать.

Почтеннѣйшій Клейноппенъ начинаетъ съ того, что онъ прочелъ критику на «Воскресеніе» Толстого, но самой книги, по бѣдности, купить не могъ. Бѣденъ онъ потому, что пенсіи «старымъ воякамъ» очень малы. Авторъ проситъ Толстого написать «хорошее, прочувствованное» сочиненіе противъ войны и разсказываетъ свою несчастную исторію.

Клейноппенъ сдѣлалъ два похода. Австрійская война обошлась ему дешево, но при штурмѣ въ С. Прива, во Франціи, ему прострѣлили руку. Изъ-за войны онъ потерялъ мѣсто пивовара, вновь получить его не могъ, и съ тѣхъ поръ пошли всѣ его несчастія. Жена не вынесла нищеты и кончила самоубійствомъ, самъ онъ получаетъ меньше, чѣмъ нужно для содержанія хорошей охотничьей собаки, и вотъ, на досугѣ, обсуждая философскіе вопросы, пришелъ къ заключенію, что война—это «торговля въ большихъ размѣрахъ,—торговля честолюбивыхъ и могущественныхъ людей счастьемъ народовъ».

Кронпринцъ Фридрихъ Карлъ при видѣ всѣхъ ужасовъ и страданій, причиняемыхъ войною, писалъ въ своемъ дневникѣ: «война—это насмѣшка надъ Евангеліемъ» и т. д.

Наша хозяйка кончила. Когда она читала разсказъ Клейноппена о томъ, какъ одинъ раненый, которому пуля раздробила челюсть, метался отъ боли и не находилъ даже воды плеснуть на рану, у нея выступили слезы на глаза, а полковникъ поморщился.

— Ну-съ, что вы на все это скажете?

— Что-жъ я на это скажу? Все это вѣрно, все это хорошо. Инвалидъ этотъ очень тепло и сердечно описалъ свои приключенія, хотя, мимоходомъ замѣчу, очень ужь онъ налегаетъ на то, что онъ вотъ такой патріотъ и чувствительный человѣкъ, а ему очень мало платятъ. Что-же отсюда слѣдуетъ? Что раненымъ нужно лучше платить? Дать хорошія пенсіи? Совершенно согласенъ.

Барыня даже вспыхнула:

— Я совсѣмъ не про это. Я про войну. Вы мнѣ отвѣтьте категорически: вы за войну или противъ войны?

— А не все-ли вамъ равно? Развѣ мое мнѣніе можетъ имѣть значеніе? Ну, я, положимъ, люблю войну,—развѣ для моего удовольствія кто-нибудь ее объявитъ? Или я скажу: я ненавижу войну. Развѣ отъ этого убавится хоть на одинъ выстрѣлъ? Хоть-бы вотъ эта просьба къ Толстому—написать противъ войны: да пиши онъ что угодно! Война все равно будетъ. Нѣтъ ни одного монарха, ни одной республики, вообще ни одного правительства, которое желало-бы войны, или стремилось къ ней. Посмотрите, какъ дружно въ сущности про-

шла Гаагская конференція,—и что-же оказывается? Не успѣли подписать протоколы, Англія уже втянута въ войну. Говорю «втянута», потому что Англія, разумѣется, войны не хотѣла, а хотѣла только попугать Буровъ, да и нарвалась. Теперь ужь имъ, конечно, не мириться, потому что и у тѣхъ, и у другихъ все поставлено на карту. Мое мнѣніе таково, что война или миръ отъ людей не зависятъ. Здѣсь дѣйствуютъ высшія силы...

Петербургскій чиновникъ вставилъ свое слово.

— Какъ не зависитъ отъ людей? Если люди станутъ лучше, гуманнѣе, если во всеобщее сознаніе внѣдрится ужасъ передъ войной и вообще передъ всякимъ насиліемъ, войны сами собой станутъ невозможными.

Студетъ добавилъ:

— Особенно, если за такую проповѣдь возьмутся геніи, въ родѣ Льва Толстого.

Наша хозяйка, какъ и слѣдуетъ женщинѣ, подхватила:

— О, онъ напишетъ! Онъ непремѣнно напишетъ и «ударитъ по сердцамъ». Разъ уже онъ такое письмо опубликовалъ, очевидно, что онъ рѣшилъ писать. Можетъ-быть, онъ уже и началъ?

Полковникъ возразилъ:

— Ничего изъ этого не будетъ. Вонъ Берта Зутнеръ какъ хлопочетъ! Замѣтьте—Нѣмка. Замѣтьте еще, главный успѣхъ ея писанія имѣютъ у Нѣмцевъ. Никто такъ не ненавидитъ войну, какъ сантиментальные Нѣмцы. И однако, никто такъ не готовится къ войнѣ, никто такъ не вооружается, какъ они. Считали до сихъ поръ, что наилучше подготовлена и вооружена армія германская, теперь вонъ сотни милліоновъ ассигнуютъ на флотъ. Желаютъ, чтобы и флотъ у нихъ былъ первый. И повѣрьте, если кто устроитъ самую кровопролитную войну, которая когда-либо была, то это наши сантиментальные сосѣди.

— А я думаю, наоборотъ,—отозвался чиновникъ.—Благодаря огромнымъ нѣмецкимъ вооруженіямъ и разнымъ новымъ изобрѣтеніямъ, война европейская становится прямо невозможною. И я думаю, что именно Германія раньше всѣхъ истощитъ свои силы и первая возьметъ серіозную инициативу разоруженія...

Полковникъ покачалъ головой, а барыня воскликнула:

— Да, да! По-моему, Вильгельмъ вполнѣ искренно стоитъ за миръ. Онъ хочетъ такъ всѣхъ обогнать вооруженіями, чтобы никому и въ голову не приходило затѣвать войну. Вотъ, по-моему, какой смыслъ въ его фразѣ о хорошо забронированномъ кулакѣ.

Старый воинъ не выдержалъ и заговорилъ съ энергіей:

— Вѣрьте! Дожидайтесь! Нѣмцы именно потому такъ лихорадочно вооружаются, что они увѣрены въ неизбѣжности войны. Но только вы не забывайте, что и сосѣди ихъ съ обоихъ боковъ,—мы, Русскіе, и Французы, вооружаемся и не отстаемъ. Но только насъ съ Французами 130 плюсъ 38 милліоновъ, а Нѣмцевъ много-много 45. А на Австрію и Италію имъ разсчитывать нечего. Австріи не до войны, ей впору самой не развалиться, а Италію, повѣрьте мо-

ему слову, никто никогда не считалъ серіозной союзницей Нѣмцевъ. Она имъ въ критическую минуту измѣнитъ. Итальянцы сумѣютъ разсчитать, что въ войнѣ съ Франціей имъ гораздо выгоднѣе быть противъ Нѣмцевъ, чѣмъ проливать кровь и раззоряться изъ-за нихъ...

Хозяйка прервала полковника:

— Вы ушли въ политику, а мнѣ хотѣлось услышать ваше мнѣніе собственно о войнѣ. Я знаю, что вы сторонникъ войны. Мнѣ и хотѣлось знать: чѣмъ можно оправдать войну, зачѣмъ она?

Полковникъ улыбнулся.

— Вы знаете, говорятъ: хорошо поставленный вопросъ — половина отвѣта. Пожалуй, я вамъ скажу. Я симпатизирую войнѣ не потому, чтобы любилъ насиліе или убійство, а потому, что война есть великая дезинфекція человѣчества. Трудно представить себѣ, въ какое гнусное стоячее болото обратился бы нашъ милый земной шаръ, еслибы надъ людьми не висѣла гроза войны и еслибы эта гроза отъ времени до времени не разражалась. Война, какъ метла, сметаетъ накопившуюся грязь. Страхъ передъ войной покойный Достоевскій называлъ «трусостью подленькихъ животишекъ». Большой и оригинальный мыслитель былъ К. Н. Леонтьевъ. И вотъ онъ однажды, глядя на безнадежность нѣкоторыхъ нашихъ безобразій, откровенно воскликнулъ: «Эхъ, кабы война хорошенькая». Русскій народъ самый мирный народъ на свѣтѣ. Но это не мѣшаетъ ему совершенно иначе смотрѣть на войну, чѣмъ смотрятъ европейскія «подленькія животишки». «Русскій человѣкъ даже когда сражается, носитъ миръ въ душѣ». Это не мои слова, это слова Аксакова. Но русскій человѣкъ сражается, и сражается съ увлеченіемъ, особенно когда онъ знаетъ, что борьба идетъ за правое дѣло. А большинство нашихъ войнъ именно таково. Возьмите войну 12-го года, войну Севастопольскую, войну послѣднюю Турецкую, возьмите наши Среднеазіатскіе походы. Мы или защищаемъ родину, или выступаемъ за освобожденіе угнетенныхъ. Въ среднюю Азію насъ помимо воли понесла историческая волна. Наконецъ вотъ вы увлекаетесь сантиментальными разсужденіями нѣмецкаго инвалида, ратуете противъ войны. Вамъ страшны эти ужасы, эти трупы убитыхъ? Но русскій народъ высоко цѣнитъ «смерть въ честномъ бою». Вы предпочитаете штатскую смерть? Вамъ пріятнѣе умереть отъ дифтерита, цынги, голоднаго тифа, отъ какихъ-нибудь гнусныхъ бациллъ и бактерій, чѣмъ отъ вражеской пули? Ваше дѣло. Васъ пугаетъ картина поля битвы, покрытаго трупами, картина великихъ человѣческихъ страданій? Но охота-же вамъ видѣть эти страданія только тамъ. Отчего-же вы не видите еще большихъ страданій? Отчего не замѣчаете войны еще худшей?

Мы почти въ одинъ голосъ спросили:

— Какой-же еще худшей войны?

— По-моему, вотъ эти всѣ наши голодовки, гибель дѣтей отъ дифтерита, а взрослыхъ отъ голоднаго тифа, цынги и прочихъ болѣзней гораздо хуже войны. Подсчитайте-ка хоть только жертвы голода 1891 года. Собственно отъ голода не умеръ никто; отъ голода, какъ извѣстно, не умираютъ; но въ таб-

лицѣ роста населенія оказался скачокъ въ 600 тыс. человѣкъ, подъ рубрикой «превышенія смертности надъ рождаемостью». Развѣ-же это не хуже войны?

— Да, но какая-же связь между стихійнымъ бѣдствіемъ и войною?

— Самая тѣсная. Это современный видъ войны, новая ея форма. Здѣсь врагъ въ поле не выходитъ, здѣсь онъ скрытъ.

Хозяйка не выдержала:

— Полковникъ, вы говорите какими-то загадками.

Полковникъ не отвѣтилъ барынѣ ничего и спокойно продолжалъ развивать свою первоначальную мысль:

— Да, это правда! Войны становятся рѣже, войны парализуются дипломатіей, задерживаются союзами, трактатами: постепенно расширяется примѣненіе третейскаго суда. Но, господа, сторонники мира, погодите радоваться! Война съ оружіемъ въ рукахъ уступаетъ мѣсто войнѣ болѣе страшной—и болѣе подлой. Начинаютъ воевать не въ чистомъ бою, а на биржѣ. Нападаютъ на безоружныхъ; отнимаютъ у нихъ хлѣбъ, землю, работу, цѣлые народы осуждаютъ на истребленіе, гуманно, благородно, не проливъ ни капли крови. Характерный образецъ хоть-бы тѣ-же Англичане, или Нѣмцы. Англія больше въ Индіи не воюетъ, или усмиряетъ тамъ какихъ то Афридіевъ и Вазирисовъ, противъ которыхъ нѣсколько батальоновъ да баттарея горной артиллеріи достаточны за глаза. Но зато въ Индіи съ голоду и отъ чумы перемретъ за эти годы навѣрно вдесятеро больше народу, чѣмъ отъ самой кровопролитной войны. Кто здѣсь воюетъ и съ кѣмъ? А вотъ, англійскимъ промышленникамъ угодно не допустить въ Индіи собственныхъ производствъ, угодно заставлять Индусовъ покупать ихъ мануфактуру. Сила, т.-е. правительственный аппаратъ у нихъ въ рукахъ. Въ угоду Сити, уничтожили въ Индіи старую ея монетную систему, убили серебряную рупію, ввели золотую денежную систему, самую раззорительную для населенія земледѣльческой страны. Пусть чума, пусть голодъ, но теперь ужь Индія прочно будетъ за Англіей, теперь не ускользнетъ, какъ и рынокъ. А американскіе тресты и синдикаты? Это-ли не форменная война? Собираются гешефтмахеры и устанавливаютъ монополію на какой-нибудь предметъ. Нельзя помимо нихъ ни купить, ни продать, ну, напримѣръ, жести. Цѣна раздута вдвое, и потребитель обложенъ громаднымъ налогомъ, который даетъ предпріимчивой шайкѣ милліоны. Это не война? А война посредствомъ таможенныхъ тарифовъ? А война, которую ведетъ иностранный капиталъ, ссужаемый бѣдной странѣ? Развѣ Сербія и Болгарія не завоеваны фактически Австріей? Развѣ Турція да и наша Россія не завоеваны своими кредиторами? Погодите, господа, это новое міровое движеніе только еще въ началѣ, Золотой Телецъ только еще рога отращиваетъ. Вѣрьте мнѣ, когда эта новая война упразднитъ и замѣнитъ нынѣшнюю, вы пожалѣете. При нынѣшнемъ порядкѣ вещей нѣтъ-нѣтъ, да и явится какой-нибудь Наполеонъ, который у всемірныхъ ростовщиковъ возьметъ, да всѣ счеты разорветъ и человѣчество болѣе или менѣе освободитъ. При новомъ порядкѣ биржевая петля затянется надъ родомъ людскимъ окончательно. Такое рабство наступитъ, о которомъ древнее, на рабствѣ основанное устрой-

ство, даже понятія не имѣло. Тамъ рабовъ кормили, потому что это былъ живой инвентарь. Здѣсь какой-нибудь Ротшильдъ однимъ почеркомъ пера упразднитъ цѣлый промышленный округъ и даже не задумается надъ вопросомъ, что станется съ этими бѣдными людьми? А вѣдь они ни къ какой другой работѣ негодны.

Петербургскій чиновникъ возразилъ:

— Вы преувеличиваете власть биржи. Каждое правительство защищаетъ своихъ гражданъ и не выдастъ ихъ Ротшильду, или какимъ-нибудь тамъ синдикатамъ...

Полковникъ отвѣчалъ:

— Да, когда оно независимо и можетъ разгадать ихъ подходы и съ ними справиться. Но, къ несчастію, въ большинствѣ случаевъ правительства и слѣпы, и безсильны. Современная биржа подъ видомъ всеміртаго единства промышленныхъ и денежныхъ интересовъ, опутываетъ ихъ такъ, что когда спохватываются, зло уже сдѣлано и противодѣйствовать ему поздно. Дѣло въ томъ, что при попустительствѣ западныхъ правительствъ биржевая организація, руководимая, главнымъ образомъ, Евреями, перерастаетъ правительственные аппараты и подчиняетъ ихъ себѣ. Такъ случилось, напримѣръ, во Франціи, въ Англіи. Тамъ правительство характеризуется такъ: «government of bankers, by bankers, for bankers». Какіе ужасы нравственнаго разложенія и безсилія честной Франціи открыло дѣло Дрейфуса! Какъ опозорена и оплевана великолѣпная французская армія. И эта армія не могла шевельнуться, чтобы растереть въ порошокъ всю ту мерзость, которая опутала Францію. А будь это всего пятьдесятъ лѣтъ назадъ! Отъ всей этой шайки, что называется, мокраго бы мѣста не осталось...

Дама опять не выдержала:

— Такъ что вы считаете войну даже полезной?

— Да, пожалуй, какъ послѣднюю надежду угнетеннаго и обиженнаго. Завоевательныхъ войнъ теперь, разумѣется, быть не можетъ, но *войны отчаянія*, я такъ выражусь, еще будутъ. И въ этихъ святыхъ—простите меня, но я это слово удерживаю,—и въ этихъ *святыхъ* войнахъ послѣдняя надежда всѣхъ честныхъ сердецъ и благородныхъ умовъ. Война можетъ одна освободить фактически уже покоренный народъ отъ еврейскаго биржевого ига, ибо при этой войнѣ падутъ бумаги, въ которыхъ выражается биржевое господство...

— Позвольте, полковникъ,—вмѣшался студентъ,—какъ это такъ? Да вѣдь въ бумагахъ помѣщены частные капиталы, частныя сбереженія. Вѣдь не биржа только и не Ротшильдъ полетятъ, а раззорятся люди ни въ чемъ неповинные.

— Вѣрно, а въ общемъ будетъ все-таки возстановленіе равновѣсія. Конечно, не Ротшильдъ, а Франція заплатила Германіи пять милліардовъ. Конечно, раззорились многіе, но въ сложности это было... какъ-бы это выразиться?—лишній жиръ, который съ Французовъ и срѣзали. Въ испанско-американскую войну, напримѣръ, я искренно желалъ побѣды Испанцамъ. И не потому, чтобы я ихъ очень любилъ (хотя это и порядочные люди, и благородная нація), а потому, что ужъ очень мнѣ хотѣлось, чтобы полопались нью-іоркскіе биржеви-

ки, всѣ эти Вандербильдты, Рокфеллеры. А то взгляните-ка во что обратили свободную, демократическую Америку! Да нѣтъ, бестіи, выдержали.

На этомъ закончился споръ, изъ котораго я вынесъ грустное впечатлѣніе. Неужели-же правда, что войны должны прекратиться только для того, чтобы всемірнымъ хищникамъ и гешефтмахерамъ было свободно и удобно безъ помѣхи остригать и закабалять правительства и народы міра, именующаго себя цивилизованнымъ? И чего-же тогда вся эта цивилизація стоитъ?

VII.

Американская фабрикація романовъ. Объявленіе издательской фирмы Скрипъ и К°. Признаніе г. Гейнце и его самоубійство. В. В. Комаровъ въ качествѣ организатора литературнаго мародерства. Почему г. Потапенко ушелъ изъ „Новаго Времени“?

Помнится, нѣсколько лѣтъ назадъ читалъ я про американскую «фабрику романовъ». Издателямъ большихъ ходкихъ газетъ нужны въ фельетонъ романы. Несмотря на очень высокіе гонорары, столько писателей не наберешь, чтобы всѣхъ удовлетворить и помирить спросъ съ предложеніемъ. Наконецъ на американской почвѣ художники что-то плохо родятся. Бичеръ-Стоу, Лонгфелло, Ирвингъ, Бретъ-Гартъ, Маркъ Твенъ, вотъ и обчелся. Согласитесь, что это очень мало для огромной и богатой страны въ 70 съ чѣмъ-то милліоновъ жителей. Да и изъ этихъ поэтовъ и писателей въ живыхъ едва-ли не одинъ Маркъ Твенъ, усталый, разбитый, больной, дающій крошечные разсказы на вѣсъ золота.

И вотъ, кричатъ: давайте романовъ! Но романовъ нѣтъ. Переводные французскіе надоѣли, да у Янки и вкусъ не тотъ.

А между тѣмъ, народъ грамотный и по-своему развитой. Наработался человѣкъ въ конторѣ, на фабрикѣ, на фермѣ, прочелъ во время отдыха политическую часть газеты,—этого ему мало, давай чего-нибудь занимательнаго, въ легкомъ родѣ. Какую-нибудь увлекательную или страшную исторію, но чтобы при этомъ и грамотно было, и талантливо, и съ огонькомъ.

Видятъ добрые люди, какъ бьются господа издатели, пріискивая писателей и романы, и придумали слѣдующее: нельзя-ли устроить фабричное изготовленіе беллетристики? Но какъ это сдѣлать? Давай введемъ раздѣленіе труда, пріемъ чисто фабричный. Эй, господа писатели, пожалуйте сюда! Вы, вотъ, милостивый государь, обладаете фантазіей—не угодно-ли вамъ сколачивать сюжеты, распредѣлять главы. Вамъ, почтеннѣйшій, удаются описанія природы. Пожалуйте за работу. Вы по части исторіи: сдѣлайте милость, обрабатывайте историческіе сюжеты и обстановку. Ваше преосвященство, вы спеціалистъ—богословъ. Не угодно-ли вамъ приложить руку насчетъ церковной обстановки, гдѣ понадобится, и всего прочаго: сомнѣнія вѣрующей души, исканіе божества, страхъ смерти и такъ далѣе. Вы, генералъ, не опишете-ли битву или походную жизнь?

А вы, господа грамотные и съ бойкимъ перомъ люди, не угодно-ли за черную работу? Потрудитесь изъ отдѣленія для темъ получить фабулу и начинать писать. Для героя-военнаго листочка два вставите отъ генерала; для священника вамъ поправитъ, или припишетъ его преосвященство. Будетъ описаніе костюма, сходите справиться въ историческое отдѣленіе. Желѣзнодорожную катастрофу изобразите, придерживаясь Іокая, великосвѣтскія сцены изображайте по Жипъ и т. д.

Работа кипитъ. Въ результатѣ получается романъ за романомъ и о каждомъ изъ нихъ можно съ чистой совѣстью пустить токого рода рекламу (выписываю цѣликомъ объявленіе издателей Скрипъ и К° въ Нью-Йоркѣ):

Жена своего мужа.

Знаменитая повѣсть *Бэллы Беллъ*, ея лучшая и самая блестящая. При участіи восьми (8) знаменитыхъ авторовъ.

Потрясающая-патетическая-возвышающая.

! Бьетъ по сердечнымъ струнамъ !

Семь (7) героинь. Четыре блондинки, три брюнетки. Шесть (6) героевъ. Одинъ картежникъ, одинъ дворянинъ, остальные: пасторы, ночные воры, разведенные супруги и школьные гимнасты. Большая тройная интрига разыгрывается въ Лондонѣ, Дугласѣ и Смоленскѣ.

Лица всѣ изъ дѣйствительной жизни (ключъ при каждомъ экземплярѣ).

Главные инциденты:

2 желѣзнодорожныхъ катастрофы 2
6 свадебъ 6
2 похищенія 2
12 картинъ природы 12
9 скандаловъ 9
3 смертныхъ одра 3
(съ роковымъ исходомъ)
1 подземный взрывъ 1
и т. д.

Читаетъ Американецъ и даже его проволочные нервы начинаютъ играть. Еще-бы! Это въ своемъ родѣ квинтъ-эссенція внѣшнихъ эффектовъ занимательности. Сколько опытныхъ рукъ прилагалось, чтобы выправить всѣ штрихи и навести лакъ на это произведеніе!

Вы скажете, что это пародія на искусство, что это чортъ знаетъ что. Съ этимъ я вовсе не думаю спорить. Я указываю только фактъ, что такія фабрики существуютъ и выпускаютъ во множествѣ *настоящіе* романы: безусловно грамотные, потрясающіе, патетическіе и даже, если хотите, возвышающіе, ибо добродѣтель въ нихъ неуклонно торжествуетъ, а порокъ казнится. А главное,

строго соблюдается вѣрность рекламѣ и торговая честность. Что обѣщаютъ, то и даютъ. Цѣль достигается и коммерческая, и общественная. Литературные торговцы богатѣютъ, писатели—хотя-бы въ роли фабричныхъ рабочихъ или подмастерьевъ—ѣдятъ хлѣбъ, и даже съ масломъ, публика зачитывается «фабрикованными» романами совершенно, какъ настоящими. Какая тамъ критика, какая эстетика! Не забывайте, что человѣку ничего другого не нужно, кромѣ легкаго возбужденія нервовъ послѣ усиленной умственной и физической работы.

И пожалуйста не думайте, чтобы эти романы были какая-нибудь мерзость или порнографія. Совсѣмъ наоборотъ. Насчетъ порнографіи въ Америкѣ до такой степени строго, что, напр., въ свое время полиція задержала «Крейцерову сонату», у насъ, хоть и не безъ колебаній, но цензурою пропущенную. Во многихъ штатахъ такъ-таки до сихъ поръ не позволяютъ ставить «Прекрасную Елену».

Фабрикація романовъ—одно изъ удивительныхъ проявленій американской жизни. Посудите сами. Народъ разбогатѣлъ, весь отдавшись на служеніе брюху. Духовная жизнь очень сильная и очень уродливая. Все, что не «дѣло», не «business», не считается ни великимъ, ни серіознымъ. Откуда тутъ родиться геніямъ въ какой-бы то ни было области, кромѣ промышленно-торговой? Что здѣсь дѣлать Байрону, Пушкину, Тургеневу, Диккенсу? Да они попросту окажутся блѣдными при здѣшнихъ вкусахъ.

Перечисленные выше американскіе писатели, какъ исключеніе, только подтверждаютъ правило. Демократическая сытая толпа требуетъ совсѣмъ другого, и это *другое* выработано, какъ товаръ, и предлагается *на совѣсть*, безъ малѣйшаго жульничества, честно, добротно. Не нужна здѣсь ни изощренная, въ глубины мірозданія уходящая мысль, ни филигранная, полуэѳирная отдѣлка стиха, ни легкій, какъ дымка, стиль. Нужна ярка, пестрая, сенсаціонная картина: электрическое солнце, бумажная луна, тафтяныя облака, картонный Везувій, тесовыя скалы, полотняныя волны, громогласный оркестръ и т. д. Не даромъ-же покойный Генрихъ Венявскій разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что одинъ Американецъ-фермеръ, до слезъ заслушавшійся его скрипки, изрекъ въ качествѣ высшаго комплимента такую фразу: «минутами, сэръ, мнѣ казалось, что подъ вашимъ смычкомъ мычитъ теленокъ»...

Что-же вы предложите этой публикѣ, въ художественномъ родѣ, принимая, однако, во вниманіе, что она способна много и охотно платить?

Я утверждаю только, что эти американскіе «фабричные» романы отнюдь не поддѣлка, не фальсификація. Олеографія не поддѣлка, не поддѣлка даже и маргаринъ, если онъ продается, согласно приказу С.-Петербургской полиціи «въ помѣщеніяхъ особаго цвѣта и съ четкою, крупною надписью».

Но позвольте закончить съ Америкой и тамошней литературой, о которой я повелъ рѣчь собственно въ видѣ справки къ нашей россійской литературной дѣйствительности.

Охъ, ужь эта дѣйствительность! Часъ отъ часу не легче. Что ни день, то новыя разоблаченія, показывающія, что наша столичная газетная литература съ

необыкновенной быстротой обращается въ нѣчто весьма печальное. Все чистое принципіальное, порядочное, умираетъ, или уходитъ, а на смѣну выходятъ современные «рыцари пера» во вкусѣ хоть-бы напримѣръ господина Гейнце, котораго Буренинъ давно уже переименовалъ въ Хапугейнце.

Очень постыдно умеръ этотъ несчастный человѣкъ для литературы, и въ его свѣжую могилу весьма дружно и торжественно вколоченъ всею «прессою» осиновый колъ. И увы! Плохое утѣшеніе для г. Гейнце въ томъ, что этотъ осиновый колъ вколачивали руки иногда еще болѣ «обагренныя», чѣмъ у него. «Не пойманъ,—не воръ», а слѣдовательно до поры до времени и до новаго осиноваго кола очень многимъ «литераторамъ» можно и надъ г. Гейнце поглумиться, и литературное негодованіе обнаружить.

Вы, конечно, читатель, исторію господина Гейнце знаете? Знаете про первую, постигшую его бѣду съ покупкой рукописи за пятьдесятъ цѣлковыхъ, которую онъ употребилъ въ качествѣ «матеріала» для романа, т.-е. помѣтилъ шрифтъ и сдалъ въ наборъ, и которая оказалась просто-на-просто украденнымъ «какою-то дамою» чужимъ переводомъ изъ Гюисманса. Знаете, вѣроятно, и про то, какъ почтеннѣйшій редакторъ «Свѣта» В. В. Комаровъ величественно прогналъ своего второго редактора изъ земли обѣтованной подъ № 136—138 на Невскомъ проспектѣ, лишивъ его «присвоеннаго (словечко-то какое!) ему (имъ?) содержанія?» Положеніе г. Гейнце, совсѣмъ, было, возсіявшаго на литературномъ небосклонѣ и уже подарившаго публикѣ «Полное собраніе сочиненій», оказалось критическимъ. Искать нечего, терять нечего, идти некуда. Помните ужасъ Достоевскаго передъ положеніемъ человѣка, которому «некуда идти?»

И вотъ въ такомъ положеніи г. Гейнце задумалъ японскую месть. Она состоитъ въ томъ, чтобы распороть себѣ животъ надъ воротами своего обидчика. Г. Гейнце такъ и сдѣлалъ. Онъ напечаталъ въ «Россіи» свою исповѣдь, послѣ которой прочей литературной братіи ничего другого не оставалось, какъ предать тѣло самоубійцы землѣ, а кстати ужъ похоронить и «генерала» Виссаріона Виссаріоновича, скончавшагося отъ литературной асфиксіи вслѣдствіе множества выдѣлившихся удушливыхъ газовъ.

Да и какъ не задохнуться! Если-бъ вы только знали, что это за письмо! Такой откровенной мерзости, такого униженнаго цинизма не печаталось до сихъ поръ никогда на страницахъ самыхъ грязныхъ изъ нашихъ газетъ. Передъ вами не человѣкъ, а затравленный волкъ, переѣханная колесомъ литературная собака, «ради человѣколюбія» умоляющая ее выслушать и не добивать. Тьфу!

Господинъ Гейнце признается прямо, что онъ «продалъ свою репутацію» В. В. Комарову, что они *вмѣстѣ* обдумывали и выкраивали новые романы изъ позабытыхъ старыхъ, что когда Гейнце уличили въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» въ плагіатѣ и онъ не почувствовалъ, что его репутація окончательно погибла, Комаровъ божился ему, что ему обезпеченъ кусокъ хлѣба въ «Свѣтѣ», и дѣйствительно сдѣлалъ его сначала секретаремъ редакціи, затѣмъ соредакторомъ.

Г. Гейнце взываетъ къ людямъ съ «чуткимъ сердцемъ» и словно умоляетъ ихъ не его одного считать литературнымъ мародеромъ, но главную долю вины возложить на редактора патріота, который, словно глава извѣстной шайки, обучалъ своихъ младенцевъ и сторожилъ ихъ, когда тѣ лазали въ чужія форточки.

Слыхали-ли вы когда-нибудь, чтобы человѣкъ, «написавшій» «болѣе двадцати романовъ, каждый размѣромъ болѣе двадцати печатныхъ листовъ», печатно заявлялъ о себѣ слѣдующее:

«Я былъ только усерднымъ и аккуратнымъ газетнымъ работникомъ и, напротивъ, *всегда говорилъ и подчеркивалъ*, что *я не литераторъ, а «писатель по ремеслу»*.

Что это такое? Что такое писатель по ремеслу, который въ то-же время не литераторъ? Да вѣдь эта простая пишущая машина, своего рода «Ремингтонка», или «Смисъ-премье» съ тою лишь разницею, что этотъ Смисъ-премье ходитъ въ пенснэ и панталонахъ и стоитъ не 250 рублей, а нѣсколько тысячъ въ годъ.

Въ первый разъ изъ груди у г. Гейнце вылетѣлъ человѣческій звукъ, искренній и истинно-драматическій,—и этотъ звукъ былъ его предсмертнымъ хрипѣньемъ...

Разумѣется, исповѣдь г. Гейнце перепечатали цѣликомъ «С.-Петербургскія Вѣдомости», у которыхъ съ В. В. Комаровымъ старые счеты. Да, это признаніе большой праздникъ на улицѣ кн. Ухтомскаго. Съ великимъ и вполнѣ законнымъ торжествомъ дѣлаетъ редакція свой комментарій, въ которомъ слышится искреннее негодованіе литератора и публициста.

«Уворованное романическое тряпье гніетъ и заражаетъ газетную атмосферу, восклицаютъ «С.-Петербургскія Вѣдомости». «Очевидно, тутъ вопросъ не въ томъ, кто хуже, В. Комаровъ, или его достойный соредакторъ? Есть вопросы поглубже и посеріознѣе: въ чьихъ-же собственно рукахъ находится дѣло искренняго отстаиванія и выясненія государственныхъ принциповъ и завѣтовъ, за мнимо недостаточное проникновеніе которыми гейнцевскій патронъ и соразбойникъ по перу, а съ ними въ трогательномъ единодушіи всякіе грингмуты (г строчное!) покрываютъ инсинуаціями, когда вѣтеръ дуетъ не въ ихъ сторону?..»

И въ самомъ дѣлѣ, какой ударъ! Вчера еще газета «Свѣтъ» съ пѣною у рта потрясала національною хоругвью и сыпала проклятія на «воровъ и измѣнниковъ». Вотъ, думалось издали, храмъ патріотизма! Какова чистота мысли и чувства, какой благородный подъемъ духа долженъ быть тамъ внутри, въ редакціонномъ святилищѣ! У этихъ пламенныхъ патріотовъ, чай, все сердце изболѣло отъ бѣдъ и опасностей, грозящихъ Руси. «Вѣчно на аванпостахъ»— собственныя слова В. В. Комарова.

А въ дѣйствительности вмѣсто аванпостовъ они несли «развѣдочную службу» по заднимъ дворамъ и кладбищамъ русской литературы, обкрадывая и раздѣвая покойниковъ. И этими экскурсіями руководилъ, по словамъ Гейнце,

оставшимися неопровергнутыми, самъ В. В. Комаровъ, отстроившій себѣ огромный каменный домъ на романахъ по 10 руб. за печатный листъ.

— Николай Эдуардовичъ! Посмотрите-ка, вотъ находка: «Іоаннъ III» Кукольника. Если его, знаете, дополнить изъ «Паденія Новгорода», отличный выйдетъ романъ. Давайте заглавіе поэффектнѣе: «Первый русскій самодержецъ». Не правда-ли хорошо? Только пожалуйста просмотрите корректуру, какъ слѣдуетъ, чтобъ не перепутали именъ. Да какъ-нибудь сшейте оба романа.

— Слушаю-съ, Виссаріонъ Виссаріоновичъ.

На завтра объявленіе. Послѣ традиціоннаго возгласа: «Свѣтъ, Свѣтъ, Свѣтъ!» «И какъ единое русское слово»... «дворцы и хижины»... «такъ да будетъ газета «Свѣтъ» и т. д. идетъ чисто апраксинская реклама: «завтра начинаемъ печатаніе новаго оригинальнаго историческаго романа нашего талантливаго повѣствователя Н. Э. Гейнце. Читатель найдетъ тамъ въ захватывающемъ изложеніи трогательныя перипитіи борьбы за ту единую власть, которою сильна и о которой донынѣ стоитъ Россія»...

Припоминаю отголоски съ десятилѣтняго юбилея Н. Э. Гейнце, устроеннаго у себя Комаровымъ и собравшаго за изысканными гастрономическими блюдами весь консервативный и благомыслящій Петербургъ. Фраки, звѣзды, ленты. Съ этого пиршества одинъ мой пріятель прибѣжалъ ко мнѣ взволнованный.

— Что они говорили! Какъ они говорили! Я приведу тебѣ начало рѣчи Гейнце въ отвѣтъ Комарову. Я запомнилъ ее отъ слова до слова. Клянусь, не переврy, развѣ ослаблю немного. Вотъ что онъ сказалъ:

«Здѣсь говорилось о тройкѣ. Мнѣ рисуется другая тройка, господа. Бодрые, сильные кони мчатся по пнямъ и ухабамъ, а иногда и вовсе безъ дороги. Но опасности нѣтъ; кучеръ твердо натянулъ вожжи. Онъ зорко глядитъ кругомъ. Проченъ и экипажъ. Во тьмѣ засѣли враги, но не страшны они и т. д... Эта тройка, господа,—наши три великихъ и священныхъ принципа: православіе, самодержавіе и народность. А этотъ кучеръ, господа,—нашъ многоуважаемый редакторъ-издатель В. В. Комаровъ».

— Что за гнусность! Что за кощунство!—восклицаю я.—Ну, и что-же было дальше?

— Заревѣли отъ восторга. Цѣловались, чокались, кричали «ура».

Мнѣ припоминается покойный Салтыковъ. Какими странными преувеличеніями казались въ свое время его пародіи на разныя, вотъ этакія, патріотическія торжества! Но развѣ Щедрину приходило въ голову что-нибудь подобное?

А вѣдь это не вымыселъ, это сама дѣйствительность. Запрягли «три великіе принципа» и поѣхали—шапку набекрень, берегись!!

— Да, это ужасно,—скажетъ иной читатель...—Великая мерзость развелась въ такъ называемомъ консервативномъ лагерѣ. Національное знамя и всѣ прочія хорошія слова прикрываютъ нѣчто совсѣмъ неприличное. Поневолѣ станешь уважать либераловъ...

Противъ уваженія къ либераламъ я ничего не имѣю; въ этомъ лагерѣ есть личности, несомнѣнно почтенныя и чистыя, это вѣрно. Но если пошло дѣло о партіи, о направленіи, то право и здѣсь немногимъ лучше. Ханжества, фарисейства и самаго беззастѣнчиваго кулачества и здѣсь хоть отбавляй. Ну, вотъ Гейнце съ его крадеными романами. А далеко-ли ушелъ отъ него г. Потапенко съ его несомнѣнно *оригинальными* произведеніями, которыя онъ «творитъ» по четыре и по пяти сразу? Неужели есть разница *по существу* между двумя пріемами: взять чужой романъ, передѣлать заглавіе и имена и безхитростно сдать въ типографію, или вытягивать изъ себя и диктовать свою собственную канитель, явно шаблонную и безцвѣтную, но разсчитанную на угожденіе извѣстному вкусу читателей? Я думаю, послѣднее хуже. Это уже прямо проституированіе званія литератора. Возьмите хоть «Встрѣчу». Что это такое, какъ не чисто ремесленное произведеніе, разсчитанное спеціально на то, чтобы пощекотать впечатлительную молодежь? Вспомните вой и озлобленіе Потапенки, когда его выстегалъ за эту «Встрѣчу» Буренинъ. Вспомните шальныя ругательства, которыми Потапенко пускалъ въ стараго, хотя и очень злоязычнаго, но заслуженнаго и умнаго критика. А выходъ г. Потапенки изъ «Новаго Времени»? Изволите видѣть, онъ не могъ давать своей подписи въ газету, издатель коей такъ скомпрометтировалъ себя передъ молодежью и общественнымъ мнѣніемъ. Не правда-ли, какой возвышенный поступокъ? Только вы не вѣрьте. Въ дѣйствительности разсужденіе было совсѣмъ иное; къ счастію, оно было сдѣлано слишкомъ гласно, а потому въ свое время отмѣчено многими.

Г. Потапенко съ похвальной откровенностью заявилъ:

— Нѣтъ, надо уходить. Теперь я зарабатываю четырнадцать тысячъ въ годъ, а если останусь у Суворина, меня ни одинъ либеральный журналъ печатать не будетъ.

Гдѣ-же здѣсь литература? При чемъ она? Развѣ здѣсь не одни и тѣ-же мотивы, что у г. Гейнце, но только въ болѣе прикрытой, почти благородной формѣ? А между тѣмъ, въ то время, какъ г. Гейнце корчится, словно раздавленный червякъ, можетъ-быть, тотъ-же самый г. Потапенко величественнымъ движеніемъ «незапятнанной» и «независимой» руки гордо укажетъ на него своимъ читателямъ... А то еще въ романъ вставитъ, благо явленіе очень ужь характерное!...

Знаете что? Еслибы теперь всталъ изъ гроба Бѣлинскій и, завернувшись въ свой старенькій плащъ, пошелъ изъ редакціи въ редакцію, ему не удалось бы пожалуй нигдѣ помѣстить самой страстной и вдохновенной своей статьи. Да и что сталъ-бы онъ критиковать? О чемъ писать? Развѣ теперь критика нужна?

Я думаю, поголодавъ нѣсколько времени и выслушавъ грубыя замѣчанія, что, молъ, «всѣ эти высокія чувства нынче не въ модѣ» и что вообще пишетъ онъ «скучновато», Бѣлинскій кончилъ-бы тѣмъ, что пошелъ въ какое-нибудь вѣдомство и пристроился ко двадцатому числу.

Наша литература видимо переживаетъ конецъ какого-то страннаго пе-

ріода. Что это за полоса, опредѣлить очень трудно. Наверху, надъ стоячей тиной сверкаетъ разноцвѣтной радугой яркая пленка «современныхъ талантовъ». Пленка эта отъ времени до времени разрывается и изъ глубины появляются разные Стечкины, Гейнце, Потапенки, плагіаторы и оригинальные творцы, «независимые» и рептиліи, шантажисты и «вдохновенные пѣвцы». Все это тайно и явно стремится только къ тому, чтобы какъ можно болѣе написать, какъ можно дороже продать, какъ можно ловче выманить субсидію, объявленія или авансъ. Все кричитъ «ѣсть хочу» и готово на все. Литературы въ сущности нѣтъ, а есть ея внѣшнее подобіе и лучшее тому доказательство, что самые дорогіе интересы печати въ полномъ у всѣхъ пренебреженіи.

Трудно сказать, откуда, изъ какихъ слоевъ дождется русская мысль и слово обновленія и притока новыхъ силъ. Словно русскія бѣдныя рѣки послѣ вырубки лѣсовъ, изсякаютъ повсюду источники нашей національной жизни. Если случайно зарождается яркій талантъ и не погибаетъ въ борьбѣ за существованіе раньше, чѣмъ напечатаетъ свою первую строку,—онъ является на свѣтъ какимъ-то недоноскомъ, почти уродомъ. Таковъ послѣдній блеснувшій талантъ, хотя-бы такого скромнаго размѣра, какъ М. Горькій.

Замѣчательно это явленіе и замѣчательна его обстановка. Но объ этомъ когда-нибудь позвольте въ другой разъ.

VIII.

Еврейскій вопросъ. „Травлю"-ли я Евреевъ? Разговоръ съ Евреемъ-пріятелемъ. Евреи бьютъ насъ своими добродѣтелями. Исходъ борьбы. Что предстоитъ Россіи въ будущемъ? Справка изъ польской этнографіи.

Мои писанія навлекли на меня неудовольствіе многихъ. Особенно недовольны гг. московскіе Евреи за «травлю» ихъ племени. Это такъ уже принято. Достаточно дать маленькій отзывъ, Еврейству не хвалебный, или попросту независимый—сейчасъ «травля»! Это слово представляетъ въ извѣстной части печати истинное пугало. Ну, какой это писатель, когда онъ сѣетъ вражду и племенную ненависть? Надо проповѣдывать гуманныя чувства, равенство всѣхъ людей, любовь ко всѣмъ безъ изъятія. На эту удочку удивительно, какъ у насъ ловятся. Извольте проповѣдывать гуманность, равенство и любовь; подъ эту любовь, какъ подъ зонтикъ, тотчасъ-же спрячется братъ-Еврей и тотчасъ-же вытолкнетъ брата-Русскаго на дождь.

Никого я не травлю, никакой пламенной ненависти не сѣю и не проповѣдую. Между Евреями есть у меня даже хорошіе пріятели. Но позвольте же, наконецъ, въ этомъ вопросѣ разобраться. Еврейскій вопросъ для Россіи поистинѣ страшный вопросъ, и замалчивать его ради чувствъ гуманности и прочихъ хорошихъ вещей отнюдь не слѣдуетъ. Это—непозволительное малодушіе, ибо въ молчаніи-то и созрѣваютъ удивительныя вещи...

Отдѣльные Евреи—одно, еврейскій вопросъ—совсѣмъ другое. Я самъ, было время, давалъ кое-кому изъ Евреевъ прибѣжище во время выселеній. Самъ за нѣкоторыхъ хлопоталъ, особенно изъ учащейся молодежи. И все время чувствовалъ непримиримое противорѣчіе въ душѣ. Съ одной стороны сердце подсказывало, что вотъ этотъ хорошій и прилежный студентъ Шмуликъ, уже переименовавшійся среди знакомыхъ въ Григорія Борисовича, ничѣмъ не виноватъ. Пусть себѣ учится, выходитъ въ доктора, въ адвокаты. Пить-ѣсть всякому надо. Не виноватъ ничѣмъ и мой портной Авель Музыкантъ, который десять лѣтъ контрабандой прожилъ въ Москвѣ, наплодилъ здѣсь кучу ребятъ и вдругъ долженъ садиться въ вагонъ Брестской дороги и ѣхать съ семьей куда-нибудь въ Минскъ, или Оршу, гдѣ этихъ Авелей (и Каиновъ) полнымъ-полно и гдѣ они задыхаются, какъ мыши въ банкѣ, обгрызая другъ у друга хвосты.

Не виноватъ Шмуль, не виноватъ Авель, и вотъ я помогъ имъ удержаться въ Москвѣ. Вы помогли Боруху и Янкелю. Вашъ знакомый также по добротѣ сердца укрылъ и пріютилъ Гершку съ Мордухаемъ. Въ результатѣ студенты-Евреи кончили курсъ и стали адвокатами, врачами. Только-бы право на жительство, а за остальное уже не безпокойтесь. Ихъ поддержатъ свои. Явится и практика, и кліенты. Русскій врачъ можетъ долго голодать, получивъ дипломъ, русскій юристъ можетъ цѣлые годы сидѣть кандидатомъ на судебныя должности. Евреи (до ограниченія правъ) немедленно становились спачала помощниками, затѣмъ присяжными повѣренными. Въ результатѣ вашъ сердечный добрый порывъ давалъ государственное и національное зло. Кто-нибудь Русскій оставался безъ хлѣба, его мѣсто занималъ вызволенный вами Еврей. Получалось замѣщеніе Русскаго, хозяина своей земли, пришельцемъ, и замѣщеніе по всей линіи, въ размѣрахъ поистинѣ огромныхъ.

Запретительныя мѣры становились прямо неизбѣжными, иначе, при взаимной поддержкѣ и корпоративномъ духѣ Евреевъ, въ самомъ скоромъ времени мы увидали-бы русскихъ врачей, русскихъ адвокатовъ, русскихъ актеровъ, русскихъ техниковъ всякаго рода въ огромномъ меньшинствѣ.

Уравняйте права, и Евреи моментально наполнятъ офицерскій корпусъ, судебное и административныя вѣдомства, профессуру, скупятъ въ городахъ дома, въ уѣздахъ—имѣнія. Вы видите, что и сейчасъ огромная воздвигнутая законами плотина почти не выдерживаетъ еврейскаго напора изъ-за черты осѣдлости и течетъ ужасно. Коренные русскіе города захвачены Евреями въ огромныхъ размѣрахъ. Оттѣсненная небольшая часть Еврейства изъ Москвы заняла Тулу. Какъ-то въ субботу вечеромъ я видѣлъ на тульскомъ бульварѣ у Кремля безъ преувеличенія тысячи Евреевъ, которыхъ раньше въ Тулѣ почти вовсе не было.

И вся эта публика набросилась на мѣстную металлическую промышленность, на кустарей, особенно по самоварному отдѣлу, и немедленно скомпрометтировала и изуродовала это старое русское дѣло, какъ уродуетъ вообще все, къ чему ни прикоснется: на Югѣ—хлѣбъ, на Сѣверѣ—ленъ и т. д.

Да, еврейскій вопросъ въ полномъ смыслѣ слова ужасный вопросъ и

особенно для Россіи, по складу нашего быта, характера, по невозможности для насъ при современныхъ условіяхъ какой-бы то ни было борьбы съ Евреями, кромѣ борьбы при помощи системы запретительныхъ мѣръ. Система эта несимпатичная, дурная, несправедливая, обидная, — вѣрно, да ничего не подѣлаешь! Попробуйте отмѣнить эти ограниченія, и наша цивилизація, наша національность будутъ, по удачному выраженію антисемита Марра, «сорваны съ петель».

Есть у меня пріятель Еврей, человѣкъ большаго ума, большой честности и великаго русскаго патріотизма. Еслибы я разсказалъ, какъ однажды, лѣтъ двѣнадцать назадъ, онъ своимъ патріотическимъ почином, да еще на церковной почвѣ (это некрещеный-то Еврей!) пристыдилъ насъ, коренныхъ Москвичей, всѣ-бы сразу узнали, о комъ я говорю. А я этого не хочу. Такъ вотъ, этотъ мой пріятель иногда ведетъ со мною споры о еврейскомъ вопросѣ и всегда кончаетъ ихъ съ твердой увѣренностью, что меня уловилъ и побѣдилъ.

Образчикъ такого спора я приведу.

— Вы согласны, говоритъ мой пріятель, что земной шаръ Богъ сотворилъ для всѣхъ и что Евреямъ некуда съ него уйти?

— Ну, разумѣется.

— Значитъ, куда-бы мы ни ушли, вездѣ можетъ случиться то-же самое, что у васъ, въ Россіи. Будутъ желать, чтобы мы дальше уходили. Значитъ, дѣваться намъ некуда и мы должны жить равномѣрно вездѣ?

— Да, но жить наравнѣ съ нами, не усиливаясь, не вытѣсняя насъ. Это-то ужь во всякомъ случаѣ.

— Хорошо. Но вѣдь жизнь есть борьба за существованіе? Побѣждаетъ болѣе сильный, поддается болѣе слабый. Законы должны оберегать гражданскій порядокъ и нравственность и всякую незаконную борьбу устранять. Представьте себѣ, что все это достигнуто и всякіе нелегальные способы у Евреевъ отняты. Какимъ образомъ пойдетъ борьба?

— Пойдетъ борьба экономическая, гдѣ вы окажетесь сильнѣе и насъ побѣдите и поработите.

— Хорошо. Давайте-же разберемъ, какими средствами. Во-первыхъ, вы лѣнивѣе насъ. Еврей трудится день и ночь, не теряя минуты, и хлопочетъ о будущемъ. Вы...

— Да, но Еврей пренебрегаетъ чернымъ трудомъ и выискиваетъ трудъ наиболѣе легкій.

— А вы будете искать чернаго труда, если можете работать головой? Скажите? Каждому Богъ далъ свои способности. Еврей ищетъ умственнаго труда, потому что тутъ можно легче и больше заработать, чѣмъ за сохой или за мощеніемъ мостовой. Но развѣ-же это преступленіе? Развѣ Еврей кому-нибудь мѣшаетъ?

— А такъ какъ «легкаго труда» не хватаетъ, то Еврей пускается на пакости. Придумываетъ разные обманы, фальсификаціи. За какую-бы торговлю или производство Евреи ни взялись, вездѣ они вносятъ разложеніе.

— Хорошо. Въ извѣстной степени вы правы, отрицать не буду. Издавайте противъ обмана и фальсификаціи самые строгіе законы. Регулируйте торговлю. Но вопросъ поставленъ невѣрно. Да неужели-же Евреи живутъ и богатѣютъ только обманомъ? Полноте! Есть обманщики, есть фальсификаторы, но эти прежде всего сами прогораютъ. На обманѣ никто не богатѣлъ. Наоборотъ. Большинство Евреевъ только потому и держатся, и богатѣютъ, что ведутъ дѣло правильно, широко, смѣло и добросовѣстно. Спросите вашихъ торговцевъ: кого они охотнѣе кредитуютъ? Еврея, потому что онъ лучше платитъ по векселямъ. Еврей хорошо знаетъ, что такое кредитъ и умѣетъ его цѣнить.

— А кончается всегда тѣмъ, что наберетъ товару, проторгуется и улизнетъ.

— О, это неправда! Развѣ въ одномъ случаѣ изъ ста. Еслибъ это было такъ, вы-бы не жаловались на размноженіе Евреевъ и ихъ захватъ вашей промышленности и торговли. Наоборотъ. Еврей богатѣетъ, расширяетъ дѣло, воспитываетъ и выводитъ въ люди кучу дѣтей, потому что Богъ далъ намъ плодородіе. Вотъ, на что вы жалуетесь и чего боитесь. Но позвольте мнѣ продолжать.

Во-вторыхъ, основная черта Еврея послѣ трудолюбія—трезвость. Видали вы пьянаго или кутящаго Еврея? Ну, сыновья разныхъ милліонеровъ—этихъ я не считаю. Но маленькій и средній Евреи безусловно трезвы. Вы съ этимъ согласны? Согласны, что если у васъ на службѣ Еврей, то ужь онъ пьяный не придетъ, или не проваляется нѣсколько дней, или не пропьетъ ввѣреннаго ему имущества или денегъ?

— Это-то вѣрно.

— Пойдемте дальше. Въ-третьихъ, Еврей отличный семьянинъ. Разводы у насъ очень легки, но укажите мнѣ, прошу васъ, брошенную Еврейку съ дѣтьми. Вы не укажете мнѣ также Еврейки съ синяками и фонарями. Не укажете Еврейки мотовки, раззорительницы своего мужа, или Еврейки, которая завела-бы себѣ любовника. Опять-же я не говорю о нашихъ цивилизованныхъ выродкахъ, воспитанникахъ вашей, а не нашей цивилизаціи.

Въ-четвертыхъ, Еврей не боится дѣтей. Онъ ихъ плодитъ и чѣмъ больше у него дѣтей, тѣмъ больше считаетъ онъ надъ собой благословенія Божія. Еврейка—отличная мать, вся отдающаяся дому и дѣтямъ. Еврей—отличный отецъ. Какъ пошли дѣти, такъ его личность кончена. Онъ будетъ сидѣть на одной селедкѣ, будетъ урѣзать свои потребности до самозабвенія, но дѣти, эти его «бахоры», будутъ сыты и одѣты. Это одинаково и у бѣдныхъ, и у среднихъ, но у бѣдныхъ трогательнѣе и выше, потому что борьба тамъ, за чертой, дѣйствительно, идетъ ужасная.

— Да вы цѣлый диѳирамбъ Еврейству воспѣваете, замѣчаю я.

— Позвольте, это еще не все. Вы забыли про еврейское стремленіе къ просвѣщенію. Найдите Еврея, который былъ-бы неграмотнымъ. Найдите отца, который, если есть малѣйшая возможность, отказалъ-бы своему сыну или дочери въ средствахъ на гимназію, университетъ, или какіе хотите курсы. И

какъ учатся эти бѣдные Жиденята! Теперь Евреи поняли, какая страшная сила—просвѣщеніе, теперь они бросили свои старые предразсудки и исключительность. И что-же? Теперь вы запираете имъ двери. Почти вездѣ установленъ проклятый процентъ. Развѣ мы не такіе-же подданные Русскаго Царя? Развѣ мы не наравнѣ съ вами готовы защищать родину и умирать на войнѣ? Развѣ мы не платимъ тѣхъ-же налоговъ, а иногда и больше? Зачѣмъ-же вы лишаете насъ правъ?

— Ну-съ, теперь можно, кажется, подвести итоги?

— Нѣтъ еще! Я не упомянулъ самаго главнаго, что намъ больше всего, кажется, ставятъ въ вину—это еврейскую солидарность. Съ какихъ поръ это порокъ, скажите?—Для Еврея помочь Еврею въ бѣдѣ—религіозная обязанность. Случается несчастіе—умираетъ работникъ въ семьѣ. Всѣ родственники и по женской, и по мужской линіи (а у насъ семьи и родство, вы знаете, огромныя!) начинаютъ помогать, распредѣляя между собою расходы. Есть богатыя семьи, которыя десятками лѣтъ отдаютъ чуть не половину своего бюджета на помощь роднымъ. То одна семья нуждается, то другая. Вотъ этихъ поставили на ноги, катастрофа въ другой семьѣ. Давайте и давайте! И даютъ. Вдова безъ всякаго заработка выводитъ въ люди шесть человѣкъ дѣтей. Скажите, неужели-же это преступленіе, и чѣмъ мы, Евреи, виноваты, что у васъ этого нѣтъ?

Когда мой пріятель попадаетъ на эту тему, его рѣчи нѣтъ конца. Я все это выслушиваю и волей-неволей соглашаюсь, потому что на всѣ эти вещи нечего возразить. Но затѣмъ обыкновенно я резюмирую споръ слѣдующимъ образомъ:

— Теперь, давайте, подведемъ итоги. Между вами и нами идетъ борьба. Еврейство стремится занять умственныя профессіи, стремится расшириться по Россіи и размножиться. Борьба ведется, допустимъ, вполнѣ легальная. Трудолюбивые Евреи противъ лѣнивыхъ и нерадивыхъ Русскихъ. Трезвые противъ пьяныхъ. Нравственные и хорошіе семьяне противъ развратныхъ и безпутныхъ. Заботливые о дѣтяхъ и плодовитые противъ беззаботныхъ и нечадолюбивыхъ. Просвѣщенные противъ невѣжественныхъ и косныхъ. Наконецъ дружные и солидарные противъ разрозненныхъ, другъ друга ненавидящихъ и другъ подъ друга подкапывающихся. Словомъ, Евреи бьютъ насъ своими добродѣтелями, выдержкою, настойчивостью. Борьба идетъ на нашихъ глазахъ и, несмотря на рядъ суровыхъ внѣшнихъ мѣръ, мы, Русскіе, теряемъ почву, ослабѣваемъ. Евреи побѣждаютъ, занимаютъ лучшія мѣста въ общественномъ укладѣ. Одновременно при большой плодовитости и солидарности самое число и сила Евреевъ увеличиваются и они вытѣсняютъ насъ изъ всѣхъ выгодныхъ умственныхъ профессій. Очень можетъ быть, что подъ давленіемъ разныхъ гуманныхъ теченій будетъ снята черта еврейской осѣдлости, мало-по-малу отмѣнены всѣ ограниченія и установлена равноправность.

Что произойдетъ тогда?

А вотъ, что:

Еврейство начнетъ неудержно размножаться и вытѣснять насъ отовсюду

съ общественныхъ верховъ, какъ оно это сдѣлало въ Галиціи. Огромное количество земель и городскихъ недвижимостей попадаетъ въ ихъ руки. Всѣ свободныя профессіи будутъ ими захвачены. Изъ русскихъ наверху удержатся развѣ люди исключительной талантливости, знаменитые врачи, юристы, писатели, музыканты, художники, но и то лишь на первое время. Дальше, когда еврейская власть въ обществѣ будетъ прочно утверждена, еврейская солидарность не пуститъ даже генія. Именно генія-то и затолкаютъ, и затопчутъ, потому что геній есть носитель *своего* національнаго духа, представитель лучшихъ свойствъ расы. Евреи будутъ зато рекламировать и раздувать *своихъ* геніевъ. Мало-по-малу Россія обратится въ Галицію. Наверху—господа Евреи. Имъ умственный трудъ во всѣхъ сферахъ. Внизу—рабы Русскіе. Имъ трудъ черный, физическій, котораго Евреи избѣгаютъ. Небольшой остатокъ русской интеллигенціи будетъ на службѣ у Евреевъ, какъ сейчасъ Поляки въ Галиціи, и этотъ остатокъ будетъ такъ взнузданъ, что не посмѣетъ сказать ни слова.

Получивъ власть, Евреи постараются, опять-же, какъ въ Галиціи, провести такіе законы, которые бы не мѣшали обезземелить крестьянство и уничтожить общину. Когда это совершится, путемъ ипотечнаго кредита Евреи обратятъ свободныхъ крестьянъ-собственниковъ въ пролетаріевъ, т.-е. въ вѣчныхъ своихъ рабовъ, и Россія перестанетъ существовать. Т.-е. на картѣ и въ числѣ европейскихъ державъ она останется, но это уже не будетъ прежняя *православная и русская Россія*, а нѣкоторая, совсѣмъ новая держава, гдѣ хозяиномъ будетъ кто угодно, но только не русскій народъ.

Можетъ-быть, эта новая еврейская Россія будетъ и добродѣтельнѣе, и трезвѣе, и умнѣе, и толковѣе, и солидарнѣе, чѣмъ нынѣшняя; готовъ допустить, что Евреи создадутъ своего рода рай на землѣ, но, знаете, я предпочитаю Россію теперешнюю. Какая она ни на есть, но здѣсь *мы хозяева, мы* это государство создали, *мы* этою землею владѣемъ вторую тысячу лѣтъ и уступать ее никому не желаемъ. Равно не желаемъ и ничьего надъ нами господства.

— Позвольте, позвольте, протестуетъ мой пріятель. Вы преувеличиваете. Давъ Евреямъ равноправность, Русскіе ничего не потеряютъ, наоборотъ, воспитаютъ въ себѣ тѣ-же хорошія черты, которыя придаютъ Еврейству силу и живучесть, и оба народа будутъ счастливы.

— Разрѣшите, вмѣсто отвѣта привести вамъ одну справочку:

Когда подъ нашимъ скипетромъ организовалось Царство Польское, въ 1815 году, его населеніе состояло изъ

2.519.380 чел. Христіанъ,
212.944 чел. Евреевъ.

Это составляетъ 8%. *Двѣнадцать Поляковъ кормили одного Еврея.* Населеніе царства въ 1886 году состояло изъ

6.789.020 чел. Христіанъ.
1.148.686 чел. Евреевъ.

Это составляетъ 17%. *Кормятъ одного Еврея уже только шесть Поляковъ.*

Ну, такъ вотъ, этой судьбы я вовсе не желаю для Россіи. А эта судьба неизбѣжна, если смотрѣть на вопросъ съ вашей точки зрѣнія. Поэтому не только ни о какихъ либеральныхъ мѣрахъ не можетъ быть рѣчи, но и нынѣшняя запретительная система недостаточно послѣдовательна, если мы желаемъ обезпечить Россію за Русскими.

IX.

Три рѣшенія еврейскаго вопроса: великорусское, малорусское и польское. Реформы 60-хъ годовъ. Что принесли съ собою Евреи? Борьба съ ними въ Петербургѣ. Сенатъ и его защита Евреевъ. Выводы.

Ну-съ, а по-вашему, какое должно быть рѣшеніе еврейскаго вопроса?

Это требованіе, неожиданно предъявленное мнѣ въ разговорѣ по поводу моихъ предъидущихъ выводовъ, поставило меня втупикъ. Вопросъ ставилъ либералъ, отличный діалектикъ, очень просвѣщенный и гуманный человѣкъ. На всякое возраженіе у него найдется два, на всякую цифру—цѣлый запасъ цифръ и аргументовъ.

Я отвѣчалъ вполнѣ искренно, что у меня никакого рѣшенія еврейскаго вопроса нѣтъ; хуже того, я считаю еврейскій вопросъ въ Россіи окончательно неразрѣшимымъ, такъ какъ всѣ возможныя и предлагавшіяся до тѣхъ поръ рѣшенія ровно никуда не годятся.

Надо оговориться. Неразрѣшимымъ я считаю еврейскій вопросъ только для нашего, петербургскаго періода русской исторіи, да и то лишь для послѣдней его половины. Допетровская, да отчасти и петровская императорская Русь рѣшали его очень хорошо.

«Вотъ это наша Русская Земля, наша Родина, нашъ домъ. Евреи—недруги христіанства и имъ здѣсь мѣста нѣтъ».

Такъ говорили старые московскіе цари.

«Отъ враговъ Христовыхъ интересной прибыли не желаю».

Такова была знаменитая резолюція императрицы Елисаветы, дочери Петра, въ отвѣтъ на увѣренія, что допущеніе Евреевъ въ Россію оживитъ промышленность и торговлю и увеличитъ источники казенныхъ доходовъ.

И Евреевъ въ Россію не пускали.

Вотъ рѣшеніе вопроса наше великорусское. Худо-ли оно, хорошо-ли, но оно было по крайней мѣрѣ послѣдовательнымъ, опредѣленнымъ и безапелляціоннымъ.

Малороссы рѣшали еврейскій вопросъ нѣсколько иначе. Вспомните замѣчательную картину въ «Тарасѣ Бульбѣ». Баринъ и рыцарь, безумно храбрый и безконечно лѣнивый казакъ Запорожской Сѣчи безъ услугъ Еврея обойтись не могъ. Но онъ «держалъ» Евреевъ, какъ держатъ тотъ или иной инвентарь,

въ умѣренномъ количествѣ. Постепенно Евреи размножались, забирали Запорожцевъ въ кабалу и становились для нихъ невыносимыми. Казаки проѣдались, пропивались, впадали въ долги. Наконецъ, имъ это надоѣдало, и тогда происходили своеобразные еврейскіе погромы, какъ и описано у Гоголя. «Лишнихъ» Евреевъ безъ церемоніи кидали въ Днѣпръ. Устанавливалось снова «процентное отношеніе», Евреи «вводились въ норму».

Наши, отъ времени до времени повторяющіеся на малороссійскомъ Югѣ еврейскіе погромы представляютъ слабый отголосокъ этого классическаго киданья въ Днѣпръ сыновъ Израиля.

Но рядомъ тутъ-же, замѣтьте: Тарасъ Бульба укрываетъ Янкеля, потому что совсѣмъ безъ Еврея Запорожцу не обойтись. А недавно я узналъ такой любопытный фактъ: подаютъ крестьяне всей громадой просьбу о переселеніи куда-то на Амуръ. Смотритъ начальство и видитъ: въ спискѣ чистѣйшихъ Хохловъ стоитъ Мошка Зильберманъ.—Это что такое? Онъ какъ сюда попалъ?—Та-жъ намъ безъ його не можно, ваше благородіе!

И, дѣйствительно, Великоруссъ найдется вездѣ самъ, и ему Еврей не нуженъ. Малороссъ безъ еврейской услуги обойтись не можетъ и *одного* Мошку Зильбермана, или вмѣстѣ съ его Хайкой, готовъ даже къ своему обществу приписать. Но когда эти Мошки размножатся и заберутъ его въ кабалу, онъ таитъ въ душѣ неугасающую надежду—лишнихъ (опять же *только* лишнихъ) перетопить въ Днѣпрѣ.

Вотъ вамъ два историческихъ рѣшенія еврейскаго вопроса. Каковы они по ихъ качеству, я этого разсматривать не буду. Я привожу ихъ только, какъ справку, какъ историческій фактъ.

Третье рѣшеніе было польское. Польша въ моментъ пришествія Евреевъ была очень сильна. Это было полувоенное, полуземледѣльческое государство безъ промышленности и торговли. Эстерка, соблазнившая Казиміра, это само собой, а государственныя соображенія само собой. Сдѣланъ былъ тотъ самый опытъ, отъ котораго отказалась наша императрица Елисавета. Отчего не пустить Евреевъ? Пусть размножаются, пусть живутъ въ городахъ, занимаются ремеслами и торговлей.

Сказано—сдѣлано. И вотъ, не успѣла Польша оглянуться, какъ уже Евреи захватили въ свои руки всю экономическую жизнь. Вмѣстѣ съ отцами іезуитами они такъ высосали и подкопали Польшу, что цѣлое государство не устояло. Оно треснуло и развалилось, главной и огромной своей частью упавъ въ Россію.

Евреевъ мы не приглашали и не принимали, но, получивъ половину территоріи Рѣчи Посполитой, получили по наслѣдству и ихъ.

Что могли мы сдѣлать, повинуясь нашимъ историческимъ традиціямъ? Попытаться установить нѣчто въ родѣ Китайской стѣны въ видѣ «границы еврейской осѣдлости»? Внутри коренной Россіи Евреи были попрежнему лишены права жительства. Забравшійся къ намъ изъ-за черты Еврей являлся контрабандой и корней пустить не могъ. Его выдавали расовыя отличія, привычки,

костюмъ. Но и при этихъ условіяхъ Евреи стали къ намъ постепенно просачиваться и знакомить съ собою коренную Россію.

Такъ продолжалось до конца 50-хъ годовъ, т.-е. до великой общерусской встряски, вызванной печальной памяти Крымской кампаніей.

Поднялось сразу многое множество вопросовъ. Все старое подверглось осужденію и ломкѣ. Всплылъ и еврейскій вопросъ, который при императорѣ Николаѣ *твердо стоялъ на почвѣ полнаго запрета Евреямъ проникать внутрь* Россіи и здѣсь укрѣпляться.

Раздались голоса: за что Евреи лишены правъ? Они вредны, какъ узкіе и темные фанатики. Но дайте имъ образованіе, толкните ихъ на производительный, честный трудъ,—и это будутъ хорошіе граждане. Просвѣщеніе уничтожитъ фанатизмъ. Евреи сольются съ нами и оцѣнятъ нашу культуру. Развѣ можно «въ наше время» проповѣдывать религіозную нетерпимость?

Это теченіе взяло верхъ. Никто и не подозрѣвалъ тогда, что изъ этого выйдетъ, никому не приходило и въ голову, что новая программа пріобщенія Евреевъ къ русской гражданственности будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ истинное затопленіе Россіи Еврействомъ и—увы!—полную невозможность въ дальнѣйшемъ найти *какое-бы то ни было рѣшеніе* еврейскому вопросу.

Въ самомъ дѣлѣ, что мы сдѣлали?

Мы надрубили плотину и пропустили къ себѣ три струи Евреевъ:

во-первыхъ Еврея, крупнаго торговца по свидѣтельству купца I гильдіи,

во-вторыхъ, Еврея, получившаго высшее образованіе,

въ-третьихъ, Еврея-ремесленника.

И вотъ, въ ту-же минуту прибѣжалъ Еврей капиталистъ и захватилъ всѣ экономическіе центры общественной жизни: банки, биржи, акціонерныя компаніи, комиссіонерства, желѣзныя дороги, страховыя и транспортныя предпріятія, оптовую торговлю.

Прибѣжалъ Еврей просвѣщенный, съ университетскимъ дипломомъ, и сразу началъ захватывать важнѣйшія умственныя отправленія страны: адвокатуру, профессуру, медицину, и—что самое страшное—печать.

Наконецъ, прибѣжалъ Еврей-ремесленникъ, за нѣсколько рублей купившій себѣ удостовѣреніе въ знаніи ремесла. Но не производительнымъ трудомъ сталъ обслуживать русскій народъ этотъ Еврей, а мелкимъ кредитомъ въ самой злой формѣ ростовщичества, мелкой торговлей, всякими гешефтами. Если и производилъ онъ что-нибудь, то развѣ въ самомъ легкомъ родѣ ремеслъ, занимаясь портняжествомъ, часовщичествомъ, производствомъ уксуса, сургуча, ваксы, пробокъ, да и то большею частію *для виду*, ради удержанія за собою права на жительство.

Въ дѣйствительности вся эта огромная армія Евреевъ-ремесленниковъ явилась *ликвидировать* старую дворянскую и крѣпостную Россію, пускать ее въ ломъ вмѣстѣ со всею ея культурою и накопленными богатствами.

И она явилась во-время. Гигантское раззореніе Россіи шло на всѣхъ парахъ. Сочтите-ка, сколько лѣсовъ сведено при посредствѣ Евреевъ, сколько уничтожено усадебъ, мелкихъ промышленныхъ дѣлъ, сколько раззорено имѣ-

ній! И все это продѣлывали такъ называемые ремесленники, которые оффиціально по уѣзднымъ городкамъ чинили часы, торговали старымъ платьемъ, дѣлали уксусъ.

Не прошло и полувѣка съ этихъ частичныхъ послабленій, а оккупація Россіи Евреями уже, можно сказать, закончена. Мы спохватились, начали вновь ограничивать права Евреевъ, начали отъ времени до времени выселять ихъ изъ столицъ, но всѣ эти мѣры уже ничего остановить не могутъ. Потрудитесь удалить Евреевъ, засѣвшихъ повсюду, въ крупныхъ и мелкихъ городахъ, захватившихъ земли, дома, соткавшихъ цѣлую дѣловую сѣть на пространствѣ всей Россіи. Развѣ теперь мыслимо это сдѣлать?

Да и борьба ведется вполнѣ нерѣшительная и слабая. Одна рука разрушаетъ то, что созидаетъ другая. Издается повелѣніе объ ограниченіи пріема Евреевъ въ число московскихъ 1 гильдіи купцовъ и тутъ-же Сенатъ дѣлаетъ разъясненіе, что 1-й гильдіи купцы могутъ безвозбранно покупать какія угодно земли и гдѣ угодно. Полиція старается недопустить водворенія вновь прибывающихъ изъ-за черты Евреевъ, которые плывутъ, словно потокъ. Сенатъ устанавливаетъ такую процедуру, при которой всякая дѣятельность полиціи заранѣе и вполнѣ парализована.

Какъ-то въ разговорѣ съ нынѣшнимъ петербургскимъ градоначальникомъ Н. В. Клейгельсомъ я поднялъ вопросъ о явномъ и быстромъ оживленіи Петербурга. Я готовъ былъ обвинить полицію въ потворствѣ Евреямъ.

Генералъ вспыхнулъ.

— Какая неправда! Какая неправда! Зайдите пожалуйста въ мою канцелярію, и я прикажу вамъ показать десятокъ такъ называемыхъ еврейскихъ дѣлъ. Вы увидите тамъ, кто мѣшаетъ очищенію столицы и кто размножаетъ Евреевъ.

Я прошелъ въ канцелярію, гдѣ для моего вразумленія набросали цѣлый ворохъ «дѣлъ» въ традиціонныхъ синихъ обложкахъ.

Дѣла всѣ словно скопированы одно съ другого. Я перелистовалъ ихъ съ десятокъ и бросилъ. Частный приставъ такой-то доноситъ, что прибылъ и водворился Еврей такой-то, права жительства неимѣющій. Градоначальникъ немедленно на основаніи статей такихъ-то даетъ приказъ о выселеніи и срокъ на выѣздъ. Еврей подаетъ жалобу въ Сенатъ, гдѣ проситъ отмѣнить распоряженіе градоначальника впредь до представленія имъ, Евреемъ, документовъ на право жительства. Черезъ недѣлю изъ Сената поступаетъ бумага на печатномъ бланкѣ: «вслѣдствіе жалобы Еврея такого-то, приказъ о его высылкѣ градоначальника отмѣняется впредъ до окончательнаго по сему дѣлу рѣшенія Сената».

Еврей наклеиваетъ полиціи носъ и остается жить въ Петербургѣ, обзаводится, устраивается и не боится ничего, такъ какъ вновь этихъ дѣлъ Сенатъ уже не поднимаетъ и никакихъ «окончательныхъ рѣшеній» не постановляетъ... цѣлые годы! А потомъ—подите-ка вышлите этого Еврея!

Я совершенно не знаю, каковъ здѣсь въ Москвѣ порядокъ контроля надъ

Евреями, но Петербургъ фактически отданъ во владѣніе Израилю, которому оплотомъ и защитою по какой-то необъяснимой странности сталъ Сенатъ. Недавно еще было имъ сдѣлано надѣлавшее такого шума разъясненіе по дѣлу Гринкруга, обязавшее смоленское дворянство включить въ свою среду сего генерала Моисеева закона...

Но и помимо защиты Сената, дѣло въ нашей сѣверной столицѣ поставлено такъ, что Евреи стали великою общественною силою. Возьмите хоть случай, бывшій въ прошломъ году осенью во время биржевого переполоха. Во избѣжаніе рѣзкаго паденія цѣнъ на дивидендныя бумаги изъ петербургскихъ банкировъ былъ образованъ синдикатъ, которому было поручено провѣрять благонадежность тѣхъ или другихъ промышленныхъ дѣлъ и, для поддержки предпріятій того заслуживающихъ, покупать на биржѣ ихъ бумаги. Въ распоряженіе синдиката была ассигнована сумма, что-то въ 5 слишкомъ милліоновъ рублей, которая позднѣе была еще увеличена.

Я думаю, совершенно излишне спрашивать, изъ кого состоялъ этотъ синдикатъ? За исключеніемъ единственнаго въ Петербургѣ *русскаго* банка—Волжско-Камскаго, всѣ банки полны Евреями, отечественными и иностранными. Въ синдикатъ вошла цѣлая коллекція господъ Ротштейновъ, Коховъ, Ломбардо, Дернэновъ, Поммеровъ, Подменнеровъ, Мураній и т. п. князей израильскихъ. Этому достоуважаемому синедріону было поручено «имѣть сужденіе», и притомъ безапелляціонное, о томъ, какое предпріятіе заслуживаетъ поддержки, какое должно быть брошено на произволъ судьбы!

При такой роли и положеніи верхняго слоя петербургскаго Еврейства, дѣйствительно, нѣсколько странно, и ужъ во всякомъ случаѣ несвоевременно толковать объ очищеніи столицы отъ Евреевъ.

Да и въ самомъ дѣлѣ, что за великая побѣда—удалить изъ Петербурга или Москвы какого-нибудь маленькаго Мовшу, или Шмуля, когда во всѣхъ крупныхъ центрахъ Россіи сидятъ и будутъ несокрушимо сидѣть князи въ Израилѣ, имена коихъ слишкомъ извѣстны каждому грамотному человѣку?

Взглянемъ прямо въ лицо положенію:

Въ Петербургѣ: Ротштейнъ, Гинцбургъ, Поляковы.

Въ Москвѣ: Поляковы, Гиршманы.

Въ Варшавѣ: Кронеберги, Блiохи, Лессеры.

Въ Кіевѣ: Бродскіе, Эпштейны.

Въ Одессѣ: всѣ 12 колѣнъ Израилевыхъ.

Потрудитесь устранить отъ страшной экономической власти и огромнаго вліянія этихъ князей капитала и жрецовъ Золотого Тельца, а потомъ уже говорите объ освобожденіи чуть не сполна захваченныхъ Евреями печати, сцены, эстрады, аптеки, лабораторіи (про торговлю и промышленность я уже и не упоминаю); лишите права жительства и удалите вновь за черту осѣдлости сотни тысячъ такъ называемыхъ ремесленниковъ. Возможно-ли это сдѣлать? Возможно-ли повернуть русло Волги, да не гдѣ-нибудь подъ Осташковымъ, гдѣ ее переходятъ въ бродъ, а подъ Самарой или Саратовомъ?

Вотъ почему я и говорю: старое русское коренное и историческое рѣшеніе вопроса отмѣнено. Оно заключалось въ короткомъ, но ясномъ положеніи: «Евреевъ намъ не нужно». Мы полиберальничали и сдѣлали ошибку, которая стала непоправимой. Я совершенно не вижу, какъ и при какихъ условіяхъ могъ-бы рѣшиться еврейскій вопросъ теперь, когда удалить ихъ всѣхъ поголовно уже, очевидно, нельзя.

Въ самомъ дѣлѣ, переберите всѣ приводимыя у насъ рѣшенія и остановитесь надъ ними хоть на минуту.

Удалить Евреевъ изъ Россіи невозможно. Во-первыхъ, некуда, ибо такого ихъ количества, какое расплодилось у насъ, не вмѣститъ ни одна страна въ мірѣ. Во-вторыхъ, удаляя, ихъ необходимо снабдить средствами, выкупивъ у нихъ ихъ дома, земли, движимость. На это у насъ очевидно не хватитъ средствъ, ибо Евреямъ принадлежатъ огромныя имущества. Да наконецъ и поздно.

Малороссійское рѣшеніе вопроса уже совсѣмъ никуда не годится. Христіанское государство не можетъ-же допустить ограбленіе и убійство въ качествѣ способа расовой борьбы.

Что-же остается?

Полное уравненіе правъ, уничтоженіе черты осѣдлости и пр.? А Галиція? А современныя Франція, Венгрія, Австрія, Германія?

Политика слiянія? Смѣшанные браки, переходъ Евреевъ въ Христіанство? Помилуйте, да развѣ это рѣшеніе вопроса? Еврейская кровь—удивительная кровь. Она обладаетъ страшною силой, не даромъ же концентрировалась и перегонялась вѣками. Влитая въ самомъ ничтожномъ количествѣ въ кровь кавказскаго племени, она претворяетъ его въ совершенно особую породу, налагая на цѣлый рядъ поколѣній особыя черты, и физическія, и духовныя. Изъ этихъ метисовъ мы имѣемъ, правда, и очень хорошихъ и цѣнныхъ русскихъ людей, но въ общемъ, неужели наше племя подлежитъ улучшенію путемъ прилитія еврейской крови? Да, наконецъ, результатовъ этого опыта въ широкихъ размѣрахъ мы и не знаемъ. Но зато ихъ твердо знаетъ Венгрія, гдѣ весь верхній классъ почти переродился отъ смѣшанныхъ браковъ. Увы! старый *прекрасный* типъ Мадьяра, героя-рыцаря и широкой души, поэта и земледѣльца, исчезъ почти *безслѣдно*, замѣнившись *современнымъ Мадьяромъ*, парламентскимъ крикуномъ и безсердечнымъ торгашемъ. Прекрасная Венгрія Матвѣя Корвина, очагъ свободы и прибѣжище всѣхъ угнетенныхъ, стала теперь очагомъ самаго низкаго сорта національнаго рабства. Вспомните несчастныхъ Словаковъ, Угроруссовъ и пр.

Нѣтъ, это не рѣшеніе вопроса!

Что-же касается до перехода Евреевъ въ христіанство, то мы должны быть имъ особенно признательны, что они не очень торопились до сихъ поръ это дѣлать. Еврейскій вопросъ не есть вопросъ религіозный—это давно пора понять и, по моему глубокому убѣжденію, Еврей, принявшій христіанство, только съ внѣшней стороны становится нашимъ. Увы! Вся его сущность, выражающаяся не въ воззрѣніяхъ и вѣрованіяхъ, а *въ расовыхъ свойствахъ*, остается неприкосновенною.

Если онъ сдѣлалъ это искренно (въ $^1/_{100}$ части случаевъ), мы получаемъ фанатика-христіанина, часто лишь компрометтирующаго нашу широкую, свободную и терпимую вѣру. Если онъ сдѣлалъ это ради «права на жительство»— мы обогащаемся лишнимъ ренегатомъ. Развѣ-же мы не знаемъ, что такое въ большинствѣ эти перекрещенцы?

Нѣтъ! Это тоже не рѣшеніе вопроса...

Но что-же тогда? Гдѣ это рѣшеніе? А рѣшать еврейскій вопросъ нужно. Если мы его не рѣшимъ, онъ самъ себя рѣшитъ... да уже и рѣшаетъ! Замѣтимъ еще, что именно для насъ, Славянъ, еврейскій вопросъ имѣетъ самую страшную постановку. Ничто такъ не противуположно психически, какъ Славянинъ и Еврей. Нигдѣ такъ не крута и безпощадна борьба...

X.

Наши божки и кумирчики. Табличка расходовъ разныхъ народовъ на образованіе. Нашъ двугривенный. „Образованіе" и „просвѣщеніе". Глубокая между ними разница. Чѣмъ опередили насъ „образованные" народы? Англійскій налогъ въ пользу бѣдныхъ и русскіе „кусочки".

У нашего общества есть божки и кумирчики, къ которымъ не полагается непочтительно прикасаться. Напротивъ того. Совершенно такъ-же, какъ вѣрующій человѣкъ, проходя мимо церкви, не преминетъ перекреститься, такъ и мы, увидя излюбленнаго божка, тотчасъ норовимъ поставить ему свѣчку или, по крайней мѣрѣ, благочестиво приподнять шляпу.

Однимъ изъ такихъ фетишей есть образованіе. Найдите мнѣ пожалуйста кого-нибудь, кто, не принадлежа къ завѣдомымъ мракобѣсамъ во вкусѣ кн. Мещерскаго, рѣшился-бы передъ этимъ божкомъ не снять шапки? Я думаю, что такого не найдется; самъ князь Мещерскій ратуетъ противъ образованія только «кухаркиныхъ дѣтей», да и его сіятельство, если его прижать къ стѣнѣ категорическимъ вопросомъ, чего добраго сдастся и маленькій гимнъ образованію воспоетъ. Съ оговорками, но воспоетъ.

Недавно въ новомъ журналѣ профессора Ходскаго «Народное Хозяйство» я нашелъ такую статистическую таблицу, изображающую расходы разныхъ странъ на свое народное образованіе. Исчислено, сколько каждый житель несъ на этотъ предметъ расхода въ 1898 году. Получилось:

Англичанинъ	2	р.	70	к.
Французъ	2	»	12	»
Нѣмецъ	1	»	91	»
Австро-Венгерецъ	—	»	63	»
Итальянецъ	—	»	55	»
Русскій	—	»	20	»

Ну какъ надъ этакой таблицей не заплакать горькими слезами? «Ахъ, ахъ, что мы за варвары, что за дикари! Одинъ двугривенный. Стыдъ и срамъ!»

И вотъ, табличка эта пойдетъ гулять изъ журнала въ журналъ, изъ газеты въ газету, и вездѣ, и писатель-газетчикъ, выхватившій ее ножницами, и читатель, будутъ ахать и повторять: «смотрите, двугривенный! Ахъ, какой стыдъ! Ахъ, варвары мы!..»

Даже князь Мещерскій неодобрительно покачаетъ чего добраго головой надъ этимъ двугривеннымъ.

Въ этомъ родѣ таблички я постоянно встрѣчаю. Такъ онѣ намъ намозолили глаза, что русскіе интеллигенты, русскіе земства и города давно уже спятъ и во снѣ видятъ всеобщее обученіе, да еще обязательное. Вотъ развѣ только проклятый двугривенный, на который никого не образуешь, да и учителя путнаго не создашь и не удержишь. А прибавлять не откуда. Мужика и рады-бы обложить ему-же, дураку, на пользу, да съ него, лѣнтяя и пьяницы, нечего взять.

Получается такая картина: съ одной стороны интеллигенція неустанно стыдитъ другъ друга вотъ этакими табличками, и всѣ вопіютъ объ образованіи, школахъ и обязательномъ обученіи, съ другой стороны и нынѣшніе голодные сельскіе педагоги бѣгутъ вонъ изъ школы. Достаточно было въ какой-нибудь губерніи открыться винной монополіи, чтобы большинство учителей бросилось въ казенные сидѣльцы.

Да и какъ не уйти? Въ школѣ каторжный трудъ при содержаніи отъ 15 до 25 рублей въ мѣсяцъ, здѣсь, въ «винополіи», спокойная и завидная жизнь при жалованьѣ въ 50 рублей. И это жалованье отлично выплачиваютъ, не то, что въ какой-нибудь земской управѣ. Число въ число!

Вотъ тутъ и говорите про образованіе, требуйте всеобщаго обученія. Вонъ Харьковское губернское земство ассигновало на всеобщее обученіе 200 т. рублей, а уѣздныя земства взяли, да на такую-же примѣрно сумму свои расходы и убавили. Въ результатѣ получилось то-же, что и было, прибавилось только разочарованія и еще стыднѣе стало смотрѣть на такія таблицы, какъ у Л. В. Ходскаго.

Нашъ вѣчный стыдъ передъ русской необразованностью, наши неудачи и вопли до такой степени банальны, шаблонны и поэтому безконечно противны, что я прошу позволенія у читателя стать на минуту на точку зрѣнія простеца и поговорить *противъ образованія*.

Только, пожалуйста, не пугайтесь. Противъ образованія—это еще не значитъ въ защиту невѣжества и мрака. Я противъ *образованія*, но я за *просвѣщеніе*. Вы понимаете, какая здѣсь глубокая разница?

Я знаю совершенно безграмотныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ высоко-просвѣщенныхъ людей. Знаю профессоровъ—истинныхъ дикарей въ смыслѣ просвѣщенности. Просвѣщеніе—это внутренній, собственный свѣтъ высокой и доброй души человѣческой, которая въ научномъ отношеніи можетъ быть и очень невѣжественна; образованіе—это внѣшній заимствованный свѣтъ знанія. Душа здѣсь ни при чемъ. Ее даже совсѣмъ можетъ не быть. Она можетъ совершенно

затеряться подъ бременемъ разсужденій и познаній, носитель коихъ безъ особо экстренныхъ случаевъ не будетъ о ней даже вспоминать.

Самое образованное существо въ этомъ смыслѣ будетъ пожалуй Сатана, но вѣрь никому-же въ голову не придетъ назвать его просвѣщеннымъ. Для этого ему не хватитъ самаго нужнаго элемента—добра, отъ котораго именно и идетъ свѣтъ просвѣщенія.

Несмотря на нашъ несчастный двугривенный, Россія очень богата и просвѣщеніемъ и образованіемъ. Горе только въ томъ, что оба эти элемента идутъ разными дорогами и не только не живутъ между собою въ мирѣ, но уже давнымъ-давно, съ самаго Петра, неустанно воюютъ другъ съ другомъ.

Такъ какъ наше современное образованіе пришло къ намъ изъ-чужи, да еще съ палкою, то наше старое просвѣщеніе встрѣтило его очень недружелюбно. Оно объявило его чужимъ, вреднымъ и ненастоящимъ.

Образованіе отвѣтило тѣмъ, что объявило русское просвѣщеніе дикостью и мракомъ и такъ продолжаетъ къ нему относиться вотъ уже двѣсти лѣтъ слишкомъ.

Образованіе идетъ такъ: собираются съ народа деньги. На эти деньги посторонніе и часто чужіе народу по духу люди печатаютъ книги, открываютъ учебныя заведенія, подготавливаютъ учителей, стараются внушить имъ, что высочайшій подвигъ есть служеніе народному образованію, «внесеніе знаній въ дикую и косную среду, уничтоженіе невѣжества и предразсудковъ».

Начальство, вѣдающее образованіемъ, казенное (свѣтское и духовное) и земское, хлопочетъ объ открытіи школъ, приглашаетъ жертвовать. Сельчане упираются, указываютъ на свою нужду и бѣдность. Приходится прибѣгать къ обману, къ заманиванію. Прошедшимъ школу даются льготы, сокращается срокъ воинской повинности. Въ общественномъ укладѣ грамотный получаетъ всѣ преимущества. И не только грамотный, но именно прошедшій черезъ школу, которой главная задача—придать *обликъ* образованнаго человѣка, завербовать ученика въ свой лагерь, внушить презрѣніе къ той дикости, среди которой гдѣ-то внизу копошатся его сиволапые родители, научить его читать книжку и газету и оттуда, а не изъ дикой деревни, почерпать свои идеалы и взгляды на жизнь...

И вотъ, получается современный «образованный» крестьянскій юноша. Ему душно, ему тѣсно въ своей средѣ, ему гадко среди бѣдности, грязи и деревенскаго неприхотливаго невѣжества. Нечаянно и незамѣтно ему подмѣнили все міровоззрѣніе, вложивъ, однако, въ душу не что-либо свѣжее и цѣльное, а только блѣдные и чахлые ростки чужой цивилизаціи. Онъ уже не прежній цѣльный и чистосердечный поэтъ-земледѣлецъ. Онъ у сохи *поневолѣ* и при первой возможности готовъ ее бросить, чтобы жить головой, а не руками и горбомъ...

Это образованіе. Ходъ *просвѣщенія* совершенно иной. Здѣсь главная сила—историческая традиція. Здѣсь все растетъ изъ почвы и изъ стараго нравственнаго уклада жителей.

Крестьянская семья—первая церковная и культурная единица, первая

просвѣтительница. Ребенокъ, едва начинающій ползать, окруженъ наивною борьбою добра и зла, и въ эту борьбу постепенно и сознательно вступаетъ самъ: какъ-бы ни была плоха, или безнравственна семья, но въ ней существуетъ твердый нравственный кодексъ. Грѣхъ одолѣваетъ, грѣхъ торжествуетъ, но это все-же грѣхъ и грѣхомъ называется. Грѣшники вѣруютъ въ Бога, признаютъ, что нарушаютъ Его законъ, отмаливаютъ свои грѣхи, каются, стараются умилосердить Бога. А насмѣшки болѣе крѣпкихъ нравственно? А ихъ личный примѣръ?

Нѣтъ, даже самая плохая крестьянская семья *просвѣщаетъ* и просвѣщаетъ въ положительномъ смыслѣ. Да и какъ могла-бы она не просвѣщать, если девятьсотъ лѣтъ назадъ было заложено въ нее могучее просвѣтительное начало христіанства и это начало дѣйствовало непрерывно, уча людей «жить по-Божьему» и вырабатывая «святую Русь?»

Оглянитесь-ка, сколько еще этой святой Руси кругомъ васъ, несмотря на то, что вотъ уже двѣсти лѣтъ, какъ наши народные идеалы выдерживаютъ страшную борьбу и что все кругомъ не за нихъ, а противъ нихъ.

Затѣмъ—*улица*, великій народный университетъ сельской Руси. Въ него люди поступаютъ безъ конкурсныхъ экзаменовъ. Вотъ собралась, на нашъ взглядъ, простая праздная толпа, а въ дѣйствительности нашъ единственный несравненный, удивительный народный міръ. Эта не административная «сельская община» со старостой и снаряжаемой за водкой очередной подводой, это просто «улица». Сидятъ, курятъ, толкуютъ, обсуждаютъ разныя хозяйственныя дѣла, иногда бранятся и перекоряются. Взрослые—дѣйствующія лица, молодежь зрители и слушатели... Я помню, какъ меня берегли отъ улицы и какъ я радостно бѣгалъ на улицу. Я бѣгалъ туда просвѣщаться, а мнѣ говорили, что тамъ я наслушаюсь скверныхъ словъ и насмотрюсь всякихъ мерзостей.

Гувернантка говорила: «что ты хватаешь, какъ мужикъ?» Мать говорила: «какой ты мужикъ», нянька, извиняясь за брата, говорила: «помилуйте, мужикъ!» Я въ это время чувствовалъ, что этотъ мужикъ, у насъ только ругательное слово, въ дѣйствительности не только не ниже, но гораздо выше насъ по своимъ нравственнымъ устоямъ, по взглядамъ на жизнь. Я мальчишкой на этой улицѣ видѣлъ образцы высокой и святой правды, видѣлъ торжество добра, видѣлъ подвиги великодушія и всепрощенія, видѣлъ мудрость народной совѣсти и удивительную, дѣтскую, наивную, пожалуй, но несокрушимую вѣру въ Провидѣніе. Меня не смущало, что иногда эти-же самые люди, омраченные страстью, были способны обратиться чуть не въ звѣрей. Я видѣлъ напившихся, видѣлъ протрезвившихся, видѣлъ, какъ мужикъ *стыдится*, видѣлъ, какъ онъ бьетъ, но еще чаще видѣлъ, какъ жалѣетъ и *любитъ*.

Въ общей сложности для меня, еще ребенка, было ясно, что у нихъ есть что-то такое, чего нѣтъ у насъ: надъ головою Небо, съ которымъ чувствовалась ясная, добрая, непосредственная связь; подъ ногами земля, изъ которой они выросли и съ которою крѣпчайшимъ образомъ связаны. Вокругъ прочный

тысячелѣтній бытъ, ясное пониманіе своего положенія, ясные идеалы «жизни по-Божьему».

Мы, наоборотъ, жили искусственной жизнью образованныхъ людей. Нашъ міръ былъ собственно мужику чужой, даже враждебный. Но оттуда, отъ мужика шло такъ много къ намъ, просвѣщеніе, жившее тамъ, такъ сглаживало уродства нашей образованности, что и мы, старые помѣщики, были достаточно русскими людьми и кое-какъ могли дѣлать нашу исторію, поскольку это отъ насъ требовалось.

Великій народный міръ, словно пушкинская няня Арина, стиралъ съ насъ нашу образованность и подчинялъ, пока было можно, своему просвѣщенію.

Трудно эти вещи передать на бумагѣ, но читатель меня, надѣюсь, пойметъ. Я вовсе не говорю, что это просвѣщеніе было чѣмъ-нибудь блестящимъ и совершеннымъ. Откуда ему было дойти до совершенства, когда все кругомъ было ему враждебно, вело съ нимъ войну, угнетало, давило, презирало его? Я говорю только, что это было все-таки просвѣщеніе,—то самое просвѣщеніе, которое въ 1612 году возстановило государство, въ 1812 году сожгло Москву, а мира съ Наполеономъ не подписало и ключей ему не подало.

И я утверждаю, что между этимъ просвѣщеніемъ и образованіемъ въ современномъ смыслѣ нѣтъ ровно ничего общаго. Что̀ уже и говорить про нашу чисто интеллигентную образовательную программу! Но даже и то образованіе, которое забираетъ силу въ послѣднее время и какъ будто приближается къ народному смыслу, вѣрѣ и духу, есть не болѣе, какъ грубая поддѣлка. Нѣтъ, не замѣнить ему просвѣщенія, не замѣнить даже нашего нынѣшняго пьянаго и грязнаго народнаго университета—улицы. А вотъ, что эта улица пропадаетъ, что тамъ уже просвѣщеніе разлагается и падаетъ—вотъ это бѣда! Да, оно въ сильной опасности. Чѣмъ больше мы хлопочемъ объ образованіи, тѣмъ сильнѣе глохнетъ нашъ бытъ, наше историческое мірское, оно-же и глубоко-церковное русское просвѣщеніе,—вотъ чего бойтесь, вотъ передъ чѣмъ трепещите!

Ну вотъ, Англичанинъ тратитъ 2 р. 70 к. Противъ нашего двугривеннаго это почти въ 18 разъ больше. И что-же? Полно, выше-ли насъ господа «просвѣщенные мореплаватели»? Оставимъ въ покоѣ Лондонъ съ его трущобами и милліономъ знаменитыхъ лондонскихъ бродягъ,—звѣрей, по странному недоразумѣнію величаемыхъ людьми. Оставимъ обезземеленныя и высосанныя Ирландію, Индію, остановимся только на самихъ сытыхъ и «просвѣщенныхъ» Англичанахъ. Да, они пользуются благами комфорта много шире насъ. Потребляютъ на душу массу спирта, кофе, чая, мяса, масла. Устроили себѣ дешевую и роскошную обстановку, о которой нашъ мужикъ и мечтать не смѣетъ. Но вѣдь это все область желудка и едва-ли ею можно мѣрять просвѣщеніе. И опять-же все это за̀ чужой счетъ, за счетъ тѣхъ народовъ, что должны Англіи, или вынуждены покупать ея товары.

А вотъ, если, согласно сказанному выше, мы подъ просвѣщеніемъ будемъ подразумѣвать внутренній свѣтъ добра, озаряющій душу, и личную, и народную, то здѣсь едва-ли придется намъ многому позавидовать. Не оказалась-бы

Англія съ ея 2 р. 70 коп. на душу расходовъ на образованіе далеко позади даже дикой и «непросвѣщенной» Россіи? Нѣтъ! У насъ въ самомъ отчаянномъ захолустьѣ не могутъ повториться ни сцены возмутительныхъ насилій надъ лицами и группами, подозрѣваемыми въ сочувствіи непріятелю, ни постыдныя вакханаліи торжества побѣды надъ тѣмъ-же непріятелемъ. Нѣтъ! Турки, съ которыми мы вели упорную и славную войну, не подвергались оскорбленіямъ. Ихъ плѣнные, бывшіе у насъ въ городахъ, со слезами на глазахъ вспоминаютъ о русской добротѣ. Въ то время, какъ въ Англіи бокъ о бокъ съ неслыханной роскошью аристократіи, банкировъ и купцовъ умираютъ съ голоду, или содержатся на принудительное подаяніе (знаменитый налогъ въ пользу бѣдныхъ) милліоны нищихъ и безработныхъ, «дикая» русская деревня придумала такой удивительный институтъ, какъ «кусочки». Знаете-ли вы, читатель, что это такое? Мужикъ считаетъ долгомъ совѣсти въ голодный годъ подавать просящимъ кусочки хлѣба размѣренной формы, пока у самого есть хлѣбъ. Затѣмъ часто только-что подававшій запрягаетъ лошадь и самъ отправляется кормиться кусочками, мірскимъ подаяніемъ. Получается удивительный видъ взаимнаго страхованія, проявленіе не единичной, а всенародной мірской доброты и братства. Почитайте-ка объ этихъ «кусочкахъ» въ книгѣ Энгельгардта «Изъ деревни».

За Англичаниномъ Французъ, тратящій на образованіе 2 р. 12 к. въ годъ на жителя. Вы не бывали въ городскихъ предмѣстьяхъ просвѣщенной столицы міра—Парижа? Я былъ. А во французской деревнѣ? Я тоже былъ. И я былъ пораженъ той печатью невѣроятнаго нравственнаго одичанія, которая лежитъ на *всей* Франціи. Это сытая, и даже очень сытая страна. У каждаго четвертаго Француза есть книжка сберегательной кассы. У каждаго шестаго есть процентныя бумаги. Спокойный трудъ обезпеченъ. Образованіе дается всѣмъ. Тутъ-то-бы, казалось, и развивать всю нравственную силу и красоту человѣка. А вотъ, Французы завѣдомо одичали до утраты образа Божьяго. Въ борьбѣ, которая кипитъ повсюду за власть, за богатство, за вліяніе и почести, нѣтъ пощады никому. Холодная животная безсердечность въ самыхъ чудовищныхъ формахъ.

Будемъ-ли искать «просвѣщенія» у Нѣмцевъ? Да, это страна «образованная» по преимуществу. Но въ смыслѣ «просвѣщенія» это образованіе едва-ли еще не хуже французскаго, ибо Французъ при всемъ своемъ одичаніи все-таки способенъ хоть теоретически поволноваться за судьбы человѣчества, онъ еще не растерялъ своихъ великихъ и благородныхъ идей, заставлявшихъ Францію такъ долго стоять во главѣ западной цивилизаціи. У Нѣмца ничего подобнаго нѣтъ. Что ему за дѣло до человѣчества, когда человѣкомъ онъ признаетъ себя одного? Великій выразитель современнаго германскаго духа и главный работникъ Германіи, Вильгельмъ II, сказалъ однажды вслухъ на обѣдѣ, что «человѣчество начинается для него у Вогезовъ». Онъ не прибавилъ, что оно «кончается у Вислы», но вѣдь это ясно само собою. Нѣмцы такую теорію мірового господства выдумали, что самой возможности ея даже трудно повѣрить. По этой теоріи выше стоящихъ надо одолѣвать конкурренціей, низшихъ можно

просто вытѣснить и чуть не истребить. Такую задачу поставила себѣ новѣйшая Германія. Взгляните-ка, что выдѣлываютъ Нѣмцы въ своихъ африканскихъ колоніяхъ. Обратите вниманіе на ихъ воинственную охрану мира. Развѣ вся Германія не представляетъ общество Большого Кулака, да еще забронированнаго? Какое-же это просвѣщеніе? Что они въ Берлинѣ вмѣсто конокъ электрическіе омнибусы пустили? Такъ вѣдь это все внѣшнее и внѣшнее. И чѣмъ Германія сильнѣе, чѣмъ она больше и обширнѣе одерживаетъ побѣды финансовыя, торговыя, промышленныя, тѣмъ ярче зіяетъ ея внутреннее духовное убожество.

Нѣтъ! Мнѣ не только не совѣстно за нашъ двугривенный, но я думаю не безъ тревоги: вѣдь наше-то образованіе чужое, заемное, искусственное. Вѣдь наша грамота, за недостаткомъ настоящей, дѣльной народной книги и за ослабленіемъ истинной общинной и церковной жизни, есть лишь орудіе для превращенія пахаря въ горожанина; необразованнаго, но наивнаго, совѣстливаго и свѣжаго душевно крестьянина въ опытнаго трактирнаго завсегдатая — фабричнаго. Вѣдь это то самое «образованіе», которое хороводъ замѣняетъ «кадрелью», чудныя народныя пѣсни, полныя глубокой и нѣжной поэзіи — «Стрѣлочкомъ» и мерзкими романсами, церковное и общинное начало — дикимъ индивидуализмомъ и тѣмъ самымъ эгоизмомъ, съ которымъ во всю свою исторію неустанно боролась наша старая христіанская Русь, и который такъ искалѣчилъ и человѣка, и государство на Западѣ.

Неужели ради *этого* образованія нужно плакать о томъ, что мы собираемъ на него только по двугривенному? Да оно не только двугривеннаго, оно ломанаго гроша не стоитъ.

Говорю это искренно и вѣрю, что читатель не осудитъ меня. Я не мракобѣсъ, не стою за тьму и невѣжество, но я не стою и за голое знаніе. Позвольте сжать мою мысль въ двухъ словахъ. Я стою за *образованіе, рождающееся изъ просвѣщенія*, за образованіе, *служащее острымъ и дѣльнымъ оружіемъ въ рукахъ просвѣщенія*. То-ли у насъ?

Образованный звѣрь — можетъ-ли быть что ужаснѣе?

Но, чтобы совмѣстить образованіе съ просвѣщеніемъ, у насъ такъ мало, такъ ничтожно мало осталось данныхъ! Для этого нужно ни меньше ни больше: чтобы воскресла во всей полнотѣ наша старая общественно-церковная жизнь, чтобы люди стояли *въ твердомъ союзѣ другъ съ другомъ*, добровольно ограничивая свою свободу и личность во имя высшихъ и святыхъ цѣлей. Изъ этого единенія когда-то шло у насъ просвѣщеніе въ смыслѣ обузданія злой природы человѣка, вознесенія и облагороженія духа отдѣльныхъ единицъ и всего союза. Изъ этихъ-же безчисленныхъ союзовъ рождалась великая и могучая государственная и національная мысль. Что осталось отъ этихъ союзовъ теперь? Одна несчастная разлагающаяся крестьянская община, да и та бѣльмо на глазу у нашихъ просвѣтителей. Этой бѣдной, едва дышащей общинѣ не до образованія.

Вмѣсто того, чтобы *вытекать* изъ естественнаго и неудержимаго стремленія людей къ знанію, людей, уже просвѣщенныхъ высшею нравственною правдою и съ молокомъ матери всосавшихъ въ себя весь кодексъ этическихъ

русскихъ началъ,— наше образованіе приходитъ извнѣ, повелительное, грозное и нетерпимое. Да инымъ оно быть сейчасъ и не можетъ...

Такъ вотъ, вернемте сначала старую русскую союзность, выведемъ наше историческое просвѣщеніе на свѣтъ Божій, признаемъ его во всей его цѣлостности и примемъ его, наладимъ русскую жизнь по ея самобытнымъ законамъ, а затѣмъ уже и будемъ говорить о просвѣщеніи.

А, впрочемъ, тогда о немъ и говорить едва-ли придется. Оно придетъ само, вызванное силами и средствами самихъ жаждущихъ свѣта и знаній. Не понадобится можетъ-быть и нашего нынѣшняго жалкаго двугривеннаго...

XI.

Война съ Китаемъ.—Наше положеніе среди „Европы" и наши отношенія къ Китаю.— Что обозначаетъ для Китая желѣзная дорога? — Гдѣ-то допущенная ошибка. — Единственный желательный выходъ.

Совершенно неожиданно и для насъ, и для всей Европы разыгралась война съ Китаемъ; когда и чѣмъ она кончится, невозможно и предъугадать. Говорятъ, это не война, а возстаніе какой-то секты «Большого Кулака». Европейцы, изволите видѣть, ничего другого не желаютъ, какъ возстановить въ Китаѣ «законный порядокъ», укрѣпить расшатанную власть богдыхана, обезпечить своихъ подданныхъ и продолжать мирно торговать, т.-е. обирать и эксплуатировать Китай.

Совершенно вѣрно. Ни Европа пекинскому правительству войны не объявляла, ни оно ей. Но дѣло-то въ томъ, что этотъ Большой Кулакъ олицетворяетъ собою чуть не весь 400-милліонный Китай. «Дружественнаго» Европѣ правительства, можно сказать, вовсе тамъ не существуетъ. Гдѣ оно? У него у самого поджигаютъ дворцы, его самого увлекли въ движеніе противъ «заморскихъ чертей». Можно весьма основательно подозрѣвать, что втайнѣ сама эта старая богдыханша не только сочувствуетъ дѣлу Большого Кулака, но прямо имъ руководитъ. Да иначе и быть не можетъ...

Мы Китая совершенно не знаемъ. Огромная страна живетъ и держится какими-то совсѣмъ особыми правилами и законами. Гдѣ кончается религія, гдѣ начинается политика—никто не разберетъ. Императоръ не только самодержецъ, но даже Сынъ Неба, а между тѣмъ надъ нимъ имѣется своеобразный цензурный комитетъ, который даетъ ему предостереженія, въ родѣ какъ у насъ газетамъ. Мандариновъ бьютъ бамбуками по пяткамъ, чего у насъ не дѣлаютъ даже съ простыми обывателями (имъ предоставляютъ стегать самихъ себя только по мягкимъ частямъ), а между тѣмъ, эти мандарины облечены таинственной и огромной властью, совершенно уничтожающей власть императора. Словомъ, мы ничего не знаемъ, а фактъ налицо. Правительственныя войска, казенные генералы преисправно идутъ на Европу вмѣстѣ съ Большимъ Кулакомъ, палятъ по «дружественнымъ» флотамъ, окружаютъ «дружественныхъ» генераловъ и ад-

мираловъ и задаютъ имъ сраженія. А этотъ Цунгъ-ли-Яменъ преспокойно высылаетъ изъ столицы господъ посланниковъ, конвоируя ихъ словно арестантовъ и заставляя ночевать въ степи *).

Гдѣ-же начинается власть Большого Кулака и кончается власть приказа и циркуляра?

Все это непонятно и странно. А на дѣлѣ война. Китайцевъ бьютъ тысячами, но жестоко достается и Европейцамъ, а съ ними и намъ, совсѣмъ неожиданно очутившимся во главѣ вооруженныхъ «усмирителей» Китая.

Произошла какая-то ошибка, какое-то роковое недоразумѣніе, а въ чемъ оно состоитъ, не разберетъ никто. Повидимому всѣ, въ томъ числѣ и мы, были убѣждены, что въ Китаѣ, какъ во всѣхъ благоустроенныхъ государствахъ, есть двѣ партіи: партія закоснѣлыхъ націоналистовъ, враговъ всякой культуры и просвѣщенія, и партія либераловъ, которая спитъ и во снѣ видитъ реформировать Китай на европейскій ладъ, какъ это продѣлала надъ собой Японія. Т.-е., обрѣзать косы, снять желтыя и синія кацавейки, завести фабрики, желѣзныя дороги, «прессу», войско, флотъ и парламентъ.

А на дѣлѣ оказывается, что такихъ либераловъ въ Китаѣ вовсе нѣтъ. Есть свои либералы, которые недовольны старыми отжившими порядками, которые желаютъ реформъ и возрожденія Китая, но совсѣмъ не по европейскому рецепту. Эти либералы по вопросу объ эксплуатаціи Китая иностранцами едва-ли еще не хуже закоснѣлыхъ націоналистовъ. Они-то въ сущности и устроили этотъ союзъ Большого Кулака, коего смыслъ: освобожденіе Китая отъ невыносимаго ига хищныхъ чужеземцевъ. А такъ какъ ненависть къ «заморскимъ чертямъ» горитъ въ крови у каждаго Китайца и притомъ вполнѣ оправданная пакостными дѣйствіями самихъ иностранцевъ, то нѣтъ ничего мудренаго, что весь Китай подчинился этимъ боксерамъ, или сектѣ Большого Кулака, какъ своимъ избавителямъ.

Потрудитесь при этакомъ настроеніи усмирить этотъ Большой Кулакъ! И вотъ, вмѣсто этого, просвѣщенной Европѣ пришлось воевать съ цѣлымъ Китаемъ.

Какъ мы ни отвыкли отъ серіозной политической мысли, какъ ни разладились въ національномъ и общественномъ смыслѣ, однако, при первыхъ-же извѣстіяхъ о «китайскихъ волненіяхъ», при первой-же напрасно пролитой русской крови, вся русская печать единогласно *) стала выражать сожалѣніе о нашемъ соучастіи съ Европейцами и доказывать, что это дѣло для насъ совершенно чужое.

---

*) По свѣдѣніямъ, посланники *всѣхъ* „культурныхъ“ націй не выѣзжали изъ Пекина; въ то время, какъ я печаталъ эти строки, предполагали, что они *были* варварски истреблены вмѣстѣ со всѣми Бѣлыми и Христіанами.

*) Кромѣ „Московскихъ Вѣдомостей“, которыя считаютъ своею задачею прислушиваться—не къ общественному чувству, а къ чему-то другому, да глупыхъ еврейскихъ „Новостей“, проповѣдующихъ крестовый походъ на Китай во имя европейской цивилизаціи!! *Авт.*

Англичане, Американцы, Нѣмцы, Французы, Австрійцы, Итальянцы, Японцы защищаютъ свои захваты, свою торговлю, т.-е. почти что принудительный сбытъ Китайцамъ товаровъ съ европейскихъ, американскихъ и японскихъ фабрикъ. Мы на Китай, какъ на рынокъ, смотрѣть не можемъ, потому что нашихъ товаровъ не идетъ туда и на 5 милліоновъ рублей въ годъ, а чай, какъ продуктъ китайскаго вывоза, мы получимъ *свободно, безъ всякаго принужденія.* Единственно, что могло-бы возбудить неудовольствіе между нами и Китаемъ—это выходъ нашей Сибирской дороги къ Портъ-Артуру и Таліенвану, для чего понадобилось пройти черезъ китайскую Манчжурію и «заарендовать» портъ на Желтомъ морѣ. Но эта непріятность для Китая, во-первыхъ, не очень существенна, потому что желѣзная дорога идетъ по мѣстности довольно пустынной, внутренней жизни страны не затрогиваетъ и имѣетъ прежде всего характеръ транзитный. А во-вторыхъ, эту услугу намъ Китая мы сугубо оплатили сами еще раньше безкорыстной защитой во время несчастной для него японской войны; не вмѣшайся мы и не обуздай Японію, Китаю пришлось бы поплатиться гораздо больше, чѣмъ разрѣшивъ намъ постройку дороги и отдавъ Портъ-Артуръ. А потомъ: достаточно взглянуть, какъ джентльменски устроились мы съ Китайцами въ Квантунгской области. Мѣстное населеніе не только ничего не проиграло и ни въ какую кабалу не попало, но наоборотъ, выиграло во всѣхъ отношеніяхъ. Получило гарантіи отъ произвола своихъ довольно таки плохихъ властей *), отличные заработки, безопасность. Сколько намъ это все стоило, другой вопросъ. Дѣло сейчасъ не въ томъ, а въ томъ, что Китайцамъ никакого резона не было и нѣтъ ни обижаться на насъ, ни ненавидѣть насъ или стремиться насъ выжить.

Европейцы совсѣмъ другое дѣло и притомъ безъ различія, всѣ, какъ одинъ. Отношенія Англіи, Франціи и пр. къ Китаю, очень давнія, мы хорошо знаемъ. Но вотъ, возьмите хоть послѣднее появленіе Нѣмцевъ въ Кяо-Чао и прилегающей «арендованной» области. Что это такое? Зачѣмъ это гг. Нѣмцамъ понадобилось пожаловать туда и чего они тамъ ищутъ?

А вотъ чего:

Во-первыхъ, открытаго порта, черезъ который будутъ ввозиться германскіе товары. Во-вторыхъ, права на постройку желѣзныхъ дорогъ — и притомъ, замѣтьте,—*цѣлой сѣти* между китайскими селами и городами. Въ-третьихъ, власти, т.-е. возможности принудить Китайцевъ: и тарифы устанавливать, какіе нужно Нѣмцамъ, и товары покупать, и на фабрикахъ работать, и вообще слушаться и повиноваться. Аренда здѣсь только предлогъ, а въ сущности огромная область внутренняго Китая подъ самой столицей попадаетъ въ такія условія, что становится прямо германской территоріей, имперской областью, да такъ уже и называется!

---

*) Каковы эти власти, можно судить по тому, что китайскіе крестьяне составляютъ между собою тайныя общества страхованія отъ „Лютаго Тигра", подразумѣвая тутъ своихъ становыхъ, исправниковъ и урядниковъ.

Затѣмъ подумайте: что такое въ Китаѣ желѣзная дорога? Вы знаете, что Китай населенъ такъ густо, что даже животныхъ тамъ содержать стѣснительно. Поэтому лошадей почти вовсе нѣтъ, а всякія тяжести перевозятъ и переносятъ на людяхъ. За скоростью сообщеній Китайцы вовсе не гонятся. Они говорятъ, что спѣшить имъ некуда, и что все въ свое время сдѣлается. Поэтому-же нѣтъ у нихъ ни фабрикъ, ни заводовъ. Рукъ свободныхъ такъ много и такъ онѣ дешевы, что заводить фабрику прямо преступленіе. Если все можно сдѣлать дома, а фабрика вмѣсто 100 рабочихъ рукъ возьметъ только 10, то чѣмъ-же кормиться и что дѣлать остальнымъ 90? Другой работы вѣдь имъ не найти никакой...

Человѣкъ несетъ на себѣ 3 пуда. Чтобы передвинуть содержимое вагона въ 750 пуд., нужно 250 человѣкъ. Но триста верстъ разстоянія поѣздъ пройдетъ въ одни сутки, пѣшая команда въ восемь дней. Итого одинъ движущійся вагонъ отнимаетъ работу у 2000 человѣкъ. Сейчасъ они работаютъ кое-какъ и сыты. Открыли по желѣзной дорогѣ движеніе, и вотъ, эти люди умираютъ съ голоду, потому что пристроиться на иную работу невозможно *за чрезмѣрнымъ многолюдствомъ*. Вотъ почему *добровольно* Китай и слышать не хотѣлъ ни про фабрики, ни про желѣзныя дороги, и дѣло это до послѣдняго времени тамъ совсѣмъ не шло.

Однако «заморскіе черти» пришли и стали строить дороги силой. Богдыханъ и его правительство ничего подѣлать не могли. И вотъ, населеніе видитъ бѣду. Спрашивается: неужели же гг. Европейцы такъ-таки и ожидали, что для ихъ удовольствія Китайцы станутъ умирать съ голоду? Неужели они думали, что можно отнять у народа заработки и его же заставлять покупать чужую работу? И дѣйствительно, Китайцамъ остается одно изъ двухъ: или выселяться лишнимъ самимъ,—но куда же имъ идти?—или выйти изъ терпѣнія, взбунтоваться и гнать отъ себя Европейцевъ, валить телеграфные столбы, жечь станціи, снимать рельсы и шпалы.

Неужели это все было для Европы неожиданностью и можетъ объясниться только дикостью и некультурностью Китая?

Раздѣлъ Китая пошелъ такъ быстро и дружно, опасность была такъ велика, что даже лѣнивые, тысячелѣтіями дремавшіе сыны Небесной Имперіи, проснулись. Опіумъ вынесли, покорились и стали отравляться, а желѣзныхъ дорогъ и иностраннаго нашествія не выдержали. Раздался кличъ: «долой заморскихъ чертей!» Передъ этимъ кличемъ не могло устоять правительство. Династію грозили стереть, а можетъ быть и стерли уже съ лица земли. Къ Большому Кулаку присоединилась армія съ военачальниками, которые вѣдь прежде всего Китайцы, и хорошіе Китайцы, не будемъ этого забывать. Дѣло было подготовлено заранѣе и задумано очень широко. А тутъ сама-же Европа постаралась на свою голову и вооружить, и обучить по-европейски значительную часть китайской арміи.

Разумѣется, столкновенія можно было ждать каждую минуту, ибо все къ тому шло. Китайскіе сановники предвидѣли все это хорошо, потому что, не въ

примѣръ сановникамъ другихъ странъ, они свой народъ, его положеніе и нужды знаютъ. Давно, еще съ самой японской войны, Китайцы съ надеждою смотрѣли на Россію. Она одна истинно безкорыстная и истинно порядочная въ политическомъ отношеніи держава. Ея типъ самодержавной монархіи стоитъ особнякомъ среди нынѣшнихъ государствъ, сполна закабаленныхъ всемірною биржею. 4.000 верстъ сухопутной границы, старинныя мирныя и дружескія отношенія, отсутствіе Русскихъ въ томъ международномъ экономическомъ сбродѣ, который все время, словно коршуны, вился по тихоокеанскому побережью, безконечно огромное могущество Бѣлаго Царя— вотъ, что естественно толкало Китай сойтись съ нами и у насъ искать опоры противъ ига «бѣлыхъ чертей».

И дѣйствительно, для насъ, Русскихъ, пока мы стоимъ отдѣльно, внѣ такъ называемаго концерта державъ, Китайцы были готовы сдѣлать что угодно. Они отлично понимали, что по отношенію къ Китаю наши русскіе интересы прямо противуположны интересамъ Европы. Еслибы Китай совершенно освободился и отъ Англичанъ, и отъ Нѣмцевъ, и отъ Американцевъ съ Японцами, и заснулъ еще тысячи на три лѣтъ, замкнувшись въ себя и отыскавъ свое земное счастье,—мы ничего лучшаго не могли-бы желать, ибо въ качествѣ мирнаго и тихаго сосѣда Китай поистинѣ идеальная страна.

Европа—наоборотъ. Для нея изолированность и «вѣчный покой» Китая—ножъ у горла. Вотъ люди, которые не покупаютъ нашихъ фабрикатовъ! Вотъ страна съ 400 милліонами жителей, закрытая для всякихъ биржевыхъ гешефтовъ, трёстовъ и синдикатовъ и не желающая ни выпускать, ни помѣщать у себя никакихъ фондовъ и дѣловыхъ бумагъ. А какой огромный рынокъ! Какое поле для предпріимчивости! Нѣтъ, такъ оставаться не должно! Китай надо принудить «вступить въ цивилизацію». Надо уничтожить его кустарные промыслы и насадить фабрики, надо реформировать его на современный ладъ, завести ему армію и флотъ; кстати-же это для Европы не опасно, такъ какъ если, паче чаянія, Китай на кого-нибудь и бросится, то прежде всего на свою сосѣдку—Россію. До «Европы» ему не добраться, хоть это и предсказываетъ Вл. С. Соловьевъ.

Впрочемъ, объ этомъ европейскіе гешефтмахеры едва-ли разсуждали, все равно, какъ не разсуждали гг. англійскіе акціонеры фабрикъ оружія, изготовлявшагося для Буровъ, что эти пули и гранаты будутъ бить самихъ-же Англичанъ. Биржа вообще о такихъ вещахъ не разсуждаетъ. Ей важно купить, продать, помѣстить бумагу, сорвать барышъ, а тамъ хоть себѣ половина человѣчества передохни,—какое ей дѣло?

Можете себѣ представить изумленіе Китайцевъ, когда наша политика оказалась совсѣмъ иною, чѣмъ они себѣ представляли, судя по миссіи въ Пекинъ кн. Ухтомскаго въ 1898 году. Мы оказались не только не въ противуположномъ съ Европою лагерѣ, но, наоборотъ, рука объ руку съ нею, и хотя о дѣлежѣ Китая не заводили рѣчи, но допустили Европейцевъ съ нашего вѣдома и согласія овладѣть лучшими областями Китая. Тотчасъ-же вслѣдъ за Портъ-Артуромъ были захвачены Нѣмцами Кяо-Чао, Англичанами—Вей-Ха-Вей. Началась построй-

ка дорогъ, основаніе разныхъ компаній для эксплуатаціи Китая, мы выступили съ реализаціей китайскаго займа, съ Русско-Китайскимъ банкомъ, т.-е. приняли общеевропейскую по отношенію Китая программу, хотя лично и не извлекая изъ этого никакой пользы.

Но что-же изъ этого съ китайской точки зрѣнія? Съ пользою, или безъ пользы, но «Русскіе не за насъ, Китайцевъ, а за своихъ братьевъ, заморскихъ чертей, ну, *значитъ, они и сами заморскіе черти*, и стрѣляй въ нихъ вмѣстѣ съ прочими»...

А гг. Европейцы, пользуясь нашимъ пламеннымъ желаніемъ идти подъ флагомъ бѣлой цивилизаціи, ловко выдвинули насъ впередъ и постарались поставить дѣло такъ, что именно Русскіе-то и оказались коварнѣе всѣхъ по отношенію къ Китаю. «Увѣряли въ дружбѣ, а сами идутъ впереди другихъ нашихъ враговъ!» Вотъ, что можетъ сказать Китаецъ и отвѣтить намъ будетъ нечего.

Такое, вѣрю, совершенно нечаянное и невольное съ нашей стороны положеніе, вызвало, какъ и слѣдовало ждать, сильнѣйшее повсюду въ Россіи безпокойство. Была сознана гдѣ-то, въ какой-то дипломатическій моментъ допущенная ошибка, и вотъ, теперь всѣ помыслы русскихъ людей согласно устремлены на то, чтобы эту ошибку поправить, пока дѣло не разгорѣлось и ошибка не стала непоправимой. Со всѣхъ сторонъ слышатся голоса, что намъ усмирять Китай и защищать тамъ европейскіе или иные чужіе интересы нѣтъ никакой надобности. Что самое лучшее въ данную минуту—это, защитивъ своихъ подданныхъ и обезопасивъ свои интересы, вывести изъ Китая свои войска и торжественно объявить всѣмъ сынамъ неба вмѣстѣ и порознь, что мы съ ними отнюдь не желаемъ ни ссориться, ни вмѣшиваться въ ихъ расчеты съ разными «просвѣщенными мореплавателями». Что, наоборотъ, мы употребимъ все вліяніе, чтобы защитить Китай отъ европейскихъ наѣздовъ и аппетитовъ, такъ какъ считаемъ его дѣло вполнѣ правымъ, ибо Богъ далъ каждому народу свою землю и свою судьбу, а Россія до сихъ поръ была только освободительницею, а не хищникомъ.

Эта нота очень явственно послышалась въ словахъ опубликованнаго на дняхъ правительственнаго сообщенія, гдѣ возвѣщается торжественно, что мы ведемъ борьбу вовсе не съ Китаемъ, а съ нарушителями въ немъ порядка, и лично для себя не ищемъ ровно ничего.

Дай Богъ, чтобы эта программа не исказилась и не усложнилась при ея проведеніи. Моментъ для этого, повторяю, самый благопріятный. Таку взято, Тіенъ-Цзинъ взятъ, русское оружіе покрыто лаврами. Японія безъ нашего согласія не посмѣетъ шевельнуться, Англія запуталась въ Южной Африкѣ, Франція въ Китаѣ ничего особеннаго не ищетъ и идетъ туда очень неохотно. Остается Германія съ ея хищными аппетитами. Но она на Дальнемъ Востокѣ слишкомъ слаба и ей съ Китайцами не справиться. Остается Америка, но и она, даже вмѣстѣ съ Германіей, врядъ-ли что подѣлаетъ, разъ мы уйдемъ съ театра событій. Она и съ Филиппинами справиться была не въ силахъ.

Весь вопросъ, на мой взглядъ, въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе освободиться изъ этого опаснаго и непріятнаго дѣла, стать у своей черты и, возстановивъ полное довѣріе къ намъ Китайцевъ открытымъ и лойяльнымъ образомъ дѣйствій, безпристрастно смотрѣть, какъ сыны Срединнаго Царства погонять своихъ угнетателей обратно со всѣми ихъ планами и орудіями культурнаго уловленія. Не намъ плакать о снятыхъ рельсахъ на Пекинъ-Тянь-Цзинской желѣзной дорогѣ, и разбитыхъ банкахъ и уничтоженныхъ католическихъ миссіонерскихъ пріютахъ и храмахъ. Вѣдь всѣ эти храмы и пріюты только компрометтировали христіанство и возбуждали къ нему ненависть, являясь въ дѣйствительности лишь аванпостами чужеземнаго нашествія и орудіемъ культурнаго подчиненія Китая.

Очень скоро нечаянная взаимная обида Россіи и Китая забудется, Манчжурская дорога и ея выходной портъ никакой злобы возбуждать не будутъ, и между нами и Китаемъ возстановятся наши вѣковыя добрыя отношенія.

Эти отношенія уже потому должны быть для насъ дороги, что не война даже, а всякое безпокойство на нашемъ Дальнемъ Востокѣ равносильно для насъ колоссальнымъ расходамъ. За одну недѣлю нашъ Государственный Банкъ лишился 17 милл. руб. золотомъ, за другую цѣлыхъ 48. Вотъ, во что обходятся только первыя ставки этой страшной игры.

XII.

Мамонтовское дѣло.—Неправильная его постановка.—Могъ-ли Мамонтовъ истратить 18—20 милліоновъ? Загадочная картинка.—Финалъ.

Дѣло Мамонтова, начатое въ судѣ при весьма торжественной обстановкѣ затрогиваетъ такъ глубоко всѣхъ нашихъ «на чредѣ» и внѣ «чреды» стоящихъ дѣятелей и наши порядки, столь печально сложившіеся въ последнее время, что умолчать или отложить о немъ бесѣду—невозможно. Вѣдь этого дѣла ждутъ уже годъ. Вѣдь уже пари были, что Мамонтовской Панамѣ не дадутъ разыграться въ гласномъ судѣ, что ее потушатъ «домашними» средствами. И вотъ, однако, засѣданія суда начались, обвинительный актъ прочтенъ, говорятъ свидѣтели, скоро заговорятъ прокуроры и адвокаты...

Эту бесѣду я рѣшаюсь посвятить Мамонтову и съ перваго-же слова оговорюсь, что всѣ мои симпатіи *теперь* на его сторонѣ. Поскольку мнѣ гадокъ былъ и противенъ Савва Ивановичъ въ роли предсѣдателя правленія Московско-Ярославско-Архангельской жел. дороги, съ портретомъ, выставленнымъ на вокзалѣ въ I классѣ и освѣщеннымъ электрическимъ рефлекторомъ, постольку-же жалокъ и возбуждаетъ невольное состраданіе тотъ же Мамонтовъ въ тюрьмѣ и на скамьѣ подсудимыхъ.

Прочтите внимательно обвинительный актъ—и вамъ станетъ ясно, что Мамонтовъ страдаетъ не столько за себя, сколько за чью-то чужую вину; что въ послѣдніе годы, начиная съ злополучнаго сооруженія Вологодско-Архангель-

ской линіи, онъ уже былъ не распорядителемъ, не хозяиномъ дѣла, а только фирмою, вывѣскою подъ прикрытіемъ которой шелъ грабежъ казенныхъ и акціонерныхъ денегъ. Грабили Московско-Ярославскую дорогу руки, отъ которыхъ только слѣды хищныхъ когтей видны въ дѣлѣ. Руки, ручки и лапы вовремя спрятались, и все дѣло поставлено такъ, что вы будете совершенно напрасно спрашивать и самого Савву Ивановича, и всѣхъ его потомковъ и родственниковъ, и господъ Арцыбушева и Кривошеина: куда вся эта компанія израсходовала 17 или 18 милліоновъ, несомнѣнно похищенныхъ?

25 лѣтъ директорствовалъ Савва Ивановичъ въ правленіи Ярославской дороги—и директорствовалъ недурно. Дорога приносила доходъ, Мамонтову доставались и богатые дивиденды, и грандіозныя отчисленія всякаго рода. Наживались и его правленскіе сотрудники. Савва Ивановичъ былъ меценатъ, тратилъ деньги на свою оперу, раздавалъ артистамъ, поддерживалъ газеты, покровительствовалъ прекрасному полу. Доходовъ дороги съ избыткомъ хватало. Если даже предположить, что на все это въ годъ шло 500—600 тысячъ рублей, то все это покрывалось законно и никакого резона Мамонтову ни хищничать, ни раззоряться не было.

Раззореніе Мамонтова вмѣстѣ съ его «хищеніями» началось въ 1894 году, когда за нимъ осталась постройка Вологодско-Архангельской линіи. На этой постройкѣ сдѣланной вообще безобразно и стоившей обществу чуть не вдвое, чѣмъ было израсходовано гг. строителями въ дѣйствительности, кромѣ всего прочаго, образовался перерасходъ въ $6^3/_4$ милліона рублей, открытый чиновникомъ Контроля Арс. И. Введенскимъ. Этотъ замѣчательный человѣкъ повелъ дѣло такъ энергично, что раскрылъ мошенническую «двойную бухгалтерію», т.-е. двѣ самостоятельныхъ отчетности, другъ съ другомъ не совпадающія. По одной производились всѣ расчеты и дѣйствительные расходы, по другой подавали счета правительству. Однимъ словомъ, на этой операціи было украдено $6^3/_4$ милліоновъ, какъ это было подробно выяснено и въ спеціальныхъ комиссіяхъ и, наконецъ, въ печати.

Какъ ни дѣтски наивно вело свои дѣла правленіе дороги, но нельзя-же предположить, чтобы Савва Ивановичъ и его товарищи не знали, что дѣлается на постройкѣ. Въ засѣданіи одной изъ комиссій, наоборотъ, Мамонтовъ младшій прямо заявилъ, что двойная отчетность была правленію извѣстна.

Перерасходъ этотъ былъ покрытъ изъ облигаціоннаго займа, финансовое вѣдомство, считавшее Мамонтова серіознѣйшимъ строителемъ, выдало деньги внѣ всякихъ правилъ и съ своей стороны сдѣлало все возможное, чтобъ это дѣло потушить. $6^3/_4$ милліоновъ погибли.

Далѣе. Мамонтову навязали Невскій заводъ. Были сдѣланы всѣ льготы. Новое правленіе не стѣсняли ни въ чемъ и мирволили ему елико возможно. Оказывается, что въ нѣсколько лѣтъ заводъ, работавшій хоть и безъ пользы, но и безъ явнаго убытка, поглотилъ милліоны и не могъ показать, куда ихъ дѣвалъ. Невскій заводъ задолжалъ казнѣ, задолжалъ Ярославской дорогѣ, задолжалъ всѣмъ и каждому. Мамонтовъ бралъ деньги у Ярославской дороги,

записывалъ ихъ за счетъ завода, но заводъ вѣчно нуждался въ деньгахъ, а эти милліоны ушли тоже неизвѣстно куда.

Затѣмъ Мамонтову-же навязали Восточно-Сибирскій заводъ. Дали казенный заказъ, дали грандіозные авансы, дали всѣ льготы. Этихъ денегъ хватило-бы на два такихъ завода, и, однако, Николаевскій заводъ постыдно погибъ, не заплативъ даже рабочимъ и не поставивъ въ казну ничего.

Теперь подочтите. Ярославская дорога продолжала давать грандіозные доходы. На архангельской постройкѣ украли 6¾ милліоновъ. 5—6 милліоновъ не досчитываются по Невскому заводу. 3—4 по Восточно-Сибирскому. Всѣ эти деньги прошли черезъ карманъ Мамонтова, всѣ имъ или его присными получались по чекамъ, ордерамъ и простымъ записочкамъ. Мамонтовъ, кромѣ того, бралъ «подъ отчетъ». Въ общей сложности неизвѣстно куда ушли по меньшей мѣрѣ 16—17 милліоновъ рублей.

Является вопросъ: куда дѣвалъ Мамонтовъ этакую уйму денегъ въ пять лѣтъ? Дѣятельность его вся на виду. Онъ тратилъ, какъ всегда, на оперу, тысячъ 50—60. Онъ вмѣстѣ съ княгинею Тенишевой основалъ художественный журналъ «Міръ Искусства», безпутный, глупый, декадентскій и притомъ стоившій дорого, но, конечно, не милліоны. На биржѣ Мамонтовъ не игралъ, на бумагахъ потерять не могъ, такъ какъ бумаги до мамонтовскаго краха все время шли въ гору.

Ухлопать 16—17 милліоновъ самому Мамонтову было прямо *немыслимо*. Дать себя обокрасть своимъ сотоварищамъ и служащимъ? Это невѣроятно. Отчего-же двадцать пять лѣтъ подъ рядъ Мамонтовъ подбиралъ очень приличное правленіе для своей Ярославской дороги, которое его не обкрадывало, а тутъ вдругъ насадилъ все невмѣняемыхъ людей, въ родѣ своихъ дѣтокъ и племянниковъ или господъ Альбертовъ и Игнатьевыхъ? Неужели-же Мамонтовъ настолько наивенъ, чтобы не умѣть увидать, когда *у него* воруютъ, да еще такими неслыханными кушами?

Наконецъ, высказывается предположеніе, что Мамонтовъ и его компанія припрятали милліоны про запасъ. Говорятъ, и довольно основательно, что для того, чтобы нанимать на свою защиту гг. Плевако и Карабчевскихъ, нужно имѣть сотни тысячъ...

Я не знаю, какія суммы прилипли въ рукамъ второстепенныхъ хищниковъ. Знаю, что на «Мамонтовскія» деньги была основана большая и необыкновенно удалая ежедневная газета, сорившая деньгами и пропустившая по крайней мѣрѣ 300 тысячъ. Но лично я склоненъ думать, что у самого Мамонтова большихъ денегъ нѣтъ и никакихъ серіозныхъ суммъ не припрятано, развѣ какая-нибудь сотня тысячъ. Изъ какихъ средствъ будетъ онъ платить своимъ защитникамъ,—я не знаю; но что большихъ капиталовъ припрятано быть не могло, это можно заключить изъ самой обстановки дѣла. Мамонтовъ до самаго конца вовсе не думалъ ни дѣлать краха, ни тѣмъ болѣе садиться на скамью подсудимыхъ. Вѣдь почти наканунѣ катастрофы состоялось распоряженіе объ обращеніи Московско-Ярославско-Архангельской дороги въ огромное общество Сѣвер-

ныхъ дорогъ, съ передачей этому обществу постройки С.-Петербурго-Вятской огромной дороги со всѣми вѣтвями...

Не случись нѣкотораго недоразумѣнія между заинтересованными вѣдомствами,—не произошло бы «ознакомленія г. Хитрово съ финансовымъ положеніемъ общества», не исчезъ-бы съ горизонта В. В. Максимовъ... Всего нѣсколькихъ дней не хватило, чтобы нарождавшееся новое общество Сѣверныхъ желѣзныхъ дорогъ получило въ свое распоряженіе новую сотню милліоновъ облигаціонныхъ денегъ и новую грандіозную постройку. Разумѣется, оно не стало-бы поднимать исторіи о какихъ-то недочетахъ и ужъ, конечно, не довело-бы до суда своего почтеннѣйшаго родителя и предсѣдателя.

Все дѣло погубилъ случай. Вмѣсто торжественнаго открытія новаго общества Сѣверныхъ дорогъ, министру Финансовъ спѣшно пришлось входить съ докладомъ Государю Императору о пріостановленіи исполненія только-что состоявшагося Высочайшаго повелѣнія насчетъ преобразованія общества Московско-Ярославско-Архангельской ж. д. и передачи Мамонтову Петербурго-Вятской линіи. Вмѣсто этого, на сценѣ появился судебный слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ, гг. Мамонтовъ и его сотрудники были арестованы, и Сѣверное общество безповоротно погибло.

Я склоненъ думать, что въ подобныхъ обстоятельствахъ и располагая такими связями и покровителями, какъ у Мамонтова, не было никакого резона что-либо «припрятывать». Да и вообще дѣльцы типа С. И. Мамонтова и въ обстоятельствахъ, подобныхъ настоящему, рѣдко «припрятываютъ». Ихъ неудержно влечетъ впередъ азартъ спорта, надежда отыграться и вывернуться, и они, наоборотъ, хватаютъ деньги направо и налѣво, чтобы пустить ихъ въ игру, лишь-бы не дать машинѣ остановиться.

Такимъ образомъ, вопросъ, куда дѣвалъ Савва Ивановичъ прошедшіе черезъ его руки полтора-два десятка чужихъ милліоновъ, столь безслѣдно исчезнувшихъ, остается открытымъ. Эти милліоны, несомнѣнно, расхищены и, конечно, съ вѣдома и согласія, можетъ-быть, невольнаго, Саввы Ивановича, но когда расхищены и кѣмъ—остается и, вѣроятно, останется непроницаемою тайной.

Судъ этимъ вопросомъ едва-ли будетъ особенно интересоваться. Вѣдь Мамонтовъ факта не отрицаетъ. Онъ «взялъ» и истратилъ. Коротко и ясно. Для суда виновные налицо. Ему достаточно установить преступность семьи Мамонтовыхъ, Арцыбушева и Кривошеина, т.-е. тѣхъ людей, при помощи и подъ фирмою коихъ совершено ограбленіе Московско-Ярославской желѣзной дороги. Я не думаю также, чтобы свѣтила нашей адвокатуры помогли суду въ этомъ дѣлѣ разобраться, т.-е. построили свою защиту на томъ, что всѣ дѣйствующія лица скамьи подсудимыхъ были лишь орудіемъ, но не субъектами преступленія. Я думаю, защита будетъ построена на стремленіи доказать, что юридически Мамонтовъ и К° невиновны, что дѣйствовали они только опрометчиво, неосторожно, запутываясь все далѣе и далѣе.

Для меня дѣло Мамонтова представляется болѣе или менѣе яснымъ. И до суда и послѣ суда это будетъ загадочная картинка съ надписью: «гдѣ-же милліоны?» Разгадывать эту картинку будетъ предоставлено не пяти Ивановымъ въ составѣ корпуса Мамонтовскихъ присяжныхъ, а всей грамотной россійской публикѣ, которая ныньче вотъ какъ навострилась въ чтеніи между строкъ и въ «оцѣнкѣ мотивовъ».

Самое любопытное въ процессѣ Мамонтова и К°, это отношенія Саввы Ивановича къ «сферамъ». На него смотрѣли, какъ на самаго дѣльнаго и серіознаго изъ россійскихъ дѣльцовъ и строителей, котораго необходимо во что-бы то ни стало поддерживать и выдвигать для государственныхъ подвиговъ. Мнѣ пришлось пересмотрѣть журналы комиссіи о сооруженіи Сѣверной сѣти дорогъ. Уже послѣ совершенно доказанныхъ хищеній и двойной отчетности на Вологодско-Архангельской дорогѣ, огромное большинство представителей вѣдомствъ было все-таки на сторонѣ Мамонтова и употребляло всѣ усилія, чтобъ устранить другихъ соискателей, провалить всякіе другіе проекты и дорогу отдать Саввѣ Мамонтову. Но вотъ, газетныя разоблаченія сдѣлали свое дѣло. Министръ Юстиціи далъ свое заключеніе въ смыслѣ возбужденія противъ Мамонтова судебнаго преслѣдованія за двойную отчетность и хищенія на Архангельской дорогѣ, а черезъ нѣсколько времени постановляется и опубликовывается передача Мамонтову постройки Сѣверныхъ дорогъ!!.

Неожиданный крахъ губитъ дѣло. Ярославская дорога банкротъ и должна быть прямо и безъ всякихъ оговорокъ взята въ казну. Ей нечѣмъ истопить паровоза, нечѣмъ заплатить стрѣлочникамъ, такъ «чисто» подметена ея касса. Безъ малѣйшаго замедленія финансовое вѣдомство ссужаетъ правленіе Ярославской дороги пятью милліонами рублей «подъ обезпеченіе ходатайства», какъ выразился тогда одинъ изъ моихъ сотрудниковъ. Наконецъ, спасти правленіе и общество оказывается невозможнымъ,—и вотъ, казна спѣшитъ выкупить дорогу, назначивъ выкупную цѣну акцій такую, какой не ожидалъ никто: 525 руб. было назначено въ то время, когда биржевой цѣны акцій вовсе не было и этихъ бумагъ никто не покупалъ, зная, что общество—несостоятельный должникъ.

Разумѣется, видимая цѣль этой щедрой расцѣнки была избѣжать биржевой паники и раззоренія акціонеровъ, будто-бы неповинныхъ въ безобразіяхъ мамонтовскаго правленія. Кстати-же и большинство акцій находилось въ портфелѣ привилегированнаго Международнаго петербургскаго банка, руководимаго извѣстнѣйшимъ г. Ротштейномъ...

Больше о дѣлѣ Мамонтова я пока говорить не буду. Посмотримъ, чѣмъ кончится представленіе на судѣ. Я думаю, что Савва Ивановичъ, и его чада и племянники будутъ оправданы, если вопросъ о томъ, куда дѣлись похищенные милліоны, будетъ устраненъ. А впрочемъ, что забѣгать впередъ? Какая-нибудь недѣля—и все будетъ кончено.

P. S. Эти строки были напечатаны въ № 176 «Русскаго Слова», за недѣлю до окончанія Мамонтовскаго дѣла. Я оказался пророкомъ. Все разыгралось, какъ по нотамъ. Плевако и Коробчевскій превзошли сами себя въ краснорѣчіи, тщательно, однако, избѣгая вопроса, «куда Мамонтовъ дѣвалъ деньги?» Судъ этого вопроса тоже не ставилъ, присяжные, изображавшіе «добрую матушка-Москву», вынесли торжественное «нѣтъ, не виновны», въ залѣ раздался громъ аплодисментовъ, пошли слезы, поцѣлуи, поздравленія...

А черезъ недѣлю на Ярославскомъ вокзалѣ въ залѣ I класса торжественно водворена на мѣсто снятая было икона Саввы Ивановича Мамонтова, отнынѣ не только праведника, но и страстотерпца, и освѣщена попрежнему электрическимъ рефлекторомъ...

III.

Старое и новое

Друзьямъ и читателямъ.

Этою тетрадью заканчиваю первую коллекцію моихъ московскихъ отдѣльныхъ изданій. Теперь, какъ уже объявлено въ предисловіи къ выпуску „По-русски“, я предполагаю начать изданіе моихъ сочиненій безцензурными тетрадями не менѣе законныхъ 10 печатныхъ листовъ, in 2° каждая. Первая тетрадь уже въ наборѣ и, надѣюсь, выйдетъ въ октябрѣ. Вторая и третья должны во всякомъ случаѣ появиться еще въ этомъ году.

Я обѣщалъ въ ближайшемъ-же выпускѣ сообщить первые результаты моего обращенія къ читателямъ, которыхъ я приглашалъ стать моими издателями, собравъ для меня необходимый оборотный капиталъ. Въ своемъ мѣстѣ привожу полный цифровой отчетъ. Матеріально, какъ читатель увидитъ, дѣло мое поддержано пока довольно скромно (по 25 сент. 1900 г. поступило 1591 рубль, кромѣ подписныхъ, т.-е. около 2000 р.), но нравственный успѣхъ превзошелъ всѣ мои ожиданія. При каждой почти посылкѣ было теплое дружеское письмо. Многіе невѣдомые друзья собирали подписку среди своихъ знакомыхъ и посылали какъ абонементныя деньги на три первыхъ выпуска сочиненій, такъ и небольшія суммы на подкрѣпленіе моего издательскаго дѣла. Спасибо имъ отъ всей души.

Теперь судьба моего предпріятія является на первое время обезпеченною. Твердо увѣренъ, что дѣло пойдетъ и дальше, и мое горячее желаніе полной литературной самостоятельности наконецъ осуществится.

А пока, вотъ что мнѣ пришло въ голову. Я рѣшилъ измѣнить мой первоначальный планъ и подписку на мои сочиненія открыть не на три лишь выпуска, а на девять, которые должны выйти всѣ до 1 августа будущаго года. Это составитъ три тома, которымъ цѣну назначаю по рублю, а за всѣ

три тома, или девять тетрадей, *три рубля* съ доставкой и пересылкой. Дѣлаю я это затѣмъ, чтобы воспользоваться подписнымъ временемъ—осенью, когда всѣ русскіе читатели по привычкѣ подписываются на то или иное изданіе на весь наступающій годъ, а также имѣя въ виду неохоту читателя посылать мелкими долями. Въ этомъ виновата, конечно, не одна наша русская лѣнь, но прежде всего наши разстоянія и наши почтовые порядки, при которыхъ послать рубль—такой-же подвигъ, какъ и послать сто рублей. Особенно лѣтомъ, когда деревенскому читателю некогда, а иногда и некого послать на почту. Я испыталъ это самъ на себѣ, да и изъ практики моихъ прежнихъ изданій знаю, какъ мало пользуются всякими разсрочками.

Лица которыя уже выслали по рублю, благоволятъ, слѣдовательно, къ Новому году сдѣлать дальнѣйшіе взносы, за остальные 2 тома или 6 выпусковъ, лицамъ-же, приславшимъ «на подкрѣпленіе кассы», сочиненія мои будутъ высылаться въ зачетъ присланныхъ ими денегъ. Радуюсь, что этимъ способомъ могу начать хоть отчасти сквитываться съ моими друзьями.

А затѣмъ, такъ какъ изъ моего отчета каждый можетъ видѣть состояніе моей кассы по изданію, то дальнѣйшую ея поддержку возлагаю на самихъ читателей.

Особенно благодарю тѣхъ, кто вмѣсто присылки денегъ «въ поддержку кассы» озаботился привлечь своихъ знакомыхъ къ подпискѣ. Отъ многихъ я получилъ цѣлые списки лицъ, внесшихъ имъ подписную плату. Что, еслибы этотъ способъ порасширить? Вѣдь такимъ путемъ не только усиливается матеріально, но и растетъ численно моя каѳедра.

Такой способъ распространенія моихъ изданій я считаю тѣмъ болѣе важнымъ и полезнымъ, что, благодаря установившимся между мною и россійскою «прессою» еще со временъ «Русскаго Труда» отношеніямъ, я подлежу весьма дружному *замалчиванію*. Есть благочестивыя изданія, которыя не произносятъ даже моего имени. Это очень неудобно въ смыслѣ распространенія изданія, но зато совершенно развязываетъ мои руки и даетъ полную свободу и независимость.

Первый выпускъ моихъ сочиненій надѣюсь выпустить черезъ двѣ-три недѣли. Тамъ читатель найдетъ счетъ подписныхъ суммъ, продолженіе моего отчета о поступленіяхъ, и счетъ произведенныхъ расходовъ. А пока, господа мои друзья и читатели, продолжайте и продолжайте. Чѣмъ больше будетъ у меня средствъ, тѣмъ шире и лучше поведу я задуманное дѣло...

Старое и новое

† Памяти Владиміра Соловьева.

Не могу выразить, до чего я былъ пораженъ, почти потрясенъ вѣстью о безвременной кончинѣ Владиміра Сергѣевича Соловьева. Просто вѣрить не хотѣлось, что уже болѣе не суждено увидать эту прекрасную пророческую голову, насладиться этою чудною, часто нервною и ѣдкою, но всегда живою, умною бесѣдою, среди которой, словно искры, сверкали блестящія мысли и яркія сравненія и потокомъ лилось чарующее остроуміе. Передъ вами совершалась неустанная умственная работа геніальнаго мозга, подъ которымъ словно вулканъ билось великое и страстное сердце, умѣвшее и ненавидѣть и любить.

Къ Соловьеву нельзя было относиться холодно, или безразлично; его тоже можно было или ненавидѣть, или любить, а чаще всего и то и другое вмѣстѣ.

Не любить его было нельзя тѣмъ, кто его зналъ. Это была дѣтски-чистая и прекрасная душа, чуткая, какъ самый нѣжный инструментъ. Ненавидѣть его приходилось въ тѣ минуты, когда, измученный нравственно, истерзанный нашей жалкой современностью, Владиміръ Соловьевъ бросалъ ей вызовъ и въ пылу гнѣва уже не разбиралъ, какіе и чему онъ наноситъ удары. Въ эти минуты въ его мыслительномъ аппаратѣ какъ будто что-то портилось, соскакивалъ регуляторъ и геніальный умъ, дѣлая все тѣ-же гигантскіе размахи, рубилъ въ пустотѣ. Глубокій церковникъ и всѣмъ сердцемъ православный человѣкъ, онъ пишетъ книгу «Россія и вселенская Церковь», направленную въ защиту и оправданіе Рима. Эта книга, столь возмутившая въ свое время даже лучшихъ друзей Вл. С. Соловьева, была лишь крикомъ негодованія противъ торжествующаго и воинствующаго византизма, актомъ страстнаго гнѣва великой, но не уравновѣшенной души. Совершенно такой-же характеръ носитъ и рядъ его статей въ «Вѣстникѣ Европы», составившихъ позднѣе книгу «Націо-

нальный вопросъ». Здѣсь Соловьевъ, возмущенный торжествомъ нашего псевдоохранительнаго теченія, прикрывавшагося великими принципами славянофильства, хотѣлъ вырвать почву изъ-подъ ногъ у самозванныхъ защитниковъ народности, но вмѣсто того обрушился на самые принципы славянофильства, и въ увлеченіи борьбы проглядѣлъ явныя и грубыя свои ошибки, принятыя его врагами за подтасовку и недобросовѣстность, къ которой по природѣ своей Соловьевъ былъ совершенно неспособенъ.

Надъ свѣжей могилой Владиміра Сергѣевича трудно, разумѣется, входить въ оцѣнку его личныхъ качествъ и тѣмъ болѣе его идей. Я ограничусь поэтому нѣсколькими личными воспоминаніями о почившемъ, котораго зналъ давно и котораго имѣлъ удовольствіе и честь считать одно время въ числѣ моихъ сотрудниковъ по «Русскому Дѣлу», пока мы принципально не разошлись, сохранивъ, однако, несмотря на политическій антагонизмъ, самыя теплыя личныя отношенія.

Въ одну изъ Аксаковскихъ пятницъ зимою 1883 г. я увидалъ входившаго въ гостиную человѣка, наружность котораго сразу останавливала на себѣ вниманіе. Высокій, худой, съ великолѣпною развѣвающеюся гривою темныхъ волосъ, съ удивительнымъ профилемъ поэта-философа и поистинѣ необыкновенными глубокими и прекрасными глазами, въ которыхъ отражалось и переливалось каждое малѣйшее душевное движеніе. Въ это время Соловьевъ уже прогремѣлъ въ качествѣ восходящаго свѣтила русской философской науки, какъ авторъ «Критики отвлеченныхъ началъ» и нѣсколькихъ блестящихъ публицистическихъ статей. Аксаковъ относился къ нему самымъ дружескимъ образомъ, хотя минутами и казалось, что эти два крупныхъ человѣка скорѣе политическіе противники, чѣмъ союзники.

Въ 1884 году начался въ «Руси» рядъ статей Вл. С. Соловьева, имѣвшихъ огромное принципіальное значеніе и которыми очень дорожилъ И. С. Аксаковъ. Это были статьи подъ заглавіемъ: «Великій споръ и христіанская политика». И редакторъ, и авторъ статей отлично понимали, что среди повальнаго равнодушія нашей печати къ богословскимъ вопросамъ самое естественное мѣсто для церковныхъ статей выдающагося достоинства и глубины содержанія— Аксаковская «Русь». Но уже съ третьей статьи начались недоразумѣнія. Соловьевъ слишкомъ склонялся къ оправданію Рима и обвиненію греческаго Востока въ великомъ церковномъ разрывѣ. Аксаковъ, который заранѣе оставилъ за собою право несогласія редакціи съ мнѣніями автора, началъ обставлять статьи полемическими примѣчаніями, а послѣднюю даже нѣсколько задержалъ, чтобы дать возможность другому выдающемуся церковному писателю, своему другу и единомышленнику, протоіерею А. М. Иванцову-Платонову, подготовить категорическое возраженіе, основательно разбивавшее доводы Соловьева. Возраженіе это появилось одновременно со статьею и вызвало крупную размолвку между Соловьевымъ и Аксаковымъ. Сотрудничество Соловьева въ «Руси» послѣ этого прекратилось о только двѣ его статьи были послѣ этого напечатаны у Аксакова: «Новозавѣтный Израиль», за полной подписью и безъ подписи весьма замѣ-

чательная статья противъ Катковскаго учебнаго плана, вызвавшая въ педагогическомъ мірѣ цѣлый скандалъ.

Въ январѣ 1886 года умеръ Аксаковъ. Послѣ его похоронъ на квартирѣ у меня на Большой Дмитровкѣ собрались нѣкоторые близкіе къ нему люди, какъ М. Г. Черняевъ, С. М. Третьяковъ, Д. И. Воейковъ, прот. Иванцовъ-Платоновъ, Н. М. Павловъ и др., чтобы поговорить о продолженіи «Руси», которая должна была прекратиться. Долго толковали, но ни къ какому соглашенію не пришли. Въ тотъ-же вечеръ, видя неуспѣхъ совѣщанія, я поѣхалъ въ Петербургъ съ программой своей газеты и, какъ ближайшій сотрудникъ покойнаго Аксакова, безъ всякаго затрудненія получилъ разрѣшеніе на «Русское Дѣло», тождественное съ «Русью» и по программѣ, и по цѣнѣ, и даже по формату. 25 марта я уже выпустилъ первый нумеръ.

Первымъ, кто горячо меня привѣтствовалъ съ рѣшимостью удержать въ литературѣ органъ славянофильскаго направленія, былъ Вл. С. Соловьевъ. Онъ написалъ мнѣ теплое письмо, совѣтуя вѣрить въ успѣхъ дѣла, который долженъ былъ быть тѣмъ большимъ, чѣмъ менѣе я буду проявлять политическаго фанатизма, свойственнаго къ несчастію по мнѣнію Вл. С. Соловьева, славянофильской школѣ. Вмѣсто отвѣта, я поѣхалъ лично объясниться и столковаться насчетъ сотрудничества Владиміра Сергѣевича въ моемъ «Русскомъ Дѣлѣ». Онъ горячо оспаривалъ право редактора дѣлать подстрочныя полемическія примѣчанія и вообще «дѣлать надъ авторомъ насиліе».

Послѣ довольно жаркаго спора мы столковались, и Соловьевъ обѣщалъ дать мнѣ программную статью, которую вскорѣ и прислалъ. Она носила заглавіе: «Что требуется отъ русской партіи?» Въ виду ея выдающагося интереса, я приведу изъ нея нѣсколько мѣстъ. Статья очень ярко передаетъ основанія политическихъ воззрѣній почившаго и, насколько помню, ни разу впослѣдствіи авторомъ перепечатана не была.

Соловьевъ начинаетъ статью указаніемъ, что нашъ ходячій патріотизмъ не русскій, а подражательный, заимствованный. Главное условіе подлиннаго русскаго патріотизма—его полное согласіе съ народными вѣрованіями и воззрѣніями. А такъ какъ для русскаго народа вездѣ и всегда всего дороже совѣсть, то и мысль, сдѣлавшаяся какъ-бы аксіомой, будто нравственныя требованія относятся только къ личной жизни, а въ политикѣ *все позволено*, является совершенно вздорною. Россія, какъ цѣлое, какъ нація и государство, должна отвѣчать тому-же требованію.

«Согласно такому, дѣйствительно, русскому патріотизму у цѣлаго народа не только есть совѣсть, но иногда эта совѣсть въ дѣлахъ національной политики оказывается болѣе чувствительною и требовательною, нежели личная совѣсть въ житейскихъ дѣлахъ. Если въ нашемъ обществѣ, говоритъ Вл. С. Соловьевъ, образуется русская истинно національная партія, то она непремѣнно должна держаться того патріотизма, который свойственъ всѣмъ простымъ русскимъ людямъ, а никакъ не того патріотизма, который переведенъ на русскій языкъ съ иностраннаго. Русская партія не только должна любить Россію

и вѣрить въ ея великія силы, —что само собою разумѣется,—но, будучи сама частью Россіи, и притомъ наиболѣе сознательною и активною, такая партія должна быть русскою въ самомъ характерѣ своихъ чувствъ и мыслей и въ самыхъ способахъ и пріемахъ своего дѣйствія. Русская партія никакъ не можетъ настаивать на томъ, чего русскій народъ не хочетъ и не умѣетъ дѣлать, что ему противно не по какимъ-нибудь временнымъ предразсудкамъ, а по самому его нравственному существу».

Таковы, по Соловьеву, основанія русской національной политики, совершенно исключающія чуть не всю нашу дѣйствующую программу съ принудительнымъ обрусѣніемъ окраинъ, съ государственностью въ качествѣ верховной цѣли, съ подчиненнымъ положеніемъ Церкви, внѣшнимъ образомъ охраняемой и пр.

«Нашъ народъ, говоритъ Соловьевъ, хочетъ правды, т.-е. согласія между дѣйствительною жизнью и тою истиною, въ которую онъ вѣритъ. Истина, въ которую вѣритъ русскій народъ, хранится въ православной Церкви. Но именно потому, что истина вѣры стала предметомъ благочестиваго (а иногда и неблагочестиваго) охраненія, она потеряла живую и дѣйственную силу, отдѣлилась отъ дѣйствительности, перестала быть жизненной правдой. Народъ нашъ не хочетъ одной отвлеченной истины, которая держится въ памяти, хранится въ преданіи, — онъ хочетъ истины, которая *дѣйствуетъ* въ жизни и этимъ дѣйствіемъ себя оправдываетъ, становится правдою... Именно это-то живо стремленіе, эта-то внутренняя правда и подрывается нашимъ злополучнымъ охранительствомъ. Они хотятъ *охранить* истину и *хоронятъ* ее».

«Безъ свободной и открытой борьбы истина не можетъ постоять за себя, не можетъ обнаружить своей жизненной силы и правды... Если характеръ и міровоззрѣніе нашего народа заставляютъ насъ именно въ духовной области ждать настоящаго обнаруженія русскихъ силъ, то прежде всего намъ должно настаивать на освобожденіи этихъ силъ отъ бездушной, неосмысленной и неумѣлой опеки. Открытое испытаніе и оправданіе истины въ живой борьбѣ духовныхъ силъ, и для этого полная свобода вѣроисповѣданія, свобода всенароднаго мнѣнія и слова, — вотъ первая духовная потребность русскаго народа, а слѣдовательно, и первое требованіе русской партіи. Пока оно не будетъ исполнено, русская жизнь не войдетъ въ нормальныя условія и русскіе люди въ области высшихъ интересовъ будутъ принуждены выбирать между безжизненнымъ преданіемъ и произвольнымъ умствованіемъ, между легкомысленнымъ индифферентизмомъ и злобствующимъ сектантствомъ. Только свободное развитіе можетъ сохранить за религіознымъ преданіемъ живую силу и примирить съ нимъ умы, искренно ищущіе правды» *).

Такова была эта программная статья Владиміра Сергѣевича, которую я тотчасъ-же сдалъ въ наборъ. Не помню уже, чѣмъ тогда провинился Соловьевъ передъ цензурой, или мой цензоръ («Русское Дѣло» выходило вначалѣ подъ цензурою) не рѣшался допустить столь прямого вызова Каткову, бывшему въ

---

*) „Московскій Сборникъ", 1887 г.

полной силѣ и могуществѣ, но онъ потребовалъ, чтобы подпись Вл. Соловьева была устранена. Тогда статья могла идти хотя-бы передовой. Между тѣмъ мнѣ именно было важно имѣть статью Соловьева, что сразу опредѣляло отношенія моей газеты и къ либеральному, и къ охранительному лагерю, да и авторъ безъ своей подписи печатать не соглашался. Пришлось статью отложить и включить ее вмѣстѣ съ другими непропущенными цензурою статьями въ особый безцензурный «Московскій Сборникъ», который я и выпустилъ въ началѣ 1887 года, какъ приложеніе къ газетѣ.

Сотрудничество у меня Владиміра Сергѣевича было, однако, непродолжительное. Наши отношенія скоро стали натянутыми, такъ какъ я отказался напечатать сряду двѣ статьи, имѣвшія характеръ продолженія статей въ «Руси» «Великій споръ». Я не могъ допустить у себя апологіи католичеству, которымъ покойный въ то время особенно увлекался. А когда вышла его несчастная книга: «La Russie et l'Eglise universelle», и я разобралъ ее въ довольно рѣзкой статьѣ, испортились временно даже наши личныя, до тѣхъ поръ вполнѣ дружескія отношенія. Мы перестали видѣться и нѣкоторое время не встрѣчались. Возобновились наши отношенія лишь черезъ нѣсколько лѣтъ. Когда въ здѣшнемъ журналѣ «Вопросы философіи и психологіи» начались печатаніемъ великолѣпныя статьи Соловьева, подъ заглавіемъ «Смыслъ любви», я написалъ ему восторженное посланіе, на которое онъ мнѣ отвѣчалъ очень теплымъ письмомъ. Вскорѣ послѣ этого мы свидѣлись, и всѣ недобрыя чувства окончательно исчезли. Я нашелъ Соловьева постарѣвшимъ, нравственно измученнымъ и еще болѣе нервнымъ и озлобленнымъ, чѣмъ раньше. Но въ то-же время его огромный талантъ приближался къ окончательному и—увы!—послѣднему расцвѣту. Онъ работалъ надъ своей безсмертной книгой «Оправданіе добра», печатая ее отдѣльными главами въ Вѣстникѣ Европы». Въ этой книгѣ съ необыкновенной полнотою и ясностью было обосновано христіанское міровоззрѣніе русскаго народа и провозглашено абсолютное торжество нравственныхъ силъ въ мірѣ человѣческихъ отношеній, или, по выраженію автора, «оправдано добро».

Я не могу, конечно, входить здѣсь въ разборъ этого геніальнаго труда, которому суждено навѣки обезсмертить имя Вл. Соловьева, скажу лишь, что эта книга принесла ему немало разочарованія. Онъ совсѣмъ не ожидалъ того холоднаго пріема, который она встрѣтила въ публикѣ. Во всякой другой литературѣ подобная книга, подводящая цѣлый фундаментъ подъ народное міровоззрѣніе, была-бы крупнымъ событіемъ. У насъ она прошла почти незамѣченною. Я не припомню ни одной солидной и серіозной критической о ней статьи, было лишь нѣсколько шаблонныхъ и блѣдныхъ «отзывовъ»...

Эта книга была лебединою пѣснею великаго философа и моралиста. Онъ продолжалъ, правда, писать, сотрудничая въ «Вѣстникѣ Европы» и въ Гайдебуровской «Руси», гдѣ онъ давалъ нѣчто въ родѣ воскресныхъ фельетоновъ, и въ послѣдній разъ блеснулъ небольшой статьей «Семья Народовъ». Но «Русь» скоро остановилась.

Послѣдней работой покойнаго были три напечатанныхъ въ книжкахъ «Недѣли» разговора «Подъ пальмами», странное произведеніе, одну изъ частей котораго я имѣлъ случай разобрать уже въ сборникѣ «По-русски». Читатель припомнитъ злополучную лекцію объ антихристѣ...

Во время изданія мною «Русскаго Труда» насъ съ Соловьевымъ уже не раздѣляло его увлеченіе католичествомъ, наоборотъ, сближало совершенно «Оправданіе добра», и я горячо настаивалъ на возобновленіи Соловьевымъ у меня своего сотрудничества. Но на этотъ разъ было другое, не менѣе важное препятствіе. «Мнѣ очень нравится ваша газета», писалъ мнѣ покойный, «и я-бы охотно сталъ работать у васъ, но я не могу примириться съ вашимъ тономъ по отношенію къ Евреямъ. Я слишкомъ гуманистъ и христіанинъ, чтобы равнодушно смотрѣть на вашу травлю и безъ того несчастнаго племени». Я вызывалъ Соловьева на открытый печатный споръ по еврейскому вопросу, обѣщаясь печатать безъ малѣйшаго сокращенія все, что ему будетъ угодно сказать въ защиту Евреевъ, но сохраняя за собою право возраженій. Владиміръ Сергѣевичъ не соглашался и единственное, что я отъ него услышалъ по этому вопросу, было: «помните, что есть обѣтованіе—дондеже весь Израиль спасется».

За послѣднее время начали ходить странные слухи о не совсѣмъ нормальномъ состояніи умственныхъ способностей покойнаго. Онъ сталъ болѣзненно нервенъ, уклонялся отъ общенія съ людьми, но главное, допускалъ нѣкоторыя литературныя странности, которыхъ никакъ нельзя было понять. Къ числу такихъ странностей относится, между прочимъ, его стихотвореніе, которое Гайдебуровъ имѣлъ безтактность напечатать: «Слово увѣщательное къ морскимъ чертямъ». По прочтеніи этого стихотворенія у меня вырвались слѣдующія строки:

«Нельзя иногда не почувствовать ужаса, когда прямо передъ вами развертываются картины того пораженія мозга, того безумія, которое надъ нами нависло въ лицѣ, конечно, прежде всего, нашихъ геніальныхъ людей. Какъ ни притворяются наши поклонники послѣдняго періода гр. Л. Н. Толстого, но вдумайтесь хорошенько, развѣ въ его лицѣ не пораженъ мозгъ Россіи и притомъ въ самомъ чудномъ, самомъ совершенномъ его экземплярѣ? Пораженъ своеобразной болѣзнью мозгъ, въ которомъ рождаются безсмертныя видѣнія, возникаютъ образы поразительной красоты и силы! Посмотрите дальше: другой русскій геній, другой мозгъ неслыханной силы мышленія,—мозгъ, которому по яркости и продуктивности, можетъ-быть, сейчасъ въ Европѣ нѣтъ равнаго,—Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ, развѣ не пораженъ тѣмъ-же?»

Спустя нѣкоторое время, по выходѣ этого нумера, я встрѣтился съ Соловьевымъ въ Суворинской ложѣ на представленіи «Θеодора Іоанновича». Онъ былъ очень милъ и веселъ, хотя порою губы нервно подергивались, а чудные глаза то закрывались словно въ дремотѣ, то блуждали, выражая душевную муку и тревогу. Въ антрактѣ Соловьевъ вышелъ со мною въ коридоръ и, нервно улыбаясь, произнесъ:

«Вотъ вы меня за морскихъ чертей объявили сумасшедшимъ, получите новое доказательство моего безумія».

Съ этими словами, онъ сунулъ мнѣ корректурный листокъ и поспѣшно ушелъ, такъ какъ звонокъ былъ уже давно данъ. Я съ трепещущимъ сердцемъ подошелъ къ фонарю и прочелъ новое стихотвореніе Соловьева, на этотъ разъ въ гранкахъ «Вѣстника Европы».

Листокъ этотъ сохранился у меня до сихъ поръ. Это было—увы!—нѣчто еще болѣе ненормальное и странное, чѣмъ даже «Увѣщаніе морскимъ чертямъ». Поэтъ въ пустынѣ ловитъ какой-то призракъ вѣчной и безсмертной женственности, которая тутъ-же говоритъ вымученныя и совершенно неумѣстныя остроты,—словомъ, это было нѣчто совершенно невозможное. Я горько осудилъ М. М. Стасюлевича за помѣщеніе этого стихотворенія, только подтверждавшаго ужасные слухи. Неужели какъ-нибудь мягко не могъ человѣкъ отказать?

Это была послѣдняя наша встрѣча съ покойнымъ Владиміромъ Сергѣевичемъ.

Борьба кабака съ приходомъ.

На этотъ разъ мы спустимся съ вами, читатель, на самое дно русской жизни, въ глухую деревню, откуда, на основаніи интереснѣйшихъ подлинныхъ документовъ, я разскажу вамъ исторію долгой, двадцати-семилѣтней борьбы цѣлаго православнаго прихода со всемогущимъ еще такъ недавно, а нынѣ упраздняемымъ *) кабакомъ. Борьба эта велась изъ-за кладбища. Свыше четверти вѣка кабакъ высоко несъ свое побѣдное знамя, а православные люди хоронили своихъ дорогихъ покойниковъ прямо въ болото, безъ церковныхъ проводовъ и пѣснопѣній, подпирая гробы кольями, чтобы покойники не всплывали и не поворачивались въ своихъ могилахъ.

И все это совершалось при содѣйствіи мѣстной власти, которая—увы!—была покорена надолго кабакомъ, помнила, по собственному наивному признанію, кабацкую «хлѣбъ-соль». Были исписаны горы бумаги, дѣло двадцать семь лѣтъ ходило по разнымъ административнымъ инстанціямъ, вездѣ наталкиваясь на отказъ, доходило даже до Сената и тамъ было порѣшено для несчастныхъ прихожанъ *отрицательно*. Наконецъ, нашелся добрый и энергичный человѣкъ, по странной игрѣ случая иновѣрецъ, и вотъ, настойчивой энергіи этого человѣка приходъ обязанъ тѣмъ, что похороненное уже совсѣмъ дѣло о кладбищѣ было вновь поднято, пересмотрѣно и на этотъ разъ правда восторжествовала, а кабакъ потерпѣлъ полное и окончательное пораженіе.

---

*) Да не приметъ читатель этой фразы за похвалу винной монополіи.

Дѣйствіе происходитъ не гдѣ-нибудь въ медвѣжьемъ углу, за тысячи верстъ отъ столицъ, а у самой, можно сказать, Москвы, въ людной мѣстности Верейскаго уѣзда, въ селѣ Рудневѣ, отстоящемъ отъ столицы всего въ 55 верстахъ.

Дѣло началось съ того, что *въ 1873 году* по случаю переполненія кладбища при рудневской церкви, а главнымъ образомъ потому, что близъ этого кладбища находился на незаконномъ разстояніи питейный домъ купчихи Глушковой, кладбище было предписано закрыть. Такъ и было сдѣлано, но при этомъ не было отведено мѣста для новаго кладбища, о которомъ сразу-же поднялись разногласія и выступили на свѣтъ Божій противуположные интересы.

Рудневскіе крестьяне, желая сохранить свое приходское кладбище на старомъ мѣстѣ, изъявили желаніе прирѣзать къ нему десятину земли. Противъ этого ополчилась кабатчица Глушкова, торговлѣ которой грозило неминуемое закрытіе въ случаѣ возстановленія кладбища. Началась борьба.

Для новаго кладбища полиція отвела мѣсто на болотѣ. Уже на полуаршинной глубинѣ изъ земли выступала вода, въ которую и приходилось опускать гробъ, а чтобы онъ не всплывалъ и не поворачивался, забивать его кольями. При этомъ такъ какъ по случаю протестовъ новое кладбище не было оффиціально открыто, а между тѣмъ, старое было упразднено, то духовенство *не имѣло права провожать покойниковъ далѣе церковной ограды.* Можно себѣ представить все возмутительное зрѣлище подобныхъ похоронъ, если даже наши долготерпѣливые и всякимъ распоряженіямъ властей послушные крестьяне стали рѣшительно отказываться носить своихъ покойниковъ на болото и начали хоронить ихъ самовольно вблизи стараго кладбища, вызывая полицейскіе дознанія и протоколы, а затѣмъ вызовы въ судъ, пени и штрафы.

Тѣмъ временемъ между консисторіей и губернскимъ правленіемъ шла переписка по жалобамъ, въ результатѣ чего было въ маѣ 1884 года становымъ приставомъ Емельяновымъ произведено дознаніе. Такъ какъ этотъ Емельяновъ былъ тоже изъ числа людей, помнившихъ «хлѣбъ-соль» кабатчицы Глушковой, то характеръ его дознанія можно было угадать впередъ. Сей блюститель нравовъ доносилъ, что претензіи жалобщиковъ неосновательны, а что трактиръ Глушковой въ селѣ Рудневѣ единственный и закрывать его поэтому неудобно. Дознаніе это, къ сожалѣнію, легло въ основу дальнѣйшаго производства и надолго затормозило дѣло.

Опять пошли слезныя жалобы и моленія, въ результатѣ коихъ явилось новое дознаніе. На этотъ разъ былъ присланъ чиновникъ особыхъ порученій Насѣкинъ, который отнесся къ своей задачѣ вполнѣ честно и независимо. Онъ представилъ московскому губернатору рапортъ, изъ котораго явствовало, что мѣсто, отводимое подъ кладбище крестьянами,—прекрасное, что хоронить на болотѣ невозможно и что все дѣло въ защитѣ полиціей кабатчицы Глушковой.

Это правдивое донесеніе дѣлу, однако, не помогло, но, наоборотъ, только озлобило верейскихъ властителей. Изъ сообщенія покойнаго митрополита Іоанникія тоже покойному генералъ-губернатору В. А. Долгорукову (дѣло, листы 54 и 55) видно, что верейскій исправникъ грозилъ подвергнуть крестьянъ штра-

фу, по 5 рублей каждаго, а *десятаго наказать розгами*, если они не согласятся принять отведенное на болотѣ кладбище.

Теперь крестьяне увидали ясно, что пока стоитъ кабакъ и въ немъ хозяйничаетъ Глушкова, всякая борьба будетъ безполезна. Поэтому, несмотря на полицейское давленіе, въ январѣ 1885 года общество постановило на сельскомъ сходѣ приговоръ о закрытіи у себя питейной торговли, и этотъ приговоръ былъ утвержденъ. Въ маѣ 1885 года Московское губернское правленіе предписало тому-же верейскому исправнику отобрать патентъ у его пріятельницы Глушковой.

Теперь какъ будто дѣло начало склоняться въ благопріятную для крестьянъ сторону. Верейскимъ уѣзднымъ врачомъ Шубертомъ былъ произведенъ санитарный осмотръ какъ земли, предлагаемой крестьянами для прирѣзки, такъ и пресловутаго кладбища на болотѣ, представленъ безпристрастный и правдивый рапортъ; рапортъ этотъ утвержденъ Московскимъ врачебнымъ управленіемъ... Къ ходатайству крестьянъ присоединился причтъ, о чемъ сообщалъ московскому губернатору оберъ-прокуроръ св. Синода К. П. Побѣдоносцевъ (3 дек. 1886 г. № 5525)... Московскій губернаторъ въ апрѣлѣ 1887 года донесъ министру Внутреннихъ Дѣлъ о необходимости прирѣзки земли къ старому кладбищу... Въ августѣ того-же года вопросъ поступилъ на разрѣшеніе Сената.

Черезъ девять мѣсяцевъ, въ маѣ 1888 года, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ увѣдомило московскаго губернатора, что открытіе новаго кладбища въ Рудневѣ *Сенатомъ не разрѣшено*. Мотивы были выставлены слѣдующіе:

Во-первыхъ, сельское кладбище по закону можетъ быть открыто не ближе полуверсты отъ селенія. Предлагаемый-же участокъ лежитъ въ 180 саженяхъ.

Во-вторыхъ, потому что сосѣдніе владѣльцы: Игнатьевъ и та-же фатальная Глушкова на прирѣзку земли вблизи ихъ владѣній не согласны.

Это неожиданное рѣшеніе Сената, казалось, похоронило вопросъ о кладбищѣ окончательно. Прошло цѣлыхъ десять лѣтъ, въ теченіе которыхъ кабатчица Глушкова продолжала благополучно торговать въ своемъ трактирѣ, а прихожане села Руднева—хоронить своихъ покойниковъ гдѣ попало, безъ проводовъ и молитвы, подвергаясь всякимъ судебнымъ преслѣдованіямъ и взысканіямъ, но кладбища на болотѣ не принимая.

Черезъ десять лѣтъ, уже въ февралѣ 1899 года, состоялось опредѣленіе Сената о томъ, что, въ виду неразрѣшенія предлагавшейся крестьянами прирѣзки земли къ старому кладбищу, должно быть у нихъ-же сдѣлано принудительное отчужденіе въ другомъ мѣстѣ, что и было поручено исполнить мѣстной полиціи.

Въ іюнѣ 1899 года въ Руднево пріѣхали становой приставъ Козловъ съ уѣзднымъ врачомъ Зыбинымъ, пригласили не рудневскихъ крестьянъ, а двухъ постороннихъ, изъ сосѣднихъ деревень, и, не долго думая, отдѣлили участокъ лучшей поддворной земли подъ новое кладбище, при чемъ, конечно, трактиръ Глушковой, теперь переименованный въ чайную лавку, оказывался на законномъ разстояніи отъ кладбища.

Разумѣется, это новое издѣвательство надъ несчастными прихожанами села Руднева вызвало новыя съ ихъ стороны жалобы, возбудившія новую переписку между губернскимъ правленіемъ, консисторіею и иными инстанціями. Крестьяне жаловались, что у нихъ отнята лучшая земля, безъ которой имъ невозможно вести хозяйство, что нельзя заставлять одно селеніе нести жертвы за цѣлый приходъ и т. д. Жалобы эти было поручено разслѣдовать на мѣстѣ земскому начальнику г. Тихѣеву.

Этотъ администраторъ оказался и безпристрастнымъ, и достаточно независимымъ. Его донесеніе подтверждало полную справедливость крестьянскихъ жалобъ, почему полицейское отчужденіе и было губернскимъ присутствіемъ уничтожено.

Трудно сказать, какое дальнѣйшее теченіе приняло-бы это безконечное, двадцать семь лѣтъ тянувшееся дѣло, еслибы за него не взялся поселившійся въ рудневскомъ приходѣ землевладѣлецъ, Е. М. Баранцевичъ. Этотъ просвѣщенный, независимый и энергичный человѣкъ сразу далъ дѣлу движеніе въ нужномъ направленіи и менѣе, чѣмъ въ годъ, привелъ его къ благополучному разрѣшенію въ смыслѣ желанія прихожанъ.

Г. Баранцевичъ обратилъ свое вниманіе прежде всего на то, что требованіе медицинскаго устава относительно полуверстнаго разстоянія кладбищъ отъ селеній вовсе не безусловное. Оно относится къ вновь открываемымъ приходскимъ храмамъ, но не касается тѣхъ, гдѣ кладбища существуютъ давно, основанныя ранѣе изданія закона. Затѣмъ въ городахъ, гдѣ санитарныя условія, конечно, гораздо хуже, чѣмъ въ деревняхъ, кладбища допускаются на разстояніи всего 100 саженъ отъ жилыхъ помѣщеній. Наконецъ тутъ-же рядомъ, на глазахъ у всѣхъ, въ селѣ Нары-Ѳоминскомъ вопросъ о кладбищѣ былъ разрѣшенъ въ желательномъ смыслѣ при обстановкѣ схожей, но гораздо худшей, чѣмъ въ Рудневѣ. Правда, тамъ не было всемогущаго кабака госпожи Глушковой...

Въ селѣ Нары-Ѳоминскомъ точно такъ-же старое кладбище было переполнено и подлежало упраздненію. Крестьяне пожелали, однако, его сохранить и предложили прирѣзать къ нему участокъ земли, находящійся отъ крестьянскихъ усадьбъ всего въ 63 саженяхъ, а отъ строеній причта даже въ 34 Условія для кладбища въ Нары-Ѳоминскомъ, кромѣ того, хуже потому, что это очень многолюдное село съ фабричною промышленностію и сильнымъ торговымъ движеніемъ. Однако, все это вмѣстѣ взятое не помѣшало разрѣшенію на прирѣзку новой земли къ старому кладбищу. Вопросъ этотъ былъ министромъ Юстиціи внесенъ въ Комитетъ Министровъ, тамъ благополучно разрѣшенъ и удостоился Высочайшаго утвержденія.

Для г. Баранцевича этого прецедента было совершенно достаточно, чтобы направить дѣло тою же дорогой. Заручившись благосклоннымъ отношеніемъ къ дѣлу со стороны московскаго губернскаго начальства, г. Баранцевичъ произвелъ самъ санитарное изслѣдованіе отводимаго крестьянами участка, изучилъ дѣло и отправился въ Петербургъ хлопотать. Доводы ходатайства были подо-

браны мастерски, какъ и подобаетъ выдающемуся юристу. Г. Баранцевичъ сгруппировалъ ихъ въ такую картину:

Вопросъ идетъ не объ открытіи новаго кладбища, но о расширеніи стараго, безвредно существовавшаго болѣе пятидесяти лѣтъ. Законъ не допускаетъ жилыхъ строеній ближе извѣстнаго разстоянія отъ кладбищъ, но вѣдь не кладбище подошло къ постройкамъ Глушковой, а она выстроилась на незаконномъ разстояніи отъ кладбища, слѣдовательно, не его надо упразднять, а если нужно, снести постройки Глушковой. Затѣмъ кладбище, хотя-бы и закрытое, измѣниться въ своемъ назначеніи не можетъ, оно остается кладбищемъ, а потому питейный домъ Глушковой все равно подлежитъ упраздненію. Землевладѣлецъ-же Игнатьевъ на этотъ разъ на прирѣзку земли и открытіе кладбища согласенъ. Наконецъ, какъ видно изъ дознанія г. Тихѣева, кромѣ этого, очень удобнаго для расширенія кладбища участка, другой земли подходящей нѣтъ, да и самый участокъ, какъ расположенный на скатѣ, чрезвычайно удобенъ въ санитарномъ отношеніи. Крестьяне уступаютъ изъ своей надѣльной земли полторы десятины и, подобно тому, какъ это принято въ Нары-Ѳоминскомъ, обязуются копать могилы не мельче 3 аршинъ.

Въ подкрѣпленіе своего ходатайства г. Баранцевичъ представилъ обширную записку по изслѣдованіямъ кладбищенскихъ водъ и почвъ, гдѣ изложилъ подробно результаты главнѣйшихъ современныхъ научныхъ изслѣдованій и взгляды наиболѣе извѣстныхъ ученыхъ на этотъ вопросъ. Изъ этой любопытной записки явствуетъ, между прочимъ, что относительно вреднаго вліянія кладбищъ относительно гораздо болѣе предразсудковъ чѣмъ твердо установленныхъ данныхъ. Трупъ въ могилѣ испытываетъ два послѣдовательныхъ процесса: *гніеніе* и *тлѣніе*. Во время перваго процесса трупъ, правда, выдѣляетъ зловонные жидкости и газы, но очень медленно, при чемъ, при достаточномъ покрытіи могилы, эти жидкости и газы прекрасно дезинфицируются могильною насыпью, почти не проникая ни въ почвенную воду, ни въ воздухъ. Поэтому на кладбищахъ встрѣчаются иногда колодцы съ прекрасною водой, и люди, живущіе вблизи, никакими особенными болѣзнями не страдаютъ.

Ходатайство г. Баранцевича, поддержанное московскимъ губернаторомъ А. Г. Булыгинымъ, имѣло успѣхъ и 6 августа нынѣшняго года, въ день Преображенія, прихожане села Руднева имѣли наконецъ утѣшеніе торжественно отпраздновать открытіе своего стараго, расширеннаго и обновленнаго кладбища.

Нужно представить себѣ положеніе людей, уже почти забывшихъ, какія бываютъ христіанскія похороны, чтобы понять радость и торжество рудневцевъ въ этотъ день. Героями дня явились два человѣка: мѣстный священникъ, о. Павелъ Бѣляевъ, и г. Баранцевичъ, только благодаря неутомимой энергіи котораго было доведено до конца завѣдомо безнадежное, казалось, дѣло. И, подумаешь, какая странная иронія судьбы: г. Баранцевичъ даже не православный, а иновѣрецъ,—католикъ... Это какъ будто послѣдній штрихъ къ русской бытовой картинѣ, нарисованной здѣсь.

Являлся вопросъ, какимъ образомъ могли крестьяне достойно отблагодарить своего заступника, оказавшаго имъ столь крупную услугу? Отъ денегъ г. Баранцевичъ отказался. Рѣшили ему поднести икону, но такъ какъ г. Баранцевичъ иновѣрецъ, то пришлось обращаться со спеціальнымъ ходатайствомъ къ архіерею. Преосвященный викарій можайскій Парѳеній, разумѣется, охотно далъ просимое разрѣшеніе, и въ день освященія кладбища г. Баранцевичу была поднесена прихожанами икона Рождества Пресвятой Богородицы. Такая-же икона была поднесена священнику Бѣляеву, сказавшему прекрасное, къ случаю, слово.

Я думаю, что независимо отъ своей занимательности, разсказанная здѣсь печальная исторія, съ хорошимъ, правда, концомъ, имѣетъ очень большое значеніе и въ дѣловомъ отношеніи. Подумайте только: если въ пятидесяти верстахъ отъ Москвы могла двадцать семь лѣтъ тянуться почти безнадежная борьба прихода съ кабакомъ,—борьба, пришедшая къ счастливому концу лишь совершенно случайно, то чтó же дѣлается въ глухихъ мѣстахъ нашей необъятной родины, гдѣ всякій произволъ и злоупотребленія царятъ еще съ большею силой и гдѣ еще труднѣе правому дѣлу найти преданнаго и настойчиваго защитника. Какимъ частнымъ ни представляется вопросъ о кладбищахъ, однако, представьте-ка себѣ, читатель, каково положеніе семьи, потерявшей близкаго и дорогого человѣка и вынужденной зарывать его, словно павшую скотину!

А у насъ кладбища устроены почти повсюду очень дурно. Сколько приходилось мнѣ наталкиваться на такъ называемыя «кладбищенскія дѣла», одно другого хуже, одно другого печальнѣе. Помню знаменитое дѣло Тверского городского кладбища, которое мнѣ едва удалось направить къ вожделѣнному концу только благодаря доброму вниманію тверского преосвященнаго Димитрія, да несокрушимой энергіи попечительницы кладбища, В. В. Еропкиной. Но тамъ шла борьба другого рода. Тамъ воевалъ съ кладбищенскимъ попечительствомъ церковный причтъ, обратившій кладбище въ свой источникъ обогащенія. Упорная и скандальная борьба окончилась только тогда, когда епископъ Димитрій перевелъ главнаго ея виновника, протоіерея Рагузина, въ другой приходъ, а кладбище было предоставлено въ полное распоряженіе дѣйствовавшаго по утвержденному уставу попечительства.

И что у насъ печальнѣе всего: никто не знаетъ ни законовъ, которыми надлежитъ въ каждомъ данномъ случаѣ руководствоваться, ни мѣстъ, куда направлять ходатайства и гдѣ хлопотать. Очень скоро посреди окружающей путаницы и противорѣчій у самыхъ энергичныхъ людей опускаются руки и иногда вопіющее беззаконіе остается на долгіе годы безнаказаннымъ и неустраненнымъ.

Печальна вообще наша сельская, особенно приходская, темная и безпросвѣтная жизнь. Словно яркія точки мелькаютъ иногда сквозь этотъ туманъ свѣтлые случаи, счастливые исходы долголѣтнихъ бѣдствій въ родѣ разсказаннаго здѣсь, но тѣмъ мрачнѣе сумракъ на необъятномъ фонѣ огромной картины, и благо тому, кому суждено дожить до другихъ временъ и другихъ картинъ...

Сербія и Обреновичи.

I.

О Сербіи опять заговорили. Рядомъ со страшною міровою драмою, развертывающеюся въ Китаѣ, рядомъ съ другой тоже міровой драмою въ Южной Африкѣ, казалось-бы неожиданная и довольно странная женитьба маленькаго короля маленькаго, ростомъ съ нашу Тамбовскую губернію, сербскаго королевства,—даже и вниманія не заслуживаетъ. Однако, изъ этого брака могутъ получиться послѣдствія для Славянства весьма и весьма серіозныя. Уже одно то, что знаменитаго папашу—Милана приказано стеречь и не выпускать изъ вагона, еслибы онъ вздумалъ пріѣхать, показываетъ на совершившееся въ Сербіи крупное перемѣщеніе въ политикѣ.

Несчастная поистинѣ страна,—эта Сербія! Сколько пережилъ этотъ народъ за то время, которое мы всѣ помнимъ, начиная съ злополучной войны 1876 года!..

Огромные планы, необъятныя надежды, масса пролитой крови, колоссальный подъемъ духа и культурная работа, затѣмъ разочарованіе и невольное униженіе—и все это на пространствѣ всего несполна четверти вѣка...

И вся исторія Сербіи за послѣднее время переплетается съ исторіей послѣднихъ представителей ея фатальной династіи Обреновичей. Давно уже несчастный Миланъ сталъ игрушкой въ рукахъ Австро-Венгріи, нашелъ для своей династіи точку опоры не въ своемъ народѣ и не на своей землѣ, а у сильнаго врага, и вотъ, вся исторія Сербіи послѣдняго времени обращается въ исторію глухой и упорной борьбы между лучшими элементами сербскаго народа и его національной династіей, разстаться съ которой невозможно, потому что всякій политическій въ этомъ смыслѣ переворотъ грозитъ вступленіемъ въ беззащитный Бѣлградъ австрійскихъ войскъ.

Та самая страна, которая съ гордостью еще недавно величала себя сербскимъ Піемонтомъ и серіозно мечтала стать центромъ объединеннаго сербскаго племени, доведена до террора и униженія почти неслыханныхъ. Лучшіе ея люди заживо гніютъ въ ужасныхъ тюрьмахъ, армія деморализована, финансы непоправимо разстроены, населеніе раззорено... Нужна такая исключительная случайность, какъ та, что молодой король влюбился, чтобы три милліона людей вздохнули свободно и на совершенно невѣроятной и почти анекдотической свадьбѣ стали строить надежды лучшаго будущаго.

Я видѣлъ нынѣшняго сербскаго короля Александра въ Вѣнѣ въ первый разъ въ 1887 году. Въ русской посольской церкви на Wallfischgasse шла обѣдня. Передъ херувимской парадный швейцаръ сталъ расчищать дорогу, и я

увидалъ небольшаго роста красивую даму въ черномъ и подъ черной вуалью въ сопровожденіи хорошенькаго бойкаго мальчика въ матросской курточкѣ.

Дама прошла къ лѣвому клиросу, стала на колѣна и горькими слезами проплакала, не вставая, всю обѣдню. Въ концѣ она подвела мальчика къ кресту и спѣшно скрылась среди почтительно разступившейся публики.

Это была королева Наталія, передъ царственнымъ горемъ и обидой которой склонялись всѣ русскія сердца. Только что передъ этимъ былъ низложенъ и изгнанъ изъ Сербіи митрополитъ Михаилъ, а его наслѣдникъ, креатура Милана, грязный и отвратительный Θеодосій Мраовичъ, человѣкъ въ санѣ митрополита ругавшійся на площади скверными словами, провозгласилъ въ угоду своему патрону, разводъ королевской четы. Это было неслыханно-скандальное дѣло, тѣмъ болѣе, что всѣ знали о кристальной чистотѣ королевы и развратной жизни ея супруга.

Королева удалилась изъ Сербіи. Ей оставили сына, а черезъ годъ послѣдовалъ новый скандалъ и новое униженіе несчастной женщины. Лѣтомъ 1888 года висбаденская полиція, по приказанію кн. Бисмарка, силою отобрала у королевы Наталіи ея сына Александра и передала его съ рукъ на руки Милану.

Въ Россіи это произвело самое тягостное впечатлѣніе. Но въ это время наша дипломатія омыла уже руки отъ Балканскаго полуострова и его дѣлъ, ни Каткова, ни Аксакова не было въ живыхъ и въ русской печати ограничились чуть не шуточками. Несчастная королева уѣхала къ намъ въ Ялту, королевича Александра принялся воспитывать Миланъ.

Можете себѣ представить, что это было за воспитаніе! 11—12-лѣтній мальчикъ,—а южане развиваются рано,—былъ уже свидѣтелемъ безобразныхъ оргій своего родителя.

Еще годъ—и новая перемѣна декорацій. Во дворцѣ толпа народа. Всѣ начальствующія лица, дипломатія, духовенство. Изъ «внутреннихъ покоевъ» выходитъ король Миланъ и выводитъ за руку сына. Все умолкаетъ. Миланъ ставитъ Александра у трона, опускается передъ нимъ на одно колѣно, и читаетъ актъ своего отреченія отъ престола и вмѣстѣ съ тѣмъ произноситъ присягу подданнаго своему королю. Надъ малолѣтнимъ монархомъ образуется регентство изъ трехъ самыхъ выдающихся государственныхъ людей Сербіи, передъ этимъ опубликована новая конституція 1888 года, представляющая плодъ совмѣстныхъ трудовъ короля Милана и лучшихъ сербскихъ умовъ. Этотъ «уставъ» представляетъ собою нѣчто удивительное въ смыслѣ стройности и совершенства.

Чувствуя, что его роль, какъ короля, кончена, что послѣ постыдной сербо-болгарской войны и всѣхъ хищеній онъ совершенно скомпрометтированъ и удержаться ему уже нельзя, Миланъ словно захотѣлъ загладить передъ Сербіею свои вины и уѣзжалъ навсегда, оставляя управленіе страною въ прекрасныхъ рукахъ и давъ своей родинѣ удивительный «уставъ».

И дѣйствительно, черезъ самое короткое время, чуть не на другой день, эксъ-король выѣхалъ, сложивъ съ себя не только королевскій титулъ, но и званіе простого сербскаго гражданина.

Что-же оказалось? Въ одно изъ многихъ путешествій въ Сербію узнаю, что Миланъ во всемъ этомъ дѣлѣ игралъ самую постыдную роль. Наскучившій своимъ пребываніемъ въ Сербіи, гдѣ для его пылкихъ страстей никакого размаха не было, жуиръ, картежникъ и ловеласъ, вѣчно безъ денегъ, Миланъ продалъ и свой титулъ, и свои всѣ права сербскому правительству, взявъ какую-то очень крупную сумму, отъ которой долго трещало сербское казначейство.

Сербы шли на всякія жертвы, такъ какъ не только хотѣли удалить Милана, но и обезпечить себѣ наилучшее управленіе при сохраненіи династіи Обреновичей. Миланъ обязался безпрекословно утвердить и провести все, что будетъ выработано, и для выработки новаго устава самымъ дружнымъ образомъ сошлись обѣ враждовавшія дотолѣ партіи—либералы и радикалы.

Между ними было условлено такъ: верховная власть, т.-е. регентство, устраивается подъ предсѣдательствомъ стараго вождя либеральной партіи Іована Ристича, но правительство, т.-е. министерство, образуется изъ радикаловъ. Обѣ партіи, вводя новую конституцію, взаимно обязались свято ее соблюдать, т.-е. вести борьбу только конституціоннымъ путемъ, не прибѣгая ни къ какимъ нечестнымъ или незаконнымъ уловкамъ.

Мнѣ пришлось больше мѣсяца прожить въ Сербіи лѣтомъ 1889 года, въ самый рѣшительный моментъ ея возрожденія.

Юноша-король довольно усердно занимался науками, руководимый своимъ воспитателемъ Докичемъ, преданнымъ Сербіи и династіи и безупречно честнымъ человѣкомъ. Правительство въ рукахъ радикаловъ работало надъ политическимъ и экономическимъ возрожденіемъ Сербіи и дѣлало поистинѣ чудеса.

Не будемъ забывать, что передъ этимъ долгое время хозяйничали въ странѣ Миланъ и партія «напредняковъ», не имѣвшая никакихъ корней въ народѣ. Дѣятели изъ этой партіи буквально раззорили и предали Сербію. Не осталось ничего, чтобы не было въ той или иной формѣ заложено или отдано иностранцамъ. Государственный долгъ возросъ до неоплатныхъ размѣровъ. Небольшая сѣть желѣзныхъ дорогъ эксплуатировалась хищной франко-еврейской компаніей и давала убытки, которые покрывала сербская казна. Была введена соляная и табачная монополія и въ нихъ хозяйничали австрійскіе Евреи. Торговый договоръ съ Австро-Венгріею вязалъ Сербію по рукамъ и ногамъ.

Въ такомъ положеніи приходилось дѣйствовать радикальному правительству. Но оно располагало опытными и талантливыми государственными людьми. Во главѣ стоялъ Коста Таушановичъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, желѣзной рукой поддерживавшій внутренній порядокъ. Министръ финансовъ молодой профессоръ др. Михаилъ Вуичъ оказался талантомъ первой величины. Инженеръ Велиміровичъ и Стева Поповичъ въ должности министровъ общественныхъ работъ и земледѣлія оказались тоже отличными работниками. Регентство не только не мѣшало, но искренно сочувствовало и помогало. А руководителемъ и вдохновителемъ всего дѣла былъ стоявшій внѣ правящаго механизма замѣчательный государственный человѣкъ, Никола Пашичъ, глава радикальной «странки», или

партіи. Онъ объѣзжалъ Сербію, устраивалъ митинги, налаживалъ управленіе, поднималъ духъ народа...

Сколько было сдѣлано въ самое короткое время! Прежде всего возвращенъ страдалецъ-митрополитъ Михаилъ. Отобраны отъ Австрійцевъ табачная и соляная монополіи. Произведено негласное слѣдствіе, затѣмъ внезапная ревизія и въ нѣсколько дней отобраны отъ хищной компаніи и обращены въ государственную собственность желѣзныя дороги. Рядомъ умныхъ и ловкихъ, я-бы сказалъ геніальныхъ мѣръ поставлены на твердыя основанія сербскіе финансы и укрѣпленъ государственный кредитъ. Введено новое общинное и земское самоуправленіе. Словомъ, Сербія начала быстро возрождаться, и уже шли разговоры о заключеніи съ Австріей торговаго договора на совершенно другихъ началахъ.

Упущена была нѣсколько изъ виду армія. Деморализованная постыдными пораженіями, наполненная очень плохимъ составомъ офицеровъ,—креатуръ Милана, армія глухо роптала на тѣ экономіи, которыя волей-неволей вводило радикальное правительство. При всемъ своемъ безпутствѣ и расточительности Миланъ успѣлъ расположить къ себѣ армію, предварительно развративъ ее всякими подачками и чисто преторіанской политикой. Это было самымъ печальнымъ его наслѣдствомъ, это же собственно и дало возможность разразиться всѣмъ дальнѣйшимъ безобразіямъ, коихъ мы были свидѣтелями.

Получивъ около 2 милліоновъ франковъ чистоганомъ отступнаго, Миланъ уѣхалъ путешествовать, выбравъ себѣ на постоянное жительство веселый городъ Парижъ, и вскорѣ обратился въ самаго яраго парижскаго бульвардье, прожигателя жизни. Жокей-клубъ полонъ разсказами о самыхъ невѣроятныхъ похожденіяхъ сербскаго эксъ-короля, далеко оставившаго за собою пресловутаго Христіана Иллирійскаго изъ романа Додэ «Короли въ изгнаніи».

Есть поговорка: «надолго собакѣ масляный блинъ». Совершенно ясно, что привезенныхъ съ собою двухъ милліоновъ Милану едва хватило на годъ, на два, а затѣмъ, оставшись снова безъ денегъ и по уши въ долгахъ, онъ не могъ не придти къ мысли, что любезное отечество, которое за эти годы успѣло поправиться и, такъ сказать, обрости шерстью, можно еще пограбить.

А тутъ кстати и Австрія впадала все въ большее и большее безпокойство по поводу сербскихъ дѣлъ. Сербія, отмежеванная въ «сферу австрійскаго вліянія» соглашеніемъ съ Россіею, изъ повиновенія Австріи явно выходила, развивая не по днямъ, а по часамъ самыя искреннія и глубокія чувства къ Россіи...

Но раньше, чѣмъ дѣлать новый набѣгъ на Сербію, Миланъ принялся за свою супругу. По жалобѣ вселенскому патріарху королева Наталія получила уничтоженіе развода и возстановленіе своихъ правъ. Она жила себѣ спокойно за границей и имѣла независимое состояніе. Съ радикалами она не сошлась, такъ какъ въ Сербіи ея друзья и сторонники были скомпрометтированные напреднякп. Кромѣ того, гг. редикалы и регентство не очень-то звали ее въ Бѣлградъ, опасаясь неизбѣжнаго съ ея стороны вмѣшательства въ политику и интригъ.

Воспользовавшись уничтоженіемъ развода и прикрываясь желаніемъ возстановить, ради сына, добрыя отношенія въ королевской семьѣ, Миланъ устро-

илъ оффиціальное примиреніе съ Наталіей и тутъ-же потребовалъ «выручить» его, ссудивъ ему 200 т. франковъ, которыя, какъ онъ клялся, будутъ послѣднею жертвой, безъ чего ему остается только застрѣлиться.

Письмо, въ которомъ изложено это требованіе, Наталія препроводила въ сербскія газеты и денегъ не дала. А Миланъ, вмѣсто того, чтобы застрѣлиться, рѣшилъ ѣхать въ Сербію.

Но попасть туда было не такъ-то просто. Регентство и правительство не очень довѣряли лойяльности своего бывшаго владыки и приняли необходимыя мѣры предосторожности. Тогда Миланъ, посовѣтовавшись въ Вѣнѣ, гдѣ всегда были рады всякому безпорядку въ Сербіи, выдумалъ вещь достаточно необыкновенную.

Надо замѣтить, что во все время добровольнаго изгнанія изъ Сербіи эксъ-короля, молодой король Александръ разъ или два въ годъ ѣздилъ къ нему на свиданіе и иногда они подолгу проживали на разныхъ курортахъ. Александръ подросталъ и все болѣе сближался съ отцомъ. Оказывалось, что и въ его натурѣ опредѣлялись наслѣдственныя черты отца: сильная воля, сильныя страсти, жажда самостоятельности и иниціативы. Обаятельный, несмотря на свое безпутство, Миланъ имѣлъ на сына огромное вліяніе, и, несмотря на отдаленность разстоянія и рѣдкія встрѣчи, съумѣлъ совершенно подчинить его себѣ и вооружить противъ матери съ одной стороны, противъ опекуновъ и приставниковъ съ другой.

И вотъ, вернувшись изъ одной поѣздки по Европѣ, гдѣ, конечно, получилъ всѣ инструкціи отъ родителя, невступно-шестнадцатилѣтній Александръ Сербскій устроилъ 1 апрѣля 1893 года весьма своеобразное представленіе во дворцѣ. Были приглашены на ужинъ гг. регенты и министры. Кушали, пили. Затѣмъ его величество всталъ и произнесъ очень характерную рѣчь, гдѣ выяснилъ, что ему надоѣло быть безучастнымъ зрителемъ политическихъ споровъ и интригъ между партіями (это дѣйствительно уже началось), а потому онъ объявляетъ себя совершеннолѣтнимъ и отнынѣ будетъ царствовать самъ, а для вѣрности и успокоенія умовъ приказываетъ смѣщаемыхъ регентовъ подвергнуть домашнему аресту.

Разъиграна была вся сцена какъ по нотамъ. Военная власть, по причинамъ, упомянутымъ выше, оказалась послушной королю, регенты были разведены по своимъ квартирамъ и арестованы, король началъ царствовать лично, смѣщать кабинеты, назначать новыхъ министровъ и т. д., при чемъ можно было сразу-же увидать, что за спиной пылкаго юноши орудуетъ его неутомимый папаша.

Но однако, возвращеніе Милана въ Сербію послѣдовало не сразу. Королю было нужно подобрать такой кабинетъ, который-бы на это согласился, и затѣмъ уничтожить конституцію 1888 года, при которой дѣятельность Милана въ Сербіи была очень стѣснена.

Такой кабинетъ отыскался. Его глава, бывшій сербскій посланникъ въ Вѣнѣ, Симичъ, смалодушествовалъ и допустилъ Милана прибыть. Употреблены

были всевозможныя увѣренія, что папаша въ политику вмѣшиваться не будетъ, а будетъ только частнымъ человѣкомъ и любящимъ отцомъ. Разумѣется, все это было ложью и съ перваго-же дня своего пребыванія Миланъ успѣлъ загипнотизовать и подчинить себѣ сына. Это вліяніе шло такъ далеко, что въ присутствіи отца Александръ терялъ всякое соображеніе, всякую волю. Миланъ могъ потребовать отъ него подписи на какомъ угодно документѣ, вырвать какое угодно распоряженіе. Уѣзжалъ отецъ, и къ королю Александру возвращались и воля и умственныя способности. Онъ плакалъ и втайнѣ жаловался ближайшимъ друзьямъ на эту ужасную надъ нимъ власть отца. Но онъ продолжалъ ему вѣрить, продолжалъ быть твердо убѣжденнымъ, что отецъ хочетъ единственно блага ему и династіи Обреновичей.

Въ этой увѣренности и подъ страшнымъ нравственнымъ принужденіемъ больной воли сына Миланъ добился всего, чего хотѣлъ. Конституція 1888 года была уничтожена и возстановленъ старый уставъ 1869 года, оставившій Милану почти безграниченный просторъ, уничтожены законы о печати и замѣнены самымъ невѣроятнымъ цензурно-политическимъ произволомъ, и наконецъ король Александръ не только вернулъ отцу титулъ короля и всѣ прерогативы королевскаго сана, но и назначилъ его на должность, для него спеціально созданную—главнокомандующаго сербской арміи.

Въ Сербіи угасла всякая жизнь, королемъ сталъ Миланъ, начался неслыханный терроръ.

II.

9 января 1894 года Миланъ возвратился въ Сербію и съ этой минуты до самаго послѣдняго мѣсяца, когда стало извѣстно, что король Александръ его въ Сербіи видѣть не желаетъ, — несчастная страна находилась въ самомъ жалкомъ, въ самомъ унизительномъ положеніи. Министерскіе кризисы шли одинъ за другимъ, не прерываясь. Была уничтожена конституція 1888 года и возвращенъ къ жизни старый уставъ 1869 г., по которому половина депутатовъ скупщины назначалась королемъ. Но и этого было мало. Выборы остальной половины происходили подъ невѣроятнымъ военнымъ и полицейскимъ насиліемъ. Достаточно сказать, что, несмотря на полнѣйшее преобладаніе въ Сербіи радикаловъ и полное сочувствіе имъ и сельскаго и городского населенія, въ депутаты послѣдней скупщины не попало ни одного радикала и сама эта партія, гонимая и тѣснимая, вынуждена была оффиціально закончить свое существованіе, т.-е. разойтись.

Миланъ сталъ фактически королемъ, началъ являться всюду рядомъ съ сыномъ, получилъ титулъ «его величества короля-отца» и отнынѣ могъ дѣлать въ Сербіи, что ему было угодно.

Началъ онъ съ сербскаго казначейства и банка. «Пустилъ въ обращеніе» разные государственные депозиты, банковскіе вклады. «Позаимствовалъ» чуть не весь инвалидный капиталъ, такъ что пришлось прекратить выдачу пенсій.

Словомъ, похозяйничалъ такъ, что дальнѣйшее финансовое управленіе становилось прямо немыслимымъ. Долга внѣшняго, правда, Миланъ не увеличилъ, но произошло это не по недостатку усердія, а единственно по невозможности. Съ момента возвращенія Милана въ любезное отечество всякій кредитъ Сербіи за границей окончательно прекратился, такъ какъ всѣмъ-же было ясно, что обозначаетъ правленіе Милана и тѣхъ лицъ, которыхъ онъ ставитъ министрами.

Съ Россіей, которая неодобрительно смотрѣла на подвиги Милана и вообще на его пребываніе въ Сербіи «король-отецъ» постарался стать въ такія отношенія, что русскому посланнику пришлось демонстративно уѣхать, оставивъ простого повѣреннаго въ дѣлахъ для самыхъ необходимыхъ сношеній. Произошелъ полный разрывъ съ Черногоріей, съ прекращеніемъ даже дипломатическихъ отношеній. Полной хозяйкой въ Сербіи стала Австро-Венгрія, простымъ генералъ-губернаторомъ коей былъ Миланъ. Настоящій король Александръ былъ, какъ я уже говорилъ, совершенно загипнотизованъ и лишенъ всякой воли.

Казалось, Миланъ достигъ всѣхъ своихъ цѣлей. Униженная, ограбленная, опозоренная Сербія лежала у его ногъ. Но этого ему было мало. Вожди бывшей радикальной партіи были всѣ налицо, и хотя держали себя вполнѣ лойяльно и въ политику не мѣшались, совершенно уйдя въ частную жизнь, но каждый изъ нихъ являлся живымъ осужденіемъ личности и дѣйствій Милана. А такъ какъ этотъ послѣдній шелъ явно въ антинародномъ направленіи и туда-же велъ династію Обреновичей, такъ какъ въ концѣ концовъ, несмотря на поддержку Австріи и явную опасность австрійской оккупаціи, въ Сербіи могла разъиграться революція, то Миланъ увидалъ себя въ необходимости такъ или иначе погубить всѣхъ выдающихся главарей радикальной партіи. Это были: Никола Пашичъ, государственный человѣкъ очень большого размѣра, генералъ Сава Груичъ, посланникъ Сербіи въ Петербургѣ, очень у насъ популярный и любимый при Дворѣ, Коста Таушановичъ, бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ, проф. Михаилъ Вуичъ, бывшій министръ финансовъ, и другіе.

Возбужденіе въ Сербіи росло. Новосадская газета «Застава» (знамя), органъ радикальной партіи за границами Сербіи (въ Венгріи), опубликовала сущность переговоровъ, которые вело правительство Милана съ Австро-Венгріей. Предполагалось нѣчто въ родѣ присоединенія Сербіи къ Австріи, при чемъ послѣдняя, оставляя себѣ верховную власть и дѣлая короля своимъ вассаломъ, отдавала Сербіи Боснію и Герцеговину.

Можно легко себѣ представить, какъ волновали Сербію, и безъ того возбужденную, эти вещи, проносившіяся контрабандой. Въ воздухѣ пахло революціей...

Въ іюлѣ прошлаго года случилось нѣчто неожиданное. Во время одной изъ прогулокъ Милана на него было сдѣлано покушеніе. «Король-отецъ» ѣхалъ въ каретѣ съ адъютантомъ. Раздался выстрѣлъ изъ револьвера. Карета остановилась. Миланъ поспѣшилъ спрятаться, адъютантъ поймалъ и задержалъ преступника, нѣкоего Княжевича, жалкаго и тщедушнаго человѣчка съ крошечнымъ револьверомъ, заряженнымъ, кажется, даже холостыми патронами. По крайней мѣрѣ выпущенной пули не нашли нигдѣ.

Въ городѣ сразу заговорили, что это покушенiе не настоящее, а подстроено самимъ Миланомъ. Наряжено было «строжайшее» слѣдствiе, преступника съ глазу на глазъ допрашивалъ цѣлый часъ самъ эксъ-король, и въ результатѣ получилось слѣдующее:

Кнежевичъ признался, что онъ—орудiе обширнаго заговора радикаловъ противъ короля Милана. Что главными заговорщиками были: Пашичъ, Таушановичъ, протоiерей Джуричъ, бывшiй министръ Протичъ и другiе радикальные вожди. Что цѣль заговора была—убить Милана, изгнать династiю Обреновичей и передать престолъ Карагеоргiевичамъ. Что о заговорѣ извѣстно черногорскому правительству, которое этотъ планъ одобряетъ, и проч. и проч.

Такое показанiе развязывало совершенно руки Милану. Тотчасъ-же всѣ названныя лица и множество другихъ были арестованы и закованы въ цѣпи. Между прочимъ былъ схваченъ двоюродный братъ князя черногорскаго Николая, воевода Божо Петровичъ. Изъ Петербурга былъ вызванъ съ лишенiемъ должности сербскiй посланникъ генералъ Сава Груичъ. Отпуская его, Государь собственноручно надѣлъ на него орденъ св. Анны 1-й степени. Старый патрiотъ не захотѣлъ уклониться отъ участи своихъ товарищей и выѣхалъ, не теряя ни минуты...

Жестокости и неистовства Милана вызвали, однако, и со стороны Австрiи «дружеское представленiе». Сава Груичъ и Михаилъ Вуичъ были отпущены за границу, Божо Петровичъ освобожденъ. Но тѣмъ плачевнѣе была судьба остальныхъ узниковъ. Ихъ заперли въ отвратительное сырое подземелье, наполненное нечистотами, и даже, какъ говорятъ, подвергали пыткамъ. На судъ явились эти люди совершенно изнеможенные и больные.

«Прекiй», или быстрый, т.-е. военнополевой судъ представлялъ собою нѣчто невѣроятно постыдное и возмутительное. Начать съ того, что обвиняемый Кнежевичъ взялъ назадъ свое показанiе, данное на слѣдствiи и обвинявшее вождей радикальной партiи. Онъ заявилъ, что былъ подкупленъ показать противъ нихъ, но теперь его мучаетъ совѣсть и онъ говоритъ правду. У него нѣтъ никакихъ сообщниковъ, и все покушенiе является лишь дѣломъ личной мести (Кнежевичъ былъ уволенъ изъ королевскихъ купаленъ).

Казалось бы, дѣло ясно. Но у «прекаго» суда была въ запасѣ цѣлая свора лжесвидѣтелей, отчасти мѣстныхъ, отчасти нанятыхъ и перевезенныхъ изъ-за Дуная. Можно себѣ представить, что это были за подонки общества! И, однако, всѣ показанiя этихъ господъ ограничивались передачей сплетенъ, что вотъ тогда-то, тамъ-то одинъ изъ подсудимыхъ отозвался непочтительно о королѣ Миланѣ, другой говорилъ, что въ Сербiи «должно скоро что-то случиться» и т. д. въ подобномъ-же родѣ.

Процессъ тянулся долго и представлялъ собою чистѣйшее издѣвательство надъ правосудiемъ, правдою и нравственностью. Защитники и обвиняемые не смѣли почти ничего говорить, ихъ свидѣтели не выслушивались и т. д.

Во время процесса Милану удалось одержать крупную побѣду. Измученный пытками, нервнобольной, угрожаемый вѣчнымъ заточенiемъ въ вонючей подзем-

ной тюрьмѣ вождь радикальной партіи Никола Пашичъ «принесъ покаяніе». Т.-е. онъ ни въ чемъ не каялся и никого не оговаривалъ, но написалъ обоимъ королямъ преданное письмо, гдѣ сознавался, что радикальная партія была враждебна династіи, а потому онъ ее распускаетъ и самъ изъ нея выходитъ. Письмо это, равносильное политической смерти Пашича, было торжественно опубликовано въ милановскихъ газетахъ, а самъ Пашичъ помилованъ и отпущенъ на свободу, впрочемъ, безъ права выѣзда изъ Сербіи.

Что и говорить! Постыдная эта вещь—измѣна своимъ убѣжденіямъ хотя-бы и подъ пыткой. Но не будемъ торопиться осуждать Пашича, который послѣ славной политической карьеры нашелъ себѣ такой ужасный конецъ. Не всѣмъ-же быть героями и мучениками въ родѣ Косты Таушановича, Милана Джурича и другихъ ихъ товарищей.

Приговоръ суда былъ возмутительный. «Разстрѣляніе». «Двадцать лѣтъ каторжной работы». «Двадцать лѣтъ тяжкихъ цѣпей». Ну, Кнежевичъ, куда ни шло. Все-таки же онъ стрѣлялъ. Но двадцать лѣтъ каторги за непочтительный отзывъ и даже не о королѣ, а о человѣкѣ, продавшемъ свой королевскій санъ за деньги!

По всей Европѣ пронесся крикъ негодованія. Тотчасъ-же послѣ объявленія приговора русскій повѣренный въ дѣлахъ Мансуровъ выѣхалъ изъ Бѣлграда, вручивъ правительству короля Александра ноту, гдѣ находились знаменательныя слова о „тяжеломъ впечатлѣніи, произведенномъ повсюду, и въ особенности въ Россіи, возмущающемъ общественную совѣсть приговоромъ чрезвычайнаго суда надъ обвиняемыми въ политическомъ заговорѣ, несмотря на отсутствіе достаточныхъ поводовъ къ ихъ осужденію».

Можно себѣ представить, что это былъ за судъ и каковъ былъ этотъ приговоръ, если русская дипломатія, столь сдержанная и долготерпѣливая, заговорила такимъ языкомъ. Такія-же заявленія были сдѣланы французскимъ и итальянскимъ дипломатическими представителями.

Австрія и Германія промолчали. Вѣдь враги Милана, радикалы, были и ихъ враги. А съ врагами всякія средства хороши.

Этимъ приговоромъ Сербія была окончательно растоптана и брошена подъ ноги Милану. Наступилъ невѣроятный терроръ. Эксъ-королю, ставшему диктаторомъ и упразднившему и совѣсть, и законъ, можно было дѣлать все, что угодно. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Молодой король заперся въ своемъ конакѣ и не показывалъ признака политической жизни. Но въ его душѣ созрѣвало совершенно новое и неожиданное рѣшеніе.

Въ первыхъ числахъ іюля по новому стилю Миланъ, ничего не подозрѣвая и увѣренный въ полномъ спокойствіи и одолѣніи всѣхъ своихъ супостатовъ, уѣхалъ изъ Сербіи на воды. Вмѣстѣ съ нимъ выѣхалъ глава кабинета Владанъ Джорджевичъ. Вдругъ совершенно неожиданно появляется королевскій указъ, возвѣщающій о намѣреніи короля вступить въ бракъ съ бывшей фрейлиной королевы Наталіи вдовою офицера Машина Драгою, урожденною Луневичъ. Указъ появился единоличный безъ подписи отвѣтственнаго министра, т.-е. по конституціи не имѣющій силы.

Все пришло въ величайшее замѣшательство. Министры перепугались и не знали, что дѣлать. Король пригласилъ ихъ во дворецъ, гдѣ произошла бурная сцена. Министръ полиціи, молодой авантюристъ Джордже-Генчичъ не явился, его послали разыскивать и нашли въ домѣ невѣсты короля уговаривающимъ ее уѣхать изъ Сербіи. Тогда король уволилъ все министерство въ отставку и кое-какъ набралъ новыхъ министровъ изъ людей разныхъ партій, на которыхъ онъ могъ положиться и которые не испугались возможной перспективы возвращенія Милана.

Получивъ телеграмму о происшедшемъ и разсчитывая на свое вліяніе на сына, Миланъ допустилъ грубѣйшую ошибку. Вмѣсто того, чтобы тотчасъ-же ѣхать въ Бѣлградъ, не медля ни минуты, онъ вздумалъ пригрозить сыну отставкой. Сверхъ всякаго ожиданія, король не только принялъ отставку отца, но далъ строжайшее распоряженіе ни подъ какимъ видомъ не впускать Милана въ Сербію, «не дозволить ему выйти изъ вагона», какъ говорилось въ указѣ, если-бы ему вздумалось пріѣхать.

Король Александръ громко заявилъ при этомъ, что до сихъ поръ вѣрилъ отцу, теперь-же совершенно убѣжденъ, что Миланъ готовилъ дворцовый переворотъ и намѣревался отнять у него корону. Поэтому между нимъ и отцомъ всякія дальнѣйшія отношенія покончены.

Послѣ этого категорическаго заявленія Сербія могла нѣсколько успокоиться, тѣмъ болѣе, что новое министерство принялось ревностно очищать всѣ вѣдомства отъ милановскихъ ставленниковъ.

Такова внѣшняя обстановка дѣла.

Что-же такое ея внутренняя, интимная сторона? Кто такая эта Драга Машина, спасительница Сербіи отъ Милана и его подвиговъ?

Я не могу припомнить, видѣлъ-ли я г-жу Машину, т.-е. была-ли это она та дама, которую выслала къ намъ съ покойнымъ А. А. Кривцовымъ королева Наталія, когда мы пріѣхали въ Ялту, чтобы представиться королевѣ въ 1889 году. Была это она, или нѣтъ, навѣрно сказать не могу, кажется, да, но мы, помню, вынесли впечатлѣніе чарующей красоты и большого ума. На прекрасномъ французскомъ языкѣ было объяснено, что королева во все время своего пребыванія въ Россіи намѣрена быть безусловно чуждою всякой политики, а потому насъ не можетъ принять, тѣмъ болѣе, что мы объявили себя членами Славянскаго Общества. Такъ мы и уѣхали.

Припоминая теперь эту встрѣчу, эти великолѣпные черные ласкающіе глаза изъ-подъ длинныхъ полуоткрытыхъ рѣсницъ, эту нервную игру вѣеромъ въ изящной ручкѣ, я могу сказать по совѣсти, что даже черезъ 11 лѣтъ въ эту женщину можно было, пожалуй, влюбиться.

Оказывается, что король Александръ влюбленъ въ нее очень давно, чуть не съ десяти лѣтъ. Самая отставка Драги Машиной отъ двора королевы Наталіи объясняется тѣмъ, что королева узнала про эту юношескую любовь и не желала допустить скандала. Молодой королевичъ скрывался, по его собственному сознанію, часами въ нетопленной комнатѣ дворца, чтобы подстеречь свою возлюбленную и шепнуть ей нѣсколько словъ.

Къ несчастію, будущая королева Сербіи на цѣлыхъ 11 лѣтъ старше своего жениха (22 и 33) и ея первое замужество было бездѣтнымъ. Но что до того, разъ молодой король влюбленъ въ Машину до безумія и не желаетъ права своего сердца уступить ради придворныхъ приличій и будущности династіи? Ужь если гордая раса Габсбурговъ пошла на уступки и допустила бракъ наслѣдника престола, Франца-Фердинанда д'Эстэ, съ простой подданной графинею Хотекъ, то для сербскаго короля бракъ съ его подданною, Сербкою и православною, не представлялъ ровно ничего зазорнаго. Да и сербская конституція въ такомъ бракѣ не видитъ ничего неудобнаго и его не воспрещаетъ.

Отношенія заинтересованныхъ въ Сербіи иностранныхъ правительствъ къ этому браку оказались совершенно различными. Въ то время, какъ австрійскому представителю было поручено употребить все свое вліяніе, чтобы разстроить бракъ, русскій повѣренный въ дѣлахъ, Мансуровъ, первымъ явился къ королю отъ имени Государя принести поздравленіе. Это сразу устранило всѣ препятствія къ браку и создало будущей королевѣ даже нѣкоторую популярность, такъ какъ съ ея вступленіемъ въ династію Обреновичей связано возстановленіе тѣсной нравственной связи Сербіи съ Россіей, порванной на время Миланомъ. Государь Николай II согласился даже на просьбу короля Александра быть заочно его свидѣтелемъ при бракосочетаніи...

* * *

Не обошлось и безъ комическаго элемента. Митрополитъ Иннокентій и многіе высшіе сановники пытались уговорить короля отказаться отъ этого брака, въ виду интересовъ династіи, такъ какъ г-жа Машина отъ перваго брака дѣтей не имѣла, т.-е. рисковала остаться бездѣтной.

Можно себѣ представить смущеніе этихъ почтенныхъ людей, когда недѣли черезъ двѣ послѣ свадьбы телеграфъ возвѣстилъ европейской публикѣ, что ея величество, согласно заключенію выписанныхъ изъ Парижа докторовъ, находится въ интересномъ положеніи. Король Александръ постарался обезпечить династію Обреновичей заблаговременно...

Что означаетъ повышеніе таможенныхъ пошлинъ?

Недавно, именно въ концѣ іюля, наше финансовое вѣдомство приняло экстренную мѣру, практикующуюся обыкновенно лишь въ моментъ сильныхъ денежныхъ затрудненій. Были возвышены на 20,30 и даже 50% пошлины на нѣкоторые привозные предметы потребленія, преимущественно въ области роскоши, но также и на хлопокъ-сырецъ Мѣра эта была довольно

неожиданною и мотивировалась необходимостью для правительства придти на помощь Государственному Казначейству въ виду чрезвычайныхъ расходовъ, вызванныхъ китайскими осложненіями.

Мнѣ это объясненіе казалось не совсѣмъ отвѣчающимъ дѣйствительности, такъ какъ повышеніе пошлинъ не увеличиваетъ, а почти всегда сокращаетъ таможенный доходъ, кромѣ развѣ тѣхъ случаевъ, когда облагается предметъ первой необходимости.

Но какъ судить объ этомъ безъ цифръ и точныхъ данныхъ? Я обратился поэтому къ моему другу и бывшему сотруднику, Павлу Васильевичу Олю, какъ спеціалисту по части всякихъ статистическихъ расчетовъ, и получилъ отъ него нижеслѣдующую цифровую справку. Читатель оцѣнитъ ея значеніе, а за цифры у П. В. Оля можно быть спокойнымъ.

Вотъ эта справка:

Повышеніе таможенныхъ пошлинъ никогда не вело къ увеличенію доходовъ Государственнаго Казначейства, такъ какъ вслѣдствіе этого повышенія неминуемо сокращался ввозъ иностранныхъ товаровъ. Лучшимъ доказательствомъ можетъ служить слѣдующая таблица:

	Ввозъ иностр. товар. по всѣмъ границамъ. (въ милл. руб. зол. стар. чек.).	Получено таможеннаго дохода. (въ милл. руб. зол. стар. чек.).	Средняя цѣна стараго золотого рубля.	ПРИМѢЧАНІЯ.
1875	467.2	56.2	1.165	
1876	367.2	57.2	1.240	
1877	233.9	32.5	1.484	Съ 1 января введены золотыя пошлины.
1878	383.9	58.9	1.571	
1879	372.7	63.2	1.585	
1880	395.1	69.9	1.530	
1881	355.2	57.0	1.522	Въ концѣ 1881 г. сдѣлана надбавка въ 10% по всѣмъ статьямъ.
1882	358.6	65.7	1.584	
1883	347.3	67.9	1.618	Въ 1882 г. обложены вновь многіе товары, оставшіеся не обложенными по тарифу 1868 г., а также усилены нѣкоторыя старыя ставки.
1884	339.8	66.3	1.577	
1885	275.1	65.6	1.578	Въ 1884 г. увеличены пошлины на сельди, чай, вина, шелкъ и растительныя масла.
1886	266.9	72.1	1.642	
1887	220.0	65.4	1.787	Въ 1885 г. повышены пошлины почти по всѣмъ статьямъ приблизительно на 20%.
1888	226.4	71.3	1.726	
1889	288.3	81.3	1.516	Въ 1887 г. повышены пошлины: на овощи, фрукты, пряности, кяхтинскій чай, хлопокъ, издѣлія изъ хлопка, льна, пеньки, джута, на игрушки, часовой товаръ и пр.
1890	300.6	84.1	1.384	
1891	255.7	81.4	1.4835	
1892	254.7	84.4	1.5855	
1893	302.6	99.1	1.5316	Въ 1891 г. введенъ новый таможенный тарифъ, повысившій пошлины почти по всѣмъ статьямъ.
1894	375.2	116.9	1.4915	
1895	363.5	115.9	1.4825	
1896	393.6	128.7		
1897	373.2	135.1	1.5	
1898	411.7	152.6		

Такимъ образомъ, несмотря на то, что обложеніе пошлиной иностранныхъ товаровъ поднялось съ 12.2% (отношеніе пошлины къ стоимости ввоза) до 31.5% въ 1888 году, таможенный доходъ за 14 лѣтъ увеличился лишь на 15.1 милл. руб. зол. стар. чек. или на 26.8%, тогда какъ тяжесть обложенія иностранныхъ товаровъ возрасла на 158%. Значительный ростъ таможеннаго дохода начинается лишь съ улучшеніемъ вексельнаго курса въ 1889 г., благодаря чему увеличивается ввозъ иностранныхъ товаровъ; онъ принимаетъ серіозные размѣры по заключеніи торговыхъ договоровъ съ Франціей и Германіей, т. е. послѣ *пониженія* таможеннаго тарифа, а далѣе увеличивается отъ роста ввоза иностранныхъ товаровъ, благодаря облегченію этого ввоза введеніемъ у насъ фиксаціи вексельнаго курса, а затѣмъ золотой валюты.

Поэтому наше финансовое вѣдомство не могло серіозно принять эту мѣру ради усиленія средствъ Государственнаго Казначейства, для покрытія расходовъ по военнымъ дѣйствіямъ въ Китаѣ, а имѣло въ виду совершенно иныя цѣли, которыя кстати не далеко искать.

Торговый балансъ Россіи, по европейской границѣ, включая черноморскую границу Кавказа, далъ въ минувшемъ году въ ея пользу всего лишь

	вывозъ	привозъ
7.1 милл. руб. зол. нов. чек. $^1/_{15}$ имп.	(601.6	594.5)
противъ 146.9 милл. руб. зол. нов. чек. въ 1898 г.	(708.9	562.0)
противъ 196.0 милл. руб. зол. нов. чек. въ 1897 г.	(704.3	508.3)

А по всѣмъ границамъ торговый балансъ Россіи далъ въ минувшемъ году превышеніе ввоза надъ вывозомъ, т.-е. пассивное сальдо.

Оффиціальныхъ данныхъ о торговлѣ по азіатской границѣ еще не имѣется; но, не рискуя сдѣлать большой ошибки, можно для минувшаго года взять среднія цифры за два послѣднихъ года:

	Вывозъ.	Ввозъ.	Сальдо.
	(въ милл. руб.	зол. нов.	чек. $^1/_{15}$ имп.).
1897 г.	22.3	51.6	—29.3
1898 г.	24.8	55.5	—30.7
среднее	23.5	53.5	—30.0

въ такомъ случаѣ сравненіе торговаго баланса Россіи, по всѣмъ границамъ, за послѣдніе три года даетъ слѣдующіе результаты:

	Вывозъ.	Ввозъ.	Сальдо.
	(въ милл. руб.	зол. нов.	чек. $^1/_{15}$ имп.).
1897 г.	726.6	559.9	+166.7
1898 г.	733.7	617.5	+116.2
1899 г.	625.0	648.0	— 23.0

Такое ухудшеніе торговаго баланса привело въ полное разстройство нашъ расчетный балансъ, къ тому-же въ такое время года, когда его покрытіе сдѣлалось особенно затруднительнымъ; въ декабрѣ минувшаго года потребовалось вывезти золота изъ Россіи не менѣе, какъ на 48.053 тыс. руб. зол. (нов. чек. $^1/_{15}$ имп.).—Движеніе-же золота за весь 1890 г. и за два предыдущіе года представляется въ слѣдующемъ видѣ:

	Ввозъ.	Вывозъ.	(+) превышеніе ввоза надъ вывозомъ,(—)вывоза надъ ввозомъ.	
	(въ тыс. руб. зол. нов. чек.=$^1/_{15}$ имп.).			
1897 г.	139.076	5.967	+	133.109
1898 г.	100.924	358	+	100.566
1899 г.	48.476	48.555	—	79

За первые 3 мѣсяца нынѣшняго года движеніе золота представляется въ слѣдующемъ видѣ:

		Ввезено.	Вывезено.	Ввезено болѣе, чѣмъ вывезено.
Противъ двухъ предыдущихъ.	1900 г.	1.010	164	846
	1899 г.	28.035	101	27.934
	1898 г.	30.573	75	30.498

За послѣдующіе мѣсяцы вывозъ золота изъ Россіи очень значительно усилился подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ вексельныхъ курсовъ, на что не разъ обращали вниманіе, какъ «Economist», такъ и «L'Economiste européen».

Такое положеніе дѣлъ въ связи съ крупными расходами по военнымъ дѣйствіямъ на Дальнемъ Востокѣ, тоже ложащимися неблагопріятно на расчетный балансъ и требующими не мало золота, заставили наше финансовое вѣдомство вспомнить про старое средство Ив. Ал. Вышнеградскаго, поправленіе вексельнаго курса рубля чрезъ воздѣйствіе пошлинами на торговый балансъ. Разница была лишь въ томъ, что тогда это дѣлалось министромъ Финансовъ для облегченія Государственнаго Казначейства при сильномъ повышеніи преміи на золото, затруднявшемъ платежи процентовъ по металлическимъ займамъ, а теперь для удержанія золота въ странѣ.

Что эта мѣра достигнетъ своей цѣли—сдѣлаетъ торговый балансъ нѣсколько болѣе благопріятнымъ, чрезъ сокращеніе ввоза—въ этомъ едва-ли есть основаніе сомнѣваться, въ виду очень значительнаго повышенія пошлины,—на 20%, 30% и даже 50%,—на предметы, болѣе или менѣе принадлежащіе къ роскоши, потребленіе коихъ должно значительно сократиться. Но чтобы отъ такого сокращенія ввоза иностранныхъ товаровъ не послѣдовало уменьшенія государственныхъ доходовъ и, такимъ образомъ, не пострадало-бы Государственное Казначейство, одновременно была повышена пошлина на хлопокъ-сырецъ и на всѣ изъ него издѣлія. Хлопокъ является теперь предметомъ первой необ-

ходимости, между тѣмъ пошлина на него въ сыромъ видѣ разомъ поднята на цѣлый рубль съ пуда, а именно, съ 3 руб. 15 коп. до 4 руб. 15 коп., т.-е. на цѣлыхъ 31.5%.

Ввозъ хлопка за послѣдніе годы составляетъ:

	Въ теченіе года. (въ тыс. пудовъ).	Въ теченіе первыхъ 7 мѣсяцевъ.	въ %
въ 1895 г.	8.202	4.906	59.8
» 1896 г.	9.239	5.041	54.6
» 1897 г.	9.960	5.662	56.9
» 1898 г.	12.081	7.710	63.8
» 1899 г.	10.226	5.783	56.5
въ среднемъ	9.942	5.820	58.5

Допуская, что ввозъ хлопка въ нынѣшнемъ году изъ-за неблагопріятнаго положенія мануфактурнаго и денежнаго рынковъ не превыситъ 10 милл. пудовъ и что за первые 7 мѣсяцевъ ввозъ хлопка былъ не болѣе 58.5%, то и тогда отъ увеличенія пошлины на хлопокъ будетъ получено въ теченіе послѣднихъ 5 мѣсяцевъ нынѣшняго года не менѣе 4.150 тыс. руб. Вмѣстѣ съ увеличеніемъ пошлины на другіе предметы это позволитъ ввозу иностранныхъ товаровъ сократиться милліоновъ на 20 рублей, а быть-можетъ, и болѣе, безъ всякаго риска уменьшенія дохода Государственнаго Казначейства.

Такимъ образомъ, оплату за улучшеніе торговаго баланса, ради поддержанія вексельнаго курса и удержанія золота въ странѣ, опять вынесетъ на своихъ плечахъ нашъ крестьянинъ. Но слѣдуетъ имѣть еще въ виду, что эта оплата на много превыситъ 4 милл. рублей, такъ какъ представители нашей мануфактурной промышленности учтутъ повышеніе пошлины не только на хлопкѣ, имѣющемъ быть ввезеннымъ съ 1-го августа, но и на томъ, изъ котораго уже изготовлены ситцы, платки и другія ткани. Этому нисколько не противорѣчитъ собственная телеграмма «Торгово-Промышленной Газеты» отъ 26-го іюля изъ Нижняго-Новгорода, гласящая: «Начались сдѣлки съ мануфактурой; ярмарка идетъ полнымъ ходомъ; цѣны ситцевъ: на московскіе 10$^1/_4$ коп. за № 1-й, несмотря на повышеніе пошлины хлопка почти на рубль (отчего не просто на рубль? Это было-бы вѣрнѣе), прибавки на ситцы не будетъ, въ виду большой выработки и запасовъ», такъ какъ, еслибы не было повышенія пошлины на хлопокъ, то цѣна ситцевъ при нынѣшнихъ условіяхъ была-бы другая. Вы это должны знать лучше; вы ближе къ этому кругу. Быть-можетъ, это является даже нѣкоторой косвенной поддержкой господамъ мануфактуристамъ за денежное стѣсненіе, которое они переживаютъ? Но отъ изслѣдованія этого вопроса я удерживаюсь и ограничиваюсь вышеизложеннымъ.

Вотъ что гласитъ присланная мнѣ П. В. Олемъ справка. Теперь дѣла стали еще болѣе бѣдственными. Крупные мануфактуристы имѣли уже совѣщаніе относительно сокращенія работъ на фабрикахъ. Объ этомъ я поговорю особо.

О Китаѣ, Европѣ и прочемъ.

I.

Мои основныя положенія по вопросамъ Дальняго Востока высказаны были въ самомъ началѣ «затрудненій», или «волненій» (а кому угодно, то и «войны»). Теперь мнѣ придется, слѣдя за совершающимися событіями, развивать эти основныя положенія дальше.

Ну вотъ, и Пекинъ взятъ, и войнѣ казалось-бы конецъ, а между тѣмъ политическія заботы и осложненія все растутъ, тревога усиливается. Въ возстаніи была собственно ничтожная доля Китайскаго царства, и та потребовала отъ Европы огромныхъ усилій; теперь говорятъ о постепенно нарастающемъ броженіи въ южныхъ, самыхъ многолюдныхъ провинціяхъ, державшихся до сихъ поръ вполнѣ спокойно. Придется, значитъ, еще и еще посылать арміи, чтобы усмирять и остальной Китай? И во главѣ усмирителей пойдутъ опять русскіе офицеры и солдаты, опять польется русская кровь и посыплются русскія деньги? И при этомъ ни тѣ, кто будетъ проливать кровь, ни тѣ, кто будутъ давать деньги, не будутъ попрежнему знать, зачѣмъ все это дѣлается и какія цѣли прослѣдуетъ Россія, забираясь все дальше и дальше вмѣстѣ съ Европой въ глубину Китая? А что, если при этомъ да еще и военное счастье улыбнется Китайцамъ, что въ сущности не невозможно, потому что ужь очень великъ ихъ численный перевѣсъ, да и вооруженіе ихъ не хуже, чѣмъ у Европейцевъ, отъ послѣднихъ-же и полученное!

Но даже и помимо такой неблагопріятной случайности, даже предполагая самое лучшее, именно, что Китайцы покорятся и кровопролитіе остановится, вопросъ о дальнѣйшемъ развитіи кризиса на Дальнемъ Востокѣ все такъ-же теменъ и грозенъ. Взяли Пекинъ, освободили посланниковъ, разбили всякихъ вольныхъ и регулярныхъ мятежниковъ, а затѣмъ что?

И на этотъ вопросъ никто не даетъ никакого отвѣта. Европейскія газеты кричатъ о наказаніи Китайцевъ. Но кого-же въ сущности наказывать и за что? Тѣ-же самыя газеты изъ болѣе добросовѣстныхъ говорятъ прямо, что во всемъ виноваты прежде всего сами Европейцы, изъ которыхъ трудно сказать, кто больше озлобилъ мѣстное населеніе, благочестивые-ли миссіонеры, или всевозможные, набѣжавшіе въ Китай гишефтмахеры, неслыханнымъ и весьма постыднымъ образомъ эксплуатировавшіе населеніе и лишавшіе его привычныхъ заработковъ.

Раньше я уже имѣлъ случай говорить о томъ, что значитъ для китайскаго земледѣльческаго населенія прокладываемая желѣзная дорога или открываемая фабрика. Китай, хотя-бы и побитый, хотя-бы и усмиренный, и потерявшій дальнѣйшую силу сопротивленія, все-же согласиться на возстановленіе

прежняго порядка вещей не можетъ, ибо это для него было-бы равносильно самоубійству. Слѣдовательно, что-же? Вѣчное возстаніе, вѣчное усмиреніе только ради того, чтобы европейскимъ капиталистамъ было гдѣ помѣщать свои капиталы?

Очевидно, что примиренія между нападающей европейскою и защищающейся азіатскою цивилизаціями быть не можетъ, а такъ какъ европейская цивилизація оставить Китай въ покоѣ не желаетъ, то остается одно: раздѣлъ Китая между великими державами.

Фактически этотъ раздѣлъ уже давно начался, съ самаго появленія Нѣмцевъ въ Кяо-Чао и образованія различныхъ «сферъ явленія». Была даже издана карта этихъ «сферъ», внѣ которыхъ у Китая уже не оставалось ничего. Не произносилось только самое слово.

Этотъ именно фактическій раздѣлъ и вызвалъ возстаніе, перешедшее въ ожесточенную войну. Не говорятъ о раздѣлѣ прямо и сейчасъ *), но всѣ отлично понимаютъ, что выходовъ изъ кризиса имѣется только два: или европейская цивилизація должна убраться изъ Китая вовсе и оставить его въ покоѣ, даже безъ всякаго вознагражденія за причиненные убытки и военные расходы, или Китай долженъ быть раздѣленъ и обращенъ въ рядъ колоній, наподобіе Тонкина, Индіи и т. п.

Я сказалъ, что Европа должна уйти изъ Китая даже безъ вознагражденія. Китаю нечѣмъ заплатить никакой, даже самой маленькой контрибуціи, развѣ своими землями, что опять-таки равнозначуще съ раздѣломъ. Недавно мнѣ пришлось ознакомиться по документамъ съ исторіею задолженности Китая Европѣ, и эту поучительную страничку нашей биржевой цивилизаціи я въ краткихъ чертахъ постараюсь изобразить читателю; изъ нея будетъ видно, какъ огромное государство можетъ совершенно незамѣтно попасть въ биржевую кабалу и лишиться экономической самостоятельности, т.-е. связать себя на вѣчное время по рукамъ и по ногамъ безъ всякой возможности когда-либо освободиться отъ экономическаго, а съ нимъ неразлучно и политическаго подчиненія у своихъ кредиторовъ.

У меня подъ руками статья одного изъ выдающихся финансовыхъ писателей, издателя французскаго журнала «Economiste européen», Эдмонда Тэри, посвященная спеціально этому вопросу. Съ неподражаемой откровенностью объясняетъ авторъ, какъ опутывали Китай господа Европейцы.

«Всѣ европейскіе рынки, говоритъ Тэри, болѣе или менѣе заинтересованы китайскими финансами. Когда различныя западныя народности стали на перебой хвататься за эксплуатацію Небесной имперіи, онѣ считали верхомъ политической ловкости связать китайское правительство различными финансовыми обязательствами: старались даже предупредить въ этомъ смыслѣ китайскія тре-

---

*) Неожиданно заговорилъ философъ кн. Трубецкой въ „Спб. Вѣдомостяхъ“ и былъ горячо поддержанъ г. Грингмутомъ въ „Московскихъ Вѣд.“. Не поздравляемъ князя съ новымъ союзникомъ.

бованія, почему внѣшній долгъ Китая и достигъ такого огромнаго размѣра въ короткое сравнительно время».

Итакъ, мы имѣемъ твердо установленное признаніе: державы *сами набивались* со своими деньгами, чтобы опутать Китай и экономически его поработить. Но будемъ изглагать самый разсказъ Тэри.

До 1887 года у Китая не было вовсе внѣшнихъ долговъ, Въ этомъ году онъ при помощи Германіи сдѣлалъ первый маленькій долгъ въ 6.250 т. франковъ. Слѣдующій заемъ былъ сдѣланъ въ 1894 году уже на большую сумму въ 40.875 т. фр. черезъ посредство Гонконгскаго и Шанхайскаго банка, т.-е. Англіи. Затѣмъ послѣ Симоносэкскаго договора, закончившаго несчастную войну Китая съ Японіей, задолженность начинаетъ возрастать въ огромныхъ размѣрахъ. Вотъ табличка постепеннаго роста китайскаго государственнаго долга съ указаніемъ странъ, на рынкахъ, или при посредствѣ коихъ были заключены займы:

$5^1/_2$%	золотой	1887 г.	Германія	на	6.250.000	фр.
7%	серебрян.	1894 »	Англія	»	40.875.000	»
6%	золотой	1895 »	»	»	75.000.000	»
6%	»	— »	»	»	25.000.000	»
6%	»	— »	Германія	»	225.000.000	»
4%	»	— »	Россія и Франція	»	400.000.000	»
5%	»	1896 »	Англія и Германія	»	400.000.000	»
$4^1/_2$%	»	1898 »	Германія	»	400.000.000	»
5%	зол. жел. д.	— »		»	57.500.000	»
5%	» » »	— »	Франція и Бельгія	»	67.000.000	»
			Итого	. . .	1.496.625.000	фр.

Изъ этой таблицы видно, что менѣе, чѣмъ въ пять лѣтъ, Китай задолжалъ Европѣ *полтора миллiарда франковъ* и что почти всѣ великія державы помогали образованію этого долга. Любопытно приводимое Тэри исчисленіе суммъ, поступающихъ на уплату процентовъ и погашенія.

Всего по всѣмъ этимъ внѣшнимъ долгамъ Китаю приходится платить въ годъ, считая въ шангайскихъ таэляхъ, 26.000.000 таэлей, что по послѣднему курсу составитъ, считая таэль въ 3 фран. 75 сантимовъ, —97.500.000 фран. Почти такая-же сумма получается въ видѣ дохода съ китайскихъ таможенъ, управляемыхъ, какъ извѣстно, Европейцами и составляющихъ единственный золотой источникъ для китайскаго правительства, подлежащій европейскому контролю. Чтобы добыть еще денегъ въ видѣ займа, Китаю необходимо, по словамъ Тэри, произвести «внутреннія реформы», безъ чего ему никто не повѣритъ ни таэля. Что значатъ съ европейской точки зрѣнія эти «внутреннія реформы», мы очень хорошо знаемъ на примѣрахъ Турціи, Египта и иныхъ, дове-

денныхъ до банкротства великодушною Европою странъ. Это полное упраздненіе всякой самостоятельности при безпощадномъ хозяйничаньѣ въ странѣ европейскихъ кредиторовъ.

Въ концѣ концовъ для Китая выходитъ все одно и то-же: или быть раздѣленнымъ, или ввести такія «внутреннія реформы», которыя будутъ еще пожалуй хуже форменнаго раздѣла, какъ вообще всякая ложь.

И вотъ, снова для насъ представляется вопросъ: по отношенію къ Китаю, съ кѣмъ мы? Съ Китайцами-ли, которые были цѣлые вѣка нашими добрыми сосѣдями и не причиняли намъ никогда никакого безпокойства, или съ Европою, которая изъ своекорыстныхъ видовъ стремится устроить изъ мирнаго и соннаго китайскаго колосса очагъ страшной, непрекращающейся смуты? Эту смуту легко предвидѣть, такъ какъ всякія «реформы», всякое европейское хозяйничанье въ Китаѣ, раззоряя населеніе и создавая нищету и безработицу, будетъ выталкивать въ наши предѣлы голодныя толпы, которыя и сейчасъ уже являются нежелательными гостями, отнимающими и заработокъ, и хлѣбъ у своихъ. Каково-же это движеніе будетъ тогда, когда отъ хищнаго европейскаго господства побѣжитъ къ намъ въ Сибирь и дальше все обездоленное и голодное?

Передъ такой перспективой русскому человѣку нельзя не остановиться въ раздумьѣ и не пожелать, чтобы какъ можно скорѣе закончилась эта наша несчастная солидарность съ Европою, которая никогда и ничего, кромѣ горя, стыда и разочарованія, намъ не приносила.

Сама судьба благопріятствуетъ прекрасной съ нашей стороны ликвидаціи этого невольнаго нашего соучастія въ нападеніи на Китай. Нашъ дипломатическій, финансовый и желѣзнодорожный персоналъ освобожденъ, цѣлъ и невредимъ, наши военныя и морскія силы покрыли себя новою славой, наши убытки и потери, но только *наши*, Китаю есть чѣмъ вознаградить, не впадая въ новые долги и не подвергаясь ни раздѣлу, ни серіозной потерѣ своихъ земель. Даже небольшое исправленіе нашей границы въ смыслѣ безопасности Великаго Сибирскаго пути и его выхода въ океанъ будетъ совершенно достаточнымъ намъ вознагражденіемъ за сдѣланные расходы. При этомъ я вовсе не имѣю въ виду присоединенія къ Россіи тѣхъ огромныхъ территорій Манчжуріи и Монголіи, которыя находятся по сю сторону Восточно-Китайской желѣзной дороги. Это было-бы тяжелой утратой для Китая и совсѣмъ не цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для насъ. Давно уже высказано въ видѣ великаго политическаго завѣта, что даже такому колоссу, какъ Россія, нельзя безнаказанно шириться въ Азіи и воспринимать въ составъ своего національнаго организма черезчуръ много инороднаго элемента. Присоединеніе поэтому Манчжуріи съ Монголіею, или даже ихъ значительныхъ частей, было-бы для нашей Родины великою политическою опасностью.

Но какъ-же согласовать эти два требованія, т.-е. чтобы вся Сибирская дорога лежала въ русскихъ предѣлахъ и чтобы китайской территоріи мы при этомъ захватили какъ можно меньше? Я не географъ и никакихъ здѣсь ком-

бинацій предлагать не берусь, но я полагаю, что этотъ вопросъ вполнѣ разрѣшимъ.

Какъ-бы тамъ ни было, но я не ошибусь, если скажу, что общее, можно сказать, всенародное желаніе,—это чтобы Россія какъ можно скорѣе закончила свои невольные, громкіе и славные, но совершенно безполезные подвиги, чтобы она прекратила всякую общность дѣйствія съ какою-бы то ни было изъ европейскихъ державъ и имѣла въ виду только свои жизненные интересы. А эти интересы, на мой взглядъ, заключаются прежде всего въ томъ, чтобы за своею огромною и далекою отъ центра страны границею имѣть не гигантскій очагъ вѣчной политической смуты, а своего стараго, мирнаго и спокойнаго сосѣда. Уже только ради этого надо этого сосѣда во что-бы то ни стало спасти отъ политической кабалы и поставить на ноги.

Изъ приведенной мною выше справки о китайской задолженности явствуетъ, что самый щекотливый пунктъ въ улаженіи китайско-европейскаго столкновенія будетъ вопросъ о вознагражденіи гг. культуртрегеровъ за ихъ потери и расходы. Здѣсь со стороны Россіи потребуется самое напряженное вниманіе и величайшій политическій тактъ, дабы остановить непомѣрно разъигрывающіеся аппетиты. Въ той или иной формѣ англо-нѣмецкая Европа будетъ непремѣнно домогаться подъ видомъ гарантіи въ выполненіи Китаемъ своихъ обязательствъ, права своего въ немъ хозяйничанья. Но именно это-то хозяйничанье, раззоряя Китай, и будетъ служить тамъ источникомъ вѣчной смуты. Въ интересахъ самосохраненія Россія не должна допустить ничего подобнаго. Гг. Европейцамъ должно быть категорически сказано «руки прочь» и сдѣлать это будетъ возможно безъ всякой ссоры съ кѣмъ-либо изъ нихъ. Достаточно, чтобы Россія, покончивъ свою задачу, отвела на сѣверъ свои войска и предоставила Европѣ воевать въ Китаѣ одной. Можно себѣ легко представить, что получится. Даже съ такимъ великимъ стратегомъ, какъ Вальдерзее, союзныя войска безъ Россіи рискуютъ быть окруженными и раздавленными Китайцами. Поэтому уже одна серіозная угроза со стороны Россіи вывести свои войска будетъ въ состояніи умѣрить самые алчные аппетиты. Судьба передала ей ключъ къ рѣшенію всѣхъ затрудненій на Дальнемъ Востокѣ, и этимъ исключительно счастливымъ обстоятельствомъ было-бы грѣшно не воспользоваться.

Мнѣ могутъ возразить, что за уходомъ Россіи на театрѣ военныхъ дѣйствій останется Японія, которая достаточно сильна и въ военномъ отношеніи подготовлена, чтобы справиться съ Китаемъ. Да, это такъ, но, мнѣ думается, Японія смотритъ совсѣмъ не туда и едва-ли будетъ расположена вытаскивать каштаны изъ огня для гг. Европейцевъ. Японія имѣетъ свои собственныя цѣли и задачи въ Китаѣ, и эти задачи едва-ли совпадаютъ съ европейскими. Во всякомъ случаѣ, ни раздѣлъ Китая, ни европейское въ немъ хозяйничанье, отнюдь не въ интересахъ Японіи. Можно себѣ легко представить, что, оставшись одна съ Европейцами, Японія тотчасъ-же постарается поступить, какъ и Россія, т.-е. станетъ не разрушать и закабалять Китай въ пользу Европы, а охранять его отъ нея.

И въ этомъ случаѣ просвѣщенной Европѣ ничего другого не останется, какъ благородно ретироваться.

Послѣднія телеграммы принесли два очень важныхъ извѣстія. Одно изъ нихъ гласитъ, что сообщеніе оккупаціоннаго отряда, находящагося въ Пекинѣ съ Тіенъ-Цзиномъ въ опасности, другое возвѣщаетъ о плѣненіи китайскихъ императора и императрицы.

Это послѣднее извѣстіе не менѣе важно, чѣмъ первое. Имѣя въ рукахъ такихъ заложниковъ, становится возможнымъ возстановить въ Пекинѣ нѣкоторое подобіе законнаго правительства и предписать ему какія угодно мирныя условія *). Разумѣется, этимъ смута закончена не будетъ и мирный договоръ подобнаго рода будетъ похожъ на добровольный самообманъ, но опасность для насъ здѣсь въ томъ, что въ заключеніи этого мира будетъ участвовать и Россія, а, слѣдовательно, ей волей-неволей придется удовлетворять самымъ разнообразнымъ европейскимъ домогательствамъ, которыя затѣмъ снова придется защищать вооруженною силою.

Появленіе китайскихъ войскъ въ тылу соединеннаго отряда въ Пекинѣ является обстоятельствомъ весьма опаснымъ. Это обозначаетъ, что Китайцы еще не теряютъ охоты бороться и надѣются одолѣть соединенныя силы, отрѣзавъ ихъ отъ ихъ морской базы. Очевидно, потребуется новое напряженіе силъ со стороны Европы, а пока мы съ нею, то и съ нашей—новая посылка войскъ и боевыхъ припасовъ, новые и безконечные денежные расходы. Судя по первому періоду войны, Китайцамъ едва-ли удастся одолѣть сравнительно значительный соединенный отрядъ, во главѣ котораго стоятъ наши беззавѣтно-храбрыя войска, но для окончательнаго усмиренія Китая, очевидно, потребуются силы, въ нѣсколько разъ превышающія наличный контингентъ союзниковъ.

Все это тѣмъ болѣе прискорбно, что и послѣ этого новаго и огромнаго напряженія вопросъ не подвинется ни на шагъ. *Что дѣлать съ Китаемъ?*— будетъ попрежнему стоять передъ нами вопросомъ сфинкса, разрѣшить который Россія сможетъ лишь, выдѣлившись изъ Европы.

А что вы думаете, читатель, о русско-японскомъ союзѣ, о рѣшеніи китайскаго вопроса путемъ соглашенія *только двухъ*, наиболѣе заинтересованныхъ и единственно сильныхъ на Дальнемъ Востокѣ державъ: Россіи и Японіи?

II.

НА этотъ разъ рука берется за перо совсѣмъ не съ тѣмъ чувствомъ недоумѣнія и сомнѣнія, что раньше. Послѣ опубликованнаго на этихъ дняхъ правительственнаго сообщенія никакихъ сомнѣній быть уже не можетъ. Пусть остальныя державы поступаютъ какъ имъ угодно, *наши русскія* войска изъ Пекина уходятъ, славная и печальная кампанія заканчивается, нашъ посолъ отзывается, наша политика ясно и категорически опредѣляется: мы цѣ-

*) Извѣстіе это было вскорѣ опровергнуто.

нимъ европейскій миръ, мы желаемъ со всѣми поддерживать самыя дружескія отношенія, но мы не будемъ вмѣстѣ съ Европой участвовать ни въ раздѣлѣ Китая, ни въ проведеніи тамъ реформъ, которыя будутъ еще хуже раздѣла. Россія заявляетъ, что она желаетъ возстановленія въ Китаѣ *прежняго* порядка вещей, т.-е. независимаго отъ какой-либо посторонней власти національнаго китайскаго правительства и цѣлости китайской территоріи, что ея задача съ освобожденіемъ персонала русскаго посольства и наличныхъ въ Пекинѣ русскихъ подданныхъ окончена, и что такъ какъ дальнѣйшія военныя дѣйствія будутъ только мѣшать возстановленію въ Китаѣ порядка и спокойствія, то она выводитъ свои войска, приглашая и державы сдѣлать то-же самое.

Какъ читатель видитъ изъ предыдущей главы, это какъ разъ то самое, чего мы пламенно желали, и потому наша искренняя радость совершенно понятна и законна. Теперь уже, пожалуй, можно допустить, что *мы не съ Европой*, точнѣе, *не хотимъ* быть съ Европой. Это до такой степени ново въ лѣтописяхъ нашей дипломатіи, до того смѣло, самостоятельно и хорошо, что просто боишься вѣрить. Однимъ этимъ мастерскимъ ударомъ Россія смѣшала гг. претендентамъ на китайское наслѣдство всѣ шашки. Къ намъ присоединилась Сѣверная Америка, затѣмъ Франція. Глухо ворчитъ совершенно безсильная въ эту минуту Англія, стараясь насъ, по старой привычкѣ, застращать, но надо полагать, безъ успѣха, да въ комическомъ положеніи очутилась наша воинственная сосѣдка—Германія: ея главнокомандующій плыветъ съ цѣлымъ штабомъ принимать команду надъ союзными войсками, а эти войска вдругъ неожиданно расходятся съ театра военныхъ дѣйствій. Бѣдный Вальдерзее, чай, ночей не спалъ, все диспозиціи да планы составлялъ, а тутъ вдругъ отбой...

Что-то предприметъ нашъ энергичный и пылкій сосѣдъ? Поведетъ-ли императоръ Вильгельмъ войну съ Китаемъ одинъ на одинъ, или тоже вслѣдъ за другими благородно ретируется?

Какъ-бы тамъ ни было, но на нашихъ глазахъ китайскій вопросъ превращается въ общеевропейскій и изъ-подъ личины всеобщихъ дружескихъ, между собою, отношеній державъ показывается далеко не «дружественная» подкладка. Въ Европѣ снова намѣчаются какъ-бы два враждебныхъ лагеря, чего уже мы не видали почти десять лѣтъ, пріученные къ постоянному совмѣстному и солидарному дѣйствію такъ называемаго европейскаго концерта. Невольно припоминается конецъ восьмидесятыхъ годовъ, когда во всей Европѣ пахло порохомъ, и хитрый желѣзный канцлеръ опытной рукой сковывалъ свой тройственный союзъ, обращенный противъ Россіи и Франціи.

Зловѣщая тѣнь того смутнаго времени какъ-бы пронеслась надъ міромъ въ эти дни. У всѣхъ инстинктивно мелькнулъ одинъ и тотъ-же вопросъ, какъ отнесутся Германія и Англія къ рѣшенію Россіи? Какъ оно ни безобидно само по себѣ, однако, оно совершенно парализуютъ всю дальнѣйшую работу Германіи и Англіи надъ перереформированіемъ, точнѣе, надъ разрушеніемъ Китая...

Въ самомъ дѣлѣ сдѣланный Россіею шагъ можетъ имѣть множество самыхъ естественныхъ послѣдствій. Поставьте такой вопросъ: для чего выводить

свои войска Россія? Очевидно, чтобы сохранить съ Китаемъ старинныя дружескія отношенія. Мало того, чтобы поддержать Китай и сберечь его отъ внутренняго разложенія или внѣшняго раздѣла. Въ интересахъ своего спокойствія и безопасности своей огромной азіатской границы, Россія должна желать, сколь возможно, скорѣйшаго умиротворенія Небесной имперіи и возстановленія тамъ сильнаго національнаго правительства. Но такое умиротвореніе невозможно, пока къ Китаю со всѣхъ сторонъ тянутся хищныя руки. Съ замѣчательнымъ единодушіемъ всѣ европейскія державы требуютъ «реформъ» во внутреннихъ отношеніяхъ Китая, реформъ, въ основѣ коихъ лежитъ непремѣнно, въ той или иной формѣ, зависимость Китая отъ Европейскихъ биржъ и канцелярій. Европа понимаетъ очень хорошо, что на всѣ эти «реформы» Китай согласится не иначе, какъ подъ всеобщимъ и при томъ дружнымъ и вполнѣ единодушнымъ принужденіемъ. Разъ, изъ числа «принуждающихъ» уходитъ ближайшая сосѣдка и самая могущественная въ Азіи военная держава, — Россія, а за ней Соединенные Штаты и Франція, Китай пріобрѣтаетъ вновь всю силу сопротивленія, и европейскія претензіи лишаются самой главной реальной опоры.

Но и этого недостаточно. И безъ Россіи Нѣмцы и Англичане могутъ кое-какъ на свой рискъ и страхъ одни вести войну. Очень ужъ плохи китайскіе военоначальники и офицеры. Германія можетъ послать достаточное количество солдатъ, Англія безъ большого напряженія принять на себя огромные денежные расходы. Наконецъ, Китай, допустимъ будетъ этими союзниками окончательно разбитъ и сопротивленіе его сломлено, Англія и Германія примутся его дѣлить или «реформировать», а тутъ вновь, чего добраго, выступитъ Россія съ своимъ veto. А это veto неизбѣжно, потому что условія и тогда будутъ тѣ-же, что и сейчасъ, т.-е. Россіи будетъ попрежнему нуженъ свободный и самостоятельный сосѣдъ, съ національнымъ правительствомъ и т. д.

Очевидно, что вся работа и всѣ жертвы пропадутъ даромъ и конецъ сказки вернется къ ея началу. Германія понимаетъ это отлично и потому въ тонѣ ея газетъ слышится растерянность и очень откровенное озлобленіе на Россію.

Съ другой стороны, вѣроятно, и у насъ достаточно сознаютъ значеніе и возможныя послѣдствія послѣдняго великолѣпнаго самостоятельнаго политическаго шага Россіи въ китайскомъ вопросѣ. Подобнаго шага, очевидно, нельзя дѣлать, не обдумавши далеко всѣхъ возможныхъ послѣдствій. Но, кромѣ того, за правое дѣло Богъ, и въ этой увѣренности можно смотрѣть спокойно въ будущее и не смущаться криками и воплями служителей Золотого Тельца.

Я думаю, что послѣдствія сдѣланнаго Россіею шага будутъ самыя мирныя. Англія прежде другихъ пойметъ, что Китай попалъ подъ надежную защиту, и ограничится охраной своихъ торговыхъ интересовъ въ Шанхаѣ и въ долинѣ Янцзе, Германія окажется одинокою и въ такомъ положеніи едва-ли пойдетъ, даже еслибы и хватило силы, на совершенно безполезное въ смыслѣ результатовъ завоеваніе Китая, и весь кризисъ разрѣшится благополучнымъ образомъ. Не будемъ кстати забывать, что для Германіи слишкомъ опасно, вѣрнѣе, прямо невозможно начинать «политику приключеній» на Дальнемъ Востокѣ, направлен-

ную хотя-бы косвенно противъ Россіи. Она рискуетъ связать за океаномъ огромную военную силу, ослабивъ въ страшной степени свою западную границу. На это Германія едва-ли когда-нибудь рѣшится.

Про другія государства, въ родѣ Италіи, Австро-Венгріи, Бельгіи, и пр. смѣшно и говорить. Имъ ничего другого не остается, какъ убрать свои дессанты, и ждать, чѣмъ дѣло кончится между главными соперниками, — Россіей Англіей и Германіей.

III.

Но возвратимся къ очень серіозной на Дальнемъ Востокѣ политической и военной величинѣ, Японіи, и поставленному мною выше вопросу о союзѣ съ этою державой. Недавно А. С. Суворинъ въ «Маленькихъ письмахъ» пустилъ мысль о русско-турецко-китайскомъ союзѣ. Эту мысль понялъ и поддержалъ въ «Гражданинѣ» другой старый и опытный политическій писатель гр. Петръ Голенищевъ-Кутузовъ. Противъ нея дѣйствительно съ истинно русской точки зрѣнія нечего возразить, ибо ея основной принципъ—*выдѣленіе себя изъ Европы*—безусловно вѣренъ и симпатиченъ. Но союзъ съ Японіей не только этому принципу не противорѣчитъ, но, наоборотъ, совершенно ему соотвѣтствуетъ.

Въ послѣдніе годы я очень внимательно слѣдилъ за Японіей и именно съ той стороны, съ которой у насъ за нею никто не слѣдилъ, со стороны экономической. Меня интересовалъ чрезвычайный промышленный и культурный расцвѣтъ «Страны Восходящаго Солнца», обусловленный отчасти европейскимъ денежнымъ кризисомъ; расцвѣтъ этотъ выражался въ такихъ экономическихъ завоеваніяхъ, что за дальнѣйшее промышленное господство Англіи на азіатскомъ Востокѣ приходилось (кому слѣдуетъ) трепетать. Японскія мануфактуры начали наводнять своими издѣліями не только Китай и все побережье Тихаго океана, но стали проникать массами въ Индію, естественный и важнѣйшій рынокъ Англіи. Мало того, въ самой Англіи появился и началъ бойко продаваться японскій миткаль, успѣшно конкуррируя съ выработками Ланкаширскаго округа, переживавшаго тяжелый денежный кризисъ, вызванный паденіемъ цѣнъ на серебро.

Война съ Китаемъ, хотя и побѣдоносная, остановила это развитіе, а затѣмъ тотчасъ-же послѣ войны, въ 1897 году, Японія перешла на золотую валюту и съ тѣхъ поръ, несмотря на огромную полученную ею съ Китая контрибуцію, затраченную на флотъ, не можетъ, какъ и мы, выйти изъ опустошительнаго промышленнаго и земледѣльческаго кризиса.

Но кризисъ кризисомъ, а въ настоящую минуту на Дальнемъ Востокѣ Японія является послѣ Россіи самою сильною и въ военно-морскомъ отношеніи едва-ли не наилучше-организованною державою. Ея флотъ, уже и сейчасъ очень значительный, черезъ три года будетъ совсѣмъ готовъ и станетъ первою морскою силою на Тихомъ океанѣ. Японія можетъ выставить въ поле армію въ

300—400 тысячъ штыковъ съ достаточнымъ числомъ орудій, и эта армія уже успѣла себя достаточно зарекомендовать.

При первомъ-же словѣ о Дальнемъ Востокѣ и тамошнихъ дѣлахъ самъ собою является вопросъ: *съ кѣмъ Японія?* Чтобы на этотъ вопросъ отвѣтить, надо опредѣлить, въ чемъ политическіе и экономическіе интересы Японіи и какъ смотритъ она на свое будущее?

Въ Японіи безъ малаго 60 милліоновъ жителей. Населеніе скучено больше даже, чѣмъ въ Бельгіи. Изъ чисто земледѣльческой страны Японія стала уже промышленной, работаетъ на вывозъ и нуждается въ рынкахъ сбыта. И сейчасъ уже начинается изъ Японія эмиграція, а скоро ея нельзя будетъ и остановить, до того все въ странѣ переполнено.

Рядомъ съ Японіей огромный, но тоже переполненный населеніемъ Китай и весьма слабо населенная, хотя очень плодородная Корея. Естественно, что туда и обращены всѣ японскіе взгляды и помыслы. Китай представляетъ великолѣпный рынокъ для японской промышленности. Корея можетъ, кромѣ японскихъ произведеній, дать мѣсто значительной японской эмиграціи. Съ этой точки зрѣнія Японецъ только и можетъ опредѣлять своихъ друзей и враговъ.

Каковы-же должны быть поэтому отношенія Японіи къ намъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ, по моему, никакой трудности не представляетъ. Мы для Японіи не конкурренты, ибо никакихъ рынковъ не ищемъ. Намъ на Дальнемъ Востокѣ нужны только двѣ вещи: во-первыхъ, *безопасность нашихъ владѣній*, во-вторыхъ, *спокойное движеніе по Сибирской дорогѣ и обезпеченный выходъ ея къ незамерзающему порту* на океанѣ. Ни тому, ни другому Японія и не думаетъ угрожать. Наше холодное и унылое побережье Японію прельщать не можетъ, ибо всѣ ея помыслы направлены на югъ, до Австраліи включительно, наша Сибирская дорога Японіи не мѣшаетъ; единственное возможное между нами разногласіе было-бы изъ-за Кореи, но здѣсь Россія хорошо приняла во вниманіе экономическіе интересы своей сосѣдки и выказала самую предупредительную уступчивость. Относительно Китая мы тоже никакой ревности не выказывали, и только во время японско-китайской войны удержали Японію отъ захвата Ліатонгскаго полуострова. Такимъ образомъ насъ съ Японіей не раздѣляютъ никакія непримиримыя политическія обстоятельства и ничто не мѣшаетъ самому тѣсному сближенію. Наоборотъ, за это сближеніе говорятъ насущные интересы обѣихъ странъ.

Я убѣжденъ, что русско-японскій союзъ есть только вопросъ времени, какъ вопросомъ времени былъ и союзъ франко-русскій. Но до его заключенія въ силу историческихъ ошибокъ мы цѣлыхъ сто лѣтъ дрались съ Французами. Неужели то-же повторится и здѣсь?

Въ самомъ дѣлѣ, Японія намъ ни съ какой стороны не врагъ. Она хотя и приняла внѣшній обликъ по-европейски цивилизованной страны, но въ сущности заимствовала лишь только европейскую высокую промышленную технику. По духу Японія была и остается не только чуждой, но пожалуй, даже и враждебной Европѣ страной. Лучше всего это выразилось въ полномъ нежеланіи

Японцевъ допустить къ себѣ иностранцевъ на равныхъ съ туземцами правахъ Великія промышленныя державы не могли даже добиться того, чтобы иностранцы имѣли право покупать земли и основывать въ странѣ промышленныя предпріятія или самостоятельно участвовать въ предпріятіяхъ японскихъ. Какъ ни важно для Японіи привлеченіе иностранныхъ капиталовъ, особенно при дѣйствіи золотой валюты, однако парламентъ на дарованіе равныхъ правъ иностранцамъ не согласился и послѣдніе такъ и осуждены оставаться вѣчными «гостями» безъ всякаго вліянія на ходъ внутренней жизни въ странѣ. Ну какая-же это «цивилизація»? Это скорѣе оплотъ противъ черезчуръ рѣзкаго вторженія на азіатскій Востокъ европейской цивилизаціи, и съ этой стороны ничего, кромѣ сочувствія, Японія собственно отъ насъ встрѣтить не можетъ.

Затѣмъ ни для кого не секретъ, что Японія мечтаетъ играть роль превенствующей среди желтокожаго человѣчества державы. Чтò можемъ мы возразить противъ этого? Разъ для насъ это мирный и благожелательный сосѣдъ, никакихъ аггрессивныхъ замысловъ не питающій, пусть себѣ растетъ и усиливается на доброе здоровье, пусть пріобрѣтаетъ широкое политическое вліяніе. Это можетъ быть непріятно и даже опасно для интересовъ Европы, но отнюдь не для нашихъ. Мирное развитіе Японіи и ея законное культурное преобладаніе на желтомъ Востокѣ,—да это-же наилучшая гарантія безопасности и спокойствія нашихъ далекихъ азіатскихъ владѣній!

Пусть даже Японія получитъ явное преобладаніе въ Китаѣ. Развѣ для насъ это не во сто разъ лучше, чѣмъ европейское тамъ хозяйничанье? Разумѣется, и Японцы будутъ эксплуатировать Китайцевъ, какъ только могутъ. Но они будутъ дѣлать это во всякомъ случаѣ болѣе умѣло, я-бы сказалъ, болѣе хозяйственно, чѣмъ алчные европейскіе гешефтмахеры, для которыхъ какъ будто не существуетъ завтрашняго дня, до того глупо и безхозяйственно торопились они обобрать Китай, пока не вызвали всеобщаго взрыва.

Я совершенно убѣжденъ, что японское хозяйничанье на Дальнемъ азіатскомъ Востокѣ неизмѣримо выгоднѣе для Россіи, чѣмъ преобладаніе тамъ людей европейской державы, особенно Германіи. Нужно имѣть очень пылкую фантазію, чтобы бояться политическаго призрака, будто Японія, овладѣвъ Китаемъ и организовавъ его на свой образецъ, можетъ въ одно прекрасное утро броситься на насъ. Эта картина приходила на умъ покойному Вл. С. Соловьеву, который и изобразилъ будущее монгольское нашествіе на Европу въ своемъ послѣднемъ произведеніи—«Трехъ разговорахъ». Но вѣдь если лѣтъ черезъ двѣсти Японія съ Китаемъ и будутъ въ состояніи задумать что-либо подобное, то вѣдь и мы, дастъ Богъ, къ тому времени достаточно выростемъ и поумнѣемъ.

Я думаю, что Россія, какъ менѣе населенная, къ тому времени далеко обгонитъ весь даже соединенный монгольскій міръ и что вообще идея о желтомъ нашествіи есть болѣзненная фантазія. А вотъ, если мы дадимъ возможность Японіи опереться на насъ, то ей ничего не будетъ стоить выжить съ Дальняго Востока всѣхъ Европейцевъ до послѣдняго человѣка и навсегда покончить со всякою опасностью дальнѣйшихъ осложненій. Уже изъ-за одного

этого Японіи стоитъ помочь, т.-е. заключить съ нею и Китаемъ тѣсный оборонительный и наступательный союзъ. А Европѣ какъ будетъ угодно, такъ пусть и дѣйствуетъ.

Обезопасивъ этимъ вѣрнымъ и дешевымъ путемъ наши интересы на Дальнемъ Востокѣ, мы съ спокойнымъ духомъ можемъ вернуться къ нашимъ неизмѣримо болѣе кровнымъ и дорогимъ, хотя,— увы!— совершенно позабытымъ сейчасъ интересамъ въ Славянскомъ мірѣ. Объ этомъ напоминаетъ въ своей статьѣ и гр. Петръ Голенищевъ-Кутузовъ...

Но о нашихъ славянскихъ задачахъ позвольте поговорить особо и обстоятельно, а настоящую бесѣду надо закончить послѣднимъ телеграфнымъ извѣстіемъ, прямо относящимся къ нашей темѣ.

Я уже кончалъ мое писанье и собирался поставить подпись и сдать въ наборъ, какъ одинъ пріятель, пробѣжавшій мою рукопись, замѣтилъ взволнованнымъ тономъ:

— Ну, а насчетъ Трансвааля ничего не скажете? Вѣдь вонъ уже Робертсъ подписалъ ему смертный приговоръ...

— Объ этомъ надо поговорить отдѣльно...

— Хорошо, а пока пустите-ка такую идейку: гаагскія постановленія теперь всѣми державами приняты и ратификованы. Чтó, еслибы Россія взяла, да и заявила торжественно, что *до рѣшенія международнаго третейскаго суда не признаетъ присоединенія Трансвааля къ англійскимъ владѣніямъ?* Какой-бы это былъ и мудрый и благородный шагъ! Вѣдь поймите-же, намъ нельзя позволить задавить въ Африкѣ эту горсточку Голландцевъ!

Я совершенно согласенъ съ моимъ другомъ и охотно исполняю его желаніе «пустить его идейку», но развивать ее подробно сейчасъ нѣтъ ни времени, ни мѣста. Скажу только одно: Англіи нельзя давать безраздѣльнаго и безконтрольнаго хозяйничанья на Капѣ. Это развязываетъ ей руки и въ Индіи, и на Дальнемъ Востокѣ, чтò *пока* для нашихъ интересовъ очень и очень вредно.

IV.

Китайскія усложненія вызвали въ нашей печати довольно любопытный споръ: что мы Русскіе изъ себя изображаемъ,—Европу или Азію? Кн. Э. Э. Ухтомскій напечаталъ цѣлую брошюру для доказательства того положенія, что мы — Азія. А. С. Суворинъ согласился, что мы «на одну треть азіатская держава». На нихъ обрушилась въ яростной передовой статьѣ бывшая Гайдебуровская, а нынѣ анонимно-еврейская «Недѣля», ополчившаяся на защиту европейской цивилизаціи и нашего кровнаго родства съ Европой.

Статья озаглавлена: «Кто мы» и заслуживаетъ упоминанія и разбора, какъ выраженіе господствующаго у насъ воззрѣнія на роль и міровое призваніе русскаго народа. Я не спорю, что въ своей брошюрѣ кн. Ухтомскій сталъ на точку зрѣнія нѣсколько крайнюю, такъ сказать слишкомъ азіатскую. Но какимъ-же образомъ можно спрашивать у публициста: «кто далъ право (кн.

Ухтомскому и г. Гольмстрему) отрекаться отъ имени своего народа Русскаго — отъ нажитаго имъ въ теченіе тысячилѣтій европейскаго облика? Кто далъ имъ право тащить насъ въ Азію, въ страну идолопоклонниковъ и магометанъ, въ страну невѣроятной для насъ жестокости нравовъ, хотя-бы и уживающейся съ кротостью и миролюбіемъ народныхъ массъ»?

Никто этого права князю Ухтомскому, конечно, не давалъ, но вѣдь публицистъ въ такомъ правѣ вовсе и не нуждается. Его право — громко за собственной отвѣтственностью высказывать свои убѣжденія. Онъ и высказываетъ ихъ. При этомъ, если высказанное имъ отвѣчаетъ общей, хотя-бы и смутной мысли, общему настроенію грамотныхъ русскихъ людей, это слово пріобрѣтаетъ огромную нравственную силу, находитъ широкій отголосокъ, иногда проносится даже какъ ураганъ и можетъ повернуть русло историческихъ событій. Таково было, напримѣръ, слово Каткова въ польскомъ вопросѣ. Съ этимъ ничего не подѣлаешь, и выражать здѣсь негодованіе прямо не литературно. Что за деспотизмъ такой въ самомъ дѣлѣ: «кто далъ право?» Да тотъ-же самый законъ, то-же самое Главное Управленіе Печати, которое даетъ право «Недѣлѣ» тащить насъ въ любезную ей Европу...

И посмотрите, какая при этомъ у «Недѣли» аргументація, чѣмъ оправдываетъ она нашу связь съ Европой. Благоволите послушать:

«Начать съ того, говоритъ «Недѣля», что въ Европѣ уже нѣтъ рабства, въ Азіи оно есть: до сихъ поръ десятки и сотни тысячъ человѣческихъ существъ тамъ продаются и покупаются, какъ товаръ, увѣчатся въ качествѣ евнуховъ, насилуются въ качествѣ рабынь. Въ Европѣ смертная казнь рѣдкое исключеніе,—въ Азіи она ежедневный фактъ. Въ Европѣ деспотизмъ мелкихъ властей съ неизбѣжнымъ лихоимствомъ почти вышелъ изъ обычая, — или, по крайней мѣрѣ, обычай этотъ въ презрѣніи,—въ Азіи на немъ держится вся публичная жизнь. Въ Европѣ индивидуальная жизнь пользуется широкимъ просторомъ, права человѣка почитаются священными, и тысячами правовыхъ ограниченій каждый огражденъ отъ насилій ближняго. Азіатская-же жизнь насквозь проникнута насиліемъ; личная воля связана, иниціатива парализована, и въ результатѣ даровитыя отъ природы племена коснѣютъ въ глубокомъ униженіи» и т. д...

Просто удивляешься, для кого это писано, кого можно соблазнить подобными застарѣлыми и фальшивыми либеральными фразами? Восхвалять преимущества такъ называемой европейской цивилизаціи въ то время, какъ эта цивилизація уже окончательно изжила сама себя и, кромѣ омерзѣнія и отчаянія, ничего въ своихъ собственныхъ лучшихъ людяхъ къ себѣ не возбуждаетъ, — поистинѣ жалкое недомысліе. А вѣдь съ какимъ паѳосомъ, съ какимъ апломбомъ это говорится!

Предметъ этотъ настолько важенъ и серіозенъ, что, несмотря на все мое отвращеніе ко всякаго вида либеральной болтовнѣ, я хочу провѣрить аргументацію «Недѣли» и попытаться показать читателю истинную цѣнность этой хваленой «европейской цивилизаціи», о которой у насъ многіе еще вздыхаютъ. Начнемъ по порядку.

«Въ Европѣ уже нѣтъ рабства, въ Азіи оно есть». Эти господа, очевидно, полагаютъ, что рабомъ можно считать только того человѣка, котораго вывели на базаръ и продали наподобіе животнаго. Имъ и въ голову не приходитъ, что есть рабство неизмѣримо болѣе тяжкое, чѣмъ грубое физическое невольничество. Это то именно рабство, которое создано европейской цивилизацiей и передъ которымъ блѣднѣетъ и древнее, и новѣйшее рабство физическое. Я говорю о рабствѣ свободнаго, *повидимому*, человѣка.

Вотъ вамъ знаменитые большіе парижскіе магазины того-же типа, что наши Мюръ и Мерилизъ, но гораздо большихъ размѣровъ. Продавщицы тамъ работаютъ съ 9 часовъ утра до 6 вечера, не имѣя ни права, ни возможности присѣсть, потому что у нихъ отобраны всѣ стулья. Было замѣчено, что барышни, садясь въ свободные промежутки, менѣе предупредительно исполняютъ требованіе покупателя *). Это уже не только рабство, но даже съ истязаніемъ. Или существуетъ, напримѣръ, у перворазрядныхъ дамскихъ портныхъ особая, уже настоящимъ образомъ каторжная должность *барышни для примѣрки*. Барышню эту за грошевое, конечно, вознагражденіе въ теченіе всего служебнаго времени держатъ затянутою въ очень тугой корсетъ. Самая сильная выдерживаетъ недолго и заболѣваетъ, но на ея мѣсто тутъ-же становятся готовыя кандидатки, которыхъ всегда имѣется достаточно. Ужъ если это не рабство, то я не знаю, что̀-же и называется рабствомъ?

А рабство цѣлыхъ мануфактурныхъ округовъ съ ихъ иногда милліоннымъ населеніемъ, состоящимъ изъ людей, привязанныхъ къ тому или другому станку? Повидимому, это совершенно свободные люди. У нихъ всѣ гражданскія и даже политическія права. Въ большинствѣ конституціонныхъ странъ со всеобщею подачею голосовъ, имъ принадлежитъ право выбора народныхъ представителей, т.-е. прямое участіе въ управленіи страной. И тѣмъ не менѣе трудно пріискать положеніе болѣе рабское, чѣмъ этихъ несчастныхъ людей. Каждый изъ нихъ при современномъ широкомъ раздѣленіи труда спеціализовался около какого-нибудь станка, изучилъ до совершенства управленіе этимъ станкомъ или инструментомъ, и ни къ какой другой дѣятельности сталъ абсолютно непригоденъ. Ну, развѣ-же это не наиболѣе тяжкій изъ видовъ рабства?

Съ подчиненнымъ отношеніемъ рабочаго къ хозяину западная цивилизація еще кое-какъ справляется. Рабочіе организовываются въ союзы, охраняютъ свои права, воюютъ съ хозяевами посредствомъ стачекъ и пр., но рабскій характеръ ихъ положенія нисколько не мѣняется. Еще не переставъ быть рабами капиталиста-предпринимателя, они *вмѣстѣ съ нимъ* становятся рабами рынка. Раздается слово «перепроизводство» и въ мануфактурныхъ округахъ наступаетъ паника. Не по корыстолюбію или злой волѣ хозяевъ, а по крайней необходимости приходится понижать заработную плату, сокращать рабочіе часы и количество рабочихъ. И вотъ, сзади арміи рабовъ, остающихся у станковъ, выстраивается новая и страшная армія *рабовъ безъ работы*, рабовъ голодающихъ.

---

*) Золя. „Au bonheur des dames“.

Это такъ называемое пятое сословіе, — явленіе нигдѣ неизвѣстное, кромѣ старыхъ мануфактурныхъ, т.-е. наиболѣе цивилизованныхъ въ европейскомъ смыслѣ странъ.

Но элементъ экономическаго рабства, закравшись въ европейскую цивилизацію и отравивъ ее, логически развивается все дальше и дальше, и вотъ, мы видимъ уже не отдѣльнаго человѣка, и даже не сословіе, а цѣлое государство въ настоящемъ рабствѣ, т.-е. въ тѣснѣйшей зависимости отъ ряда внѣшнихъ условій, направляющихъ его политику не тѣми путями, по которымъ она должна-бы идти у свободнаго и честнаго народа, а путями лжи, насилія, угнетенія, раззоренія болѣе слабыхъ. На современномъ языкѣ это называется «борьбою за рынки», и если мы хотимъ узнать секретъ несчастной и глубоко противной намъ англійской или нѣмецкой политики, «мы должны понять, что эта политика вовсе не добровольная, а вынужденная, вѣрнѣе, чистѣйшимъ образомъ рабская, потому что и Англія, и Германія находятся въ полномъ рабствѣ у своей промышленности и сословія банкировъ, размѣстившихъ во всѣхъ частяхъ свѣта національные капиталы. Для промышленности Англія должна доставать и удерживать рынки, для банкировъ, распоряжающихся всею суммою народнаго богатства, должна поддерживать англійское коммерческое и биржевое преобладаніе надо всѣмъ человѣчествомъ, потому что пошатнись это преобладаніе, и Англія безповоротно пропала. Она упадетъ ниже Венеціи, потому что теперь не тѣ времена и торговый размахъ неизмѣримо шире. Положеніе Германіи еще хуже.

Въ томъ-то и проклятіе, и рабство англійской политики, что кого вы ни сдѣлайте англійскимъ министромъ, каждый будетъ вынужденъ дѣйствовать совершенно такъ-же, какъ и его предшественникъ. Передайте руководство англійскою политикой даже такимъ великимъ гуманистамъ, какъ Гладстонъ, Уильберфорсъ, Джонъ Говардъ, или Робертъ Оуэнъ, и они не подѣлаютъ ничего, разъ будетъ поставлена имъ повелительная и опредѣленная задача—найти или удержать рынки, обезпечить міровое преобладаніе Англіи. Вѣдь бомбардировалъ-же Гладстонъ Александрію, ни дать ни взять, какъ какой-нибудь Родсъ или Чемберлэнъ?

И какъ рабы куютъ, обыкновенно, цѣпи для другихъ рабовъ, такъ и Англія, проводя и утверждая въ мірѣ свою биржевую политику, заставляетъ и другихъ, изъ чувства самосохраненія, прибѣгать къ тому же, и вотъ, мало-помалу, биржевая сѣть затягиваетъ постепенно все, такъ называемое, цивилизованное человѣчество и обращаетъ старую культурную Европу въ арену самаго безпощаднаго рабства, о какомъ понятія не имѣютъ даже въ наиболѣе дикихъ углахъ Азіи.

Неужели нашимъ поклонникамъ европейской культуры все это ново или неизвѣстно? Неужели они не понимаютъ, что какъ ни тяжело положеніе формальнаго раба, но у него все-таки есть хоть какая-нибудь надежда, ну, хоть уйти, что-ли, отъ своего господина? Ушелъ рабъ, скрылся куда-нибудь въ глушь и онъ вполнѣ свободный человѣкъ. А вотъ цивилизованному Европейцу

некуда и скрыться, развѣ уйти куда-нибудь къ дикарямъ, т.-е. прочь отъ этой цивилизаціи. Тогда и онъ, если сохранилъ нѣкоторыя силы и не вовсе искалѣченъ своею культурою, можетъ съ грѣхомъ пополамъ найти для себя обстановку свободнаго человѣка, какъ напр. Буры.

Нѣтъ, о рабствѣ внѣ цивилизованной Европы, какъ-то и говорить не приходится. Только что называется оно у насъ не рабствомъ, а *политическою свободою*, и эта терминологія путаетъ еще многихъ...

Другое указаніе, которое дѣлается въ упрекъ Азіи, и въ возвеличеніе нашей цивилизаціи, таково въ Азіи, дескать, мужчины калѣчатся въ евнуховъ, а женщины насилуются въ качествѣ рабынь. Указаніе вѣрное, но довольно одностороннее. Въ нашемъ цивилизованномъ мірѣ, правда, мужчины гарантированы отъ изуродованія въ угоду личной-ли прихоти или необходимости, но зато что наша цивилизація продѣлываетъ надъ несчастной женщиной. Гг. защитники и хвалители европейской цивилизаціи словно забываютъ о такъ называемыхъ «жертвахъ общественнаго темперамента», этомъ страшномъ и позорномъ пятнѣ на европейской, болѣе чѣмъ на какой-нибудь другой цивилизаціи.

Неужели-же можно сравнивать положеніе рабыни-наложницы въ магометанскомъ или даже языческомъ мірѣ съ положеніемъ европейской проститутки, хотя послѣдняя и пошла на свой промыселъ *добровольно*, какъ идетъ къ своему станку рабочій, которому нѣтъ выбора между именно этимъ станкомъ и голодною смертью? Неужели можно серіозно говорить о рабствѣ женщины въ Азіи и вообще на Востокѣ рядомъ съ возмутительнымъ гражданскимъ безправіемъ женщины въ такихъ культурныхъ странахъ, какъ Франція и Англія? Почитайте-ка французскіе законы, опредѣляющіе права женщины и ея положеніе въ семьѣ и обществѣ. Хотите маленькую справку? Вотъ она:

«Дѣвушка, начиная съ 15 лѣтъ, сама отвѣчаетъ за свою добродѣтель».

«Прельщеніе не есть преступленіе».

«Соблазненіе даже несовершеннолѣтней — тоже».

«Отысканіе отца ребенка воспрещается».

«Незаконнорожденные остаются на попеченіи только матери».

«Обѣщаніе жениться недѣйствительно, даже если оно сопровождается покинутіемъ ребенка».

«Выходя замужъ, женщина теряетъ право собственности вполнѣ въ пользу мужа, онъ распоряжается всѣмъ, продаетъ, даритъ и пр. безъ согласія своей жены».

«Жена не имѣетъ права ни дарить, ни покупать ничего безъ согласія мужа».

«Она не можетъ быть опекуномъ, ни членомъ семейнаго совѣта, и ея свидѣтельство въ дѣлахъ гражданскихъ не имѣетъ вѣры».

«Прелюбодѣяніе мужа внѣ дома не наказуется. Прелюбодѣяніе жены есть преступленіе».

«Убійство жены во время совершенія ею прелюбодѣянія ненаказуемо Убійство мужа при тѣхъ-же условіяхъ наказуемо».

Это все статьи, милостивые государи, изъ знаменитаго французскаго Кодекса Наполеона, до сихъ поръ дѣйствующаго, несмотря на давнюю агитацію въ пользу измѣненія правъ женщины. Передовой народъ европейской культуры не желаетъ дать своимъ женамъ и матерямъ даже простыхъ человѣческихъ правъ. Такъ, знаете, съ подобнымъ законодательствомъ въ рукахъ нѣсколько какъ будто и стыдно говорить о рабствѣ женщины въ Азіи. Тамъ-то вѣдь она, какъ-никакъ, покровительствуется религіей и обижать ее не полагается, а въ Парижѣ я помню процессъ: мужъ среди бѣлаго дня звѣрски зарѣзалъ по одному подозрѣнію совершенно неповинную жену и былъ присяжными оправданъ.

Про смертную казнь я, конечно, говорить не буду. Европейская цивилизація ограничила примѣненіе смертной казни очень небольшимъ числомъ случаевъ и совершенно уничтожила пытки. Но дѣло не въ количествѣ, а въ самомъ принципѣ, а здѣсь похвастаться Европѣ будетъ тоже особенно нечѣмъ. За исключеніемъ Италіи и Швейцаріи, да, кажется, Пруссіи, смертная казнь существуетъ во всѣхъ, самыхъ передовыхъ государствахъ. Но зато въ Европѣ существуетъ такой утонченный видъ смертной казни, какъ пожизненное тюремное заключеніе. Очень скверная вещь смертная казнь, но, я думаю, если-бы предложить Азіату на выборъ смерть или вѣчное одиночное заключеніе, онъ-бы пожалуй предпочелъ умереть. Вѣдь это мы такіе лицемѣры и трусы, что готовы держаться даже за подобіе жизни, а Азіатъ жизнь вообще цѣнитъ недорого. А итальянское ergastolo, т.-е. вѣчное одиночное заключеніе во мракѣ да еще въ оковахъ?

Указаніе на деспотизмъ и лихоимство мелкихъ азіатскихъ властей не выдерживаетъ никакой критики. Развѣ это явленіе можно поставить хотя-бы въ отдаленную параллель съ такими необъятными хищеніями, какъ пресловутая Панама? Но разница все-таки большая и притомъ опять не въ пользу Европы. Въ любой азіатской странѣ хищникъ все-же рискуетъ. Тотъ-же восточный деспотъ, узнавъ о хищеніи, можетъ въ одно прекрасное утро приказать повѣсить хищника и дѣло съ концомъ. Въ Европѣ, если хищеніе устроено, то на чистоту. Самый наглый грабитель выйдетъ сухимъ изъ воды, да еще вдоволь посмѣется и надъ правосудіемъ, и надъ всякими общественными протестами. Припомните, какъ ловили по всей Европѣ Артона, какъ добывали изъ Англіи Герца и торговались съ нимъ, возьмите постыдное дѣло прославившагося на весь міръ Дрейфуса. Я готовъ какое угодно пари держать, что нигдѣ въ Азіи подобная насмѣшка надъ судомъ, патріотизмомъ, правдою и общественною нравственностью прямо невозможна. Всякій деспотизмъ, всякій произволъ и несправедливость меркнутъ передъ этой разслабленностью, этою гнилью общественнаго организма. Дикая, необузданная сила можетъ хотя случайно обрушиться громомъ, куда слѣдуетъ, но въ нашей разслабленной средѣ всякое негодяйство можетъ не только гордо носить голову, но еще и прямо угрожать общественному строю, когда послѣдній робко и съ соблюденіемъ всякихъ церемоній попробуетъ запротестовать и начнетъ припоминать давно позабытыя понятія о правдѣ и чести.

Остается одно еще и самое, повидимому, побѣдоносное возраженіе. Въ Европѣ, изволите видѣть, «индивидуальная жизнь пользуется широкимъ просторомъ, права человѣка почитаются священными, и тысячами правовыхъ ограниченій каждый огражденъ отъ насилій ближняго»...

Это вѣрно. Въ грубо матеріальномъ смыслѣ меня въ Европѣ никто не ограбитъ, не убьетъ на большой дорогѣ, деспотическая власть какого-нибудь хана не отниметъ ни за что, ни про что моего имущества. Но подождемъ славословить и восторгаться европейскими порядками. Именно въ просвѣщенной Европѣ съ меня такъ снимутъ шкуру, какъ ни одному китайскому хунгузу не придетъ и въ голову. Разбойничество самое смѣлое, и главное, совершенно безнаказанное, совершается не въ степяхъ, не на большихъ дорогахъ, а въ роскошно отдѣланныхъ, пышныхъ и изящныхъ кабинетахъ современныхъ дѣльцовъ. Однимъ почеркомъ пера меня лишаютъ всего состоянія и я ни остеречься, ни предусмотрѣть ничего не могу. Не на кого и жаловаться, такъ какъ власть заранѣе умываетъ руки. Противъ хунгузовъ, если я знаю, что они могутъ на меня напасть, я выйду съ ружьемъ, или возьму себѣ вооруженную охрану. Но что́ я могу подѣлать противъ Ротшильда, если ему угодно будетъ составить для моего ограбленія тайную конвенцію, называемую трёстомъ или синдикатомъ? Я разсчиталъ свое дѣло осторожно и вѣрно, и вдругъ совершенно неожиданно взлетаю на воздухъ, потому что я не могъ предусмотрѣть, что мнѣ хищная рука подложитъ, фигурально выражаясь, шпалу на рельсы. Чтобы укрыться отъ хищничества азіатскаго деспота, мнѣ довольно не очень выставлять на показъ мое богатство. Но какъ укрыться отъ рыцарей биржи, когда мое состояніе *въ силу условій цивилизаціи* помѣщено въ бумагахъ, а эти бумаги ловкимъ маневромъ каждую минуту могутъ быть выпущены въ трубу.

Нѣтъ, всѣ эти разговоры о благахъ европейской цивилизаціи — вещь достаточно праздная. Вся наша цивилизація пока сводится только на нѣкоторыя техническія удобства жизни, но и это приходится оплачивать страшною поистинѣ цѣною. Въ духовномъ смыслѣ мы гораздо бѣднѣе любого Азіата уже потому, что онъ такъ или иначе, но умѣлъ создать себѣ нѣкоторое подобіе счастья, а мы кончаемъ безъисходнымъ отчаяніемъ...

— Итакъ, значитъ, мы—Азія?—спроситъ читатель.

— Нѣтъ, отвѣчу я. Сколь я ни люблю, сколь ни высоко ставлю князя Ухтомскаго, какъ публициста и мыслителя, я въ этомъ съ нимъ согласиться не могу, его брошюра—это сонъ на яву, навѣянный неумѣреннымъ углубленіемъ въ азіатскую мистику.

Разумѣется, въ смыслѣ происхожденія мы — Азія. Мы оттуда пришли. Тамъ остаются наши родственники—Индусы, и наши, такъ сказать, свойственники, всякіе монголы и т. п. Но это родство и свойство такое дальнее, что его почти и слѣдъ затерянъ. Да и зачѣмъ намъ оно? Исканіе родства въ Азіи напоминаетъ генеалогическіе розыски любителя, у котораго собственныя дѣти сбѣжали изъ дому.

Да, да, это именно нашъ случай. Славянскій міръ—вотъ наше кровное и близкое родство. Но мы повернулись къ нему спиною и смотримъ на желтый Востокъ, и наши братья и по крови, и по духу гибнутъ въ безпощадной племенной борьбѣ съ хищной расой, идущей теперь едва-ли не во главѣ европейской цивилизаціи. Вотъ гдѣ наше мѣсто, вотъ гдѣ великая міровая роль Россіи! А то какъ-бы въ самомъ дѣлѣ та святая Софія, предъ алтаремъ которой когда-нибудь въ будущемъ «склонившійся царь Россіи» долженъ встать «какъ всеславянскій царь».... какъ-бы эта святая Софія не огласилась звуками величественнаго органа и не услыхала-бы не менѣе величественную нѣмецкую проповѣдь. Что-то ужь очень подбираются къ *нашему* ближнему Востоку господа культуртрегеры...

Монополія и трезвость.

I.

„Главная цѣль реформы (питейной)... *несомнѣнно достигнута*; потребленіе спиртныхъ напитковъ до нѣкоторой степени урегулировано. Изъ кабака оно отчасти перешло въ домашній, семейный обиходъ, измѣнился способъ и мѣсто потребленія, но количественнаго измѣненія, пониженія душеваго потребленія не замѣчается».

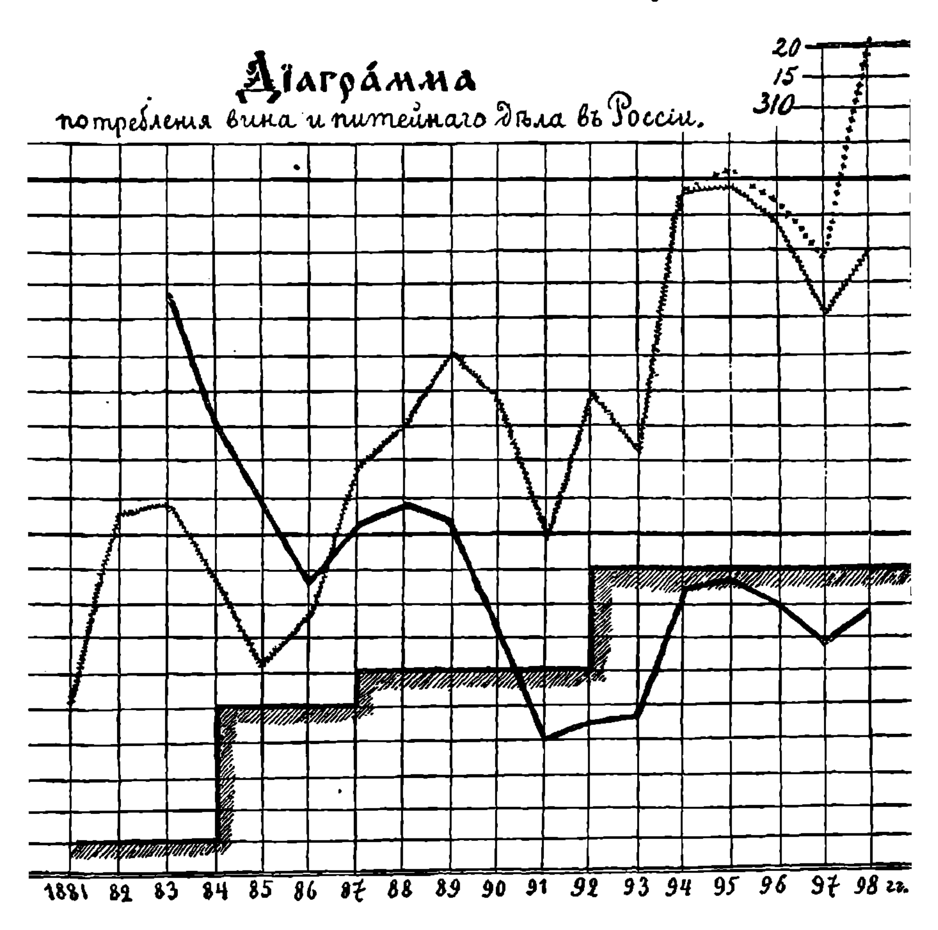
Эта фраза стоитъ въ послѣднемъ циркулярѣ министра Финансовъ, разосланномъ по губернскимъ и особымъ комитетамъ попечительствъ о народной трезвости. Въ своей неусыпной заботливости о вытрезвленіи нашей пьяной Руси, финансовое вѣдомство пришло къ мысли *понизить душевое потребленіе* спирта. А такъ какъ изъ статистики разныхъ странъ, въ томъ числѣ и Россіи, можно вывести, въ видѣ общаго закона, то положеніе, что душевое потребленіе находится въ обратномъ отношеніи къ высотѣ обложенія, то самое простое средство для вытрезвленія—это или понизить нынѣшнюю крѣпость казеннаго 40°-наго «обжигающаго» желудокъ вина до прежней нормы, оставивъ нынѣшнюю его цѣну, или удержать нынѣшнюю крѣпость и поднять цѣну вина. Результатъ для населенія будетъ одинъ и тотъ-же,—спиртъ вздорожаетъ,—для финансоваго-же вѣдомства принять тотъ или иной способъ безразлично. Поэтому циркуляромъ и предлагается обсудить этотъ вопросъ, а кстати высказаться, не представлялось-ли бы желательнымъ въ тѣхъ-же отрезвительныхъ цѣляхъ поднять нѣсколько цѣну водки въ мелкой посудѣ сравнительно съ цѣною большихъ количествъ?

Таковъ смыслъ министерскаго циркуляра, въ которомъ еще разъ подтверждается, что введеніе монополіи *не имѣло въ виду возвышать казеннаго до-*

отъ питей, а преслѣдовало исключительно цѣли упорядоченія вин
и борьбу съ народнымъ порокомъ.

Всякое государственное мѣропріятіе въ экономической области, хот
ѣдующее и чисто нравственныя цѣли, непремѣнно выражается въ
и по этимъ цифрамъ о немъ только и можно дѣлать заключеніе.
я на то, что монополія дѣло еще очень молодое, ея цифровые резуль
імѣются и вмѣстѣ съ цифрами за предшествовавшій ей періодъ мо
картину народнаго потребленія вина достаточно полную. Ежегодно въ
ь Государственнаго Контроля помѣщаются окончательно выяснившіяс
ренныя данныя, которыя только остается выбирать и группировать.

Это и было сдѣлано недавно, и результатъ у меня передъ глазами.
ію читателя отъ скучныхъ цифровыхъ таблицъ и представлю ему ист
ю картинку нашего питейнаго дѣла за большой промежутокъ съ 1881
годъ въ составленной мною очень наглядной діаграммѣ.

Здѣсь показаны въ крупныхъ, но достаточно точныхъ цифрахъ три э
питейнаго дѣла. Тотъ доходъ, который изъ году въ годъ получала ка

отъ налога на спиртъ, то количество вина, которое выпивалъ россійскій народъ, и высоту акциза. Къ сожалѣнію, за первые два года, 1881 и 1882, цифры потребленнаго вина я найти не могъ, а потому полная картина начинается лишь съ 1883 года.

Возьмемъ линію питейнаго дохода за 1881 и 1882 годъ. Вслѣдствіе возвышенія акциза съ 7 к. на 8 съ градуса она поднимается, съ 83-го начинаетъ рѣзко падать и вмѣстѣ съ тѣмъ падаетъ линія потребленія вина. Вслѣдствіе паденія цѣнъ на земледѣльческіе продукты и развивающагося земледѣльческаго кризиса народъ начинаетъ меньше пить, доходъ казны падаетъ съ $252,_7$ милл. р. въ 83 на 244 м. р. въ 84 и на $231,_2$ м. р. въ 85. Чтобы остановить паденіе дохода, 20 мая 85 года акцизъ возвышается еще на копѣйку, съ 8 к. на 9. Линія потребленія продолжаетъ падать, линія дохода поднимается. Въ 1886 казна получаетъ $236,_9$ м. р., въ 87—$257,_6$ м. р. Съ 1 января 1888 И. А. Вышнеградскій поднимаетъ акцизъ еще на $^1/_4$ коп., и доходъ казны растетъ. Въ 1888 году онъ уже $265,_1$ въ 1889—$274,_9$ милліоновъ. Но линія потребленія, немного было поднявшаяся, идетъ тихо внизъ, а съ 1889 года начинается быстрое и рѣзкое паденіе и дохода и потребленія. Высокіе урожаи пропиты, надвигается 90-й годъ, когда огромный неурожай предвидѣлся и обнаружился, и 91-й, когда значительную часть Россіи пришлось содержать на казенный паекъ. Питейный доходъ упалъ до 220 м. р. 1891 году и съ ними потребленіе до наинизшей нормы 22 милл. ведеръ безводнаго спирта (съ $28,_5$ въ 1883 г.). Въ 92 году сдѣланныя въ голодные годы затраты казны на продовольствіе и общественныя работы пошли отчасти на вино и снова подняли линію дохода до $241,_9$ м. р. и чуть-чуть линію потребленія. Но тутъ-же обнаруживается, что этотъ подъемъ непроченъ. 1 декабря 92 г. акцизъ снова поднимается до 10 к. Благодаря этой мѣрѣ и урожайному 94-му году, казенный доходъ дѣлаетъ огромный плюсъ, доходя до невиданной ранѣе цифры въ $297,_4$ милл. р. при потребленіи едва поднимающемся выше голоднаго 90 года. Съ 95-го года снова начинается паденіе и дохода казны и народнаго потребленія.

Какой общій смыслъ всего этого движенія въ домонопольный періодъ? Неужели онъ не ясенъ? *Казна стремится поднять свой доходъ путемъ все большаго увеличенія акциза.* Каждое такое увеличеніе сопровождается дѣйствительно ростомъ дохода. Но населеніе слишкомъ бѣдно, хозяйство его и заработки слишкомъ плохи и послѣ каждаго подъема начинается реакція: потребленіе спирта падаетъ, доходъ казны понижается. Выше 10 к. поднимать акцизъ уже невозможно. Это сразу видно по колѣнамъ діаграммы. Поднимите налогъ, обѣ линіи пойдутъ внизъ и удержать ихъ будетъ уже нельзя. Потребительная способность народа дошла до предѣла *).

Въ это время явилась и быстро была осуществлена монополія.

---

*) Это соображеніе, очень хорошо извѣстное нашему финансовому вѣдомству и имъ раздѣляемое, не помѣшало, однако, въ виду все тѣхъ-же китайскихъ затрудненій поднять акцизъ до 11 коп. съ градуса. Очень характерно для финансоваго хозяйства „болѣе прочнаго, чѣмъ даже въ Англіи и во Франціи“.

II.

Цѣль ея была двоякая: способствовать вытрезвленію народа путемъ измѣненія характера потребленія и вознаградить казну за предполагаемыя потери отъ уменьшенія потребленія доходами отъ торговли виномъ. Говорилось, что казна удержитъ часть того дохода, который получали кабатчики. Говорилось, что измѣнится характеръ потребленія. Оно изъ отвратительнаго вертепа—кабака перейдетъ въ семью. Казна шла навстрѣчу возможнымъ потерямъ, ибо эти потери были-бы великимъ торжествомъ трезвости, ради которой, между прочимъ, на тотъ-же доходъ отъ вина учреждались комитеты трезвости съ ихъ театрами, чтеніями, фонарями.

На діаграммѣ видно, что до 97 года, когда монополія дѣйствовала еще въ сравнительно маломъ раіонѣ, она все-таки немного поддерживала стремительно падавшій казенный доходъ. Съ этого года дѣятельность монополіи захватила раіонъ гораздо большій и обнаружилась съ достаточной рельефностью. Потребленіе вина поднялось съ $23,_4$ на 24 милл. ведеръ безвод. спирта, казенный доходъ съ $280,_1$ на $289,_5$ м. р., чистый доходъ отъ монополіи съ $7,_7$ на $31,_7$ м. р., что въ сложности даетъ колоссальную, никогда доселѣ не достигавшуюся цифру государственнаго питейнаго дохода въ $321,_2$ м. р.

Но эта цифра далека до предѣла. Еще въ раіонъ монополіи не включены самыя важныя по потребленію вина губерніи средней Россіи. Великій всепьянѣйшій центръ—Москва—еще платитъ дань частнымъ торговцамъ и складчикамъ, всѣмъ этимъ Смирновымъ, Поповымъ, Долговымъ, Шустовымъ и прочей братіи. Все это неминуемо въ значительной части перейдетъ въ казну, которая не жалѣетъ затратъ на это коммерческое и прибыльное дѣло. Вотъ табличка капитальныхъ затратъ на монополію по годамъ и по отчетамъ Государственнаго Контроля:

къ концу	1893 г.	752.7	т. руб.
»	1894 »	4 432.5	» »
»	1895 »	14 979.4	» »
»	1896 »	34 504.	» »
»	1897 »	58 623.7	» »
»	1898 »	66 080.8	» »

Эти расходы капитальные. А вотъ табличка, относящаяся къ эксплуатаціи и доходности дѣла:

(въ тысячахъ рублей кредитныхъ=1/15 имп.).

Годы.	Валовой доходъ.	Расходъ.	Чистый доходъ.
1895	10 837.9	7 260.9	3 577.0
1896	27 788.0	25 408.1	2 380.7
1897	52 447.8	44 748.3	7 699.5
1898	102 163.8	70 473.7	31 690.1

Къ послѣдней графѣ было-бы необходимо сдѣлать небольшую поправку, именно къ расходу прибавить страннымъ образомъ пропущенные 4% на затраченный капиталъ (на основаніи предшествующей таблицы). Но и уменьшенный такимъ образомъ доходъ все-же будетъ достаточно значителенъ, чтобы вполнѣ оправдать фискальную сторону реформы.

Впрочемъ, эта сторона ясна и безъ того. Для насъ гораздо важнѣе удостовѣриться, насколько достигнута нравственная цѣль реформы,—народное вытрезвленіе.

Здѣсь, управленіе монополіи никакими особенно блестящими результатами похвалиться не можетъ. Закрытіе кабаковъ было, разумѣется, «упорядоченіемъ» винной торговли. Казенный персоналъ торговцевъ виномъ, несомнѣнно, выше и чище прежняго. Часть прежняго кабацкаго потребленія, несомнѣнно, «перешла въ семью». Но размѣръ этой части слишкомъ гадателенъ и во всякомъ случаѣ легко не уравновѣшиваетъ той части, которая перешла на улицу и къ рабочему станку. А сюда именно потянули всѣ «жулики» и «мерзавчики», прежней акцизной системѣ неизвѣстные. Уличное пьянство усилилось въ огромной степени. Взгляните утромъ, пока не подмели дворники, на тротуаръ саженъ на 10 вправо и влѣво отъ входа въ винную лавку. Онъ весь усѣянъ пробками, а между камнями около домовъ словно выкрашено красной краской отъ смолки. Это въ столицѣ. Въ провинціи еще проще и... печальнѣе. А. П. Мещерскій, авторъ «Писемъ деревенскаго хозяина», передавалъ мнѣ, что вся Витебская губернія *хрипитъ*. Это результатъ зимняго «потребленія» на морозѣ.

До сихъ поръ было слишкомъ очевидно, что, на ряду съ заботами о трезвости, казна какъ-бы инстинктивно боялась чрезмѣрнаго паденія питейнаго дохода. Отсюда мелкія дѣленія посуды, открытіе винныхъ лавокъ съ семи часовъ утра и незакрываніе ихъ въ субботы и воскресенья. Отсюда невниманіе къ запретительнымъ приговорамъ сельскихъ обществъ, стѣсненіе торговли пивомъ на Сѣверѣ и домашнимъ виноградным виномъ на Югѣ. Результатъ—огромное возвышеніе дохода, перешедшаго за 320 мил. рублей,

Успокоенная за фискальную сторону дѣла, монополія снова вспоминаетъ о своей главной и основной задачѣ—содѣйствіи народной трезвости. Теперь, уже не опасаясь большихъ убытковъ для казны, можно кое-чѣмъ пожертвовать. Можно-бы напримѣръ уничтожить мелкую посуду, прямо способствующую пьянству, можно-бы было оберечь рабочаго, получившаго субботній расчетъ, или открывать винныя лавки не раньше 9 ч. утра, т.-е. тогда, когда рабочіе уже на мѣстахъ, можно-бы было разрѣдить нѣсколько винныя лавки, не боясь нарушить «привычекъ населенія», ибо—увы!—вѣдь съ этими именно несчастными привычками и призвана бороться монополія. Да мало-ли что было-бы можно!

Но призванныя сферы видятъ зло не тамъ. Ими обращено вниманіе на другое обстоятельство, именно, что новая казенная водка слишкомъ крѣпка и эта крѣпость дѣйствуетъ разрушительно на здоровье. Съ другой стороны приводится тотъ выводъ, что съ возвышеніемъ обложенія количество потребляемаго продукта падаетъ. Отсюда блестящая идея, въ одинаковой степени совмѣщаю-

щая два, совершенно различныя, требованія: предполагается убавить крѣпость казенной водки, не убавляя ни ея цѣны, ни нынѣшнихъ условій потребленія. Казенный доходъ не упадетъ, ибо «привычки населенія» не будутъ нарушены. Будетъ въ каждомъ случаѣ лишь нѣсколько меньшее опьянѣніе, т.-е. результатъ завѣдомо благотворный.

Остроуміе и полная логичность этого вывода не подлежатъ никакому сомнѣнію. Діаграмма, приведенная здѣсь, черезъ нѣсколько лѣтъ, очевидно, сильно измѣнится, ибо кривыя казеннаго дохода и потребленія еще болѣе разойдутся.

О результатахъ этой мѣры въ народной жизни ни судить, ни предсказывать не берусь. Я не сторонникъ ни винной монополіи, ни прежняго акциза, ни вообще какой-бы то ни было формы потребленія спирта, кромѣ развѣ пива, или виноградныхъ винъ. Если такая свободолюбивая страна, какъ Америка являетъ примѣры цѣлыхъ штатовъ съ абсолютнымъ запретомъ алкоголя, даже въ формѣ пива и виноградныхъ винъ, если мечта каждаго порядочнаго русскаго мужика—«Эхъ, кабы Царь-батюшка вовсе эту проклятую водку запретилъ», если давшіе зарокъ не пить и твердо его держащіе составляютъ самый уважаемый въ деревнѣ классъ, которому всѣ искренно завидуютъ, я, грѣшный человѣкъ, не вижу причины, почему-бы не начать вытрезвлять наше пьяное царство не той или иной посудой и крѣпостью питей, не театрами, чтеніями и фонарями, а *полнымъ упраздненіемъ водки*?

Смѣю думать, что противъ этого упраздненія послѣ американской «temperance» можетъ быть только одно возраженіе: откуда казна возьметъ для своего бюджета 300 милліоновъ рублей?

Аргументъ огромный по тяжести и до сихъ поръ бывшій вполнѣ побѣдоноснымъ. Но у меня на этотъ случай есть тоже аргументъ. Я не смѣю *отъ себя* сказать категорически: вотъ откуда возьмутся 300 милліоновъ, которые государство пожелало-бы потерять на монополіи или акцизѣ, все равно. Но я знаю или, точнѣе, зналъ очень крупнаго государственнаго человѣка, который этотъ вопросъ рѣшилъ вполнѣ обстоятельно. Мнѣ посчастливилось почти передъ смертью А. Д. Пазухина въ двухчасовой бесѣдѣ выслушать отъ него обширный планъ упраздненія водки въ Россійской Имперіи *съ финансовымъ расчетомъ, чѣмъ замѣнить этотъ несчастный кабацкій доходъ*. Этотъ разговоръ былъ мною своевременно записанъ и когда-нибудь я его достану изъ моего архива. Мнѣ-бы не хотѣлось, однако, подавать его въ сыромъ видѣ, а для разработки нужно время, которымъ, сейчасъ, я—увы!—не располагаю.

Тюремная реформа.

Ежегодно при наступленіи зимы у столичныхъ мировыхъ судей происходятъ любопытныя сцены. Вызывается цѣлая рать разныхъ Ивановъ-Непомнящихъ, и всѣ по совершенно одинаковому дѣлу. Отправился человѣкъ тайкомъ на желѣзнодорожную землю около товарнаго вокзала, укралъ дровъ, или стараго желѣза «на сумму менѣе 300 руб.», былъ остановленъ, не оказалъ никакого сопротивленія. Возбуждено «дѣло», и вотъ гг. Иваны-Непомнящіе толпами стоятъ въ камерахъ, ожидая очереди, когда мировой судья прочитаетъ рѣшеніе садиться на столько-то недѣль или мѣсяцевъ въ острогъ. Выслушавшій приговоръ торопится заявить свое «удовольствіе» и только проситъ, чтобы его скорѣе посадили, такъ какъ ему ѣсть нечего, одежонка разорвалась и на дворѣ холодъ.

И вотъ цѣлая толпа этихъ несчастныхъ, лѣтомъ жившая, по собственному характерному выраженію, «на дачѣ» и кормившаяся чѣмъ Богъ послалъ, большею частью, однако, честнымъ трудомъ, отправляется въ острогъ, въ тепло и на хорошіе харчи, о которыхъ постаралось заботливое начальство.

Нечего и говорить. Гуманность обращенія и гигіеническія условія въ нашихъ тюрьмахъ въ большинствѣ случаевъ хороши. Настолько хороши, что ихъ и сравнивать нельзя съ условіями средней крестьянской хаты въ огромномъ числѣ мѣстностей Россіи. Свободному земледѣльцу и доброму гражданину земли Русской живется въ большинствѣ случаевъ куда хуже, чѣмъ вору, убійцѣ или бродягѣ въ тюрьмѣ. Какъ могъ видѣть читатель изъ приведенной выше картинки, въ тюрьму идутъ даже добровольно, чтобы обогрѣться и поправиться на хорошихъ харчахъ.

Повелъ я эту рѣчь вотъ къ чему. Недавно былъ опубликованъ Высочайшій указъ объ окончательномъ прекращеніи ссылки въ Сибирь, а на дняхъ Министерство Юстиціи напечатало по этому поводу длинное и подробное сообщеніе, похожее на програму. Отнынѣ осужденные преступники будутъ отбывать свое наказаніе въ тюрьмахъ, гдѣ предполагается расширить помѣщенія и ввести различныя ремесла. Деньги на это найдутся изъ такихъ-то и такихъ-то источниковъ и пр.

Разумѣется, отмѣнѣ ссылки въ Сибирь можно только порадоваться. Для этой коренной русской области заканчивается ея давняя и постыдная роль депортаціонной колоніи. Сибирь становится такою-же равноправной областью въ составѣ огромнаго Русскаго Царства, какъ и ядро коренной Россіи.

Но рѣчь сейчасъ не о Сибири. Я не даромъ привелъ картинку изъ быта друзей и героевъ г. Максима Горькаго. Надъ нашими тюрьмами и жизни въ нихъ, а также надъ ихъ ролью въ общественномъ жизненномъ укладѣ не мѣ-

шаетъ крѣпко подумать, особенно въ виду предстоящаго «расширенія старыхъ тюремъ и постройки новыхъ».

Дѣло въ томъ, что тюрьма у насъ поставлена совершенно ненормально. Во-первыхъ, она страшно дорого стоитъ казнѣ, т.-е. податнымъ плательщикамъ. Во-вторыхъ, она вмѣсто исправленія преступниковъ служитъ для нихъ самою ужасною школою, окончательно развращающею душу человѣка. Наконецъ, въ-третьихъ, нельзя-же допустить, чтобы преступнику, отбывающему наказаніе, осужденному и изъ общества временно или навсегда извергнутому, жилось на счетъ того-же общества много обезпеченнѣе и лучше, чѣмъ девяти десятымъ здоровыхъ и честныхъ членовъ этого общества! Вѣдь это-же вопіющая аномалія!

Мнѣ какъ-то пришлось присутствовать при такой сценѣ: на вокзалѣ большой узловой станціи сталкивается партія арестантовъ съ партіей переселенцевъ. Обѣ ждутъ поѣзда. Благочестивая барыня, по виду купчиха, привезла цѣлый узелъ калачей, булокъ и прочей снѣди и одѣляетъ арестантовъ. Изъ кучи переселенцевъ, голодныхъ, изнуренныхъ, съ оборванными и худыми дѣтишками, поднялась старуха и начала «срамить» барыню:

— Намъ-то вотъ небось не дашь, сударыня! Имъ суешь! А пхъ и такъ казна-матушка на наши денежки словно борововъ раскармливаетъ. А мы тутъ съ голоду дохни!

Мой большой пріятель и хорошій знатокъ уѣздной жизни, кинешемскій фабрикантъ Ал. Ѳ. Морокинъ, съ которымъ у насъ при каждомъ свиданіи ведутся горячіе споры о тѣлесномъ наказаніи, слышать не можетъ о тюрьмахъ.

— Видите-ли, розга—позорящее наказаніе! А красть не позорно? Выстегали человѣка,—наказали и будь опять человѣкомъ. Нѣтъ, его посылаютъ на казенный счетъ учиться въ воровской университетъ! Хороши они оттуда выходятъ... Опять эта праздность тюремная. А сколько казнѣ все это стоитъ? А какое развращающее это сознаніе въ народѣ, что арестанту или убійцѣ лучше живется и сытнѣе ѣстся, чѣмъ доброму человѣку!

Я не сторонникъ тѣлесныхъ наказаній въ принципѣ, но мой собесѣдникъ меня иногда обезоруживаетъ и заставляетъ замолкнуть. Возразить нечего. И это видѣнное и слышанное мелькаетъ въ памяти, какъ пестрые камешки въ калейдоскопѣ, когда поставишь передъ собою нашъ тюремный вопросъ. Невольно думаешь надъ нимъ, и мысль сама собою пріискиваетъ необходимыя поправки къ гуманному и свѣтлому, но не на здоровой практической почвѣ построенному начинанію.

Расширять тюрьмы... гдѣ? Конечно въ городахъ. А я думаю,—не упразднить-ли и существующія, обративъ дорогія и прекрасныя зданія подо что хотите другое. Приходило-ли вамъ въ голову, читатель: почему тюрьма должна быть непремѣнно въ городѣ? Для удобства суда и слѣдствія? Но при нынѣшнемъ развитіи путей сообщенія, телеграфовъ и телефоновъ доставка арестанта въ судъ или поѣздка слѣдователя не представляетъ и четверти тѣхъ неудобствъ и затрудненій, что раньше.

Далѣе: приходило-ли вамъ въ голову, что совершенно ненормально и даже безнравственно заставлять честныхъ гражданъ кормить преступника. Почему подслѣдственный-ли, или осужденный, не *долженъ вполнѣ прокармливать себя* своимъ трудомъ? Этотъ трудъ въ полномъ распоряженіи власти, которая лишила преступника свободы. Вопросъ здѣсь не въ принципѣ, а въ техникѣ дѣла. И дѣйствительно, въ городѣ этого труда никакъ не организуешь производительнымъ образомъ. Тамъ арестанты едва могутъ выработать *кое-что,* а все ихъ содержаніе ложится цѣликомъ на казну. Почему-же вмѣсто тюремъ не основать деревенскихъ арестантскихъ колоній, тюремныхъ поселеній, гдѣ-бы весь трудъ арестанта могъ быть использованъ самымъ производительнымъ образомъ?

Всякій преступникъ отбываетъ наказаніе. Основнымъ наказаніемъ долженъ быть принудительный трудъ. Такъ смотритъ и само Министерство Юстиціи. Но какъ различна виновность и различно наказаніе, такъ безконечно разнообразенъ можетъ быть принудительный трудъ. Это разнообразіе достижимо *только* въ деревнѣ. Отъ легкаго поэтическаго труда въ цвѣтникѣ или оранжереѣ до тяжелаго и лишеннаго всякой поэзіи копанья торфа по колѣно въ водѣ или замощенія шоссе идетъ безконечная градація различныхъ видовъ труда, при немъ самые тяжкіе преступники могутъ, подобно тому, какъ въ англійскихъ тюрьмахъ, употребляться на наиболѣе каторжный видъ труда—поставку одной двигательной силы, если нужно даже при обязательномъ молчаніи.

Мнѣ скажутъ, что ремесла въ городской тюрьмѣ могутъ быть поставлены настолько хорошо и хозяйственно, что тоже будутъ доставлять серіозный доходъ, и при идеальной организаціи могутъ совсѣмъ вычеркнуть изъ государственнаго или земскаго бюджета расходъ на данную тюрьму.

Съ этимъ я, конечно, спорить не буду, но я укажу здѣсь на нѣчто иное, что у насъ совершенно упускается изъ виду. Ремесла въ тюрьмахъ, маломальски прилично поставленныя, наносятъ огромные убытки городскимъ ремесленникамъ и могутъ прямо пустить по̀ міру семьи честныхъ тружениковъ. Это явленіе уже было, хотя и поверхностно, изслѣдовано. Я объ этомъ читалъ, но газеты не сохранилъ и сослаться на источникъ не могу. Въ одной изъ тюремъ такъ хорошо и дешево начали шить сапоги, что городскіе сапожники одинъ за другимъ должны были бросить работу и пошли по̀ міру.

Да это и совершенно понятно. Казна обладаетъ огромными капиталами, т.-е. можетъ доставить наилучшій матеріалъ и инструменты, образцы и инструкторовъ. Затѣмъ при расцѣнкѣ работы труды арестанта, коего содержаніе оплачено изъ бюджета, могутъ считаться очень низко. Продуктъ работы, иногда очень высокій по качеству и матеріаламъ, расцѣнивается обыкновенно такъ низко, что всѣ бросаются покупать и заказывать въ острогъ, а ремесленниковъ вольныхъ, которые за такія цѣны работать не могутъ, оставляютъ безъ работы.

Это зло и несправедливость совершенно неустранимы при городскихъ тюрьмахъ уже потому, что здѣсь возможна только *переработка* продуктовъ, тогда какъ въ сельскомъ хозяйствѣ идетъ ихъ *добываніе*. Разница огромная! Тюрем-

ное поселеніе можетъ быть организовано такъ, что все ему нужное для содержанія будетъ цѣликомъ взято изъ земли и остальной странѣ ни прямо, ни косвенно не будетъ стоить ровно ничего. Преступники и люди, къ нимъ приставленные, на нѣкоторое время какъ-бы исчезнутъ изъ общественнаго обращенія, какъ-бы станутъ внѣ общества. И только. Нынѣшнихъ тяжелыхъ жертвъ не потребуется вовсе, и конкурренціи ни съ кѣмъ не будетъ.

Но, по-моему, этого мало и тюрьма можетъ дать гораздо большіе и лучшіе результаты, чѣмъ голый нуль. Сейчасъ она даетъ рядъ огромныхъ минусовъ. Она должна давать плюсы.

Современная уголовная наука установила, кажется, довольно твердо, что задача наказанія сводится не на отмщеніе обществомъ проступка или преступленія, а на исправленіе преступника, на возвращеніе его обществу и народу возрожденнымъ.

Я скажу больше: не только возрожденнымъ и исправленнымъ, но и обученнымъ производительному дѣлу. И достичь этого вполнѣ возможно уже потому, что большинство нашихъ преступленій рождается на почвѣ бѣдности и невѣжества. А кто-же не знаетъ, что наша бѣдность и невѣжество идутъ рука объ руку? Человѣкъ не умѣетъ приложить своего труда—это невѣжество. Человѣку некуда приложить своего труда—это бѣдность.

Гражданская городская тюрьма на этой почвѣ была безсильна чего-либо путнаго достичь, деревенская тюрьма-ферма, тюрьма-поселокъ можетъ имѣть всѣ необходимыя средства, чтобы вылѣчить злую волю человѣка, научивъ его бороться и съ невѣжествомъ, и съ бѣдностью.

Вотъ типичный русскій преступникъ: молодой крестьянскій парень, въ качествѣ чернорабочаго попавшій въ городъ. Работы не нашелъ, потому что ничего не умѣетъ, деньжонки провелъ, попалъ въ воровскую компанію, поймань, осужденъ и приговоренъ. Смѣю васъ увѣрить, мой читатель, что до момента заключенія его въ острогъ это еще не испорченный до конца человѣкъ, какую-бы гнусную или звѣрскую штуку онъ ни сдѣлалъ; въ немъ живы всѣ добрыя чувства и онъ страшно страдаетъ, изъ вольныхъ людей попавъ въ преступники. Кто его погубитъ окончательно, это именно та самая тюрьма, которой назначеніе его спасти и исправить. Погубитъ праздной тюремной компаніей, погубитъ окончательнымъ разрывомъ съ землей и деревней. Наоборотъ, дайте этому преступнику именно землю и сельскую работу, обучите его культурнымъ пріемамъ хозяйства и онъ не только вернется домой омытый и очищенный отъ содѣяннаго грѣха, но еще принесетъ съ собою техническое знаніе, въ которомъ такъ страшно нуждается деревня.

Какихъ ремеслъ ни устраивайте въ городской тюрьмѣ-казармѣ, самое большое, чего можно достичь, это чисто фабричнаго устройства и фабричнаго благоустройства. Но развѣ фабрика сама по себѣ, даже не тюремная, не есть мѣсто порчи русскаго земледѣльца? Въ городской тюрьмѣ человѣкъ, изучившій ремесла, совершенно отобьется отъ земли, въ сельской тюрьмѣ-колоніи, наобо-

ротъ, даже преступникъ горожанинъ полюбитъ сельскій трудъ и его потянетъ въ деревню по окончаніи срока наказанія.

Разсказывая объ этомъ и доказывая вотъ такія ясныя и простыя вещи, мнѣ кажется, что я ломлюсь въ открытую дверь. Однако, внимательно вчитываясь въ пространное сообщеніе Министерства Юстиціи, я вижу тамъ все, что угодно, кромѣ идеи земледѣльческаго труда, какъ лучшаго исправительнаго средства для русскаго преступника. Говорится очень подробно о томъ, что съ упраздненіемъ ссылки освобождаются зданія пересыльныхъ тюремъ, излагается планъ переустройства мѣстъ заключенія «по тремъ типамъ», большое вниманіе обращается на исправительные дома съ ремеслами въ нихъ, говорится о важности изоляціи приступниковъ, и ни слова, ни даже намека нѣтъ о деревнѣ, о земледѣльческомъ трудѣ.

Меня всегда поражало одно обстоятельство, неизбѣжно сопутствующее нашимъ реформамъ. Тотъ или иной существующій порядокъ оказывается устарѣвшимъ или неудовлетворительнымъ. Соотвѣтственное вѣдомство затѣваетъ реформу, вырабатываетъ новый законъ. Законъ отдѣлывается въ комиссіяхъ, передѣлывается и наконецъ поступаетъ въ Государственный Совѣтъ; сразу или въ нѣсколько пріемовъ онъ проходитъ сквозь наше высшее законодательное учрежденіе, наконецъ, утверждается Верховной Властью и вступаетъ въ силу, начинаетъ примѣняться на всемъ необъятномъ пространствѣ русской территоріи.

И при этомъ, насколько глазъ охватываетъ исторію, я не помню, чтобы когда-нибудь практически была сдѣлана попытка повѣрить то или иное законодательное предположеніе *предварительнымъ опытомъ* *). Неужели мы такъ хорошо знаемъ Россію и такъ вѣримъ въ наши творческія силы, что можемъ кроить безъ примѣрки? У насъ никогда даже тона сомнѣнія не слышится—будетъ-ли хорошо такое-то мѣропріятіе? Принесетъ-ли оно плоды, которыхъ отъ него ожидаютъ? А когда этихъ плодовъ не получается или получаются результаты отрицательные, говорятъ: неловко-же мѣнять только что установленное... Такъ мы и живемъ.

Почему-бы раньше окончательнаго рѣшенія вопроса не сдѣлать ряда опытовъ на практикѣ, ну хоть въ той-же тюремной области? Идея направленія преступника на землю—не моя идея. Тюремныя земледѣльческія колоніи—вещь очень старая, о нихъ говорятъ давнымъ-давно. Почему-бы раньше теоретическаго установленія всякихъ типовъ и градацій не основать одну или двѣ вотъ такихъ колоніи, да не поручить выдающимся моралистамъ, юристамъ, агрономамъ и педагогамъ заняться практическимъ русскимъ изученіемъ тамъ *русскаго* пенитенціарнаго вопроса? Неужели можно все черпать изъ иностранныхъ образцовъ, изъ книгъ да изъ мертвой статистики? А можетъ-быть, результаты оказались-бы такими, что Главное Тюремное Управленіе не новыя тюрьмы стало-бы строить и передѣлывать существующія, а само выработало-бы проектъ упраздненія всѣхъ городскихъ тюремъ?

*) Я не говорю про „опытъ“ съ винной монополіей. Это былъ не опытъ, а только неодновременное проведеніе твердо предрѣшенной реформы.

Въ сообщеніи министерства говорится, что завѣдываніе извѣстною частью исправительныхъ учрежденій остается за земствомъ. Хоть-бы одно наше земство попыталось осуществить тюрьму-ферму! Если такія идеи не приходятъ въ голову спеціалистамъ-юристамъ, то могли-бы зародиться на земской почвѣ.

— Но что такое эта ваша тюрьма-ферма или тюрьма-колонія?—спроситъ читатель.

А вотъ что: представьте себѣ участокъ земли, десятинъ въ 500, раздѣленный на нѣсколько хуторовъ. Въ каждомъ ведется самое интенсивное полеводство и скотоводство и притомъ въ разнообразнѣйшихъ отрасляхъ. За машинной работой очень не гонятся, ибо рукъ свободныхъ болѣе, чѣмъ достаточно. На центральномъ хуторѣ управленіе тюрьмы. Во главѣ дѣла стоятъ: священникъ, образованный юристъ и первоклассный агрономъ. Четвертое начальство—командиръ охраннаго отряда. Арестанты живутъ въ *маленькихъ* казармахъ съ надлежащею стражею и распредѣляются по хуторамъ и отдѣльнымъ работамъ планомѣрно, такъ чтобы это распредѣленіе было и школой, и наградой, и въ извѣстныхъ случаяхъ наказаніемъ.

Хозяйство должно заключать добываніе и переработку своихъ продуктовъ и имѣть всѣ отрасли, возможныя въ данной климатической полосѣ. Не будемъ забывать, что главная цѣль этой тюрьмы-фермы не только исправить человѣка, но и вооружить его на дальнѣйшій честный трудъ. Рукъ много и всѣмъ необходимо найти занятія.

Солдаты конвойной команды явились-бы на такой фермѣ не механическою лишь стражею. Они подъ руководствомъ своихъ старшихъ могли-бы принимать возможное участіе въ работахъ, ибо это была-бы школа и для нихъ.

Интеллигентные арестанты могутъ являться въ роли руководителей работъ и ближайшихъ помощниковъ управляющихъ хуторами. Лучшимъ изъ нихъ даже можетъ быть ввѣренно и самое техническое управленіе.

Разумѣется, колонія должна быть совершенно изолирована отъ окружающей мѣстности. Но это не исключаетъ ни возможности посѣщенія арестантовъ родными, ни возможности осмотра желающими тюремнаго хозяйства, которое во всякомъ случаѣ должно быть и будетъ образцовымъ.

Я не буду распространяться о подробностяхъ организаціи, которая въ рукахъ живыхъ и преданныхъ дѣлу людей отлично установится сама собою, если этимъ людямъ будетъ дана надлежащая свобода. Мнѣ хочется лишь добавить, что и по отбытіи срока наказанія тюрьма должна позаботиться о человѣкѣ, котораго она исправила и поставила на ноги.

Мнѣ кажется, что наилучшій къ тому способъ—это подготовлять изъ арестантовъ будущихъ колонизаторовъ на далекихъ окраинахъ. Нравственно вылѣченный и технически подготовленный бывшій преступникъ вѣроятно предпочтетъ начать новую свободную жизнь вдали отъ своего родного угла, гдѣ его положеніе все-таки фальшивое. Ему можно будетъ дать пособіе на обзаведеніе, разумѣется, возвратное, и безплатную перевозку на мѣсто.

Все, что изложено мною здѣсь, представляется лишь блѣднымъ наброскомъ тѣхъ *основаній*, на которыхъ должна быть устроена русская тюрьма, чтобы вмѣсто нынѣшней матеріальной тягости для народа и великой школы разврата она стала *спасительницею погибающихъ* и свою страшную кличку «Мертваго дома» замѣнила свѣтлымъ названіемъ «Школа жизни».

Скорая помощь.

ЕСТЬ въ Харьковской губерніи Волковскій уѣздъ; въ уѣздѣ этомъ—громаднѣйшія залежи отличной глины, и потому нѣсколько сотъ крестьянскихъ дворовъ занимаются въ разныхъ мѣстахъ выдѣлкою гончарной посуды. Но центромъ гончарнаго производства считается слобода Новая Водолага, въ которой до 300 семействъ съ населеніемъ болѣе 1,300 человѣкъ живутъ гончарствомъ. Бѣднота у нихъ невообразимая, сразу бросающаяся въ глаза. Орудія производства—самыя примитивныя, санитарныя условія производства—возмутительныя. Гончаръ въ той хатѣ, гдѣ живетъ, и глину мѣситъ, и посуду выдѣлываетъ, и свинецъ для поливы обжигаетъ. Ѣстъ и пьетъ, не перемѣняя костюма, парами свинцовыми наполняется хата, покрывается одежда, лицо, ротъ, носъ. Ремесленники,—по заключенію мѣстныхъ врачей,—народъ худосочный безцвѣтный, въ лучшемъ случаѣ, преждевременно умираютъ, чаще доживаютъ свой короткій вѣкъ со множествомъ всевозможныхъ недуговъ. Тутъ и свинцовыя пораженія желудка, и болѣзни суставовъ, и параличи мышцъ, и легочныя страданія; бываютъ эпилепсія, душевныя заболѣванія, преждевременные роды; дѣти—золотушныя, рахитичныя и проч.

Впервые на эту публику было обращено серіозное вниманіе проф. Харьковскаго университета И. П. Сокальскимъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ, когда онъ составлялъ карту залежей гончарной глины для сельскохозяйственной выставки, на которую потомъ былъ отправленъ цѣлый транспортъ образцовъ Ново-Водолажскихъ издѣлій, удостоенныхъ нѣсколькихъ медалей и похвальныхъ отзывовъ. Тогда-же поднимался вопросъ объ учрежденіи склада для гончарной посуды, ради освобожденія гончаровъ отъ произвола скупщиковъ, объ улучшеніи техники производства и проч. Но, за недостаткомъ средствъ, дѣло стояло до 1889 года, когда на общемъ собраніи прихожанъ Николаевской церкви въ Новой Водолагѣ рѣшено было открыть въ этомъ приходѣ 2-классную школу съ ремесленнымъ, гончарнымъ при ней отдѣленіемъ. Выполненіе этого дѣла приняло на себя мѣстное церковно-приходское попечительство, которое имѣло для этого уже ранѣе собранныхъ имъ 500 рублей, и немедленно возбудило соотвѣтствующія ходатайства передъ духовнымъ и свѣтскимъ начальствомъ.

Въ это время въ Новую Водолагу является членъ Совѣта Министерства Государственныхъ Имуществъ, покойный нынѣ Ф. Н. Королевъ, командирован-

ный министерствомъ для изслѣдованія кустарнаго гончарства на югѣ Россіи. Бѣдность гончаровъ и бѣдность потребителей ихъ издѣлій заставляетъ кустарей, говоритъ онъ про гончаровъ, вообще торопиться изготовлять посуду, не заботясь объ отдѣлкѣ, лишь-бы можно было продать подешевле (т. I, стр. 407 и слѣд.); въ пищѣ получаются ядовитыя соединенія отъ свинца и мѣди. «Выйти изъ затрудненія, являющагося вслѣдствіе бѣдности кустарей, говоритъ г. Королевъ далѣе, можно было бы или построивъ мастерскую (и улучшенную обжигательную печь), передать ее въ пользованіе извѣстному лицу, которое должно-бы показать преимущества правильно поставленнаго производства передъ неправильнымъ, или-же построить образцовую мастерскую въ центральномъ селеніи съ тѣмъ, чтобы ею могли пользоваться, по извѣстной очереди, всѣ, кто пожелаетъ, изъ мѣстныхъ производителей». Затѣмъ Ф. Н. Королевъ останавливается на кабалѣ гончаровъ у скупщиковъ, на тяжеломъ вліяніи бездорожья на сбытъ посуды, на отсутствіи кредита, на неимѣніи правильно организованныхъ торговыхъ складовъ для гончарныхъ издѣлій и пр. При этомъ онъ замѣчаетъ, что, кромѣ удовлетворенія мѣстныхъ потребностей, гончары отправляютъ свои издѣлія далеко на югъ, а изъ Новой Водолаги—даже въ Севастополь по желѣзной дорогѣ, хотя, вообще, издѣлія ихъ плохи и ухудшаются все болѣе и болѣе. Деньги нужны, нужна поскорѣе выручка. Г. Королевъ приходитъ къ выводу, что помощь Ново-Водолажскимъ гончарамъ крайней нужна. Онъ бесѣдуетъ съ гончарами и съ членами церковно-приходскаго попечительства, и въ результатѣ—проектъ устройства ремесленнаго отдѣленія при школѣ превращается въ постройку цѣлой учебной мастерской для всей округи; обѣщается содѣйствіе Министерства Государственныхъ Имуществъ.

Надежды гончаровъ оживаютъ. Завязывается переписка попечительства съ нашимъ земледѣльческимъ вѣдомствомъ о типѣ построекъ, о матеріалѣ и проч., подается прошеніе о пособіи и содѣйствіи къ устройству гончарни въ Министерство Государственныхъ Имуществъ, собираются деньги на эту постройку всѣми способами: и по 25 коп. отъ домохозяина, и по 3 р. отъ каждаго члена попечительства, и посредствомъ подписныхъ листовъ. Но Петербургъ далеко... Улита ѣдетъ, — когда-то будетъ?.. Жажда знаній и сознаніе возможности улучшить свое благосостояніе пробудились у крестьянъ. На волостномъ сходѣ постановляютъ: выдать попечительству на устройство школы въ 1890 году—200 р. и въ 1892 году—100 руб. Деревенскія бабы рѣшаютъ, по первому предложенію приходскаго священника, собранные ими 50 руб. на ризу въ церковь обратить на постройку школы; случаи отказа въ пріемѣ дѣтей за недостаткомъ мѣста въ 2-классной образцовой школѣ начинаютъ болѣзненно отзываться на крестьянахъ...

Въ виду замедленія въ высылкѣ проекта для гончарни, попечительство строитъ зданіе для общеобразовательныхъ классовъ своей церковно-приходской, тоже 2-классной, школы. Въ 1892 году зданіе, и даже каменное, стоющее болѣе 5,000 р., готово, осенью того-же года откроются занятія. Средствъ на содер-

жаніе этого училища никто не даетъ — рѣшаютъ пока, въ надеждѣ на лучшее будущее, обойтись своими, чтобы не тянуть время.

Наконецъ, въ февралѣ 1893 г. получаются отъ Ф. Н. Королева планъ и смѣта на постройку мастерской и приказъ: немедленно приступить къ заготовкѣ матеріаловъ. Рекомендуется стѣны сдѣлать глинобитными, чтобы показать ихъ крестьянамъ; мастера для этого обѣщаются изъ Мелитополя *). Черезъ мѣсяцъ отдѣлъ кустарныхъ промысловъ Министерства Государственныхъ Имуществъ увѣдомляетъ: «Принявъ во вниманіе, что въ сл. Новой Водолагѣ кустарное гончарное производство значительно распространено, даетъ средства къ жизни мѣстному населенію и нуждается въ техническихъ улучшеніяхъ, г. временно-управляющій министерствомъ испросилъ Высочайшее соизволеніе на безплатный отпускъ попечительству для устройства гончарнаго отдѣленія изъ ближайшей казенной дачи 60 шт. дубовыхъ деревъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, согласно постановленію особаго совѣщанія по дѣламъ кустарной промышленности, министерствомъ признано возможнымъ ассигновать на устройство упомянутой гончарни 600 р.

Потребовали послать гончара для обученія гончарному дѣлу на заводъ Фона въ Новгородскую губернію, обѣщая возмѣстить расходы и назначить ему жалованье отъ министерства, когда онъ будетъ учителемъ въ мастерской, — подыскали, снарядили, послали и выучили такого человѣка. Потребовали особое разрѣшеніе епархіальнаго начальства на устройство ремесленнаго отдѣленія при школѣ, — попечительство и его получило. Харьковское Губернское Правленіе потребовало множество гербовыхъ марокъ на всѣ приложенія къ просьбѣ о разрѣшеніи строить мастерскую въ слободѣ и дубликаты проектовъ и проч. — послали; уѣздный врачъ потребовалъ 10 р. за проѣздъ для санитарнаго осмотра мѣста подъ школу — дали. Словомъ, дѣлали все, только-бы поскорѣе пустить въ ходъ машину, не травить народъ свинцомъ, не горбить его за нынѣшними станками и проч. Въ 1894 году приступили къ постройкѣ. Произвели земляныя и каменныя работы (довольно сложныя), заказали окна, двери и—стали. Нѣтъ глиномялъ. Просятъ ихъ отъ министерства—тихо. Тогда обращаются къ Королеву за присылкой болѣе детальныхъ чертежей мастерской, такъ какъ при выполненіи его проекта выяснились дефекты. На это получается отъ него увѣдомленіе, что «опытъ убѣдилъ его, что для малаго производства лучше строить печи не по тому чертежу, который былъ данъ попечительству, и что дальнѣйшія объясненія дастъ Кустарный Комитетъ». — Полная остановка. Съ подрядчикомъ кое-какъ разсчитались.

25 апрѣля 1895 г. министерство увѣдомляетъ, «что за смертью т. с. Королева гончарное дѣло осталось безъ опытнаго руководителя, а потому Кустарный Комитетъ постановилъ, между прочимъ, пригласить опытнаго спеціалиста для руководства по гончарному производству вообще, поручивъ ему и наблю-

---

*) Тоже и въ отчетѣ Королева за 1897 г. „Извѣстія М. З. и Г. И.“ 1895 г.

деніе за устройствомъ гончарни въ Новой Водолагѣ. Г. министръ утвердилъ это постановленіе 15 марта 1895 г.

Терпѣніе у крестьянъ истощается, вѣра въ помощь ихъ нуждѣ «казною» колеблется; надъ недостроенной гончаркой начинаютъ подтрунивать; члены попечительства волнуются, и при всякомъ случаѣ справляются въ министерствѣ, когда подвинутъ ихъ дѣло? Наконецъ, 19-го декабря 1897 года получаютъ увѣдомленіе, что «въ началѣ будущаго года командируется въ Новую Водолагу *по дѣламъ гончарни* технологъ г. Олейниковъ», и 5 іюня 1898 г. получается просьба: «оказать попечительствомъ содѣйствіе этому технику, командированному для устройства гончарни».

Г. Олейниковъ былъ, все видѣлъ, всѣхъ опросилъ. Отнесся къ нуждамъ гончаровъ тоже въ высшей степени сочувственно, обстоятельно изучилъ положеніе промысла, и—въ своемъ отчетѣ (изд. М. З. и Г. И. за 1898 г. т. V), говоритъ, что внѣ всякаго сомнѣнія, въ Новой Водолагѣ «огромныя залежи превосходной глины». Далѣе онъ указываетъ на полную зависимость гончаровъ отъ скупщиковъ, на систематическое повышеніе цѣнъ на дрова и глину, на неэкономное употребленіе матеріаловъ, на отраву свинцомъ, боли въ поясницѣ, говоритъ о бѣдности и т. д., о чемъ и раньше уже говорилось, только болѣе подробно—болѣе горячо. Онъ находитъ необходимымъ въ предполагаемой учебной гончарнѣ (которая «могла-бы съиграть весьма полезную роль») устроить печь новаго образца (для угля или торфа). Для наглядности выгоды отъ этого, говоритъ о небезполезности расширенія круга техническихъ знаній Ново-Водолажскихъ гончаровъ. И заканчиваетъ тѣмъ, что (стр. 246) «во всѣхъ этихъ настоятельныхъ нуждахъ водолажскихъ гончаровъ можетъ помочь только Министерство Земледѣлія, такъ какъ земство относится къ нимъ, повидимому, совершенно безучастно. Помощь министерства могла-бы выразиться прибавкой нѣкоторой суммы къ той тысячѣ рублей, которая имѣется уже у попечительства, а также посылкой на мѣсто техника для руководства работами по постройкѣ самой гончарни». Далѣе онъ рекомендуетъ рядъ другихъ мѣръ для поднятія экономическаго быта гончаровъ.

Кажется, уже все ясно? Крестьяне снова ожили, и ждутъ. Проходитъ еще годъ. Дѣло не двигается. Попечительство снова возбуждаетъ свое ходатайство передъ министерствомъ. Думаетъ, что про него забыли за великими хлопотами, излагаетъ все ab ovo, и проситъ «не отказать окончить начатое имъ дѣло по поднятію и усовершенствованію гончарнаго производства въ сл. Новой Водолагѣ, т.-е. докончить устройство гончарной мастерской при двухклассной церковно-приходской школѣ, оборудовать ее и ассигновать средства на содержаніе мастерской и учителя въ ней, взявъ ихъ подъ свое покровительство и руководство».

23 ноября 1899 г. этотъ вопросъ вносится на засѣданіе въ Кустарномъ Комитетѣ, и... опять дебаты: Надо или не надо строить? Что строить?.. и т. д.

Терпѣніе крестьянъ пережило цѣлую земскую давность. Они снова усиливаютъ сборы на школу, тащатъ свои послѣднія копѣйки; попечительство гото-

вить кирпичъ,—хотятъ весною строить. Но чертежей и плановъ нѣтъ до сихъ поръ. Въ Кустарномъ Комитетѣ все не могутъ установить нужнаго и, конечно, «самаго усовершенствованнаго» типа печи...

Таковъ этотъ грустный десятилѣтній юбилей Ново-Водолажской школы и учебной мастерской.

Обѣленный Мамонтовъ.

Чистое сердце и спокойная совѣсть —
есть-ли на землѣ что̀ выше этого?
Сенека.

Процессъ Саввы Ивановича Мамонтова, какъ извѣстно, въ окружномъ судѣ закончился торжественнымъ оправданіемъ знаменитаго строителя Архангельской дороги и покровителя россійскихъ музъ. Какъ уже я указывалъ въ свое время, судъ не счелъ нужнымъ задать Мамонтову самаго простого вопроса: куда израсходовалъ онъ «недостающіе по счетамъ» 15—17 милліоновъ? Судъ принялъ къ свѣдѣнію самый фактъ. Милліоны были, милліоновъ нѣтъ.—Истратилъ, а куда—неизвѣстно.—На доброе здоровье, Савва Ивановичъ, извините за безпокойство...

И дѣлу конецъ. И никакихъ больше разговоровъ.

Не сталъ-бы и я возвращаться къ господину Мамонтову, и занимать читателя этой, во всякомъ случаѣ гнусной, исторіей, которую я-же поднялъ и вывелъ на свѣтъ Божій, но дѣлать нечего, приходится. Оказывается, что судебнаго оправданія добродушными россійскими присяжными Мамонтову показалось мало. Мало показалось и той газетной защиты, которую нашелъ онъ въ отечественной литературѣ, правда, въ очень немногихъ изданіяхъ, «помнящихъ хлѣбъ-соль», т.-е. отчасти субсидированныхъ, отчасти прямо на мамонтовскія деньги основанныхъ. Онъ отправился въ Парижъ на выставку, чтобы тамъ передъ собравшимися со всего міра «представителями цивилизаціи» торжественно оправдать и обѣлить себя, чуть не съ Эйфелевой башни разсказать міру о своей невинности и козняхъ враговъ, а можетъ-быть, и получить монтіоновскую премію, установленную за выдающуюся добродѣтель.

За такимъ дѣломъ куда-же больше обратиться, какъ не въ редакцію «Фигаро»? Тамъ, глядя по надобности, могутъ кого угодно обѣлить чище снѣга, могутъ и запачкать по самыя уши. Деньги у Мамонтова, очевидно, имѣются *) и хотя такса на эти услуги довольно возвышенная, но зато въ распоряженіе кліента поступаютъ первоклассные публицистическіе таланты, которые исполнятъ задачу въ совершенствѣ. Не даромъ-же «Фигаро» читается въ обоихъ полушаріяхъ и даже еще дальше.

---

*) Или выписалъ „чекъ“ г. Артуръ Рафаловичъ?

Мамонтову тѣмъ болѣе лежалъ прямой путь въ редакцію «Фигаро», что передъ его московскимъ процессомъ тамошніе борзописцы напечатали про него и его друзей и покровителей такія пакости, что даже наша долготерпѣливая почтовая цензура приложила на эти мѣста свои знаменитыя «калоши», другими словами, запачкала ихъ типографской краской, чтобы не вводить во искушеніе русскаго благовоспитаннаго читателя.

И вотъ, на этихъ дняхъ въ «Фигаро», дѣйствительно, появляется статья, лаконически озаглавленная «Mamontoff». Я досталъ ее здѣсь съ большимъ трудомъ, такъ какъ гг. Москвичи, жадные до сенсаціонныхъ вещей, расхватали почти моментально всѣ нумера, имѣвшіеся въ продажѣ въ здѣшнемъ агентствѣ заграничной прессы Гудсона и Віоллè.

Статья, дѣйствительно, замѣчательная, какъ по построенію и стилю, такъ и по необыкновенно побѣдоносному тону. Редакція отрядила для интервью съ Мамонтовымъ лучшаго изъ своихъ сотрудниковъ, г. Жюля Хюрэ, и вотъ изъ подъ его талантливаго пера появилось великолѣпное произведеніе, съ которымъ я считаю долгомъ познакомить читателя. Да, учитесь, господа русскія молодыя силы, какъ пишутъ въ просвѣщенныхъ земляхъ!..

Я постараюсь передать по возможности точно выдающіяся мѣста изъ этой замѣчательной статьи. Охотно перевелъ-бы ее и всю, но боюсь, что долготерпѣніе нашей цензуры лопнетъ,—она заставитъ меня вырѣзать страничку, и будетъ совершенно права, такъ какъ есть вещи, которыя нельзя забрызгивать грязью, хотя-бы и съ такой похвальной цѣлью, какъ прославленіе Мамонтова и его друзей передъ цивилизованнымъ міромъ. Но и того, что я возьму, будетъ за глаза достаточно. Итакъ, къ дѣлу.

«Мамонтовъ,—такъ начинается статья,—герой знаменитаго процесса, который, начиная съ прошлой зимы, поглощаетъ собою вниманіе русскаго финансоваго, промышленнаго и артистическаго міра. Процессъ этотъ схожъ съ процессомъ Лессепса, если не по важности цифръ,—здѣсь дѣло идетъ *о какой-нибудь* (гмъ!) *дюжинѣ милліоновъ*,—то по своей качественной сторонѣ, по *вошедшей въ пословицу честности* и значительному вліянію подсудимаго.

«Случаю было угодно, чтобы Мамонтовъ оказался въ Парижѣ одновременно съ нашимъ знаменитымъ гостемъ, русскимъ министромъ финансовъ, г. Витте, который съ давнихъ поръ былъ и остается однимъ изъ его друзей» *).

Авторъ припоминаетъ, какъ поражены были всѣ въ Москвѣ, а затѣмъ и во всей Европѣ неожиданнымъ арестомъ Мамонтова, такого-то и такого-то (исчисляются его заслуги)... «однимъ словомъ, человѣка, бывшаго душею и средоточіемъ всей современной русской промышленности (ого!), наслѣдника знаменитаго Чижова (которому Россія обязана основаніемъ своей сѣти желѣзныхъ

---

*) Эта фраза возмутила кн. Мещерскаго и онъ посвятилъ цѣлый „Дневникъ" для торжественнаго удостовѣренія передъ Россіей своимъ княжескимъ словомъ, что Мамонтовъ никогда другомъ С. Ю. Витте не состоялъ и даже его благосклонностью не пользовался.

дорогъ), человѣка, умъ котораго цѣнили три императора, Александръ II, Александръ III и Николай II, наконецъ друга нашего молодого министра Финансовъ, экономическій геній котораго организуетъ русскіе финансы... Этотъ человѣкъ былъ арестованъ.

«Это было почти общественнымъ горемъ Москвы. Подобной катастрофѣ не хотѣли вѣрить.

«Въ самомъ дѣлѣ, Мамонтовъ былъ не только просвѣщенный филантропъ, но и страстный меценатъ русскаго искусства. Ему, обладателю прекрасной картинной галлереи, многіе молодые славянскіе художники и скульпторы, нынѣ пожинающіе лавры на нашей выставкѣ, обязаны покровительствомъ, помощью и поддержкой въ началѣ своего поприща; благодаря ему, съ меньшими слезами побѣдили они нищету и завоевали свое мѣсто подъ солнцемъ. На это, какъ говорятъ, Мамонтовъ истратилъ цѣлое состояніе. Онъ даже основалъ на свой счетъ въ Москвѣ лирическій театръ, гдѣ ставились новыя и оригинальныя произведенія молодыхъ музыкантовъ, которые Мамонтову обязаны своей, теперь уже европейской, извѣстностью (?). Такіе люди рѣдки въ Россіи, какъ и повсюду; обыкновенно въ своей собственной средѣ они встрѣчаютъ недовѣріе и нѣсколько презрительную враждебность, которая ждетъ лишь случая, чтобы безопасно проявиться.

«Знали поэтому, что у этого могущественнаго, предпріимчиваго и либеральнаго человѣка есть заклятые враги, но знали также, что у него есть и высокопоставленные вліятельные друзья.

«Пришлось повѣрить очевидности, когда этотъ великій финансистъ попалъ въ тюрьму, въ одиночное заключеніе, и когда вслѣдствіе этого почти моментально упали акціи управляемыхъ имъ обществъ.

«Заключеніе Мамонтова продолжалось пять мѣсяцевъ...

Я дѣлаю здѣсь небольшой пропускъ и продолжаю дословно:

«Черезъ три мѣсяца, т.-е. спустя только девять мѣсяцевъ, дѣло поступило въ судъ. Шесть недѣль назадъ оно кончилось торжественнымъ оправданіемъ Мамонтова. По выходѣ изъ залы суда онъ отправился прежде всѣхъ къ г. Витте, который поздравилъ ту простоту и мужество, съ которыми сопротивлялся Мамонтовъ цѣлой ордѣ своихъ враговъ. Всѣмъ вѣдь въ Россіи было извѣстно, что черезъ голову Мамонтова пытались попасть въ молодаго и блестящаго императорскаго министра, быстрое возвышеніе котораго создало подъ его ногами непримиримыхъ враговъ. Но оружіе оказалось слишкомъ короткимъ и плохимъ или, вѣрнѣе, оно наткнулось на слишкомъ прочную броню...

«Эти свѣдѣнія я получилъ отъ одного русскаго оффиціальнаго лица (sic!) и отъ моихъ личныхъ друзей, хорошо знающихъ московскій міръ.

«Любопытная и сложная личность Мамонтова имѣла для меня особую привлекательность. Когда я узналъ, что онъ прибылъ въ Парижъ, я далъ себѣ слово, что попытаюсь его увидать. Есть всегда нѣчто психологически поучительное въ лицезрѣніи и бесѣдѣ съ сильнымъ человѣкомъ, только что пострадавшимъ.

«Я увидалъ его вчера въ его помѣщеніи, въ гостинницѣ на улицѣ Клебѐръ. Это—человѣкъ лѣтъ около пятидесяти пяти, хорошо сложенный, бодрый и энергичный. Его голова лишена волосъ, но его эспаньолка едва серебрится сѣдиной, а умный и прямой взглядъ полонъ жизни и силы. Онъ встрѣтилъ меня съ улыбкой благосклонно-важной. Подобно всѣмъ просвѣщеннымъ Русскимъ, Мамонтовъ въ совершенствѣ говоритъ по-французски.

«Въ отвѣтъ на мою просьбу, онъ разсказалъ мнѣ подробно (все это хорошо извѣстно въ Россіи и я не буду здѣсь повторять) о своей карьерѣ труженика, о своихъ начинаніяхъ, о сдѣланныхъ имъ громадныхъ работахъ, о своихъ успѣхахъ, объ основанныхъ имъ обществахъ, о результатахъ его предпріятій, объ успѣхѣ въ теченіе тридцати лѣтъ, обогатившемъ столько людей... Все это сопровождалось нравственными (sic!) размышленіями и носило отпечатокъ славянской философіи, у которой, какъ извѣстно, покорность носитъ всѣ черты фатализма.

«— Мои враги,—говорилъ онъ мнѣ,—появились давно, я ихъ имѣлъ всегда. Меня уже пытались повалить, но я только тряхнулъ плечами, и они свалились въ грязь. Вотъ, какъ это было: умираетъ Чижовъ, завѣщая земству своей губерніи полтора милліона рублей въ акціяхъ Московско-Курской желѣзной дороги на устройство профессіональныхъ школъ. Такъ какъ я былъ душеприказчикомъ, то рѣшилъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію и хранилъ эти бумаги долгое время съ цѣлью, о которой вы сейчасъ узнаете.

«Земство выражало нетерпѣніе, требуя отъ меня чижовскіе капиталы, но я прикидывался глухимъ, посмѣиваясь надъ его торопливостью. Но объ этомъ узнали безчестные люди, которые рѣшили, что я чижовское наслѣдство растратилъ. Тогда земство обратилось съ ходатайствомъ къ императору Александру III, который передалъ объ этомъ г. Витте и тотъ потребовалъ отъ меня объясненій.

«На другой-же день я отправился въ Петербургъ съ распискою въ карманѣ, такъ какъ вы понимаете, конечно, что чижовскія бумаги ни на одну минуту не покидали кладовой банка. Только вмѣсто полутора милліоновъ, завѣщанныхъ благотворителемъ, я представилъ цѣлыхъ семь... ибо въ это время акціи Курской дороги, которую строили мы съ Чижовымъ и которая оказалась очень доходною, почти ушестерились въ цѣнѣ.

«Государь одобрилъ мои дѣйствія, но эти люди были очень удивлены, что я не выплатилъ имъ полутора милліона и не удержалъ акцій за собою. Можете судить объ ихъ честности!

«Но всякій дѣятель обреченъ на ошибки. Однажды и я сдѣлалъ ошибку. Привыкнувъ въ теченіе тридцати лѣтъ дѣйствовать какъ полный хозяинъ Московско-Архангельскаго общества, которое такъ сказать было дѣломъ моихъ рукъ и которое я обогатилъ, я позволилъ себѣ сдѣлать одну вещь, *повидимому*, (гмъ!) недозволенную: я помѣстилъ капиталы желѣзной дороги въ машиностроительный Невскій заводъ. Это было только ошибкой, но мои враги сдѣлали изъ этого преступленіе. Вотъ и все, милостивый государь. Честные московскіе присяжные дали всему надлежащую оцѣнку, оправдавъ меня безусловно. Однако,

въ теченіе девяти мѣсяцевъ я несъ наказаніе, которому подвергаются лишь плуты, мошенники и убійцы. Почти шесть мѣсяцевъ просидѣлъ я въ одиночномъ заключеніи, я, который никогда не воспользовался ни одной чужой копѣйкой.

«— Но скажите, какъ-же это могло случиться?

«— Молодые члены судебнаго вѣдомства, стремясь сдѣлать поскорѣе карьеру, дѣйствовали черезчуръ усердно; это скоро стало походить на преслѣдованіе... Да, эти счеты, можетъ-быть, слѣдовало бы пересмотрѣть...

Пропускаю сравненіе Мамонтова съ Авраамомъ Линкольномъ (risum teneatis) и продолжаю:

«Онъ покачалъ головой и пожалъ плечами съ величественнымъ презрѣніемъ человѣка, ворочавшаго милліонами и обвиняемаго въ такихъ пустякахъ.

«Я съ большимъ удивленіемъ слушалъ эту ясную и спокойную рѣчь человѣка о предметахъ, которые должны-бы были, казалось, его печалить или волновать. Но я еще болѣе былъ пораженъ, не найдя ни въ чертахъ его лица, ни въ глазахъ, ни во всей его фигурѣ никакого видимаго сколько-нибудь знака того страшнаго удара, который обрушился на него такъ жестоко среди полнаго расцвѣта его могущества и славы. Прекрасный цвѣтъ лица, энергическіе и даже смѣющіеся глаза и сознаніе силы, скрытое въ каждомъ его движеніи (вотъ она, гдѣ броня!) производили впечатлѣніе спокойной ясности и вовсе не при давали Мамонтову жалкаго и мелодраматическаго вида жертвы, какой мы, въ силу нашей фальшивой сантиментальности и непониманія законовъ нравственнаго сопротивленія, склонны считать вѣрнымъ признакомъ невиннаго и преслѣдуемаго.

«Я не могъ не высказать моему собесѣднику моего впечатлѣнія.

«Самымъ хладнокровнымъ образомъ, почти небрежно, этотъ сильный человѣкъ отвѣтилъ мнѣ тихимъ голосомъ:

«Теперь кончено. Я пережилъ всю горечь въ продолженіе пяти съ половиной мѣсяцевъ тюрьмы. О, тогда мои мысли о людяхъ были грустны, особенно о людской низости! Я понялъ также, до какой низкой зависти и вообще до какихъ подлостей можетъ довести честолюбіе и стремленіе къ деньгамъ и власти.

«При этихъ словахъ его спокойный дотолѣ голосъ словно волшебствомъ зазвучалъ съ необыкновенной силой. Мамонтовъ сказалъ:

«И затѣмъ я много думалъ также о радости *быть всегда честнымъ*, о томъ счастьѣ, которое въ горькія минуты жизни даетъ *чистая и спокойная совѣсть*... Вотъ, милостивый государь, что меня утѣшило, поддержало и въ концѣ-концовъ излѣчило.

«И живые глаза моего собесѣдника загорѣлись гордостью, изъ-за которой блеснула слеза глубокаго дальняго волненія. Онъ закончилъ:

«Это самое главное, могу сказать.

«Прощаясь, я спросилъ о его планахъ и предположеніяхъ. Онъ отвѣчалъ.

«— Я получилъ такъ много выраженій симпатіи послѣ выхода на свободу, столько дружескихъ предложеній, столько заманчивыхъ приглашеній со

стороны выдающихся людей, желавшихъ воспользоваться моей опытностью... Рѣшусь-ли я начинать съизнова? Не знаю, но это все равно... Больше всего я люблю искусство и всякое проявленіе художественной красоты. Искусство можетъ сдѣлать меня счастливымъ и этого счастья у меня никто не отниметъ...»

Вотъ эта замѣчательная статья. Я передалъ ее со всѣмъ тщаніемъ добросовѣстнаго историка, даже жертвуя кое-гдѣ языкомъ ради точности, потому что это въ самомъ дѣлѣ большой «человѣческій документъ», характеризующій далеко не одного нашего славнаго современника и соотечественника, интервьюированнаго рѣзвымъ французскимъ журналистомъ. Помилуйте, здѣсь, словно солнце въ малой каплѣ водъ, отразилась вся наша современность до франко-русскаго биржево-грюндерскаго альянса включительно...

Теперь подведемъ итоги и сдѣлаемъ маленькія фактическія поправки.

Итоги эти таковы:

Честность Мамонтова вошла въ пословицу.

Костромскіе земцы—безчестные люди.

Покупка паевъ Невскаго завода была «ошибкой».

Мамонтовъ не воспользовался ни одной чужой копѣйкой.

Чины судебнаго вѣдомства преслѣдовали Мамонтова въ цѣляхъ своей карьеры.

Совѣсть Мамонтова чиста и спокойна.

Вотъ, сколько драгоцѣнныхъ выводовъ для будущаго историка нашей эпохи. А теперь нѣсколько фактическихъ поправокъ.

Во-первыхъ, попалъ Мамонтовъ въ темницу вовсе не неожиданно. За нѣсколько мѣсяцевъ до этого состоялось заключеніе министра Юстиціи о возбужденіи противъ правленія Московско-Ярославско-Архангельской дороги судебнаго преслѣдованія за подложную отчетность по сооруженію Вологодско-Архангельской линіи, при чемъ было расхищено, или, какъ выражается оффиціальный документъ, былъ сдѣланъ перерасходъ въ $6^3/_4$ милліоновъ. Слѣдствіе по этому дѣлу закончено преданіемъ суду всего правленія названной дороги съ предсѣдателемъ, Мамонтовымъ, во главѣ. Дѣло это только еще будетъ слушаться на судѣ, какъ о томъ было сообщено на первомъ мамонтовскомъ процессѣ и помѣщено въ печатномъ отчетѣ. Объ отмѣнѣ этого дѣла или его прекращеніи *еще* объявлено не было.

Во-вторыхъ, акціи мамонтовскихъ предпріятій упали вовсе не послѣ заключенія Мамонтова въ тюрьму, а гораздо раньше, тотчасъ-же послѣ первыхъ статей «Русскаго Труда», когда явились подозрѣнія, вполнѣ подтвердившіяся, что капиталы мамонтовскихъ дѣлъ расхищены.

Въ-третьихъ, Мамонтовъ былъ душеприказчикомъ покойнаго Чижова отнюдь не одинъ. Его товарищами были очень извѣстные люди: покойный И. И. Масловъ, вице-президентъ Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства и бывшій управляющій Московскою Удѣльною Конторой и здравствующій А. Д. Полѣновъ. Только благодаря этому обстоятельству остатокъ чижовскаго капитала, за израс-

ходованіемъ его части на основаніе ряда учебныхъ заведеній, могъ среди всякихъ краховъ и расхищеній остаться цѣлымъ. Безъ подписи Полѣнова Мамонтовъ не могъ изъ Чижовскихъ денегъ взять ни копѣйки. Что за опасность грозила чижовскимъ капиталамъ, можетъ разсказать самъ А. Д. Полѣновъ, который былъ у меня наканунѣ появленія моей первой редакціонной статьи въ № 22 «Русскаго Труда» 1898 года (откуда собственно и началась «Мамонтовская Панама»); онъ статью эту читалъ въ корректурѣ и не рѣшился удерживать меня отъ ея помѣщенія, хотя зналъ отлично, что эта статья будетъ для Мамонтова своего рода могилой.

Вотъ *пока* все, что я могу сказать по поводу обѣленія Мамонтова посредствомъ неподкупныхъ и честныхъ французскихъ журналистовъ изъ «Фигаро».

Коммерческое шпіонство.

ПОМНИТЕ, у Щедрина въ «Благонамѣренныхъ рѣчахъ» блудливаго адвоката Балалайкина съ его таксой?

— За укорененіе въ недостаткѣ христіанскихъ добродѣтелей . . 20 к.

— То же, съ упоминаніемъ родителей . . . . 30 к.

Далѣе идутъ разные виды тѣлесныхъ озлобленій: поврежденіе мягкихъ частей, выбитіе зубовъ, вывихи конечностей и пр. и пр., при чемъ тарифъ послѣдовательно поднимался.

Это, конечно, фантазія, каррикатура. Но отъ этой каррикатуры совсѣмъ недалеко отошла недавно мнѣ доставленная прелюбопытная такса, которую ниже читатель найдетъ во всей ея неприкосновенности.

Такса эта печатная, въ видѣ листковъ, снизу у которыхъ обрѣзана полоска, заключавшая, очевидно, названіе типографіи, эту таксу печатавшей. Такъ, на всякій случай! Неровенъ часъ, попадетъ листокъ не въ надлежащія руки, поднимется скандалъ, чего добраго подведешь содержателя типографіи...

Съ этою таксою ходятъ по Москвѣ, заглядывая преимущественно въ крупные торговые дома и правленія разныхъ товариществъ и акціонерныхъ обществъ, юркіе Еврейчики, представители «Соединенныхъ справочно-комиссіонныхъ бюро князя И. К. Гедройца и Бернарда Берсона» въ Варшавѣ, на улицѣ Фоксаль, № 13 *).

Приходятъ господа представители въ торговый домъ или правленіе, вызываютъ шефа и между ними завязывается такой, примѣрно, разговоръ:

— Вотъ вы раздаете товаръ въ кредитъ и часто теряете ваши деньги, потому что не знаете кредитоспособности должника. Или принуждены отказы-

---

*) Этотъ адресъ напечатанъ на раздаваемыхъ конвертахъ.

вать въ кредитѣ вполнѣ благонадежному покупателю тоже потому, что его дѣлъ не знаете. Затѣмъ бываютъ у васъ взысканія и въ Россіи, въ дальнихъ городахъ, и за границей. Знакомыхъ адвокатовъ нѣтъ, нарочно посылать не стоитъ, и вы въ безпомощномъ положеніи...

— Что же вамъ угодно, милостивые государи?

— А вотъ, изволите видѣть, мы основали такое бюро, которое будетъ какъ-бы вашимъ интимнымъ представителемъ. Нужна вамъ справка о кредитоспособности любого купца въ Россіи или за границей—только черкните! Собирается вашъ кліэнтъ или должникъ въ трубу летѣть, мы вамъ заблаговременно предупрежденіе. Не хочетъ платить, или допустилъ какую-нибудь неблаговидную штуку—мы сейчасъ на него «нравственное давленіе». Наконецъ, выворотилъ онъ шубу и надо дѣйствовать судебнымъ порядкомъ—у насъ цѣлое войско адвокатовъ... Въ свою очередь и мы къ вамъ обратимся за справками о нашихъ московскихъ купцахъ, такъ ужь вы тоже не откажите...

— Это что́-же, значитъ, будетъ? Система взаимнаго шпіонства черезъ ваше посредство?

— Фэ, какія нехорошія слова! (Евреи ужасно не любятъ слова «шпіонъ»). Не шпіонство, а «наблюденіе», обмѣнъ услугъ. Самаго честнаго и благороднаго дѣла!

— Нѣтъ, знаете, ужь лучше не надо.

— Какъ не надо? Такое полезное предпріятіе, а вы «не надо»? Подумайте, мы еще разъ зайдемъ. А пока вотъ вамъ наша программа и условія.

Еврейчики раскланиваются, вручивъ собесѣднику нижеслѣдующій печатный листокъ, который я воспроизвожу буква въ букву.

УСЛОВІЯ.

Отдѣленіе I. Наблюдательно-остерегательное.

За веденіе наблюдательнаго производства относительно кліэнтовъ и должниковъ, со взаимными извѣщеніями и правомъ пользованія архивомъ I отдѣленія.

Члены платятъ:

48 р. годичнаго взноса со спискомъ кліэнтовъ.
36 „ „ „ безъ списка „

Отдѣленіе справочное.

За справки о солидности и кредитоспособности указанныхъ фирмъ взимается:

Съ членовъ:	Въ книжн. абонент. уплачено впередъ.
За справки о фирмѣ во всѣхъ мѣстностяхъ Имперіи	р. 1 к. 40
За справку о фирмѣ за границей	„ 2 „ —

Спеціальныя справки **) по соглашенію. Справки по телеграмм, по особому тарифу.

**) Напр., о бѣжавшихъ женахъ, мужьяхъ, обзаведшихся метрессами и т. п.

Отдѣленіе взыскное:

а) посредствомъ давленія.

За произведеніе нравственнаго давленія на должникѣ посредствомъ корреспонденціи.

Бюро взимаетъ:

3%	отъ суммы долга не превышающей	100 р.
2%	„ „ „ „ „	1000 „
1%	„ „ „ выше	1000 „

Примѣчаніе. При весьма крупныхъ суммахъ долга гонораръ по особому соглашенію.

За взысканіе по долговымъ обязательствамъ.

Бюро взимаетъ:

б) посредствомъ судебн. и экзек. мѣръ.

Отъ взысканной суммы въ г. С.-Петербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Вильнѣ 10—20%.

Отъ взысканной суммы въ предѣлахъ Имперіи Европейск. и Азіатск. 15%—20%—25%.

Конкурсныя и спорныя дѣла ведутся посредствомъ своихъ присяжныхъ повѣренныхъ по особому тарифу.

Адресъ для писемъ и телеграммъ. Варшава, Справочное Бюро, телефонъ № 1799.

Недурной гешефтъ обдумали соединенными силами потомокъ князя Гедимина кн. Гедройцъ и потомокъ премудраго царя Соломона господинъ Берсонъ. Имъ угодно получить, кромѣ личнаго сотрудничества первоклассныхъ нашихъ фирмъ въ достаточно кляузномъ дѣлѣ, еще 48 р. годичнаго взноса и по 1 р. 40 к.—2 р. за отдѣльную справку. Когда въ Москвѣ наберется 1,500 «членовъ», здѣсь откроется свое собственное отдѣленіе «Соединенныхъ бюро».

Если предположить, что на эту удочку гг. Москвичи поймаются и 1,500 чел. наивныхъ людей найдется, далѣе, если принять, что каждому кліэнту или «члену» потребуется въ годъ всего десять заграничныхъ и десять внутреннихъ справокъ, всего на сумму 20+14=34 рубля, то окажется, что господа историческіе союзники, польскій аристократъ и Еврей, «ясне освѣцоны ксіонже Гедройцъ» и просто вельможный панъ Берсонъ заработаютъ на одной Москвѣ 48+34 помноженное на 1,500 или 123 тысячи рублей. Кушъ порядочный.

А затѣмъ *они* двинутся въ Петербургъ, Кіевъ, *Харьковъ и другіе* большіе города, записывая на приходъ крупныя суммы и открывая свои отдѣленія, т.-е. опутывая Россію густою сѣтью коммерческаго шпіонства.

Я предвижу такого рода возраженіе.

— Что вы,—скажетъ иной читатель, знающій западную постановку торговли,—нападаете на бѣднаго польскаго князя и *его* Еврея? Вѣдь эти комиссіонно-справочныя бюро давнымъ давно существуютъ во всей Европѣ и Америкѣ и оказываютъ торговлѣ огромныя услуги. Намъ надо пожелать всякаго

успѣха гг. кн. Гедройцу и Берсону и похлопотать, чтобы они какъ можно скорѣе собрали нужныхъ имъ 1,500 кліэнтовъ и открыли отдѣленіе.

Все это я очень хорошо знаю. Такія бюро есть въ Европѣ и Америкѣ, но только, видите-ли, и тамъ уже начинаютъ догадываться, что рядомъ съ большими выгодами обнаружилось явленіе очень печальное. Самые главные виды торговли въ лицѣ крупнѣйшихъ и солиднѣйшихъ фирмъ мало-по-малу попали въ очень тяжелую и теперь совершенно неустранимую еврейскую кабалу.

Какимъ образомъ? Да очень просто. Вы стали «членомъ» фирмы, т.-е. пользуетесь ея справками и сами даете отвѣты на ея запросы. Въ первомъ «наблюдательно-остерегательномъ» отдѣленіи уже ведется надъ членами «наблюдательное производство». Морозовъ пишетъ про Баранова, Барановъ про Морозова, Вогау сообщаетъ о положеніи дѣлъ Кнопа, Кнопъ о дѣлахъ Вогау. Въ рукахъ того, кто стоитъ въ центрѣ дѣла, сосредоточиваются всѣ свѣдѣнія, всѣ нити. Господинъ Берсонъ незамѣтно пріобрѣтаетъ огромную власть и надъ Морозовыми, и надъ Барановыми, и надъ Кнопами, и надъ Вогау. Онъ даетъ имъ на весь міръ торговую аттестацію. Онъ дѣйствуетъ добросовѣстно и въ заблужденіе никого но вводитъ, потому что это былъ-бы плохой коммерческій расчетъ. Но, однако! Вамъ не жутко, вы спокойны, зная, что г. Берсонъ одной умѣло выданной справкой въ любую минуту можетъ васъ выпустить въ трубу? Вообразите себѣ такую, совершенно секретную и вполнѣ неуловимую справку.

«Дѣла такого-то, по слухамъ, начинаютъ портиться. Еще платитъ и дѣлаетъ большія закупки, но поговариваютъ о печальномъ концѣ».

Ну, вотъ, вы, фабрикантъ, получаете такую справку о вашемъ покупателѣ. Какъ-бы недовѣрчиво и осторожно вы ни относились къ кн. Гедройцу и господину Берсону, такая справка не можетъ пройти безслѣдно. Вы не имѣете никакихъ данныхъ, чтобы узнать правду. А правда здѣсь можетъ быть въ томъ, что Еврей *А* высаживаетъ своего конкуррента Русскаго или Поляка *Б*, а справочное бюро, какъ еврейское, помогаетъ своему соплеменнику.

Вотъ это-то центральное положеніе, это сосредоточеніе самыхъ важныхъ коммерческихъ тайнъ въ рукахъ бюро и создаетъ его хозяевамъ поистинѣ необъятную власть надъ тѣми самыми кліэнтами, которымъ бюро повидимому самымъ скромнымъ образомъ служитъ. А такъ какъ за подобныя дѣла вездѣ и всегда хватаются прежде всего Евреи, то этимъ путемъ постепенно создается еврейское міродержавство.

Міродержавство и... справки частной сыскной конторы! Сближеніе немножко смѣлое, долженъ сознаться, но вѣдь изъ множества дождевыхъ капель создаются бурные потоки и наводненія...

Говорятъ: такія бюро необходимы для торговли. Они есть повсюду въ Европѣ. Да мало-ли что есть въ Европѣ?

Возьмите хоть-бы тѣ-же большіе магазины, въ родѣ парижскихъ «Louvre», «Printemps», «Bon marché», «Belle jardinière» и пр. Читали-ли вы у Дрюмона исторію ихъ возникновенія и развитія? Она очень проста.

Въ старыя времена вся торговля была въ рукахъ французской буржуазіи, которая вела ее честно, мастерски, а главное, со вкусомъ. Начали въ торговлю протискиваться Евреи. Оказывается, публика ихъ магазины обѣгаетъ, какъ и вездѣ, предпочитая торговцевъ-Христіанъ. Что дѣлать?

Капитальный рынокъ Парижа Евреями былъ уже захваченъ и всякое гешефтмахерство процвѣтало. Организовать громадныя централизованныя торговыя предпріятія на акціяхъ было очень легко. И вотъ выбирается центральный пунктъ, воздвигается колоссальное зданіе, вербуется армія приказчиковъ и приказчицъ, закупается громадное количество всевозможныхъ товаровъ и открывается какой-нибудь «Bon marché» или «Grands magasins de Louvre».

Публика, которая не шла въ маленькіе еврейскіе магазины, валомъ валитъ въ эти громадныя залы, раскинувшіяся на нѣсколько верстъ, гдѣ можно заблудиться и потеряться среди изобилія всякихъ товаровъ и гдѣ сразу, не выходя изъ одного зданія, можно закупить всю одежду и домашнюю обстановку до послѣдней мелочи.

Покупатели обставлены необыкновенными удобствами. Выборъ товара облегченъ, цѣны вездѣ выставлены. Вамъ довольно сказать слово, товаръ упаковывается, и раньше, чѣмъ вы доѣхали домой, изящный экипажъ уже доставилъ вамъ вашу покупку со счетомъ. Мало того, въ самомъ магазинѣ васъ угощаютъ безплатно мазаграномъ, ликерами, мороженымъ, для вашего отдыха отдѣланъ изящный салонъ...

Въ результатѣ: за какихъ-нибудь десять лѣтъ со времени возникновенія первыхъ большихъ универсальныхъ магазиновъ, обанкрутилась чуть не вся парижская средняя торговля, именно та, которая была наиболѣе французской, составляла цвѣтъ и силу промышленнаго Парижа. Все было захвачено анонимными компаніями, почти вся администрація коихъ была еврейская. Очень скоро обнаружилось, что сталъ понижаться высокій вкусъ Французовъ, воцарилась экстравагантность и пестрота, и позади роскошныхъ внѣшнихъ декорацій установился самый пошлый шаблонъ.

Но это еще не все. Большіе магазины, монополизовавъ торговлю множествомъ видовъ мануфактурнаго и галантерейнаго товара, стали между собою въ стачку и начали жестоко тѣснить производителей и поставщиковъ. Для покупателей было достигнуто нѣкоторое удешевленіе, благодаря уменьшенію накладныхъ расходовъ, но вся промышленность Франціи попала въ кабалу. Евреи стали диктовать свои законы въ двухъ направленіяхъ. Занявъ мѣсто между производителемъ и потребителемъ и устранивъ конкурренцію, они оказались полными хозяевами промышленной и торговой Франціи, которая еще такъ недавно гордилась своею національною независимостью и стояла внѣ всякой конкурренціи въ цѣломъ мірѣ...

Неужели нужно къ тому-же стремиться и у насъ? А начало уже положено. Мюръ и Мерилизъ торгуютъ на славу. По всему городу снуютъ ихъ пестрые экипажи съ покупками. Крупныя мануфактуры, гоняясь за грошевыми бары-

шами, открываютъ розничныя отдѣленія. И у насъ торговая централизація начнетъ рѣзать средняго и маленькаго торговца...

Насколько это нужно и какой на этомъ пути совершается прогрессъ, легко усмотрѣть изъ сопоставленія того, что было, съ тѣмъ, что есть хотя-бы въ томъ-же Парижѣ.

Было нѣсколько тысячъ купцовъ, гражданъ своей земли, членовъ своего города. У нихъ на службѣ состояло нѣсколько десятковъ тысячъ приказчиковъ и служащихъ; между послѣдними и патронами, несмотря на всѣ строгости и неизбѣжную эксплуатацію труда, господствовали отношенія человѣческія, почти родственныя. Дѣло было живое и индивидуальное. Конкурренція заставляла изощряться во вкусѣ и во вниманіи къ покупателю. Множество промышленниковъ и ремесленниковъ-производителей, благодаря этой конкурренціи, сохраняли свою свободу и могли продать свой продуктъ въ тысячи мѣстъ. Были извѣстные нравственные устои.

Теперь: наверху—директора правленій и разные распорядители, всѣ сплошь анонимы, никому неизвѣстные, вѣчно остающіеся въ тѣни. Подъ ними обезличенная голодная масса служащихъ, едва половина тѣхъ, что работали раньше; вокругъ—закабаленные производители, едва вырабатывающіе на хлѣбъ, истинные рабы большихъ магазиновъ. Жизнь кончилась. Ее смѣнилъ мертвый механическій аппаратъ, управляетъ которымъ темный гешефтмахеръ Еврей, или подозрительный выходецъ иностранецъ, которымъ не до Франціи, ни до ея культуры, исторіи, прошлаго, традицій нѣтъ ровно никакого дѣла.

Угодно вамъ и нашу цивилизацію направить тѣмъ-же путемъ? Угодно, чтобы и у насъ водворились въ качествѣ хозяевъ Москвы и русской промышленности всякіе пришлые господа, нуждающіеся въ прикрытіи себя анонимомъ? Можете радоваться, все это уже началось не вчера и идетъ полнымъ ходомъ. Анонимные дома, анонимные магазины, фабрики, торговыя конторы, анонимныя издательскія фирмы и анонимныя газеты. Смотрите, въ концѣ концовъ и людей перенумеруютъ. Будутъ звать не Иванъ Ивановичъ, или Сидоръ Кондратьевичъ, а «нумеръ такой-то!» И проще...

Вотъ, куда завело насъ разсужденіе, начавшееся съ почти комическаго полуподпольнаго циркуляра князя Гедройца и его достойнаго компаніона Берсона. Не улыбайтесь, читатель, а намотайте себѣ крѣпко на усъ, что наши условія сравнительно съ «за-границей» иныя, что мы гораздо слабѣе въ борьбѣ съ напирающею на насъ чужою цивилизаціею, чѣмъ кто-бы то ни было. Во Франціи Евреямъ приходилось всю исторію, весь бытъ, все съ корнемъ выдергивать, мы это добровольно, безъ всякой борьбы сдѣлали сами. Тамъ имъ необходимо отвоевывать каждую пядь земли, здѣсь они берутъ все голыми руками.

Разумѣется, кн. Гедройцъ, Берсонъ и К°, съ ихъ геніальнымъ планомъ,—мелочь, и совсѣмъ не въ томъ дѣло, удастся или не удастся имъ уловить 1,500 фирмъ, взять 123 т. руб. въ годъ, открыть здѣсь отдѣленіе и начать шпіонить и забирать власть надъ русской промышленностью и торговлей. Сегодня не удастся имъ, завтра удастся другимъ. Вопросъ не въ этомъ частномъ

случаѣ, а въ томъ, поистинѣ страшномъ, обстоятельствѣ, что намъ вообще едва-ли удастся отстоять нашу промышленную и торговую самобытность, какъ не удалось отстоять самобытность культурную вообще. Смотрите еще такъ недавно было у насъ сословіе купцовъ хлѣбныхъ, льняныхъ, лѣсныхъ, чайныхъ, мучныхъ. Какія все были имена! Какъ широко и отвѣтственно вели дѣло! Ихъ смело словно вихремъ, и вмѣсто нихъ работаютъ въ тишинѣ разные подозрительные анонимы, преимущественно Евреи, а на станціяхъ дорогъ, по селамъ и городамъ снуютъ юркіе комиссіонеры, тоже Евреи. Нахваталъ вагонъ товару, сдалъ, документы заложилъ и безслѣдно исчезъ.

Этотъ процессъ обезличенія Россіи, упраздненія въ ней всего крупнаго, личнаго, историческаго, идетъ съ необыкновенною быстротой. Исчезаетъ старое дворянство, исчезаетъ именитое купечество, обезличиваются одно за другимъ крупныя промышленныя дѣла. Любопытно взглянуть, какъ будутъ поджигать свои магазины гг. Мюръ и Мерилизъ (да еще есть-ли они на свѣтѣ? Не тѣни-ли ихъ орудуютъ дѣломъ?) *) въ случаѣ нашествія новыхъ двадесяти языкъ, какъ поджигали свои дома и лавки наши предки въ 1812 году; изъ каких анонимныхъ членовъ правленія возстанетъ новый Кузьма Мининъ. Или, можетъ-быть, за него кликнутъ патріотическій кличъ россійскіе граждане новой формаціи, именитые господа Ротштейны, Бліохи и Поляковы? Только не будетъ-ли этотъ кличъ иной? Можетъ-быть, вмѣсто грознаго «продадимъ женъ и дѣтей за святую Русь» раздастся нѣчто совсѣмъ въ другомъ вкусѣ, напримѣръ:

«Господа! Берите билеты и давайте удирать».

---

*) Недавно кстати утвержденъ уставъ акціонернаго общества подъ этою фирмой. Анонимъ готовъ. *Авт.*

случаѣ, а въ томъ, поистинѣ страшномъ, обстоятельствѣ, что намъ вообще едва-ли удастся отстоять нашу промышленную и торговую самобытность, какъ не удалось отстоять самобытность культурную вообще. Смотрите еще такъ недавно было у насъ сословіе купцовъ хлѣбныхъ, льняныхъ, лѣсныхъ, чайныхъ, мучныхъ. Какія все были имена! Какъ широко и отвѣтственно вели дѣло! Ихъ смело словно вихремъ, и вмѣсто нихъ работаютъ въ тишинѣ разные подозрительные анонимы, преимущественно Евреи, а на станціяхъ дорогъ, по селамъ и городамъ снуютъ юркіе комиссіонеры, тоже Евреи. Нахваталъ вагонъ товару, сдалъ, документы заложилъ и безслѣдно исчезъ.

Этотъ процессъ обезличенія Россіи, упраздненія въ ней всего крупнаго, личнаго, историческаго, идетъ съ необыкновенною быстротой. Исчезаетъ старое дворянство, исчезаетъ именитое купечество, обезличиваются одно за другимъ крупныя промышленныя дѣла. Любопытно взглянуть, какъ будутъ поджигать свои магазины гг. Мюръ и Мерилизъ (да еще есть-ли они на свѣтѣ? Не тѣни-ли ихъ орудуютъ дѣломъ?)*) въ случаѣ нашествія новыхъ двадесяти языкъ, какъ поджигали свои дома и лавки наши предки въ 1812 году; изъ каких анонимныхъ членовъ правленія возстанетъ новый Кузьма召Мининъ. Или, можетъ-быть, за него кликнутъ патріотическій кличъ россійскіе граждане новой формаціи, именитые господа Ротштейны, Бліохи и Поляковы? Только не будетъ-ли этотъ кличъ иной? Можетъ-быть, вмѣсто грознаго «продадимъ женъ и дѣтей за святую Русь» раздастся нѣчто совсѣмъ въ другомъ вкусѣ, напримѣръ:

«Господа! Берите билеты и давайте удирать».

---

*) Недавно кстати утвержденъ уставъ акціонернаго общества подъ этою фирмой. Анонимъ готовъ. *Авт.*